М.С. ГРИГОРЬЕВ

ИСТОРИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Свидетельства участников и мирных жителей

Выпуск № 2

М.С. ГРИГОРЬЕВ

ИСТОРИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Свидетельства участников и мирных жителей

Выпуск № 2

Москва
«Вече»

УДК 344
ББК 67.408
Г83

Рецензенты:

Е.И. Пивовар — доктор исторических наук, профессор, академик РАН, заместитель академика-секретаря, руководитель секции истории Отделения историко-филологических наук РАН.

Ю.А. Петров — доктор исторических наук, член-корр. РАН, научный руководитель Института российской истории РАН.

Издание подготовлено при поддержке ПАО «Транснефть» и ее сотрудников — участников СВО.

Григорьев, М.С.

Г83 История специальной военной операции. Свидетельства участников и мирных жителей. Выпуск № 2 / М.С. Григорьев. — М.: Вече, 2026. — 480 с.

ISBN 978-5-4484-6260-3

Знак информационной продукции **16+**

Второй том издаваемой Центром истории СВО серии со свидетельствами участников специальной военной операции продолжает традиции «комиссии Минца», которая с 1941 года занималась сбором свидетельств участников Великой Отечественной войны, а также мирных граждан.

В данное издание вошла часть собранных на фронте свидетельств военнослужащих и добровольцев из Центра специального назначения беспилотных систем БАРС-Сармат, БАРС-20 «Транснефть», отряда спецназначения «Ахмат», а также мирных жителей исторических регионов. Издание предназначено как для специалистов-историков, так и для широкой читательской аудитории.

УДК 344
ББК 67.408

ISBN 978-5-4484-6260-3

© Григорьев М.С., 2026
© ООО «Издательство «Вече», 2026

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Эта книга является второй из издаваемой Центром истории СВО серии книг со свидетельствами и воспоминаниями участников специальной военной операции. Фактически речь идет о живых свидетельствах истории героизма и мужества защитников Отечества. Важнейший исторический характер носят и личные оценки тех жителей исторических регионов, которые откровенно говорят о том, в каких тяжелых условиях они жили на территориях под контролем Украины и как поменялась их жизнь к лучшему в составе России.

Серия книг «История СВО. Воспоминания участников» — это не просто исторические свидетельства. Это глубоко личный взгляд на происходящее, рассказ от первого лица о себе и окружающих. В том числе и о тех бойцах, кто взял в руки оружие, руководствуясь своей гражданской и нравственной позицией. Эти свидетельства — один из «ключей» к постижению русской души — в самом широком, многонациональном смысле этого слова.

Показательными являются мотивы участников СВО-добровольцев: *«Я пошел добровольцем в СВО в 2022 г. Пошел потому, что Родину надо защищать», «Я, как любой родитель, не хочу, чтобы ужасы войны коснулись моих детей. Я считаю, что эту работу надо сделать и тем самым обеспечить мирное будущее нашим детям», «Родственники с пониманием отнеслись к моему выбору. Я с родителями поговорил. Попросил их*

понять. Мой выбор уважать. И с пониманием отнеслись», «А пошел я в СВО потому, что не мог оставаться в стороне».

Особая благодарность участнику СВО, директору Центра истории СВО Максиму Сергеевичу Григорьеву, инициатору проекта «Хранить вечно», который организовал фиксацию воспоминаний участников специальной военной операции непосредственно на фронте. Эта масштабная работа является прямым продолжением традиций комиссии академика Минца, которая вела эту работу во время Великой Отечественной войны.

В собранных свидетельствах бойцы СВО не просто рассказывают о боях, они дают и глубокие оценки происходящего. В первой книге серии один из бойцов-добровольцев дал показательную оценку киевскому режиму: *«Украинская власть не думает о своем народе. Это власть, которая предала народ, предала свою веру».* Именно за то, чтобы эта режим, предавший собственный народ, не пытался накрыть своей коричневой чумой «Русский мир» и борется сейчас Россия.

Когда читаешь книги — воспоминания участников СВО — честь и гордость нашей страны, они находятся рядом с нами, а их свидетельства — бесценны.

Председатель
Комитета Государственной Думы
по международным делам
Л.Э. Слуцкий

Уважаемые читатели!

Перед вами — второй выпуск «Истории специальной военной операции». Это почти пятьсот страниц прямых свидетельств людей, которые создают новейшую историю России.

В сборник вошли интервью с бойцами подразделений «БАРС-Сармат», «БАРС-20», отряда «Ахмат» и других участников событий. Все записи сохранены без «олитературивания» и сглаживания — в них звучит живой, неискажённый голос фронта.

Выход этой книги — проявление важной государственной и культурной традиции. Центр истории специальной военной операции под руководством Максима Сергеевича Григорьева продолжает дело, начатое в нашей стране ещё в 1941 году, когда академик Исаак Израилевич Минц организовал сбор воспоминаний фронтовиков и очевидцев боёв. Спустя восемьдесят лет Центр ведет аналогичную работу, сохраняя память о подвиге современного поколения защитников.

Масштаб проекта огромен: уже собрано более тысячи свидетельств участников СВО, свыше 900 воспоминаний военнослужащих, возвращённых из плена, а также большой массив показаний мирных жителей. Эти материалы имеют не только историческую, но и юридическую ценность. С 2022 года более 1800 зафиксированных историй очевидцев переданы в Следственный комитет России и служат доказательной базой для Международного общественного трибунала по преступлениям украинских неонацистов. МИД

России использует их на площадках ООН и ОБСЕ. Включение Максима Григорьева в санкционные списки Евросоюза за эту деятельность — прямое подтверждение того, насколько важна и эффективна работа по фиксированию правды.

Дорогие друзья!

Со временем эти события войдут в учебники, по ним защитят диссертации и снимут фильмы. Но за сухими фактами всегда должны оставаться живые человеческие голоса. Настоящая история — это не только даты, но и личный опыт пережитого. От нас с вами зависит, какими наши дети и внуки увидят сегодняшние дни. Смогут ли они услышать тех, кто встал на защиту Родины, и понять, какой ценой давался этот выбор.

Благодарю Максима Сергеевича Григорьева и всю команду проекта за скрупулёзный труд по сохранению нашей национальной памяти.

Михаил Развожаев,
председатель комиссии
Государственного Совета Российской Федерации
по направлению «Культура и традиционные
духовно-нравственные ценности»,
губернатор Севастополя

ВСТУПЛЕНИЕ

29 августа 2026 года в ходе посещения Московского педагогического государственного университета Президент Российской Федерации В.В. Путин на встрече с учителями, студентами педагогических специальностей и учащимися педагогических классов назвал сохранение исторической памяти о специальной военной операции «благородной и очень важной, нужной и полезной» миссией.

Книга «История специальной военной операции. Воспоминания участников. Выпуск № 2» продолжает издаваемую Центром истории СВО серию.

В это издание вошли воспоминания и свидетельства о службе в Центре специального назначения беспилотных систем «БАРС-Сармат», БАРС-20 «Транснефть», отряда спецназначения «Ахмат».

О службе и боевой работе в ходе специальной военной операции рассказывают как командиры, так и рядовые бойцы. Это люди самого разного возраста, выходцы из разных регионов, с различной историей, образованием и сферой работы до участия в боевых действиях. Большинство из этих людей не говорят языком художественных романов или научных лекций, но их свидетельства обладают существенно более важным для истории значением — они сохраняют подлинную, достоверную и настоящую историческую память о специальной военной операции, идущую от первоисточников — непосредственных участников событий.

В книге читатели найдут подробное описание открытой части боевых операций, в ней рассказывают о своем личном боевом пути и боевом пути своих отрядов, рассказывают о проявлениях героизма своих сослуживцев, говорят о том, как им удается побеждать страх, и о многом другом в ходе СВО. Рассказывают они и о своем собственном жизненном пути, своих мотивах участия в специальной военной операции, отношении к этому своих семей и друзей. Дают они и свою оценку киевскому режиму, рассказывают о его преступлениях.

В издание также вошли свидетельства мирных жителей Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей. Это также продолжает традиции «комиссии академика Минца», которая фиксировала свидетельства не только участников боев, но и мирных жителей, побывавших в оккупации.

Даже в тех случаях, когда жители исторических регионов не являлись непосредственными пострадавшими или очевидцами военных преступлений киевского режима, они подробно рассказывают, как тяжело им жилось, когда их регионы были под временным контролем Украины. Жительница Донецкой Народной Республики рассказывает: «23 года я прожила на Украине, в которой процветало разворовывание народного имущества, росло влияние криминалитета, падал уровень жизни и сокращались социальные гарантии. Территория постепенно превращалась в колонию или полуколонию Запада. Шла дискриминация русского и русскоязычного населения. Украина принимала законы, запрещающие разговаривать на родном языке. Сносила наши памятники, переименовывала улицы, названные именами наших героев».

После воссоединения с Россией у них появилась возможность сравнить положение при Украине и в составе

Российской Федерации. Жители исторических регионов прямо говорят о том, как возросли пенсии и заработные платы, многократно улучшилась медицина, начались ремонты городов, дорог, школ, вузов. Показательно мнение сотрудника культурного центра из Херсонской области о том, что пенсионеры сейчас «могут позволить себе заплатить за коммунальные услуги, покупать продукты питания, какие они не могли позволить себе при Украине. Больно так, обидно, когда при Украине они не могли позволить себе нормальное питание. На рынке видела, как они покупают те косточки, которые предназначены для животных. Сейчас я замечаю, что они могут себе позволить купить и сыра, и колбасы. Пенсионеры стали достойно жить. И я горжусь этим. Раньше при Украине их ставили на колени, люди, которые работали по 40—45 лет, получали минимальную пенсию».

Для многих из жителей этих регионов единственной возможностью для заработка при Украине был отъезд на тяжелые, неквалифицированные работы в страны ЕС. Показательна история жительницы Запорожской области: «При Украине работала в Польше не от хорошей жизни. Мне надо было помочь детям — у меня трое детей, внуки. Но Польша отразилась на моем здоровье очень сильно, здоровье мое подорвано, потому что работали по 12 часов, ночные смены. Я работала по 12 часов в Польше пять лет. Жили в хостеле, по 8 человек в комнате. Я работала на производстве колбасных изделий в холодном цеху, где минус 10, поднимала тяжести. Сейчас страдаю и варикозом, и всем, чем можно. После объединения с Россией я работаю в Запорожской области, у меня есть стабильная работа, у меня есть стабильная зарплата. Я могу помочь детям, внукам. Я на данный момент, в свои 52 года, здесь, при России, уже заработала на машину».

Молодежь рассказывает о том, что при Украине «поступить в высшие учебные заведения, на бюджет было практически невозможно. Либо давать взятку и поступать на бюджет, либо платить как контрактник. А многим семьям это было недоступно, многие не могли оплатить контракт либо же дать большую взятку... Пробиться было очень тяжело. Многие здесь из украинской власти считали обычных людей как бы низшим слоем общества, который способен только руками работать, а головой особо не способен ничего». Студент из Запорожской области рассказывает: «Учусь бесплатно, такая возможность появилась только после прихода в Российскую Федерацию, потому что при Украине не было возможности — это все было платно. Я пробовал поступить, но очень много денег просили за это. Сейчас бесплатно полностью поступил, вообще без каких-либо проблем. Получаю образование».

В настоящее время Центром истории СВО собраны воспоминания более тысячи двухсот участников СВО непосредственно в районах боевых действий, более тысячи российских военнослужащих, освобожденных из украинского плена, а общее количество свидетельств, включая пострадавших и очевидцев украинских военных преступлений, которые собирает Международный общественный трибунал по преступлениям украинских неонацистов, превышает четыре тысячи. Уже сейчас значительная часть этих материалов передана в российские государственные архивы на вечное или бессрочное хранение и доступна для историков.

Директор Центра истории СВО,
председатель Международного общественного
трибунала по преступлениям украинских неонацистов,
участник специальной военной операции М.С. Григорьев

БАРС-САРМАТ

Д.О. Рогозин, начальник Центра специального назначения беспилотных систем БАРС-Сармат Воздушно-десантных войск, член Совета Федерации ФС РФ

Большую часть времени я провожу в Запорожской области. В Москве сейчас нахожусь в командировке, а завтра возвращаюсь обратно на фронт.

Наш Центр специального назначения беспилотных систем является уникальным, в каком-то смысле даже экспериментальным с учетом его гибкого штата, который мы можем менять исходя из изменения тактической или военно-технической обстановки. Он задает некий тон в развитии Вооруженных сил. Появился он два года назад. Тогда я его согласовал с министром обороны Андреем Рэмовичем Белоусовым. Согласовал свое участие и с Валентиной Ивановной Матвиенко, потому что, понятно, мне, как сенатору, нужно было получить добро.

БАРС-Сармат создавался как подразделение для проведения боевой апробации инициативных разработок коллективов российского оборонно-промышленного комплекса и народного ВПК. На тот момент мы занимались в течение четырех месяцев боевой апробацией, а с 1 января 2025 года приступили непосредственно

к боевой работе. Сейчас мы являемся подразделением бригадного состава. Мы ведем текущую боевую работу, прикрывая штурмовые действия воздушно-десантных и армейских подразделений. Работаем мы в составе группировки «Днепр». Эта группировка самая мощная по количеству войск и, самое главное, по количеству километров фронта. Смотрите, это весь левый берег Днепра, Запорожская, Херсонская часть, это север Запорожской области, где фронт наиболее напряженный. И защита Крыма тоже является зоной нашей ответственности. Мы входим в ее состав.

Наш Центр спецназначения подчиняется непосредственно командующему группировкой «Днепр», командующему Воздушно-десантными войсками Герою России Михаилу Юрьевичу Теплинскому. Мы выполняем особо важные задачи по прикрытию отдельных участков фронта. Нас высаживают там, где надо усилить позиции войск. В основном мы состоим из операторов беспилотных летательных аппаратов, операторов роботизированных наземных комплексов, безэкипажных катеров. Мы занимаемся и водой по понятной причине — это Днепр и Черное море. Соответственно, у нас есть целый батальон военно-технический, который собрал в своем составе целую дюжину докторов наук, не считая просто высококвалифицированных инженеров, конструкторов.

Мы взаимодействуем со всеми ведущими предприятиями оборонно-промышленного комплекса напрямую под эгидой военно-промышленной комиссии, которую я имел честь в свое время возглавлять. В этом плане мы никаких контактов не растеряли, наоборот, их приумножаем. Сейчас основной акцент нашей работы — это противодействие беспилотным летательным аппаратам противника, которые пытаются поразить объекты дале-

ко у нас в тылу. Противник пытается изолировать уже не только зону боевых действий, а уже зону гражданской жизни — и Крыма, и Запорожской области, и ДНР, и Херсонской, и так далее. Поэтому мы их сбиваем, учимся сами и учим других, как это делать.

Все бойцы, которые находятся у нас, неважно, где они работают: в тыловых подразделениях, научно-технических или обеспечивающих, или связь, или это непосредственно боевые подразделения, которые находятся непосредственно в серой зоне или на линии боевого соприкосновения, — они все герои.

У нас очень высокий фильтр отбора. Мы не берем с улицы никого. Часто даже нетерпеливые люди обижаются на нас. Иногда мы ошибаемся в людях, такое тоже бывает. Например, мы четырежды отказывали одному гражданскому человеку, молодому парню, который работал в одном из министерств чиновником. В итоге все-таки я его взял. А сейчас он у меня командир одного из подразделений. Оказался совершенно уникальный, высококомпетентный, мотивированный человек, который быстро всему научился, и уважаемый комбат. Такое бывает. Признаюсь, что такие бывали у нас ошибки. Хочется отбирать людей с боевым опытом, чтобы не тратить время на их подготовку. А потом выясняешь, что или люди возрастные вдруг показывают себя уникальным образом, или совсем сопливая молодежь, которая демонстрирует свои героические и профессиональные навыки. Например, когда мы приступили к боевой работе, у нас была каждый день куча сожженных единиц техники противника. Даже командующий нас стал называть геймерами. Где эти геймеры? Быстро этих геймеров давай.

Действительно, молодежь очень быстро осваивает эту технику. Молодежь с мобильными телефонами

растет, с компьютерами. Одно дело — учить медведя на велосипеде в цирке ездить. Тоже можно учить, мне это знакомо по собственному опыту. Я тоже учился, я тоже прошел курс обучения на всех, чтобы просто понимать, в чем смысл.

А экзамены мы у всех принимаем на ЛБС. Это правило такое у нас. И командир всегда присутствует при этом. Это важно, потому что он должен понимать, с чем непосредственно сталкиваются его бойцы. Какие угрозы, какие тактические приемы должны быть. Мы это все обсуждаем с операторами регулярно. Когда я учился, мне было непросто, а я являюсь пилотом вертолета. И байкером тоже. Навыки и моторика у меня не растерялись. Но для молодежи все это быстрее.

Я очень горжусь тем, что у нас есть уникальные молодые пилоты, которые заходили или после школы, или после суворовского училища. Все они уже с госнаградами. Они уже пилоты-инструкторы, которые готовят новое пополнение.

При этом хочу сказать, что старички, как говорил Терминатор, старые, но не бесполезные. Вот я про себя так говорю. Приходится выдерживать большие физические нагрузки. А однажды в 2023 году, когда был контрнаступ — это еще до создания БАРС-Сармата, — я много интересного на фронте видел. Например, начинается контрнаступ, первый мощный удар, артобстрелы идут, хохлы окопы с землей сравняли. Все там измельчено, мелкодисперсный порошок. И вдруг смотрю — какой-то островок сопротивления. Вот на наших глазах, в бинокль смотрим, а они там стреляют из всего, танк один подбили, БМП подбили, ПТУРами кого-то заптурили. Что это за герои такие? Наступили сумерки, разведчики туда подползли, а там два таких деда. Оба уже внуков имеют. А мы их спрашиваем: «Вы почему

не отступали?» Они говорят: «Молодой человек, ноги болят». Представляете? Вот это меня тоже так поразило. Из 11-го БАРСа. Уникальные, конечно, ребята. Вот такие тоже бывают случаи.

Однажды из ПВД во время контрнаступа выезжали с передовой в Нестерянке, выезжали ночью. Это перед Новым годом было, на 24-й год, декабрь. Дрон-детектор перестал свистеть. Вроде как будто никого нет. Сели в машину. Это была, по-моему, трехдверная «Нива». Командир БАРСа «Родина» «Дядька» как раз за рулем был. Я справа, сзади два бойца. И звук «Бабы-Яги». Она прямо над нами шла, готовилась к сбросу. Мы без фар ехали, но с подфарниками красного цвета. Увидели яму. Я говорю: «Дядька», притормози». Он притормозил, и перед нами как раз упало.

Так оно на фронте часто бывает. Кому-то везет, а кому-то не везет. Кому-то совсем не везет. Даже в тыловой зоне. Но сейчас, знаете, понимания тыловой зоны нет практически никакой. Сейчас 40—50 километров — это зона уже гуляния FPV противников, в том числе на оптоволокне. А вот 150 километров — это ночные налеты лютых «Хорнетов» и прочей всякой дряни.

Из интересного я расскажу о работе оператора нашего с позывным «Футболист» на дроне КВН. Мы сели на хвост, вычисляли, искали заместителя командира украинского полка «Люфтваффе». А позывной у него тоже такой характерный — «Геринг».

У них какая-то инспекция была, мы получили данные, что будет инспекционная поездка по радиоперехвату, и следили. И в момент, когда он приехал, он приехал на БМВ, на пятерке, скоростная машина. Мы устроили засаду и понеслись за ним. Понятно, что по проселочной дороге, конечно, он ехал быстрее, чем может лететь дрон на оптоволокне. Один оператор, а вокруг группа,

я бы сказал так, бэк-вокала, включая меня. Визг стоял такой на весь блиндаж: «Давай!» Догнали, уничтожили. Я думаю, на той стороне несколько тысяч врагов уничтожили уже за это время.

Безусловно, там, где у нас есть информация и есть возможность достать их, мы, конечно, их достаем. Нам вряд ли в нынешней ситуации удастся захватить, только уничтожить. Каждый преступник должен понимать: как только мы ее установили, он должен ходить и смотреть себе под ноги. Ну и конечно, головой вертеть на 360 градусов. Потому что, если он окажется в поле нашего внимания и рука наша сможет достать, конечно, мы его уничтожим, естественно, без вопросов. Даже сомневаться не будем.

А их техники подбитой САРМАТом один «Абрамс» был американский, Т-72, Т-64, САУ самые разные, «Акации», «Три Топора» взяли как-то, много БМП, БМД, «Брэдли», какие-то шведские БМП бронированные тоже долбанули. У нас несколько сот единиц техники побито.

В районе Новогоровки — Васильевки за год мы вместе с ребятами, с бойцами зенитных расчетов 7-й гвардейской десантно-штурмовой дивизии, уничтожили более двух тысяч украинских дронов. Это не маленькие, а это большие — ударные, разведывательные.

У противника идет эскалация, наращивание технологических возможностей. Это совершенно очевидно. Потому что мы столкнулись в части БПЛА со всеми высокотехнологичными странами мира. И Украина сама рукастая в части инженерных возможностей. Это и в советское время так было. 20% советского ВПК находилось в Днепропетровске, Николаеве, Запорожье, Харькове, Киеве. У меня отец был старший военпред на «Мотор-Сиче» в Запорожье. Каждое лето меня маль-

чиком привозили туда. Потом в Киеве отец работал на Антоновском заводе. Я очень хорошо знаю многих из тех, кто сейчас на той стороне. Например, у меня много людей с фамилиями на «о», на «чук» и так далее. А на той стороне — там Федоровы, Ивановы... Сырский с Владимира. Я это к чему говорю? К тому, что вопрос здесь не в крови, а вопрос в мировоззрении, в воспитании.

БПЛА противника наращивает за три месяца дальность полетов примерно на 350—400 километров. Это надо исходить из этого. В будущем они будут летать на скоростях, превышающих где-то 500 километров в час. Использует ускорители. Скорее всего, будут идти на скоростях на обычном ДВС, а потом перед ударом ускоряться.

А делать из будут везде. Вот «Хорнет», например, который сейчас представляет значительную угрозу на трассах и бьет бензовозы, — это аппарат, который создан коллективом под управлением одного из руководителей Google. Там Palantir работает в полный рост. Все ведущие компании, которые занимаются искусственным интеллектом, нейронными сетями, они все на стороне противника. На финальном участке нейронная сеть, так называемая библиотека целей. Когда он вас захватил уже и оператор подтвердил, что цель, оператор все равно должен подтвердить цель. Оператор там присутствует. У меня был момент, когда «Хорнет» за нами увязался, но мы оказывали сопротивление ему. И он отошел в сторону, понял, что, скорее всего, мы его собьем, зачем ему терять машину, и он пошел за другой, более беззащитной целью. Сам искусственный интеллект не может это делать. Оператор может остановить программу захвата цели.

А подход к цели у украинского дрона может осуществляться по инерциальной системе, но она

не очень точная. Это может быть захват по симкам. Допустим, на северо-запад, когда они атакуют, они привязываются к вышкам Латвии, Эстонии, даже Белоруссии. То есть там, где нет отключения. То есть на 100 километрах они вполне могут управляться. Есть геоподложка, есть заложенная карта. Тяжелые дроны, которые к нам идут, могут сначала идти в автоматическом режиме. То есть по полетному заданию, то есть по расположению местности. Он идет, видит. Дрон летит, он видит что? Он видит, допустим, излучину реки или там кромку леса. Он узнает это в той карте, которая у него заложена. Он по ней ориентируется. Все дроны, которые летают у нас, по крайней мере у нас в Запорожской области, они обычно идут по каким-то ориентирам. Например, мелиоративный канал. Вот он над ним идет. Высота, как правило, очень небольшая — 10—30 метров, с тем чтобы наши радиолокационные станции их не захватывали. То есть прям стелется над землей.

А противодействовать им надо комплексно. Первое — надо его обнаружить. Во-вторых, надо его увидеть. В-третьих, навестись. Обнаружить их мы можем с помощью радиотехнической разведки. И даже не только на 200—300, на 500 километров. Их подтягивать близко к фронту нельзя — они будут уничтожены. Но, находясь на оттяжке, например, на километров 250, имея радиус действия не менее 500 километров, мы на приличном расстоянии сразу можем увидеть подход цели в режиме реального времени. Дальше работают радиолокационные станции. Они должны увидеть квадрат, курс, курсовую скорость и высоту. Четыре параметра.

Вместе с РЛС средства разведки определяют, что именно летит конкретно, какого плана: ударник или разведчик, смешанного типа, самолетного типа или

коптерного. Какие скорости, то есть куда он летит. То есть примерно уже понимаем, где его встречать. Дальше, соответственно, средства перехвата. Сначала дальнего действия. Это могут быть армейская авиация, фронтовая авиация с помощью ракет «воздух — воздух». Это может быть легкомоторная авиация с помощью дронов-перехватчиков или стрелкового оружия. Дальше стационарные средства. Они должны быть привязаны к радиолокационным станциям. Надо оператору совместить две точки: точку противника и твою точку, которую ты должен приблизить таранным ударом или самоподрывом, уничтожить эту цель. Ну и последнее средство — это мобильные огневые группы. Но они эффективны только тогда, когда на них летит что-то. То есть когда они защищают какой-то объект. У нас в подразделении есть несколько десятков мобильных огневых групп. Они вполне успешно справляются с задачей не тогда, когда мимо них что-то летит, а когда на них летит. Когда они стоят на важном объекте и приближающаяся цель попадает им в прицел, с высокой степенью вероятности она может быть уничтожена.

Сейчас из всего перехваченного БПЛА противника дрон против дрона примерно 18%. Примерно 10% — мобильные огневые группы. Все остальное — это классическое ПВО: зенитно-ракетные комплексы, пушечные ракетные комплексы, «Торы», «Буки». Но у них, извините, ракета стоит миллионы или десятки миллионов рублей, а дрон-перехватчик стоит меньше 200 тысяч рублей. И поражает сложный конструктив БПЛА противника, дальнобойного дрона. Дрон-перехватчик есть и на 15 километров. На всю дальность работы радиолокационной станции. Они разные есть: ракетного типа, самолетного типа, коптерного типа.

Мы сами делаем ракетного типа перехватчики. У них скорость выше 300 км/ч.

Если компактные дроны-перехватчики, у них небольшие крылья, они не опираются на воздушный поток. Соответственно, у них идет быстрая разрядка аккумуляторной батареи. И мы бьем, грубо говоря, на 2 километра. Если речь идет о большом крупном дроне, Х-образной формы, перехватчике, то он может и 10—12 километров пролететь. Если это самолет, он вообще может барражировать в воздухе, ждать цель. Есть разные технические средства и разные тактики.

Я считаю, что сейчас надо поднимать народ на защиту. Опираться на классические средства ПВО невозможно. Дело даже не в деньгах. Даже если их можно было бы с неба получить, не хватит мощностей. Надо всю экономику переводить на изготовление этих ракет. А противник же как делает? Он же наносит концентрированный удар. То есть мы, допустим, изготовили условно 100 ракет в день, например, и мы эти 100 ракет должны по всей стране распределить, а он ударит в одну точку, где он перегрузит сразу всю ПВО. Поэтому здесь крайне важно сегодня и желание предпринимателей защитить свои объекты, иначе они просто разорятся. Губернаторы должны участвовать. Уже много где долетает. Их же спросят: «Что он сделал для защиты своего региона, своего населения?» Я сейчас каждый день провожу встречи с теми, кто прозрел, кто понял... Мы обучаем их людей, в учебный центр их забираем.

Кстати, если сравнивать спортсменов-стрелков и фронтовиков, когда в вас стреляют, это совершенно другая история. Конечно. В чем разница наших бойцов и бойцов вот этих спортсменов тыловых, на которых я смотрю с большим скепсисом? Они без фронтовой

подготовки — ничто. Разница в одном: мои ребята, они гоняются за дронами, а не бегают от них, понимаете? Они ищут. Наши бойцы смотрят на дроны как на ужин. Потому что он его сейчас собьет, он 100 тысяч рублей сейчас заработает и купит жене что-то, а что-то сынишке, там, дочке. У меня есть ребята, которые за неделю заработали миллион 700 тысяч рублей. Поэтому я еще раз говорю, если те, кто защищает тыловые объекты, Москву, Петербург в том числе, не будут проходить регулярно практику на фронте, где в нас летит каждый день вот это вот все, они будут бесполезны.

Чтобы защищать объекты от дронов противника, надо набирать людей — резервистов или местных бойцов региональных. Надо этих людей обучать. Надо покупать радиолокационные станции. Надо обучать людей на БПЛА-перехватчики.

В чем еще выгоднее использовать дроны-перехватчики, чем, скажем, огнестрельное оружие? Вы стреляете по дрону, у вас куда потом очередь уходит? И куда полетела 12,7, например, пуля? Вы уверены, что никого не убьете там из своих, да? У нас должны быть секторы четкие, чтобы не поранить гражданское население. А в тылу? А если беспилотник? Если ты промахнулся по дрону противника, у тебя есть кнопка самоподрыва. Что до земли долетит? Да ничего — пара сломанных винтов. Это безопасно с точки зрения того, чтобы не пострадало гражданское население.

С точки зрения производства, по моему мнению, должно быть отдельное федеральное ведомство, которое должно отвечать за развитие беспилотных систем и робототехники, а также, возможно, еще и этой части искусственного интеллекта.

Сейчас многие отдельные образцы рождаются не благодаря высоким дядям, а благодаря тому, что

у нас есть талантливые люди, которые инициативно, понимая, что необходимо фронту, это пытаются сделать.

Командир расчета FPV, Центр специального назначения беспилотных систем БАРС-Сармат, позывной «Кипчак»

Мое направление — FPV-дроны на оптоволокне КВН. Добровольцем я уже служу полтора года, с сентября 2024 года. Мы были первым потоком, кто зашел в БАРС-Сармат.

Еще начиная с обучения в Московском суворовском училище мне закладывали понятия о Родине, о служении Отечеству. Потом занимался волонтерством, все хотел помочь стране. А после курского вторжения противника я одним из первых отправился на Курщину, в Курск, помогал там мирному населению, оказывал гуманитарную помощь, а после принял решение вместе со своими товарищами с одного выпуска, московскими суворовцами, отправиться на фронт.

А родился я в Республике Дагестан, город Махачкала, а по национальности я — кумык. После переехал в Москву, поступил в суворовское училище. Поступал я по рассказам своего прадеда. Он у меня награжден орденом Суворова третьей степени. И поступил именно благодаря тому, что он мне рассказывал, наставлял все детство.

А на парадах на Красной площади я был знаменосцем, возглавлял коробку московских суворовцев и после поступил в гражданское, в финансовый университет. Но так или иначе, меня все терзало, корило, как-то так — война идет, а я иду по, так сказать, гражданской сфере. И попал сюда, в БАРС-Сармат.

Если брать именно круг людей, мне близких, моих родных, многие были, конечно, шокированы моим решением: у тебя вот в разгаре учеба, первый курс. Но я принял решение. А мой отец сразу мне сказал: «Делай так, как знаешь. Ты мужчина, ты вырос среди мужчин, делай так, как знаешь». А мама мне сказала: «В любой ситуации, в которую бы ты ни попал на войне, помни, откуда ты, какая у тебя фамилия и что ты за собой несешь. Поэтому держи, как говорится, всегда планку».

Из боевых заданий мне запомнилось, как меня высадили 31 декабря с 2024 по 2025 год к ребятам в блиндаж. Мы там накрыли стол, покушали, праздновали Новый год и начали работать. Мы тогда приехали с оптоволоконными птицами, они были вообще первыми на Запорожском фронте. Наш расчет был первым расчетом оптоволокна на Запорожском фронте. Я как сейчас помню, все ребята как на диковинку сбежались к нам в посадку: «О, что это такое?» И первая цель наша — это был тяжелый пулемет «браунинг». Вот я как сейчас помню, прямо залетели в их гнездышко, увидели этот пулемет, и пошла наша боевая работа.

Начали мы с пулемета, а потом штурм — Малые и Большие Щербаки. Нам удалось подбить два танка — Т-64АБ и Т-72, за что я был представлен и награжден медалью «За отвагу».

За день до уничтожения техники мы выходили с моим товарищем, позывной «Фрунзик». Это армянин, 55 лет ему, он у меня был командиром. Я ему говорю: «Фрунзик», пожалуйста, братское сердце, не выходи в сланцах на подвоз». «Да я на войне с 2022 года», — говорит. Вышел он в сланцах на подвоз, за нами «птица», он поскальзывается и ломает ногу в трех местах. Я его оттащил в блиндаж. «Птицы» там, и получается, а еще

«Мавик» висит. Я его в блиндаж оттащил. Думаю, что делать. Ребята как раз только подъехали наши. Второй расчет, кто приехал на усиление. Я говорю: «Давай его на АК-12 сажаем. С двух сторон возьмем АК-12 и до блиндажа нашего». Мы его дотащили до блиндажа, наложили ему шину. Даже по видеосвязи вышли с нашими медиками, они нам все рассказали. И на следующий день в таком состоянии мой командир расчета «Фрунзик» сумел меня довести до цели. Я поразил танк.

Он же как штурман был и вел меня по картам. Я же сам не мог пройти на тот или иной участок местности. Мы тогда еще не особо знали местность. И по картам вели... Мы два метра от земли шли. Получается, шли как человек. И нужно там считать посадки, перекрестки, дороги эти все. Это такая сложная работа штурмана. И он меня провел, и мы поразили танк. Это вот я как сейчас помню — Т-72. Поражали его «морковкой». Все гранаты были ПГ-7Л.

Танк противника был полностью закрыт сетями, полностью. Мы его открыли осколочно-фугасными, а потом, так сказать, добили его «морковками». Нам удалось сделать так, чтобы он вспыхнул. И он вспыхнул у нас. И мы его добили. Девять «морковок». Командир говорит: «Пока ты его не зажжешь, ты оттуда не вылезешь». Я такой: «Все», — принял. И все, что у меня было из запасов использовал. Ну и ребята помогли, кто рядом стоял. Этот танк записали на нас.

Сначала мы ударили его в каток. Второе, мы ударили его в моторную часть. И все остальные семь штук мы отправили под башню. Загорелась активная броня, все резинки, которые находились там. Ну и добралось все и до БК.

А когда по Т-64 били, мы ударили под башню тремя КВН. Там было две ПГ-7 и одна ПГ-9. Такая усилен-

ная. Загорелась активная броня. И активная броня схватила, видать, резинки, которые также были под башней. И ПГ-9 сделала свое дело. Она пробралась до БК. И танк вспыхнул. Сначала пошла черная дымка. Получается, на 72-й ушло девять «морковок». А на 64-й украинский ушло три.

Противник у нас достаточно умный, подлый в плане боевых действий и очень быстро учится. Любое новое, что мы используем, он на это находит ответ. На него работает огромное количество технических лабораторий, не только его, но и НАТО. И поэтому достаточно у них идут быстро применение и ответный удар в нашу сторону. Причем иногда бывает даже нашими же методами.

Однозначно надо использовать опыт противника. Вся война в принципе — театр боевых действий, он строится на перенятии боевого опыта противника нами или ими нашего опыта. И учиться у них — это, конечно, необходимо. Это то, что должно быть.

Нам нужно комплексное применение ударов БПЛА, то есть бить по одному — это 2022—2023 годы. То есть один оператор в поле — это уже все изжило. Сейчас 3, 4, 5, 9 расчетов смогут сделать картину. Один расчет, он ничего не сможет показать. Поэтому комплексное применение БПЛА — это будущее театра боевых действий. То есть когда на передке стоит условно не один расчет КВН, а четыре. И первый открывает дверь подвала, второй туда залетает с термобарической смесью, которая там с Цельсием 3000 градусов. Противник выходит, а третий ждет на ножках, он вышел, и третий его. Поэтому должно быть три, это может делать один расчет. Подход к цели 15—12 минут. Это время большое. А вся операция будет длиться ну максимум 5 минут. Первый ударил, второй зашел, третий ждет на ножках. То есть это комплексный удар только поможет.

Например, на один дзот — хорошо укрепленный, забетонированный — мы туда потратим дронов 15, что будет неразумно и нелогично. Я тогда связываюсь с ребятами, нашими же сарматовскими «молниеносцами», которые стоят на удалении 15 километров. Они несут от 6 до 8 килограммов взывчатки. Говорю: «Ребят, сможете 9—8 килограмм запустить в этот дзот?» Они: «Да без проблем». Туда ушатали четыре борта. Они его раскрыли, а мы потом уже как хирурги начали работать по всем дырочкам, которые они нам смогли открыть. Нам удалось противника зажигательной смесью оттуда вытащить. Весь расчет вытащили, и они бежали по дорожке, а мы их потихонечку-потихонечку... Кстати, «Молнии» отработали, но не все долетели. Они запускали шесть бортов. Два борта заглушили, а четыре долетели. И потом, получается, начали работать мы.

А противник — подлый. Вы, наверное, ни в одном нашем большом телеграм-канале не увидите то, как мы издеваемся над мертвыми людьми, над мертвыми солдатами. Какой бы он ни был солдат, если он умер, он солдат. Он выполнял какую-то задачу от своего командования. Так же, как и наши ребята. Они выполняют задачу. И вы не увидите никогда, как мы снимаем на камеру дрона, как мы уже мертвого человека сжигаем, как мы мертвого человека добиваем. Когда все, он уже разлагается там, а украинцы там по голове, по ногам, по рукам еще как-то бьют... Но это же, это я не знаю, как назвать, это же ублюдки, по-другому их не назовешь.

Я прекрасно помню, как нам ставили задачу, что нам необходимо планомерно уничтожать всех мадьяровских броуди, вот этих вот ублюдков. Они — первая наша цель. Первая, на кого мы охотимся, — это именно мадьяры.

Когда я залетал в украинские расчеты БПЛА, в их блиндажи, я точно не мог сказать, кто там был, кто там сидел. Но моему товарищу, который меня сменял, который как раз-таки был на смене, ему удалось их найти. Это сразу видно, когда они заезжают на фронт. Условно, там было 10 в день прилетов птиц, а увеличилось до 50. Значит, кто-то заехал — гастролеры. Они заехали по гастролям и выкатились.

Что касается людей на освобожденных территориях, которые ближе к передку, там все-таки есть определенные, так сказать, моменты, которые необходимо учитывать при работе боевой. Мелитополь, Мариуполь, Бердянск, Кирилловка, Геническ, то есть вот эти все близлежащие города к морю, здесь я так думаю, даже если были украинские «ждуны», то со временем приходит к людям понимание, что Россия, русский мир, который мы за собой несем, это действительно будущее для народа. Они — русские, но нельзя отнимать то, что они жили при Украине. Кто-то из них и считает себя украинцем. Но мы насильно не будем кого-то что-то заставляешь. У нас в России большое количество наций живут друг с другом нормально. И мы никого не будем принуждать. Мы пришли только лишь защищать, отстаивать права русскоязычного населения.

Оператор РЭР, Центр специального назначения беспилотных систем БАРС-Сармат, позывной «Раф»

Я служу в отряде — взвод РЭР, оператор радиоэлектронной разведки и еще совмещаю с инженером. Пошел, потому что это — мой долг перед Родиной.

И мама, и семья поддержали. Мама сказала: молодец, правильно делаешь. У нас в отряде все с одной целью пришли, все пришли защищать Родину, пришли, чтобы не остаться в стороне. Молодежи много. Самым молодым 18 лет. А есть за 50 уже, которые и Сирию прошли.

Я сам родился в Республике Башкортостан. Закончил 11 классов, потом пошел служить в бригаду морской пехоты. Два года отслужил, вернулся и занимался предпринимательской деятельностью.

Мы выезжаем на боевую задачу, разворачиваем пост и занимаемся видеоперехватом. В основном перехватом видеоаналогово сигнала. Запомнилось первое мое БЗ: устанавливали антенну, сразу над нами «птичка» противника зависла. Такие — постояли, подождали. Они тоже хитро действуют. Отлетают на минуты три, якобы ушли, и потом сразу же возвращаются на место, вдруг мы выйдем из-под дерева. Ну и хотят поотработать по нам. Мы тогда задачу выполнили, все-таки развернули, поставили антенну, закрепили, начали работать.

А сейчас мы так работаем: вот я перехватываю видео, надо сразу отстучаться до охотников, чтобы они отработали, по вражескому крылу. Если у меня есть перехват, я сразу беру свой расчет, мы выдвигаемся, сразу свою «птичку» поднимаем и отрабатываем.

Вот в последний раз с БЗ вернулся — противник активизировался. Мы видели, что они работали по гражданским автомобилям, по гражданским людям. Последний раз, когда были на БЗ, мы видели, как они отработали по гражданскому автобусу. Потом другой их дрон по машине гражданской отработал. То есть по любым машинам работают — гражданская не гражданская, автобус не автобус — сразу же бьют. У нас онлайн, прямая трансляция. То есть что их оператор видит, то и я вижу, когда перехватываю это видео. И на

последнем БЗ противник три раза точно по гражданским бил, по гражданским людям отрабатывал. Около населенного пункта Васильевка, Запорожская область.

Командир расчета FPV, Центр специального назначения беспилотных систем БАРС-Сармат, позывной «Пушкарь»

Я сейчас в группе боевой апробации. Я зашел в РЭР, сейчас по собственной инициативе отучился на оператора FPV, потому что война сильно изменилась и нужно, соответственно, меняться тоже. У нас есть разработчики, с которыми мы взаимодействуем, им нужно проверить в боевых условиях, внести какие-то изменения, модифицировать. Мы им даем обратную связь, и они это делают более оперативно исходя из наших рекомендаций.

В первый раз я зашел в 2022-м через «Ахмат», потому что у них минимум на тот момент было бюрократии, мы там даже сначала контракт не заключали, а просто расписку написали: обязуюсь на территории Украины уничтожать бандеровцев, нацистов.

В 2022-м у нас была битва за Северодонецк, то есть агломерация, Рубежное, Северодонецк и Лисичанск. Лесные бои, бои в городах, то есть это стрелкотня, все было весело, задорно, интересно. Война немножко дала коррективы. В 2023 году появилось уже большое количество «птиц», сбросников, FPV, крылья. И когда пошли хохлы на контурнаступ, я уже встретил левый фланг Бахмута под Клещеевкой в составе бригады «Эспаньола». То есть футбольные фанаты, покойный ныне наш командир «Испанец». Там тоже было все интересно, все, как мы любим. Я под конец получил контузию, а наш командир разведки погиб. В первую ко-

мандировку у меня в основном была разведка: разведчик, пулеметчик. Ну и в «Эспаньоле», соответственно, тоже. Зашел по приглашению товарища «Аскета» в БАРС-16 выполнять такие задачи, как охота на «Бабу-Ягу». Я как опытный пулеметчик собирал группу. Контракт доработал, стал искать новое интересное подразделение. И так сложилось, что из разных подразделений мы, боевые товарищи, оказались вот здесь, в БАРС-Сармат. И мы здесь этот «эспаньольский» дух сейчас развиваем, культивируем. Я зашел в радиоэлектронную разведку. Это все, конечно, интересно, наблюдать, как вылетает. Но нужно их уничтожать. Хочется, конечно, расчеты противника уничтожать. У нас тут по соседству есть замечательное конструкторское бюро «Архангел», честь им и хвала, что они обучают. Со своим оборудованием зашел, отучился и сейчас получаем оборудование для боевых задач, и готовимся к новым приключениям.

Обычно запоминается первый бой, самый красочный. Это была разведка боем, то есть это даже не штурм. Штурм, как правило, подготавливается. Разведка боем звучит обычно так: «Идите туда, там никого нет». Ну раз на раз не приходится, иногда там никого и не было, когда арта хорошо поработала. Но иногда встречаются очень хорошо укрепленные позиции, хохлы умеют окапываться грамотно. Шли тогда ножками разведкой. И попадаем в лесной массив, то есть дистанция там 30—40 метров, а встречают кинжальным огнем. Если я иду один в группе как пулеметчик, основная боевая работа ложится на меня. Потому что 5.45 неэффективен в лесу. Пуля гуляет, рикошетит. И приходится давить это все огнем. По звуку, по вспышкам. Мозг начинает работать по-другому, гормоны, и ход времени воспринимается по-другому. Я даже не могу сказать, сколько точно шел в бой. Пострелял БК, а у меня было 800 патронов. Переживал только потому,

что кончаются патроны. Но благо ребята еще подкидывали. Позицию мы заняли, противника выбили. Это была как раз дорога на Боровеньки. Нужно было этот укрепрайон взять. Мы его зачистили, взяли, там стояла рота ВСУ, у них там минометы были, АГС. Мы, когда их выбили, начали крыть АГС. У нас появились и 200, и 300. Мы отошли, а смежники ЛНР заняли позиции, и все было нормально. Задачу выполнили. Это дорога на Северодонецк. Это 2022 год.

Это было лето. В городе тоже очень интересно было, когда там видишь жителей, которые в подвалах, дети, которые уже отличают откуда выход, куда прилет, какой калибр работает. Когда тут вояка стоит, он даже не всегда понимает этого. А ребенок там 10 лет, он уже объясняет, что, откуда летит. Конечно, детей жалко, что детство у них попало. Поэтому мы здесь, чтобы такое не пришло к нашим городам.

В 2022 году успех имел тот, у кого было больше подготовленных бойцов. То есть огневая мощь, накаты. Двадцать третий успех имел тот, у кого больше было БК. Двадцать четвертый успех имел тот, у кого больше было «птичек». FPVишки пошли, то есть начало это все развиваться. Хохлы нас в какой-то то момент обошли в этом плане — не без помощи Запада. А 2025-й — это у нас получается, что успех имеет тот, кто это все организует более грамотно. То есть все эти системы вооружений между собой, ПВО против малого неба, то есть взаимодействие. То есть у кого она лучше, тот имеет успех.

Штурмовая группа уже не может двигаться без нескольких расчетов мавикистов, FPVишников, которые бы их прикрывали. То есть нужно взаимодействие. Командиры, кто это сумели организовать, то есть пути подхода, логистика, прикрыть это все РЭБом — те имеют успех. Двадцать шестой год, я думаю, будет уже по-другому

развиваться, потому что это нужно все автоматизировать. Сейчас к нам приходит искусственный интеллект, и у кого будет больше вычислительных мощностей, кто сможет это все автоматизировать, у того будет успех.

У меня не страх, а чувство опасности. Оно есть. Была ситуация, когда наша группа разведки нарвалась на опорник неожиданно. Пятерка, которая шла первой, а моя группа прикрытия с пулеметом была. Пятерка прикрытия, пятерка идет первая. Вот мы подошли, они продвинулись, у них контакт, то есть сразу же у нас два трехсотых. Я слышу по рации: у нас контакт, у нас трехсотые, нужна помощь. И в этот момент я просто понимаю, что вот сейчас там, в ста метрах от нас, просто убивают моих товарищей. И туда идти не очень хочется, но надо. Идти надо, потому что он сидит на рации, кричит, что нас убивают, нам нужна помощь. Моя задача — прикрывать. Ну я иду и делаю. Хотя там получилось так, что пошел я один. А рядом сидел человек, крутой штурмовик, он с такими глазами сидел за деревом с автоматом, и его просто сковал страх, и он не мог двигаться. Второй, глядя на него, — эта штука заразная, — говорит: «Я без него не пойду». И вот они так замороженные сидели. То есть я пошел, обернулся, а они не двигаются. Пришлось идти одному. И практически в упор сотку разряжал, пока они трехсотого вытаскивали. То есть ну это адреналин и то, что ну страх — с ним нужно бороться. Как бы его нужно, чтобы понимать чувство опасности, куда ты идешь, откуда, что у тебя. То есть чувства обостряются, и его нужно контролировать. Потом уже мысли приходят: а могло убить? Я если позицию накрываю огнем, то оттуда меня сложно снять. Потому что пока лупит пулемет в упор, никто голову не поднимает. Но с другой позиции меня могли бы снять. Могли бы просто снять

с другой позиции. На тот момент нужно было решать вот такую задачу, чтобы вытащить трехсотого. К сожалению, Ваха не выжил, у него был пневмоторакс и ему не смогли оказать правильную помощь, ему вкололи адреналин, и он просто захлебнулся, вытек, не выжил. Хотя ветеран опытный был. Это были лесные бои под Северодонецком, 2022 год.

А сам я с Южного Урала, а жил в Сочи.

Командир взвода ударных БПЛА, Центр специального назначения беспилотных систем БАРС-Сармат, позывной «Средний»

Я сам из Курской области, война коснулась и города, и области всей, поэтому я не смог остаться в стороне. До этого у меня была только срочная служба. До всех этих событий я работал в банке. Когда подписал контракт, мама, конечно, переживала первое время, но потом приняла мой выбор, все понимает. Поэтому мой выбор приняла спокойно. Друзья, конечно, поддерживают.

Изначально я приехал в Запорожскую область, отучился в учебном центре по специальности «оператор БПЛА». Далее попал в отряд, стал оператором, попал в расчет ударных дронов КВН. Стал начальником расчета. На данный момент я — командир взвода.

Каждый выезд что-то особое есть. Это всегда... весело. Всегда есть какие-то приключения. Заезд на саму точку работы — он всегда опасный, небо «грязное», дронов всегда много. То есть бывает такое, что там двое-трое суток можно просидеть на так называемом «нуле», в промежуточной точке между точкой работы и тылом. Ждать погоду. Поражаем расчеты БПЛА противника, личный состав, их укрытия, транспорт

противника, технику, бронетехнику. Разнообразные артиллерийские установки — весь спектр целей, которые можно придумать. Из недавнего нашим взводом буквально на днях были поражены самоходная артиллерийская установка 2С3 «Акация» противника, автомашина — транспорт противника. Буквально несколько часов назад был поражен танк Т-64А. Полностью уничтожен. Сгорел.

Расчету нашему приходит цель-указание от нашего союзного подразделения, с которым мы взаимодействуем, с которым мы работаем. XY, скажем так. И мы вылетаем. Для начала осматриваем местность, потому что опять же цель-указания всегда примерные, не всегда получается прям точно дать точку. Вылетаем, находим цель и начинаем потихоньку ее разбирать. Несколько дронов запустили. Четырьмя дронами танк был полностью поражен, уничтожен.

Задачи нашей роты разнообразные. Иногда приходят новые образцы технического оборудования, и мы их проверяем, апробируем, даем обратную связь разработчикам. На данный момент мы работаем на оптоволоконных дронах. Вот что-то придумываем иногда новое по работе, какие-то иногда, может быть, радиодроны переделываем на оптику, потому что с радиодронами сейчас тяжело работать, но это все пока что в секретике.

Добровольцы в нашем центре разные есть. Есть люди и совсем молодые. Есть и девушки у нас, они тоже выполняют боевые разные задачи. Люди абсолютно разные, разных профессий.

Противник достаточно хорошо обучен, профессионален, работает очень часто по боевым уставам. То есть все, что касается окопов, укреплений, — очень часто все их позиции можно найти в боевом уставе. Копают они, скажем так, так же как и мы. Очень даже хорошо. Осо-

бенно если мы берем их расчеты БПЛА — они в основном состоят, как правило, из молодых людей, так же как и у нас. Поэтому профессионалов у них тоже достаточно.

Я думаю, что у противника нужно перенять скорость принятия нового вооружения, использования новых разных технологий. У них это прям очень быстро все происходит. Они адаптируются быстро. То есть у них промежуток между новым каким-то производством и масштабированием этого изделия на весь фронт происходит быстро. Например, если из банального брать частоты по радиодронам — они прыгают по частотам на такие, на которых еще не работали. Массово. То есть у них очень быстро появляется и сразу на всем фронте какая-то новая штука. Но мы, например, в плане оптоволокна все-таки первые.

Командир расчета FPV, Центр специального назначения беспилотных систем БАРС-Сармат, позывной «Джови»

Здесь я добровольцем с весны, а служу с 2022 года в разных подразделениях. Первый раз я зашел в конце июня, в начале июля 2022 года. Родственники поняли не сразу, не все, ну это как везде. Говорили, без тебя разберутся, что, куда ты едешь. Но со временем они приняли это решение.

Я родился в славном городе Магадан, а жил преимущественно в Москве, занимался сначала юриспруденцией, потом археологией, много поездил по раскопкам — достаточно увлекательная жизнь такая была. А начал я в кампании в 2022 году. 10 месяцев у меня там получилось. У нас там была мобильная группа. Большую часть катался в составе мобильной группы —

по лесам, по полям, в ЛНР, ДНР. Медаль «За отвагу» и медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» второй степени. Потом перерыв и с коллегами по предыдущей командировке оказались в крымском БАРСе «Ливадия» на херсонском направлении. Потом тут. В отрядах добровольцы все разного возраста, разного социально-материального положения, с разными мотивами, общее — только любовь к Родине.

С 2022 года вообще сильно все изменилась. Тогда в основном была война артиллерии. Сейчас это война малого неба, дронов. Противника нельзя недооценивать. Он умен, хитер, хорошо подготовлен. Бывает уперт. Главное — это его правильная оценка. Сейчас постоянно идет гонка изобретательности, хитрости, смекалки, каких-то решений. По оптоволокну мы опережаем их. То есть у противника какие-то идут попытки, какие-то опыты, но такого широкого применения, как у нас, у них нет. Но у них по дронам типа «Бабы-Яги», их сторона имеет более широкое применение. У нас этот тип представлен в меньшем масштабе.

В расчете я организовываю работу, а еще сам летаю на FPV. Поражаем цели: укрепы, наблюдательные пункты — не самая зрелищная, но нужная каждодневная работа.

Оператор БПЛА, Центр специального назначения беспилотных систем БАРС-Сармат, позывной «Спартанец»

В отряде летаю на всем, что летает, все, что движется, — летаю, практикую, работаю, выполняю свой долг. Это мой первый контракт. Решил помочь своей Отчизне, своей Родине.

При мне была ситуация, когда в место, где были мирные жители, прилетел украинский дрон. Он принципиально шел именно на мирную цель. Это было направление Каменка — Днепровское. Жилмассив, магазины. И женщина с сумками шла из магазина. И вот мы как раз наблюдали эту картину — метров с сорока все, затаив дыхание, смотрели, как дрон летит к магазину на женщину. В тот момент в глазах ее уже было видно, что все... Он не куда-то летел, он принципиально летел именно в этот магазин. Женщина никакой опасности не представляла украинцам. Самое ужасное, что она просто шла домой, скорее всего, к своей семье, к любящим детям. И момент — и ее просто не стало. Просто в один момент не стало.

В другой раз от украинских дронов пострадала бабушка старая, женщина и мужчина, тоже старый. Я общаюсь со многими ребятами из смежных родов войск. И ребята с разных направлений рассказывают, что это их обычная практика.

А однажды мы с дрона видели, как украинский дрон летел через дорогу и пикировал на троих мирных. Это тоже было в Каменке. Эти люди они просто мимо шли, без всякого... То есть четко было видно, что это гражданские люди: ни военной одежды, ни оружия, ни опознавательных знаков, ничего. Украинскому дрону было видно, что это гражданские люди. Просто мужчины и женщины были.

А еще запугивают мирных жителей, чтобы они сотрудничали со спецслужбами Украины. Тут нас большинство поддерживают. Очень многие хотят, чтобы наконец-то Россия взяла верх над всем этим украинским национализмом. Они же действительно издеваются над гражданскими, уничтожают мирных жителей, взрывают автомобили гражданских. Но есть и кто нейтрально, а есть и кто противника поддерживает.

А последнее, что делала украинская сторона, — разбрасывала пятитысячные купюры, которые чем-то были обмазаны, помазаны, что к ним прикасаться нельзя было, и от них и мирным, и военным плохо становилось. Кто-то из ребят поднял, и потом у него головокружение, пена изо рта, и он умер. И ничем не могли помочь.

А из наших операций мне запомнилось, как мы подбиваем украинскую технику. Наши ребята молодцы — они вражескую технику в большом количестве уничтожали. У нас один из командиров с позывным «Джедай». Я прям в восторге от этого человека, я не ожидал, что такие люди действительно с нами работают, которые готовы показать свой патриотизм, профессионализм. И другие ребята, с которыми я служу: «Моряк» — мой друг, мы в одном городе живем, и еще «Кипиш». Ребята просто очень хорошие. Это как семья.

Я скажу вам так: я служил во многих местах. И скажу так, что таких как «Джедай» — как командир — у меня ни одного не было. Мне 31 год, я с 18 лет служить начал. Служба у меня после университета пошла, после химического училища, точнее. И я вам честно говорю, что вот именно человечность, именно высокий профессионализм и то, как он может быть командиром, — просто как человек хороший, с ним можно поговорить, который наравне, который без всякого лицемерия просто говорит как есть и помогает в сложившейся ситуации или какой-то проблеме, которая может возникнуть. Я горжусь, честно горжусь такими.

В отряде у нас очень много своих наработок достойных, лучше, чем у противника. Они берут большим количеством. В каких направлениях я ни был, я скажу так, что сбиваются «птицы» у них — на ура, честно, очень даже сильно удивляют. И рэбовцы наши давят, и ребята

сбивают обычным стрелковым оружием. Некоторые подразделения даже соревновались, сколько сбивают. Счет там не на десятки, а на сотни. А один знакомый мой из Кабардино-Балкарии — он один больше сотни сбил. Вот это да, вот это молодец, красавец. Это за 4 года он больше сотни сбил.

Я родился в городе Севастополе, закончил 9 классов, поступил в училище. После решил связать свою жизнь с военной службой. Дедушка у меня был командиром батальона, дядя служил в свое время. И я решил пойти по стопам своих предков в военное училище — Высшее военно-морское училище им. Нахимова. Служил восемь с половиной лет. После снова учился и работал. Уже во время СВО понял, что мой долг —помочь Родине всем необходимым, что в моих силах и пошел в ЦСН БАРС-Сармат.

Сапер — инженер БПЛА, позывной «Моряк», Центр специального назначения беспилотных систем БАРС-Сармат

Я добровольцем служу. Это уже мой третий контракт. Два с половиной года. Я из города Севастополя. В 2014 году, когда заваруха началась, мы там уже участвовали в самообороне. У нас там общественная организация была такая — «Севастополь без фашизма». Потом гуманитарные грузы возили в Донецкую и Луганскую Республики. Потом ребята, с кем я там занимался, зашли в БАРС-33. Я тоже туда пришел. В боевой группе служил, четвертой. У нас боевые группы были штурмовые, я был командиром отделения. Заходили мы на Херсонские острова. На самих островах были не так долго. Потом на Каховке стояли в обороне.

А на острове надо всегда быть начеку, потому что только слышишь жужжание — просто встал к дереву и стоишь, а у тебя рюкзак еще тяжелый, и стоять уже тяжело, он зависнет, а шевелиться нельзя, он сразу раз-раз и начинает сброс. И когда выходили — мы на лодку сели, и звук выхода с той стороны. Бах там, бах. Переплыли на эту сторону.

В другом случае по нам танк начал работать сильно. Восемь раз бахало так, что... ну танк же, страшно. А сколько раз было — мы убегаем, а крыло их висит над нами и корректирует, у них уже точки все пристреляны.

Один раз убегали — бах, раз, второй, третий, мы убегаем, убегаем, а враг бухает со всего подряд — и минометами, и танками, и еще там у них какая-то там пушка. Я запомнил, что мы с другом бежим, и взрыв — прямо кусок дома отлетает. Как в фильме — бежишь, замедленно все, и такая штука какая-то летит прям в голову, мимо пролетело. А Миха бежит — у него по каске, а у меня получилось — каска осталась в рюкзаке, я без каски бегу. А у Михи дзинь-дзинь по каске. Слышно, когда выходы идут, — бах-бах. Херсонское направление.

Однажды запускали дроны. Машину оставили в определенном месте, потом откатываемся к машине, по одному убегаем, у нас плюс еще чемоданы, оборудование. А мы первые прибежали и слышим — миномет работает. Раз где-то, первая, шук-шук-шук. И где-то неподалеку прямо у нас как лупануло, а у меня еще хлопец был, я ему бронежилет кидаю. И по машине цок-цок-цок-цок — ну осколки. И быстренько мы, а нас 5 человек залезли, еще одного на ходу, прям на ходу его засовывали и сваливам. По дороге слышим крик какой-то — ну украинцы попали, видимо, в жилой дом, там же и люди живут. А потом уже читал, что в Каменке та женщина погибла.

А как-то мы работали на своей машине, и FPV за нами летел. Мы как дали на этих «жигулях», он просто летел там. Мы вообще часто уходили от них. Ну бывало, сзади взрывался, да. Бывало, что просто ты газу даешь, он уже теряется. Просто ушел по клеткам частных домов. Раз ушел, сразу мысль, как свою позицию, где живешь, не спалить. Катаешься уже по поселку, катаешься, катаешься, пока «Булат» не показывает, что ничего нет. Тогда уже раз, заехали в гараж, быстро все закрыли.

Со мы страхом привыкли бороться. Адреналин выделяется первые 40 секунд. И ты на этом адреналине просто бежишь или делаешь. А делаешь так, как тебя учили. То, что в мозгах у тебя осталось после учебы. И вот ты так и делаешь. Нагнулся. Понизил силуэт. Опять бежишь. От одной точки к другой.

После островов я еще на медика отучился — инструктором по тактической медицине. Даже на адреналине ты бежишь не просто по открытке, а от одной точки к другой. Обязательно за товарищем смотришь — как он, где, как. Потому что у тебя люди, за которых ты отвечаешь. И друг за другом присматриваешь. Если вдруг какое-то ранение — сразу раз, замотал, перемотал, оттянул куда-нибудь под дерево, там, под забор, под кусты, чтобы не увидел дрон.

От дронов раньше не учили, как убегать. Это все дается с опытом. Просто так не научат, вот, допустим, на полигоне от него уйти. Я, например, на «Булат» смотрю, но слышишь уже, какой дрон летит, как летит — заряженный, тяжелый, нетяжелый. Слышишь уже, близко он, медленно. Однажды слышу: летит. А мой хлопец говорит: «Да нет». А я говорю: «Уходим, сейчас точно будет». Все, он раз и пролетает. Даже после задач домой приезжаешь, а вот это небо контролируешь.

А сейчас очень много дронов прямо, такое ощущение, что им там поставляют постоянно, причем разные. А на

островах «Баба-Яга» так сильно, как сейчас, не было. Были, но не так было много. Это страшная вообще штука, когда летает. На островах у нас там окопы не сильно глубокие были — по колено. Дальше вода просто. Накрыл там ветками, антидронкой накрылся, и все, и лежишь. Вот когда пролетает над тобой, конечно, еще второй антидронкой.

В центре я сапером. Здесь все поставляют нормально. Сами делаем, сами заряжаем. Делаем там на электроцепи разные. Если надо что-то взорвать — просто фугас. Надо по живой силе отработать, с осколочным что-нибудь. Надо кумулятивный — кумулятивный, если танк где-то, ну какая-то техника. Парни наши бронемашины уничтожают, живую силу.

Я сам из города Севастополя. Учился в городе Херсоне, кстати, в мореходке. В Киеве учился. Но это было давно — это было мне 18 лет. Потом Крым. Потом по морской теме работал, пару раз тонул. На грузопассажирском ходил, поработал там на буксирах, на плавкранах, в основном уже здесь, по Черному морю.

Я — доброволец. Я пошел защищать Родину. Изначально в 2014 году защищал свой город. И в Донецк мы ездили, и в Луганск. У нас ребята были, которые оставались там защищать. А сейчас я узнал, что мои парни пошли защищать. Я говорю: «Блин, а что я тут сижу-то?» Я давно хотел, и они уже говорят: «Давай к нам». И я вот пошел к ним.

Командир расчета FPV, Центр специального назначения беспилотных систем БАРС-Сармат, позывной «Волк»

Здесь я служу с середины 2023 года, а раньше был в 11-м БАРСе. Там тоже был пилотом. Раньше FPV

было мало, мы летали на «Мавиках», потом перешли уже на FPV.

За это время тактика очень изменилась. Раньше мы могли где-то поближе подойти, понаглее побыть немножко. Раньше можно было зайти в лесополочку, аккуратненько полетать, спокойно. С той стороны тоже противодействия к БПЛА мало было. Сейчас ты уже в лесополку просто не зайдешь, ты вообще до нее не дойдешь, тебя уже увидят. Будут атаковать дронами, и не одним, а штук по 5—6 будут в тебя лететь. Сейчас прячешься, ищешь куда спрятаться. Блиндажи, здания какие-то.

Технологически война изменилась очень сильно. Сейчас нужно и прятаться, смотреть, как лучше пройти, постоянно мониторить небо, брать с собой РЭБ. Много факторов стало, чтобы зайти на позицию.

Однажды мы ехали с полигона, обучали ребят БПЛА. И в соседнюю лесополку ракета прилетела. Кассетка разорвалась и уже осколками залетела туда — раненые, погибшие. А мы выезжали с полигона. Там прибежал один парень мобилизованный, попросил помощи, показал, где раненые. Мы пришли. У нас было три человека, три инструктора. Там восемь человек было раненых. Два сразу двухсотых было. И шестерых мы перемотали, спасли в итоге.

А однажды мы у противника ротацию увидели. И дожидались, мы сидели, их ждали два дня. Ждали, пока они себя как-то покажут. Там были блиндажи закрытые вместе с проходами. И было не видно их там. Там они, не там они, вообще непонятно. Вот мы двое суток сидели, смотрели, смотрели. И получается, на третьи сутки они начали мусор выкидывать. Мы еще понаблюдали, и ближе к вечеру у них началась ротация. Соответственно, они начали меняться. Четыре заходили, четыре выходили. И вот в этот момент мы их

поймали как раз. Наблюдали с «Мавика». А работали FPVшками с кумулятивными КЗ-6. Несколько килограмм. И еще он может проделывать дыры огромные в стене. Он очень хорошо поднимает накаты. Получается, они только зашли и начали выходить, и мы сразу туда вошли.

Опыт противника можно перенимать только в плане обучения пилотов. То есть они делают как? У них очень огромный срок обучения идет. Вплоть до 4—5 месяцев. И они возят людей на разные направления, обкатывают. Они приезжают на самое простое направление. Они учатся летать. Поражают все, что видят. В окна пытаются залетать. Потом перевозят их на другое направление, где более интенсивные идут бои, где сопротивление РЭБа больше. И вот так они их катают по всем. Обученный пилот, который знает все направления, имеет возможность общения с другими БПЛАшниками, которые уже работают на этих направлениях. То есть у него уже есть разведданные. Они знают, на каких мы частотах летаем, какие мы давим, на каких мы работаем. Соответственно, если ему надо выходить на боевую задачу, он уже понимает. Вот там сидят такие ребята, работают на таких частотах, могут давить такие частоты. Соответственно, он берет определенное оборудование, едет и спокойно работает. Вот я бы только, наверное, это перенял бы у них.

Когда началась мобилизация, многие ребята пошли. А кто-то убежал. Стало очень обидно за наших мужчин, которые убежали. Надеюсь они как-нибудь потом поймут, до них дойдет, что мужчина должен защищать свою страну, родных, свою семью. И что это не шутки какие-то там просто в телевизоре, что там постреляли, тут постреляли. Я думаю, до них как-нибудь это потом дойдет.

Жена меня долго не отпускала, с момента мобилизации, прямо до конца тянула, а потом говорит: «Короче, иди. Ты, говорит, надоел уже, просишься и просишься. Хочешь — иди».

Сейчас мы знаем, что делать. Нам надо только еще больше дронов. Качественнее и еще больше. Та сторона вообще не жалеет их. Соответственно, я думаю, и нам стоит так же поступать и не жалеть на них техники.

Оператор БПЛА, Центр специального назначения беспилотных систем БАРС-Сармат, позывной «Богослов»

С 2020 года я занимался помощью мирному населению, а с 2022 года уже заключил контракт.

Я был в клубе «Ночные волки», и у нас внутри клуба поступило предложение желающим зайти в добровольческие формирования, я один из самых первых сразу же подписал контракт. Мой на тот момент командир и брат с моего мотоклуба создали отряд «Невский» — в данный момент это бригада, в которую я тоже зашел. В нашем случае, среди добровольческих формирований, у нас получилось создать первую роту БПЛА. Это был 2023 год. Потом был инструктором и потом в БАРС-Сармат, где я могу показать максимальное свое КПД.

Я начинал на Авдеевке. Нам было очень сложно, это была активная защита. Мы сохраняли линию фронта. Далее нас перебросили на Соледарское направление. И уже там, в лесополках, мы занимались продвижением с бригадой «Александра Невского». Технику, конечно же, тоже уничтожали, но больше 82-й миномет, 120-й миномет. В начале, значит, 2023 года, когда мы пе-

решли на Соледарское направление, у нас получилось сразу же подбить танк противника — Т-72.

Вспоминанию, как на Соледаре мы попали под ракетный обстрел, в Покров по нам прилетели ракеты, три «Хаймерс» и одна «Шторм Шадоу». Мы с товарищем остались, потому что мы приехали только с боевого задания. Мы личный состав увезли в безопасное место, а сами остались на дежурстве. Наша позиция была взлетная, и мы могли с той точки работать, производить разведку и атаку по противнику.

Сейчас все больше используются разные типы беспилотных систем, где мы сразу же используем разведку, ударные дроны, глубинную разведку. При всем при этом у нас появились комплексы защиты, то есть это РЭБ, РЭР, которые если в комплексе использовать, мы сохраняем личный состав и можем точнее и с большой оперативностью выполнить задачу. Нужно использовать такие качества, как оперативность и внезапность, а для этого нужен и необходим комплекс мероприятий, комплекс технологий, которые позволят нам сегодня показывать вот эту вот эффективность.

Сам я в Молдавской СССР. Переехал сразу же в Нижегородскую область с Нижнего Новгорода. Все оставшееся время жил там, много занимался спортом. Начиная с 5 лет занимался различными единоборствами. Поступил в Белгородскую семинарию. В начале следующего года заканчиваю. Отсюда и позывной мой «Богослов», естественно. Патриотически воспитан. Собственно, это одна из причин, почему я зашел в мотоклуб «Ночные волки».

Все это, наверное, исторически так сложилось, что все так пошло, все по кирпичику меня формировало. Сформировало меня как патриотически правильную личность, что, когда началась Специальная военная

операция, мы все поняли, где мы должны оказаться. Если бы у меня на тот момент была жива мама, то, наверное, удивилась, если бы я не пошел. С 2014 по 2022 год мы занимались медицинскими курсами подготовки на базе спортивных школ, развитием молодежи.

Врач, Центр специального назначения беспилотных систем БАРС-Сармат, позывной «Днепр»

Я — БАРС-Сармат с момента формирования — с сентября двадцать четвертого года. Почему пошел в СВО? Во-первых, профильное образование. Во-вторых, поступило предложение пойти в новый отряд, формирующийся. Мне не нравится отсиживаться за спиной других, надо сделать свой вклад все-таки. И я люблю экстренную медицину. Я в ней достаточно долго нахожусь. У меня высшее медицинское, я — выпускник военно-медицинской академии.

А родился я в Республике Карелия, город Костомукша, но вырос, учился в Санкт-Петербурге. Академию окончил военно-медицинскую также в Санкт-Петербурге. Решил продолжить обучение уже в гражданском вузе в Москве. Поступило предложение, и я сразу ушел сюда. Добровольцы — это люди, любящие Родину, которым не наплевать на то, что происходит. Они пришли по собственной воле, по своей инициативе сюда. Их никто не заставлял ничего. Они сами захотели, они сами пришли внести свой вклад. А за период учебы и работы я успел и в приемном отделении поработать, в разных больницах города, в реанимации поработать. В итоге остановился на «скорой помощи» — четыре года на «скорой помощи».

На фронте много академических знаний, которые давались, пригодились. А были сомнения в целесообразности их для гражданской жизни. И минно-взрывные ранения, и сочетанные ранения, и хронические заболевания. Тут все-таки отряд у нас специфический, у нас много людей науки. Это люди, как правило, возрастные, хоть и молодежи хватает. У нас много людей научной сферы деятельности — инженеры, разработчики, проектировщики и так далее. Программистов хватает. Люди, которые, по сути, с нуля строят определенную базу, выстраивают наземные комплексы, комплексы радиоразведки, РЭБы, работа с БПЛА разных типов, работа с БЭКами. БЭК — это безэкипажный катер. То есть есть еще и морское направление. Соответственно, много людей, которые занимаются разработкой. Много людей возрастных, а с возрастом прибавляются хронические заболевания, мы работаем с хроническими заболеваниями, делаем так, чтобы они могли продолжать выполнять свои обязанности во благо фронта.

Каждая медицинская дисциплина тянет за собой другую дисциплину. Если ты проседаешь в одной дисциплине, ты просядешь обязательно в моменте в другой дисциплине. Так же, как и хирургия, и терапия. Вроде различные специальности, но хроническое заболевание может повлиять на ход операции и так далее. Я очень благодарен сейчас и кафедре терапии — трем-четырем нашим кафедрам терапии, которые с трудом порой давались, но по итогу их знания пошли во благо. У нас есть потрясающая кафедра военно-полевой терапии и военно-полевой хирургии. Сейчас отдаю должное. Минно-взрывные — это превалирующий класс ранений, где-то 85%. Хотя вот за эти полтора года из того количества ранений, сколько у нас было, у меня всего лишь было два огнестрельных ранения. За полтора года всего

лишь два огнестрельных ранения, все остальное — это минно-взрывные ранения.

Однажды у нас боец перекатывался с позиции на позицию в вечернее время, и его догнал дрон, словил он, пытаясь уйти от этого дрона, взрыв рядом. У него оказались сочетанные ранения нижней и верхней конечностей по правой стороне, достаточно тяжелое ранение правой кисти. Соответственно, было ранение нижней конечности, легкое ранение и тяжелое ранение правой кисти. Завалился, оказал минимальную самопомощь, и уже вызвали нас. Там союзники перехватили нашего бойца, обработали раны, мы уже прибыли на место — ну небо было грязным. Очень быстро отработали на месте, оказали максимально качественную помощь и доставили в госпиталь в кратчайшие сроки, за счет чего получилось спасти ему кисти и, по сути, все пальцы.

С официальной точки зрения мы — медицинский пункт. Согласно медицинскому пункту, мы полностью обеспечены Министерством обороны. Все, что нам требовалось, согласно всем приказам, нам выдано. Что-то еще от волонтеров приходит: материалы, турники, жгуты, ну, расходники, лекарственные материалы, какая-то медицинская аппаратура и оборудование. У нас есть хирург, радиолог и другие в отряде врачи. Поэтому через своих волонтеров запрашиваем и доставляют.

В отряде есть люди науки, есть боевые расчеты — «птичники», которые работают, разведка и так далее. Я вижу здесь людей заинтересованных и горящих работой. Вот они приходят сюда с целью внести свой вклад. В последнее время молодежи прибавилось. Ребята есть до 2000-х годов. Особенно последние 3—4 месяца наблюдаю такие цифры. Заходят люди. Молодые люди, девушки заходят. Я видел ребят 2006 и 2004 годов. Прям есть молодые. Девушки заходят: кто-то в каче-

стве инженеров, кто-то в качестве операторов БПЛА, медики — санинструкторы, тактическая медицина.

Старший оператор БПЛА, Центр специального назначения беспилотных систем БАРС-Сармат, позывной «Вайк»

Это уже второй мой контракт. Мне очень понравилась концепция дронов, что можно летать, уничтожать врага. Все это меняет ход войны. Но мне больше понравилось именно в плане того, что ты можешь летать на дронах, уничтожать все цели, поражать врага. Одно дело, когда ты стреляешь теми же танками, артиллерией либо стрелковым оружием, а дрон — он более точный, скажем так. То есть он более, так скажем, как его можно сравнить еще с винтовкой оптической. Ты точно можешь туда долететь, залететь и поразить цель. У нас боеприпасы в основном — это собственные изделия. У нас есть определенный отдел, который занимается — именно они изготавливают. Есть штатные. Но в основном работаем именно на своем.

Мы очень много целей поражали. Это укрытия противников, дома, машины поражали. У нас еще есть минирование дорог. Специальные мины у нас разработали, есть маршруты противника, куда ездят, и мы скидывали, минировали.

Каждое БЗ запоминается. Лучше, когда каждый выезд — это какие-то пораженные цели. Мы очень много участвовали в поддержке наступления наших войск. То есть, когда вот они начинают идти, там висят глаза, соответственно, вскрываются огневые точки противника, мы, соответственно, вылетаем и поражаем их, чтобы наши ребята шли дальше.

Когда начинается наступление, вскрывали огневые точки противника. Шла трансляция на видео, наши глаза висят, там не одна «птица», их несколько, только что-то вскрывается — мы сразу же взлетаем, нас корректируют. Потому что КВН низко летит над землей, и посмотреть, сориентироваться без дополнительных глаз сложно. Одно дело, когда ты сможешь сверху смотреть со 100 метров, какой у тебя обзор, и другое, когда ты летишь над землей несколько метров, то есть ты, грубо говоря, особо не видишь. То есть тебе надо именно икс-игрек: ты подлетаешь к точке, когда ты облетаешь, когда ты что-то видишь. А так изначально они уже говорят точку, мы сразу туда выдвигаемся и видим, что идет обстрел наших ребят, соответственно, мы поражаем, уничтожаем эти цели.

Однажды было наступление, выехал танк противника, у нас было два расчета, один наш. Мы уже были в воздухе и летели, прорвали одну из целей. Танк поражается в основном кумулятивом, чтобы струя пробила броню. Мы поразили точку и вылетели вторым дроном. Ребята летели без кумулятива, что для танка не очень эффективно. Они подлетели, залетели ему в башню. Ребята попали, что танк не смог стрелять. Он все-таки убежал, но потом, через неделю, мы его нашли, уничтожили.

Добровольцы — это сильные духом ребята. Здесь возраст разный, но есть и взаимопонимание, взаимовыручка. Потом, со временем, получаемся мы как большая семья. Именно реально как семья, которая друг другу помогает.

Бывает, конечно, и страшно. Однажды у нас пробило два колеса. Мы полтора часа где-то меняли, нас потеряли, уже навстречу нам поехали. Мы стояли в открытом, грубо говоря, поле, и просто повезло. Мы уже просто

рассредоточились, каждый занимался своими делами, рассредоточились, если дрон противника, то ребят предупредить, чтобы от машины отошли. Как со страхом бороться? Ты знаешь, что надо, берешь и делаешь. Страх, может, он как-то даже и полезен в каких-то случаях. Инстинкт самосохранения плюс страх. Я считаю, что это нормально, — люди, которые не боятся, с ними не все в порядке. Ты живой, ты боишься, ты человек. Если группа, тот же расчет, и кто-то боится — тебя всегда поддержат, скажут, что сделать, помогут тебе. Никогда тебя никто не бросит. Один на один не будешь.

Водитель, Центр специального назначения беспилотных систем БАРС-Сармат, позывной «Буря»

Я — водитель подвоза, довоза и ротации расчетов БПЛА. А до этого занимался сбором гуманитарной помощи ребятам, которые находятся на СВО. И принял для себя решение, что сам должен поучаствовать в защите Родины, Отечества, интересов нашей страны. Добровольцы — это вообще люди, которые идут добровольно. Слово «добровольческое», я думаю, что в первую очередь для каждого, кто идет сам на СВО, делает этот шаг, в первую очередь патриотическое. Патриотическая — вот это та самая единица, которая превышает все другие, так скажем, основные моменты в жизни человека.

Я сам из Ульяновской области. Занимался гуманитарной деятельностью, помощью, сборами. Так и пришло у меня желание поучаствовать в Специальной военной операции.

Война сейчас меняется практически каждый день ввиду технологических процессов. Я бы ее назвал войной дронов. То есть при моем непосредственном участии как водителя довоза, то есть это оборудование, провизия, ротация расчетов в зоне ЛБС, всегда приходилось ехать в напряженном состоянии в том плане, что всегда пролетали, зацеплялись дроны противника. И приходилось неординарно принимать решения в экстренных ситуациях.

Ну если вот разобраться, то есть для многих кажется, что водитель — это как бы взял баранку и приехал, довез-отвез, и вроде ничего такого страшного нет. На самом деле это одна из самых опасных должностей потому, что нужно чувствовать момент опасности. На дронах ведь не написано, он свой или вражеский, — частоты выдает детектор дронов «Булат». Нужно по нему качественно работать, распределять частоты свои либо вражеские. Есть там на «Булате» отметки расстояния, приближение дрона. В какой-то момент нужно включить РЭБ, а в какой-то включать бессмысленно. Но самое главное — техника техникой, но всегда есть объективный контроль. То есть при езде нужно обязательно наблюдать, смотреть. И когда расчеты, то есть идет ротация, то есть все, кто находится в машине, обязательно слушаем. То есть все должны быть в предельном таком напряжении, наблюдать за небом, за местностью, по которой двигается машина.

У меня на сегодняшний день 77 боевых выездов в зону ЛБС. Ситуации были очень с тонкой гранью между жизнью и смертью. Однажды мы двигались по трассе, и надо было съезжать уже в поселок, там есть очень крутой поворот, и на этом крутом повороте всегда были дроны — «ждуны» противника, они делали засады, ждали момент торможения машины. «Булат»

выдавал четыре, если он выдает пятерку, то есть это уже в радиусе видимости, дрон может находиться в 50—100 метрах. И если он ударный, то эти метры он очень быстро преодолевает. Это надо успеть остановиться, машину остановить, выйти. Причем не только просто выйти и наблюдать, искать его, а нужно еще отбежать на безопасное расстояние. Потому что если все-таки так получается, что он ударил, то можно зацепиться и осколками, и поражающими элементами.

А тогда на этом повороте я решил не останавливаться. Был включен РЭБ, и «Булат» пробивал опасность. И вот уже, так сказать, кусочек открытой местности, где-то метров, наверное, сто, пришлось полностью дать газу, и так получилось, я думаю, что РЭБ все-таки смог его заглушить. У нас на машине стоит РЭБ «Мгла», то есть нашего производства БАРСа-Сармата. «Мгла» — она действительно экспериментально проверена, что она глушит вражеские дроны. И дрон где-то метров пятнадцать — двадцать не успел до нас долететь. То есть мы сбоку уже его видели, он сбоку заходил и буквально перед нашим носом упал, произошел разрыв.

Вообще ситуаций много было. Однажды мы видели в зеркалах, что сзади зацепился за нами дрон. Идет уже на удар. Благодаря РЭБу, который заглушил его, он тоже не долетел и рухнул. Мы уехали, успели. Были моменты, когда приходилось выходить, когда уже «Булат» пиликает: «пять, пять, пять». Была тоже открытка, то есть путь вверх-вниз горками. И почему-то я подумал, что он, скорее всего, может быть за спуском. Тогда я принял решение тормознуть. Притормозил, экипаж вышел весь, расчеты отбежали. И увидели его мы, то есть он висел в метрах, наверное, 100—150. Мы подождали какое-то время, и он отцепился. Выждали, сели, продолжили путь дальше.

Страшно не страшно — есть задача, ее в любом случае нужно выполнить. И страх для меня — это дело как-то второстепенное. То есть в первую очередь — задача, а там уже все остальное.

Старший расчета FPV, Центр специального назначения беспилотных систем БАРС-Сармат, позывной «Скрипа»

Мой род с Запорожской области, то есть не мог оставить это просто так. Я родился в Запорожской области. Учился в школе, потом работал сам на себя, был хороший бизнес, пришло время — и отправился в зону СВО.

Я, когда началась мобилизация, пошел в военкомат. Там мне сказали, что у тебя нет срочной службы по здоровью. На данный момент у меня была беременная жена. Мать, когда узнала, что я хочу отправиться в зону СВО, мне сказала: «Пусть сначала родит спокойно, потом пойдешь». Ну в итоге родилась дочь, купили квартиру, сделали ремонт. Как только все дела сделал, за шесть часов перед отлетом в учебный центр подошел к матери и сказал, что уезжаю. Ну, со страхом и гордостью отпустила.

Зашел, прошел дополнительное обучение. Один из первых, кто отправился на работу в ФПВ ПВО. Уничтожение вражеских крыльев, разведчиков, ударников — на эфпивишках. На данный момент результат — 11 сбитых и перешел на наземные цели.

Помню, как только начинал работать: выбрали позицию, заехали, развернулись. Первый день парни работали без меня, на второй день я уже вышел с ними, мне дают пульт. Все на РЛС светится — крыло, я вылетаю, нахожу его, уничтожаю. При подлете к цели лютый

мандраж, адреналин так фигачит. Хотя это вроде как монитор, а картинку видишь, понимаешь, что это все в реальности. Поражена цель, поняли, что можно работать. Ну и продолжили работать эффективно.

Когда я приехал в учебный центр, познакомился с парнем, ему 38 лет, он служил в СОБРе. И он мне сказал одну прекрасную вещь: не боится только идиот. Нормальные пацаны всегда на измене. Страшно? Конечно, страшно. Ну что делать? Мы сами выбрали этот путь. А бороться со страхом надо верой и надеждой.

Однажды ходили с командиром взвода выбирать позицию. Слышим свист. В метрах 300 прилет, в 150 порой. Свист, бах, дым. Очень страшно. Ну а что делать? Идем дальше. Многие добровольцы — отчаянные парни, которые пришли сюда за победой, готовы на все: на помощь, на отвагу, на смерть.

Как работает противник? Также ФПВ, взаимодействие с пехотой, с артиллерией. Не постесняюсь это сказать — у них многому можно научиться. В плане взаимодействия, работы, выставления расчетов. Противник достойный.

Мы тоже не отстаем. Поражаем, уничтожаем, убиваем.

Командир расчета FPV, Центр специального назначения беспилотных систем БАРС-Сармат, позывной «Алекс»

Я первый контракт заключил в 19 лет еще с «Редутом». Служил на Соледарском направлении, Богдановка, Часов Яр. Потом БАРС-Сармат.

С 2022-го все изменилось колоссально, оборудование полностью меняется, как и FPV. И противник работает. Есть у нас, допустим, РЭБ, который работает

на одну частоту, а противники уже работают с другой частотой, которой у нас еще нет.

Мы поражаем технику, танки, минометы, FPV-расчеты противника. А в «Редуте» был в группе эвакуации, доставал людей раненых, кого-то перевязывать помогал и до нулей носил.

Первоначально очень страшно было, когда боялся — шел, молился и перекрещивался. Потом уже со временем, получается, привык — надо же пацанов доставать и перевязывать. Нам говорили по рации, что там-то, там-то. Мы ходили группами. И оттуда первую помощь мы оказывали, то, что могли. Все остальное уже — к врачу, который прям все уже знал, как это, что делается, вот к нему. А потом уже до нулей. Там всем в принципе-то нам помогали. Когда вытаскивают, то в принципе на первых позициях происходило так, что противники работали с пулеметов, могли и польку, минами накидывать, и «Мавики» также наверху висят. И получается, что приходилось ползти, перебегать очень быстро.

Вот к нему подползаешь, его просто осматриваешь, перевязал его, укол ему сделал, обезбол. Самое трудное — его донести. Везде были носилки и сетка, которую два человека могут взять и донести.

А родился я в Ярославской области. Учился в Ростове, потом в Ярославле, и в Переславле тоже учился, на разные специальности переходил.

Инженер-взрывотехник, Центр специального назначения беспилотных систем БАРС-Сармат, позывной «Двина»

Я — инженер роты боевой апробации. Здесь по зову сердца. Срочную службу в армии служил. Когда была

мобилизация, пошел в военкомат. Сказали: «Ожидай, нужен будешь — позовем». Так как никто не позвал, пошел сам. Супруга моя поддержала меня полностью во всем. Я родился на севере нашей родины, в городе Архангельске. В данное время живу в городе Великий Новгород. По образованию — филолог-переводчик.

О БАРСе-Сармате знал уже с самого начала формирования, поскольку здесь служит близкий друг, соответственно, уже знал, куда иду, знал зачем. Со специализацией определился уже на месте — работа с взрывчатыми веществами, снаряжение дронов.

По крыльям, по ПВО — специализация одна, по наземке — другая. По ПВО она чуть-чуть, наверное, попроще в плане того, что там всего лишь один снаряд практически. А по наземной работе, конечно же, работа поразнообразнее — широкий спектр разных способов применения взрывчатых веществ.

Тут я встретил очень много новых интересных людей. Встретил несколько очень авторитетных, скажем так, людей для меня, которые зарядили меня на дальнейшую деятельность в эмоциональном плане, в моральном плане, как ориентиры стали. Прежде всего — мой командир. Он для меня является примером. Честно говорю от чистого сердца, потому что не знал, что есть такие люди и с таким подходом к ратному делу.

Специальность моя такая, в которой ошибки могут стоить жизни. На боевые задачи уже выдвигался. Наставники вокруг есть, мужики-ребята классные, которые с опытом показывают все, подсказывают, рассказывают, опять же видят потенциал и, соответственно, придают большую уверенность, и действуешь без ошибок.

Когда на боевом задании видишь и разрывы, и пролеты разного рода, и «птиц» вокруг, и кассетные особенно. Больше всего впечатлили вражеские кассетные

боеприпасы, когда близко. То есть это прям... прям чувствуется, слышно и ощущается на коже. А потом второй, третий раз, и уже спокойно воспринимаешь — без дерганий лишних. То есть знаешь, что надо делать. Смотришь вокруг, собираешься, концентрируешься и делаешь.

А наши добровольцы, это которые, как и я, добровольно по зову сердца пошли защищать Родину, семью.

Инженер-взрывотехник, Центр специального назначения беспилотных систем БАРС-Сармат, позывной «Хоха»

Я из Москвы. Изначально, если честно, я ждал, когда началась мобилизация, ждал повестки. Но у меня четверо детей, и повестка не пришла. И в феврале 2023 года я семье сказал, что я хочу пойти служить. Честно говоря, доходило даже с супругой до конфликта, и потихонечку начал узнавать, каким образом можно пойти. И в прошлом году в августе я подписан на канал Дмитрия Рогозина, узнал, что он создает свой добровольческий отряд. И потихоньку начал узнавать информацию и готовить семью уже. И соответственно, уже с одобрения жены подал заявку и оказался здесь.

Ехал в неизвестность. Я был абсолютно гражданский человек до поступления на службу сюда. Да, каких-то блогеров читал военных. Телевизор практически не смотрел в этом отношении. И когда я здесь оказался, увидел братство людей, всех на одной волне, то есть абсолютно разные люди, с абсолютно разных концов нашей родины, абсолютно разные профессии, разные возрасты. Честно говоря, я не ожидал, что будут и такие молодые, и будут старше меня. Но все на одной

волне. Все хотят защищать Родину, как бы это громко ни звучало. Все хотят помочь своей стране. Вот это самое-самое первое впечатление, когда я попал сюда.

Когда я оказался здесь я понял, что я попал именно в ту среду, которую я ждал. А дальше уже пошли подготовка, полигон, обучение. Я, например, хотел летать. Мне это было интересно, но опять же в силу своего возраста уже не та моторика, здесь дорога молодым. И мне предложили пойти на инженера учиться. И я, честно говоря, этим заболел. Мне это понравилось. Когда я общаюсь с женой, она смотрит, когда я что-то рассказываю, и говорит: «У тебя прямо глаза горят».

Хотя, знаете, тут тоже, когда мы проходили обучение, нам сразу сказали, что мы не настоящие саперы. На сапера надо учиться годами, как говорится. Если будут нас просить разминировать — не надо это делать, потому что у вас есть определенные знания в определенной области, а полных знаний у вас нет. Но вместе с этим предоставляли материалы для обучения, и приходилось и разминировать, и находили невзорванные боеприпасы инженерные.

У нас был случай такой очень интересный. На самом деле, забегая вперед, я очень благодарен командиру расчета за то, что он мне дал добро. Позывной «Пионер» у него. Мы работали тогда на перехвате, на Энергодарском направлении. Перехват — это на разведке, летит чужое крыло, и мы должны его уничтожить. Это на Каховском водохранилище.

Точнее, это уже не водохранилище, там болото. Это летом было. Нас спалили, по нам пустили... очень много «птиц», мягко говоря. Мы работали в связке с ПВО наземным, то есть там стрелкотней уже сбивали с зушек, с пкмов. Мы по воздуху, а они уже по большим «птицам» работали. Нас спалили, и по нам начали

отрабатывать. Я тогда первый раз ощутил, когда тебе кричат «живой». Я тогда ощутил это в полной мере. Отработали по нам. У нас в расчете три человека. Я, как взрывотехник, по технике безопасности должен сидеть подальше от них, потому что, если что... не весь расчет, а только одного человека. И соответственно, парни сидели в подвале, оттуда и работали. Я сидел, возился с боеприпасами в другом помещении. И отработал противник по этому помещению.

Но опять же отдать должное парням, они меня успели предупредить, потому что мы поймали видео перехвата и видели, как враг начал заходить на то помещение, где я сидел. И буквально за несколько секунд мне крикнули в рацию: «Берегись». Я успел перебежать в другое помещение, и взрывом накрыло все. Крышу снесло. Ребята тут же побежали меня вытаскивать. Но, слава Богу, все обошлось. Так, отделался, как говорится, легким испугом.

В это время подбежали ребята с Министерства обороны, которые тоже помогли нам. Ну мы так чуть-чуть оборудку собрали и сразу эвакуироваться в другое место. И пошла охота прямо целенаправленно на нас, потому что дом, куда мы эвакуировались, его тоже спалили. Ну, в общем, его тоже начали атаковать. И в это время по радейке приходит запрос от министерских. Они сбили вражескую «птицу», и она упала. Их принцип работы в том, что они работают на видеоперехвате. И соответственно, видеоперехват идет на ближайшую «птицу». Ее сбили, но она не подрывалась, просто упала. И работала, и весь видеоперехват шел на нее. То есть они не могли видеть других. И вот они запросили помощь в ее разминировании, и вот командир дал добро. И мне это на самом деле очень сильно помогло, потому что как раз уже после того, как по нам отработали, ну,

скажем так, отходняк начался уже. Как говорится, ноги ватные, и все. А здесь опять всплеск адреналина, и пошли ее разминировать. Это было одно из первых моих разминирований. Конечно, было жутковато, но все обошлось, все хорошо. Опять же и смежникам помогли, и для меня это тоже был очень хороший опыт, посмотреть, как это все работает.

Сейчас по нашему направлению противник работает с большими «птицами», с матками. Плюс они... не жалеют «птицы». Ребята пэвэошники сказали, кто нас прикрывал в том числе, что они обнаружили 17 «птиц» противника. Мы не всегда можем себе такое позволить, например, что на один расчет пустить, хотя тоже отрабатываем по полной программе. Сейчас испытываем новые технологии в рамках нашего подразделения. Мы перенимаем опыт и у противника.

А сам я родился в Москве, всю жизнь в Москве прожил. Занимался торговлей, продажами. Обыкновенный менеджер по продажам.

Командир отделения роты охраны, Центр специального назначения беспилотных систем БАРС-Сармат, позывной «Бэха»

Я служил в вооруженных силах 2023 года, вышел на пенсию. А в 2024 году пошел на СВО в 11-й БАРС. Я родился в Краснодарском крае. Потом пошел в военное училище связи, был распределен в 82-ю бригаду, после этого был в штабе округа.

Конечно, меня жена не хотела отпускать в третий раз на контракт, но согласилась, и все, я уже здесь.

А в 11-м БАРСе я сначала служил во второй роте, мы там занимались закрепом, то есть мы закреплялись.

А во втором контракте я уже служил в разведывательно-штурмовой группе. Там мы штурмовали уже опорники под Работино. Токмак, Работино и чуть выше, Курахово.

Мне запомнился один наш выход, когда мы заходили 10 человек, а пришли на точку пять человек. Пять человек были ранены, и один был убит. Мы должны были прийти на точку и там закрепиться. Нас их беспилотник спалил. Начался обстрел из минометов, потом кассеты, и все. Потом пришла эвакуация, мы четырех посадили на «буханку». Один там остался, а впятером мы уже ушли пешочком до опорника. Мы только туда пришли утром, а все это происходило днем. Это километров 6—8. Там обстреливали нас из всех видов вооружения. И танк по нам работал, потом уже, когда мы поближе к ним проползли. И «птичек» очень много было. Прям очень много. Опорник мы захватили. Там было два человека, они и отстреливались, и координировали удары. У них была «птичка», они все координировали, наводили удары.

Идти страшно было. Ну нормально, че, мы живы. Танк по нам работает, плюс кассетами обкладывают. Понимаете, надо взять яйца в руки и пойти. И все. По-другому никак.

Ну и ложиться надо. Лежать как можно ниже. Найти для себя какое-нибудь углубление, чтобы тебя не прибило, если кассеты. Минометы — это тоже спасет углубление. Может быть, где-нибудь найти ров, может быть, окоп. Это надо лавировать, надо. А от танка вообще ничего не спасет, если он попадет. Но он в тот раз от нас бил, допустим, 150 метров вправо, 100 метров левее. Короче, нас там убивали, но мы выжили. Я награжден медалью «За храбрость» второй степени за Работино в посадках.

В 11-м БАРСе мне запомнился командир БПЛА, хороший мужик. А до этого он служил в «Шторм-Зет».

Он осужденный был. Служил там и потом пришел к нам. У него командная струна такая, командная жилка. Он не только командует, он управляет людьми.

А сейчас я командир отделения, мы выезжаем, мы охраняем электростанцию мелитопольскую. Из вооружения у нас там «Корд», спарка из ПКТ, и один сейчас на прожекторе, который направляет, допустим, нашел и нам показывает, куда стрелять.

Надо учиться у противника. Смотрите, как у них это все происходит. У них сидит один на наблюдательном посту, у него со всеми подразделениями есть связь. Допустим, он нашел кого-то, допустим, идет группа, он докладывает не своему командиру, а сразу докладывает и передает координаты тому орудию, которое это сможет сделать. Он, допустим, вызывает сразу миномет. Миномет начинает по нам работать. А у нас как это все происходит? Допустим, увидел наш боец, он докладывает своему командиру отделения, командир отделения — командиру взвода, командир взвода — командиру роты. Пока это все дойдет, пройдет очень много времени. Надо это менять.

А в плане обеспечения у нас все отлично: что поесть, чем обогреться, из чего стрелять и что стрелять. Отличное обеспечение.

Командир взвода, Центр специального назначения беспилотных систем БАРС-Сармат, позывной «Ухта»

Добровольцем я служу с 2022 года. Начинал в БАРСе-18, еще на Краснолиманском направлении. И с тех пор по разным отрядам веду свой воинский путь. В сентябре 2022 года убыл на Купянск в составе

БАРС-9 и там проработал три контракта. Полтора года на должности командира роты. После чего уехал в другой БАРС, побывал на Бахмуте. Потом поправил свое здоровье и прибыл сюда. Подписал контракт в ЦСН «Сармат». И уже полгода служу здесь.

У меня есть орден «За заслуги перед Отечеством» II степени и медаль «За храбрость» II степени за штурмовые действия. В феврале 2023 года мы пошли в штурм со своим подразделением. Это на Купянском направлении. Отжали полтора километра нашей земли, не потеряв ни единого бойца. Пошли ночью, с тепловизорами, с приборами ночного видения, скрытно зашли на позиции противника, перебили их всех и продвинулись к следующему опорнику, его тоже забрали. После чего на позиции закатились мобилизованные, нас поменяли.

Нас заходило две группы по 10 человек в две лесополосы. То есть мы прошли две параллельные лесополосы по полтора километра протяженностью. Дошли до самого конца. В ночи группой непосредственно руководил я, и одно, и второе наблюдались за ними с дрона. Корректировал их действия, давал указания. И вот таким образом мы добились успеха. Ребята шли наиболее подготовленные. Понимали, что задача на самом деле очень интересная. Ее реализация у нас была отличная. Мы были хорошо снаряжены, хорошо подготовлены. Я сам лично занимаюсь подготовкой штурмовых групп, обучением. Также я занимаюсь обучением личного состава, передачей своего личного боевого опыта.

Вторую награду я получил тоже за штурмовые действия, но уже на Двуречье. Это возле Первого Лимана. Это все на купянском направлении, это, получается, справа непосредственно от Петропавловки, Купянска. Мы забрали энное количество оборонных пунктов противника. Многих там перебили.

Мы заходили группами по четыре человека, окапывались. Максимально сделали упор на скрытность. Когда уже подошли метров на сто к опорнику противника, завязался бой. Первый опорник мы взяли с боя. Справа от него находился другой опорный пункт противника. Нам повезло, противник оттуда ушел, услышав стрельбу соседнего опорного пункта, мы его заняли без потерь. И дальше пошли, вышли на деревню через сосновый бор. Энное количество опорных пунктов мы тогда взяли. Там в районе шести. Там сидело по отделению примерно от семи до десяти человек в каждом. За эти успешные действия я как раз получил медаль «За храбрость» II степени.

С 2022-го объективно стало тяжелее воевать. Тяжелее воевать стало ввиду того, что сейчас очень много дронов. Это осложняет эвакуацию, подвоз, поднос боеприпасов, провизии, воды. Бывало, что в 2022 году мы чуть ли не на позиции на машине заезжали, неподалеку выкидывали продукты, боекомплекты. А сейчас мы высаживаемся в 15 километрах от ЛБС и идем это расстояние пешком до позиции. Если раньше мы раненых эвакуировали мгновенно ввиду того, что нам давали такую возможность, сейчас транспорт подрывается еще на подлете, даже на втором и третьем эшелонах. Сейчас эвакуация очень тяжело идет. Соответственно, трехсотый превращается в двухсотый, ввиду того, что временные рамки увеличиваются. Но, с другой стороны, у нас очень сильно подросла подготовка личного состава в плане тактической медицины. Если в 2022—2023 годах «тактическая медицина» было словом незнакомым, то сейчас каждый боец лично обучается. У людей в головах появилось понимание, что это нужно и это важно.

Противника мы уже переросли, научились хорошо воевать. Вооруженные силы Российской Федерации

наступают по всем фронтам. Это касается абсолютно всех направлений, даже тех же самых старых отрядов, с которыми я общаюсь, везде мы давим, везде наступаем, и это, конечно, не может не радовать.

Я со многими старыми сослуживцами на связи. Из тех, кто живых остался. Мы семьями дружим. Объективно, я один из самых молодых в отряде. Но при этом мой круг общения — это, как правило, те ребята, с которыми бок о бок в окопах бегали, под дронами штурмовали. Я и свою команду сюда завел с людьми, с которыми работаю не один год. Все тоже на самом деле ребята бывалые.

Поначалу было страшно. Но ввиду того что уже опыта боевого набрался, уже много чего повидал, мало чем удивить, страх ушел на второй план. Просто делаешь, и все. Ведь я знал, что от моих действий напрямую зависит жизнь личного состава, людей, за которых я отвечаю. И вот это чувство ответственности полностью затмевает чувство страха. Страх появляется уже потом, когда ты сидишь и осознаешь, что произошло. А когда какие-то активные действия происходят, страха нет. Холодный расчет, аналитические способности, и все.

Когда я пошел на СВО, отец очень удивился, но не стал отговаривать, не сказал ни слова. Только единственное, что он приобрел мне снаряжение. Сказал: «Сын, держи».

А родился я в Республике Коми. Я сам комяк. И после я поступил в суворовское училище. Поступил в Московское высшее общевойсковое командное училище. Закончил его, послужил на Кавказе, после чего уволился и пошел в добровольческие формирования, отдавать долг Родине. Мой младший брат, он вместе со мной тоже закончил Московское высшее общевойсковое командное училище, он тоже находится тут. Он на Гуляйполе находится сейчас. Я зашел в июне 22-го, брат зашел

в октябре. Если честно, даже не виделись еще ни разу. Отец безумно гордится обоими своими сыновьями.

Старший стрелок роты охраны и сопровождения, Центр специального назначения беспилотных систем БАРС-Сармат, позывной «Череп»

Я пошел потому, что надоело в стороне сидеть. Задумка-то у меня была давно, с самого начала уйти, но хотел доработать свою пенсию сотрудника органов внутренних дел. Доработал и пошел сюда. Жену готовил уже с самого начала, с 2022 года. Говорю, вот я пойду. Она говорит, да никуда ты не пойдешь. Я говорю, пойду. Готовился, проходил всякие курсы, тактику. В общем, готовился. Чтобы не идти просто как на амбразуру ложиться. Просто пошел, уже когда более-менее что-то умею. Не хочется, чтобы беда постучалась в мою дверь, хотя она уже стояла у нас на пороге. Поэтому я здесь.

Сейчас мы подстанцию охраняем от вражеских налетов БПЛА. Однажды троих сбили. Работаем с «Корда». Силен и коварен наш враг, но мы с честью защитим Родину.

Стрелок, Центр специального назначения беспилотных систем БАРС-Сармат, позывной «Стафик»

Я начал с гуманитарки, потом пошел в добровольцы. У меня вообще вся семья военная была, я из военного городка. Когда был Афган, я все время смотрел и смотрел, как прилетали борты, потому что жил в военном городке. И отец военный у меня был. Когда уже начал

в Донецк гуманитарку возить, уже как-то мне это надоело сидеть на гражданке. Я тоже на гражданке много помогал, но решил непосредственно сам принять участие, потому что все время меня это дело беспокоило. Зная о том, что Родина — она одна, поэтому для меня это боль была сердечная и душа болела.

Я когда подписал контракт, никому не сказал, только уже в конце узнала дочь об этом. Я самостоятельный мужчина, все время принимал решения самостоятельно. А доброволец — это человек, который добровольно хочет помочь Родине, потому что она у нас одна.

В боевых условиях вся душа и все тело переворачиваются, страх присутствует всегда. Но когда «ни шагу назад», когда ты понимаешь, что во время налета беспилотников, ты понимаешь о том, что люди — дети, матери, которые ждут тепла, света, их нужно защитить, чтобы у них было все хорошо. Соответственно, ты принимаешь решение, которое зависит только от тебя. Надо любой ценой сбить беспилотник, чтобы он не повредил что-то жизненно важное.

Я сам родился в Крыму. С четырнадцатого года моя мама помогала солдатикам, возила хлеб, потому что работала в церкви. Родился я в семье военных, жил в военном городке. Потом закончил училище, работал электриком, потом уехал на Север, на Севере работал очень много, в газете работал, печатником работал. Потом закончил училище, институт закончил, начал работать в энергетике.

Пулеметчик, Центр специального назначения беспилотных систем БАРС-Сармат, позывной «Фокус»

Я на СВО уже почти два года. Этим летом здоровье восстанавливал, восстанавливался, отдыхал и вот сейчас

опять вернулся. Начинал в «Редуте». Это Артемовское направление, больше известное как Бахмут. Это был артиллерийский полк. Я там был сапером, то есть разминировал территории, инженерная разведка, подрывы ненужных зданий, мешающих артиллерии конструкций. Много было работы.

Там здание мешало, секция здания трехэтажного мешала орудию стрелять, и попросили убрать. Оно уже и так было полуразрушенное.

А однажды план разминирования надо было делать. Тогда на наши орудия дроны противника сбросы сделали. Они на боевом взводе застряли в мангале. Мы руками доставали это все. «Баба-Яга» прилетала. Это очень высокая степень опасности. В любой момент может бабахнуть.

Вот если граната на боевом взводе, а ты ее вытаскиваешь из сетки, это страшно всегда. Но ты воспринимаешь это как работу, задачу, которую нужно выполнить. Вообще у саперов две крайности бывают. Важна концентрация внутренняя, понимание алгоритма действий. Чтобы максимально снизить риски в твоей работе. Максимально аккуратно работаешь, в голове крутишь алгоритм действий.

У противника инженерная мысль в плане боеприпасов тоже идет. Сейчас идет век 3D-принтера, когда корпуса делаются на 3D-принтере, начиняются взрывчатыми веществами, поражающими, осколками. Люди делают в гараже корпус и привозят. Они уже дорабатывают его. То, что было раньше штатными боеприпасами, они делают это кустарно. У себя в подразделениях. Выплавляют взрывчатые вещества. Делают конструкцию какую-то. При этом они смотрят, эффективно или неэффективно. Если в прошлом году у них много несработок бывало, то сейчас это очень сильно шагнуло

вперед. Именно из-за этого дефицита штатных боеприпасов у них самодельные взрывные устройства порой на порядок лучше штатных.

У меня семьи нет, но я долго готовился, разные курсы проходил, много читал, покупал снарягу и уже психологически был готов. Добровольцы — это люди, которые любят свою Родину. Мы все разные, очень разные люди, но все мы объединены одной целью. Всех нас объединяет в первую очередь любовь к Родине. Мы любим свой народ, свою родину, и все идем по зову сердца.

Я сам в Москве родился, занимался в основном транспортной логистикой. В какой-то период в торговле работал. В армии не служил. Но, когда понадобилось, собрался и поехал.

Разработчик встраиваемых систем, Центр специального назначения беспилотных систем БАРС-Сармат, позывной «Кросс»

Мне 22 года. Пошел служить потому, что в мой родной город начались прилеты. Раньше я не чувствовал, что как-то меня СВО касается, жил себе и жил, учился. А потом начали гибнуть мои сограждане, люди, которых я не знал, но с которыми, вполне возможно, пересекался на улице. Я понимал, что так не должно продолжаться. Я могу что-то сделать для того, чтобы это быстрее закончить, и над моим городом снова было мирное небо. Родные меня поддержали. Конечно, волновались сильно, очень боялись. Но самое главное, отец сказал: «Да, я поддерживаю твое решение».

В целом все наше подразделение, наш взвод, занимается ПВО, именно малой беспилотной авиацией.

Мы пытаемся повысить эффективность ПВО. Это — сбивать дроны другими дронами.

Найти машину на земле и найти дрон в небе — это добавляется дополнительное измерение по высоте. И дрон движется, дрон может двигаться быстрее, чем машина, намного быстрее, и 200 км/ч, иногда даже 300 они могут летать. Поймать дрон, который может быть на высоте от 200 до 2 км — задача сложная. Поэтому применяются множественные методы, как это все упростить и облегчить задачу, и найти его, и сбить. И мы занимаемся тем, чтобы эти методы расширять и улучшать.

Противник у нас очень умный, очень хитрый, очень хорошо финансируемый. И многие решения, которые они принимают, в том числе и по ПВО, и просто по применению дронов, мы, конечно, на них смотрим, анализируем, перенимаем, как они их применяют, из чего они их собирают. То есть мы стараемся взять все то лучшее, что у них есть, и адаптировать под наши собственные условия.

Элементная база у нас с противником тоже радикально отличается. У китайцев закупаем и мы, и они, но у них встречается и оборудование за миллионы долларов. У нас все собирается, не скажу, что максимально дешево, но мы стараемся сохранить ценоэффективность, скажем так, по применению. Им не особо жалко потратить ударный дрон за миллион долларов. То есть для них это нормальное дело. Для нас, конечно, миллион долларов — это деньги, которые не увидишь.

Например, была перехвачена украинская лодка, которая запускала дроны. У нее четыре контейнера на оптоволокне. И в самой еще лодке БЧ. И вот в этой лодке стоял «Старлинк». И мы так прикинули, что стоимость этой лодки где-то 15 миллионов долларов.

А эта лодка в один путь идет, она назад не возвращается. Они ее запустили. Это беспилотная лодка, которая подходит к цели, запускает дронов на оптоволокне, при этом управляется сама со «Старлинком», и дроны тоже «Старлинком» управляются. Она отработала, и после этого, используя свою БЧ, она влетает в какую-нибудь опору моста, и моста нет.

Сейчас мы вполне эффективно им противодействуем. Наши отряды спокойно отрабатывают и по их расчетам, правда и их расчет отрабатывает по нашим расчетам.

Я в меру своей специальности работаю с отрядами ПВО. Самое важное — это информация. Нам нужно улучшать то, сколько информации у нас есть по цели, какого она качества и как легко ее можно получить и использовать. РЛС рассчитаны на отслеживание снарядов, но изначально они собирались для контрбатарейного огня. Сейчас с их помощью отслеживают дронов.

Помимо этого вот оператор на РЛС, у него есть ноутбук, АРМ, автоматизированное рабочее место, он на нем открывает трансляцию, и остальные расчеты подключаются к этой трансляции и просто смотрят на его экран. Ну то есть это максимально кустарно. И РЛС используется не по своему прямому назначению, а трансляцию ведут. Мы стараемся облегчить именно способ довода информации.

Я сам из Воронежской области, отучился в Воронежском государственном университете, как раз факультет компьютерных наук. Как я закончил бакалавриат, пошел в БАРС. Отправил заявку, мне сказали: да, нам такие специалисты нужны. У меня как раз профиль «встраиваемые вычислительные системы интернет-вещей». И вот я пришел и, по сути, занимаюсь тем, ради чего я учился, на благо страны.

Командир отделения, Центр специального назначения беспилотных систем БАРС-Сармат, позывной «Декан».

Я — командир отделения. В основном занимаюсь разработкой деталей, моделей, 3D-печатью. Детали, модели для воспроизводства на станках. Я — инженер, родился в Краснодарском крае. Отучился в Кубанском государственном технологическом университете — «электроэнергетика и электротехника». 20 лет проработал на предприятии.

У меня уже второй контракт, я долго к этому шел. По гражданской жизни работал, у меня должность — инженер-энергетик, но мне очень нравилась 3D-печать, я ее развивал. Это у меня началось еще с самых первых китайских принтеров. 10 лет назад, уже 11. Это началось с 2014 года. Когда началась СВО в 2022 году, я стал понимать, что печать — это будущее военной промышленности. В связи с этим, в 2023 году, когда началась мобилизация, у меня много родственников и знакомых попало под мобилизацию, заключили контракты, и я очень помогал нашей 10-й бригаде родной. Сам я из Краснодарского края. Затем уже вышел на умельцев фронту — это добровольцы, которые помогают фронту 3D-печатью. Вступил в сообщество и уже вместе с ними начали дорабатывать какие-то детали, изделия и помогать фронту. Ну и плавно мои мощности уже не могли потянуться с тем объемом, который у меня заказывали. И так как появился БАРС-Сармат, и сюда начали набирать добровольцев, и на 3D-печать в том числе, я решил заключить контракт, чтобы принести больше пользы здесь.

Родные и близкие полностью меня поддержали. Жена меня поддерживает. Дети у меня: один недавно

уволился со срочной службы. Младший изъявил желание тоже попасть в добровольческий отряд вместо срочной службы. То есть мы полностью и целиком поддерживаем наши войска, проведение СВО, всей семьей.

Мне понравилось наше отношение в работе на фронте. Любые изменения, которые необходимо вносить срочно в изделия, которые мы производим, надо вносить очень быстро, все это отлажено и быстро обновляется. Любые потребности — они находят у нас отклик, мы сразу реагируем и стараемся по возможности, по максимуму помочь нашим ребятам, которые в окопах.

Я в основном занимаюсь 3D-печатью, это основной вид деятельности. Мы производим системы РЭБ, такие как «Мгла», «Кентавр». И на данный момент мы производим новую генерацию переносного пехотного РЭПа, которая, я думаю, заслужит свое место в войсках. Оборудования в центре у меня более чем достаточно. По печати у меня более 100 современных принтеров, которые в месяц, если не останавливать их, могут съесть до 3 тонн пластика. Плюс у нас металлообрабатывающие центры, плюс у нас полный цикл по работе с листовым металлом: резка, гибка, довольно точные современные лазерные станки по резке, гибочный станок мощный, сварка любого вида — типа газовая, аргон не аргон, цветные металлы — все у нас есть.

Добровольцы — это люди идейные, они сюда идут за идеей. Люди очень разные, очень интересные. У нас здесь собраны инженеры, разработчики техники, станочники, наладчики. То есть люди разных профессий, но довольно-таки опытные, с большим опытом, с большим умением.

Здесь можно научиться новому оборудованию, новому виду работ на этом оборудовании, то есть обучиться новым полезным вещам, которые на гражданке были

недоступны. На гражданке была проблема у меня — так как мы люди гражданские, очень тяжелый доступ идет к инженерке, которая в войсках. Здесь же можно это пощупать, можно замерить, можно измерить. У меня обратная связь на гражданке составляла до месяца. А здесь уже проще — прикоснуться можно к любому устройству очень быстро. В связи с этим очень быстро происходит модернизация какого-то оборудования.

У противника новинки — это западные технологии. Любые их разработки, любые их нововведения идут оттуда. Противник хитрый, коварный, он очень быстро перенимает все новое, но это все при помощи Запада.

Разработчик программно-аппаратных комплексов, Центр специального назначения беспилотных систем БАРС-Сармат, позывной «Декарт»

Я давно думал пойти на СВО, но не мог на это решиться. Но товарищи из Московского суворовского училища, которые уже проходили здесь службу, позвали меня, и я присоединился. Я был на механико-математическом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Там проучился успешно один год и как раз-таки на втором курсе взял академический отпуск, чтобы стать в ряды БАРС-Сармата. Мама не знала до конца, я сказал буквально за пару дней до отъезда. Конечно, все переживали. Но, например, с женой мы это все обсуждали и приняли это, скажем так, единогласное решение, что надо пойти, принести пользу. Конечно, все переживают, но потихонечку привыкаешь, день за днем пролетает, задачи выполняются.

Удается на фронте результат показывать. Участвую в разнообразных проектах, начиная от наземных, заканчивая воздушными. Я был задействован в таких проектах, как работа с наземным робототехническим комплексом. Мы занимались тем, чтобы улучшить управление тележкой. Я занимался проектом по развитию искусственного интеллекта, который задействован в одном из наших проектов. Задача его такова: обучить полностью свою нейронную сеть на распознавание каких-то объектов, на их отличия с течением времени. Успел позаниматься разработкой определенных дронов и определенных систем для них. Мы в крайний месяц занимались такой системой, которая позволяет дрону независимо от его положения, независимо от координат по заданному маршруту возвращаться в исходную точку. Могу показать на примере дрона. Можете заметить, у него внизу камера. Получается, она считывает поверхность и строит, так скажем, маршрут, если говорить простыми словами. Камера «простраивает» маршрут, это все сохраняется, и при потере сигнала или при получении определенной команды дрон это понимает и по обратному маршруту возвращается на исходную точку.

А тележки могут быть транспортировочными, чтобы просто перевозить необходимый груз. В зоне боевых действий, где достаточно опасно передвигаться самому, загружается тележка, и она либо по заданному маршруту, либо на определенное расстояние едет и выгружается. Потом обратно возвращается, и вы снова ее пополняете. Есть тележки со «шмелями», то есть они помогают в каких-то наступательных действиях. Есть также оснащенные тележки пулеметами и так далее. То есть предназначения разные. Мы конкретно занимались — наш проект подходит для абсолютно

любой тележки — мы просто занимались, так скажем, развитием ее управления; конкретно дальность управления мы у нее развивали, чтобы это было как можно дальше и как можно четче без потери сигнала.

Добровольцы, которых я встречал, достаточно разные люди. Но если так посмотреть, это люди в большинстве своем идейные люди, которые приходят дать максимальную пользу. Могут работать без выходных не покладая рук днем и ночью. Браться за любые проекты, за любую работу.

БАРС-20 «ТРАНСНЕФТЬ»

Командир отряда, добровольческий отряд отряда им. святого Ильи Муромца БАРС-20, позывной «Док»

Мне 59 лет, я доброволец с 2023 года. Мы вместе с братом приняли решение заключить контракты. Мы оба были в отряде БАРС-20.

Я начал с замполита третьей роты, потом стал начальником разведки в 2024 году, потом его замом, а с августа 2025 был назначен командиром отряда. Мой младший брат, тоже Владимир, он тоже начинал в отряде, в нашем БАРС-20, сейчас в отряде БАРС-38.

Изначально я поехал на Донбасс помогать людям. И на тот момент, уже это в 22-м году, когда началась СВО, специальная военная операция, в марте месяце, мы с братом, опять же, уже были на Донбассе. И до 2023 года помогали, чем могли. Прежде всего подразделению Народной милиции ДНР. А потом уже поняли, что надо переходить от помощи простой к помощи непосредственной. 26 февраля 2022-го года за мной брат заехал на машине, супруга спросила: «Тебе говорить — бесполезно?» Я говорю: «Бесполезно». Сели в машину и уехали. А у меня шестеро детей. Четверо мальчиков, две девочки. Старшему тридцать шесть — он со мной в отряде, командир батареи. Он со мной

уже третий контракт. А сам я родился в Краснодаре на Кубани.

А БАРС-20 начинал на Херсонщине. Им ещё «Ратибор» командовал. Это когда мы уходили от одного берега на другой. Когда было плановое отступление. На двух баржах вывозили, переправлялись с одной стороны на другую. Ну вот начинали, в общем, на Херсонщине, потом Кременная, потом Старомайорка — это уже 2023 год. Петряковский выступ, Гуляйполе.

БАРСы — это вообще закрепы, удержание, вторая линия. Иногда из второй линии становится первым и выполняет свою задачу. Это война. Есть поставленная задача, её надо выполнять. Сказано закрепиться — значит, идёшь закрепляться, заходить и зачищать.

Мы были на Гуляйполе, у нас заход тяжёлый был. Ничего, справились. Не без потерь, к сожалению, но справились. Ребята молодцы, геройские все парни.

А у украинцев сейчас новая тактика: они отходят, дают там зайти, потом прилетают FPV-дроны, крылья, разведчики и просто разбирают всех. Они практически стараются не вступать в прямой огневой контакт. А сейчас они получают немецкие дроны на искусственном интеллекте.

Получил Георгиевский крест IV степени за трудный выход. 16 часов выходили с переднего края с двумя ранеными. За Любимовкой, так скажу. И вот придавили нас FPVшками, артой, и пришлось прорываться на автомобиле. Прорвались. Забрали ребят. И вот назад уже выходили 16 часов. Причём приходилось и бросать машины, и возвращаться за ними. Это 2024 год.

Вообще шансов противнику мы оставить не должны, а то они потом смогут все это повторить.

Командир отряда, добровольческий отряд отряда им. святого Ильи Муромца БАРС-20, позывной «Отто»

Я сейчас работаю в «Транснефти». У меня позывной короткий и редкий. Особо запоминать его не надо, потому что были там разные и лепесточки, и цветочки. И дедов человек шесть у нас было. Все, кому к шестидесяти и плюс. Они думали, что они деды, и все называли себя дедами. И дедов было куча. Ну и позывные иногда совпадали. А тут вроде никому ничего не мешало. Человек сам себе придумывает позывной. Кто-то по фамилии, кто-то по имени. Некоторые заморачивались: «Буду Лехой». И всё. Позывной «Леха».

Я родом из Новгородской области. Сначала у меня друг Иван уехал на СВО. Мы с ним вместе учились в академии, потом вместе служили. Друзья с 2004 года. Он мне неожиданно сказал, что уезжает на СВО, как раз в отряд БАРС-20. Потом у меня сын буквально через два месяца должен был на СВО уехать, старший. Потом получилось так, что мы еще на другой работе должны были разносить повестки по мобилизации. Я видел, как люди скрываются, убегают, кто-то, наоборот, там женится. Я, как полковник, под мобилизацию не подходил. Нужны были рядовые. Я понимал, что в добровольцы — это единственное, куда я могу сейчас попасть. Поэтому я принял такое решение. Семья не успела никак отреагировать по большому счету. Поэтому я сделал всё быстро. И потом уже сказал, что я сейчас иду в военкомат, оформляю документы и через два дня уезжаю. Семья пока это осмысливала, старший сын с женой меня отвезли в итоге на Казанский вокзал, я сел в поезд и уехал. Здравия желаю.

На СВО был награжден орденом Мужества. Мы находились под Кременной. Получилось у нас наступление

на 800 метров, и мы удерживали высоту. В ходе удержания высоты ДРГ украинские пытались прорваться, и мы эту высоту удержали по большому счету. Уже в темноте я был ранен и эвакуировался с помощью товарищей.

Мой друг Иван в 20-м отряде был простым командиром взвода, ну, это должность старшего лейтенанта. В свои годы он, несмотря на свой возраст и своё звание, сидел с бойцами в окопах, ночевал с ними. Он всё это пережил вместе со своими бойцами.

Вспоминаю командира группы, позывной «Наёмник». Когда был бой, они поехали со мной. Надо было вывезти раненых оттуда, но они тоже приняли бой, и мы выводили раненых. То есть получилась такая картина, что справа «Наёмник», и он думал, что это кровь из меня течёт. А текла кровь у него по ноге. Оказывается, он в ногу был ранен. И слева ещё один — позывной «Святой». Представляете, с одной стороны — «Наёмник», с другой — «Святой», и я между ними болтаюсь. Мы выводили людей оттуда. Люди, несмотря на то что им неделя осталась до дома, они рисковали своими жизнями. Несмотря ни на что.

Я в 20-й отряд БАРС попал 7 октября. Перешли мы за ленточку, 7 октября отряд закрепился в Кременной. Я был назначен замкомандира отряда. Удерживали позиции на разных рубежах. Так как у нас было именно боевое подразделение, то есть укомплектованное, мы всегда стояли на первых рубежах. То есть периодически ротации проводили, периодически мы позиции меняли где-то.

Потом я стал командиром 20-го отряда БАРС. Тогда мы приняли в свой состав еще одну роту, порядка 120 человек. И на 5 декабря было назначено наступление, занять полосу. Там 800 метров вперед

и по фронту, наверное, где-то полтора километра. Мы ее заняли. Причем заняли уже с этой ротой, которая пришла. У нас своих людей было мало, и они в основном занимали позиции на рубежах. 5 декабря заняли эти позиции и удерживали их до 11 декабря. Враг постоянно обстреливал, какие-то диверсионные предпринимал действия, несколько диверсионных групп пыталось прорваться. Из одной группы мы двоих пленных взяли, командира группы и рядового, они были доставлены в штаб полка.

А 11-го числа они пошли на прорыв, и с левого фланга, полоса была большая, полтора километра люди были растянуты, а левый фланг — там ограниченное количество человек. Мы с теми людьми, что я приехал из «Транснефти», прорвались туда. Оказалось, ничего, держат позиции, но их там три или четыре человека оставалось. Мы усилили там оборону и в середине дня держали эти позиции. Фактически кто там был, все были ранены. Получилось, что и меня ранило, я был эвакуирован. Эту полосу удержали, но немножко сместились во фланг. 11 декабря меня уже отвезли в госпиталь.

У нас было три «Урала», побитых уже, израненных, но они были. Потом пришли от «Транснефти» еще два уазика. То есть мы могли себя сами обеспечивать, каждый месяц выезжать, и был заключен контракт с хлебокомбинатом, который нам свежий хлеб поставлял. Министерство обороны завозило на неделю хлеб, и мы еще каждые два дня свежим хлебушком питались. Вооружения не всего хватало, когда отступали с Красного Лимана, часть вооружения была уничтожена, что-то сожжено специально, чтобы не досталось врагу. Зато было и трофейное оружие с патронами. Минометный взвод — всегда мины завозили им, боеприпасы у нас не заканчивались. И противотанковый был комплекс.

«Транснефть» помогала по вещевому обеспечению. Зима пришла, нам прислали на всех по размерам теплые берцы, «горки» приходили. На зиму пришли утепленные «горки», маскхалаты. То есть «Транснефть» не забывала и всегда нам что-то подкидывала. И посылки приходили от родственников бойцам. Ну то есть это было налажено, и было все хорошо.

Противник — это наши бывшие братья, они также совершенствуются, они приемы и способы совершенствуют свои. Им помогает вся Европа, но мы должны угнаться за этим, вырваться вперед и уничтожать их. Реально они нацелены на все наши объекты. Мы видим, что они наносят удары, каждый раз совершенствуются. Мы закрываемся, с одной стороны, закрылись с юга. Они все это со спутниками видят и начинают нас атаковать с севера. То есть заходят с разных сторон, используют разные БВС разного типа. То есть легкие, тяжелые, с камерами, просто ударные дроны. Они управляются по «Старлинку», меняют направление, запутывают, идут на малых высотах, то есть они не просто так запускают, запустили и забыли. Нет, они все управляются, все идут на свои цели. Наша задача — выловить их и уничтожить.

Когда-то украинцы — это был братский народ, я сам Харьковское танковое училище оканчивал, много украинцев тех же училось. Потом эти все марши нацистские, то есть у них, видимо, много было построено на привлечении молодежи к военным мероприятиям. Взяли мы двоих пленных, они из Львова, полк во Львове формировали. Нас просто, говорят, отправили в армию, бросили вот сюда. Те же солдаты, то есть никакой неприязни. Когда мы командира вытащили, у него на руке были пальцы оторваны. Я заставил перебинтовать его. Солдаты: не будем его бинтовать. А я говорю: «Мы его в плен взяли,

мы должны ему оказать первую помощь, довезти, а потом с ним уже пусть другие принимают решение».

Мы этих пленных два километра выводили. Они раненые оба были. Один в руку, один куда-то в бок был раненый тоже. Кровь с него сочилась, но шли бодренько. Мы увидели с бойцом, что радиостанция лежит. Один приполз сам к нам, сдался, раненый, а командир лежал. Мы решили добежать до радиостанции, забрать автомат. И еще одноразовый противотанковый был у них типа нашей «Мухи». И мы добежали. Я бойцу: «Давай, хватаем». Мы схватили его под руки и вниз головой, там по кустам, мы его затащили, и он оклемался, перевязали ему руку.

Начальник штаба, добровольческий отряд отряда им. святого Ильи Муромца БАРС-20, позывной «Овчар»

Я работаю в «Транснефти». Во время участия в СВО — начальник штаба 20-го добровольческого отряда БАРС. Позывной такой потому, что по году рождения я — собака и вообще люблю собак.

Пошел добровольцем потому, что в принципе всё просто. Ты или принимаешь одну сторону, или не принимаешь вообще никакую. У нас как? Каждый помогает Родине как может. Кто-то качает нефть, кто-то занимается волонтёрством, помогает нашим ребятам, кто-то непосредственно служит в армии и выполняет задачи непосредственно на СВО в боевых условиях. С учётом моего возраста, звания воинского и специальности по мобилизации меня бы не призвали. Поэтому единственный вариант был туда уйти — это пойти добровольцем. Там все равны, довольно всё просто: если ты решил — пожалуйста, без проблем.

Поэтому, когда встал вопрос, что формируется отряд БАРС из своих сотрудников «Транснефти», это было еще проще и лучше, потому что ты идёшь в довольно сложные условия, по сути, в своём коллективе. Пусть даже с разных мест. Быстрее и проще общаться, тем более что боевое слаживание проводится в очень короткий срок. В том положении, в котором находились мы, времени больше просто не было. Собирали всех быстро, нужно, видимо, на тот момент это было. А мы друг друга знаем, система одна, всё понятно, ясно, связь с компанией у нас была практически постоянно. Мы друг друга поддерживали.

Как вот в данных условиях быть лучшим примером для своих? Лучший пример — это когда ты встал, пошёл и сделал то, что надо, точно никто не скажет, что ты сидел в кустах и ждал чего-то. Наверное, это было правильное решение, на мой взгляд, на тот момент.

Мои близкие меня хорошо знают, поэтому в принципе они не удивились. Но я всегда по жизни не искал лёгких путей, первый шаг быстро прошёл, всё остальное уже наладилось само собой. Было, что и отступали, потом закрепились, выполняли задачи на этом рубеже, а потихоньку продвигались вперёд.

Помню в начале сентября 2022 года дожди, слякоть, с учётом чернозёма — сложная местность. Продвигаться было тяжело, содержать оружие и технику в нормальном боеготовом состоянии ещё сложнее. Как-то выходить из положения было очень тяжело. И в этот момент противник как назло предпринимал всё больше усилий для того, чтобы попытаться нас из этих траншей и с этого рубежа скинуть.

Но потери были, конечно, однако из наших никто оттуда не ушёл. Все остались до конца, и задачу мы выполнили. Но до сих пор помнятся и те ночные бои, когда

днём всё тихо и спокойно, ночью только попытаешься дать возможность людям отдохнуть — но не получается. К сожалению, резервов у нас на тот момент тоже было не очень много. Сказывался дефицит личного состава, потому что только началась мобилизация, пошли на комплектование подразделений постоянного состава вооружённых сил. Нам помочь тогда мало кто мог — только сами себе, но мы все удержали. Сложно, тяжело, но удержали.

Нам постоянно шла волонтёрская помощь и помощь от «Транснефти». Как сейчас помню, пришли тёплые носки, вообще нижнее бельё, а когда люди приходили мокрые все насквозь, просто надеть нечего, оно всё пришлось кстати. Лекарства тогда нам присылали, как раз нужные нам в первую очередь — от простудных заболеваний, от боли вообще. Сладости, кстати говоря, я хочу сказать, горячий чай и сладости очень помогают в таких условиях. Дух, я хочу сказать, подняли они серьёзно.

А еще в некоторых коробках от сотрудников «Транснефти» были письма, много от наших работников посылались. Одно письмо у меня сохранилось, где, знаете, как родной человек родному пишет, когда хочет его подбодрить и показать, насколько его дома любят и ждут. Я это письмо нашим всем зачитал, оно очень хорошо подействовало эмоционально, морально, поддержало. Ну и тёплые вещи, как говорится, сделали своё дело. Да, ещё спальные мешки тогда прислали очень к месту, очень хорошо, потому что условия проживания были не очень. Дождь шёл около недели на тот момент, и, конечно, это помогло. Мы попытались и сделали небольшую ротацию для того, чтобы через пару дней людей вытаскивать оттуда, менять, помыться, согреться, прийти в себя, и по новой в траншею.

Из сослуживцев Сергей мне очень запомнился. Он потом стал начальником отряда. Он к нам пришёл немножко позже, чем все остальные, ну так получилось, и сразу занял должность замначальника отряда. После первых же боёв стало понятно, что это человек очень отважный, очень простой в общении. Его уважали и любили все подчинённые, потому что он никогда не боялся идти вперёд, не боялся впрыгнуть в окоп.

Это человек, которым можно гордиться, с которого можно брать пример, он достойно выполнил свою задачу и сам не ушёл, пока его же силком не вытащили в связи с его ранением. Но выполнили они тогда задачу, молодцы, под его командованием. Это пример достойный, серьёзно.

За участие в СВО у меня орден Мужества. Ну я считаю, что награда скорее была дана авансом. Ребята у нас там были и покруче, и посмелее. Но если родина оценила так, значит, так. Просто мы делали то, что надо было делать на тот момент, и помогали, насколько могли помогать. Думаю, наверное, так и должно быть.

А по снабжению много нам обеспечило соединение, от которого мы уходили непосредственно в зону СВО. Они там нас укомплектовали определёнными техническими средствами, но в дальнейшем ресурсы эти истощались по разным причинам. Определённый конкретный отряд БАРС прикрепляли к конкретному, к примеру, мотострелковому полку. Мотострелковый полк по своей задаче обеспечивал сам себя. А обеспечить кого-то ещё он не мог, так как не было предусмотрено. Со временем задачи наладились, и уже как-то стало всё приходить в норму.

Но когда мы нуждались в чём-то небоевом, что могло нам помочь в выполнении задач, но не являлось ни боевым оружием, ни боеприпасами, в частности,

техника, продукты питания и так далее, в этом отношении нам серьёзно помощь оказывала как раз наша компания, за что я лично очень благодарен. Эта помощь была неоценима. В том числе и волонтёры наши и не только наши. Мы получали посылки и от администрации Московской области, и просто от жителей разных регионов. Это было приятно и нужно.

Интересно, что я в своё время начинал службу на территории Украины. Окончил одно из военных училищ, которое находилось в Киеве. На тот момент тактика, оперативно-искусственная стратегия в целом, была в Советском Союзе одинакова. Они, в частности, после развала Советского Союза всё это дело оставили в самом начале. Зачем менять то, что уже проверено годами, адаптировано и так далее? Но со временем, когда стало ясно, что они повернулись больше лицом к Западу и помощь начали получать от Запада, естественно, у них тактика изменилась, и принципы ведения боёв, в частности, поменялись. Но на сегодняшний момент, я хочу сказать, они полностью переняли тактику действий сухопутных войск стран НАТО. И они этим пользуются с учётом того, что им помогает, с учётом того, что у них и на их территории не только действуют инструкторы, представители вооружённых сил стран, входящих в НАТО, их военнослужащие, а ВСУ отряжаются туда для обучения. Ну и наёмники, конечно, вносят свой вклад. Как правило, наёмники эти — в основном бывшие военнослужащие этих же стран НАТО.

Поэтому тактика сказывается. Сначала изнурительные артиллерийские обстрелы. В какой-то степени сначала авиационные удары, у них авиации стало мало, но артиллерия, особенно дальняя, у них хорошо действует. Со временем её место заняли беспилотные

аппараты, но на тот момент, 2022—2023 год, такого не было. Артиллерия в основном дальняя, РСЗО очень серьёзно наносила нам ущерб. Малые беспилотные аппараты типа квадрокоптеров или чуть побольше — в основном с нанесением ущерба именно личному составу. Тогда выводили из строя, как правило, личный состав на передовой, сбрасывая различные взрывчатые элементы, что в определённой степени должно было повлиять на моральный дух, ну и, соответственно, вывести из строя ранеными определённое количество людей. В целом тактика сама по себе может быть где-то оправдана. Но мы её научились распознавать, научились ей противодействовать. Я думаю, что со временем что-то хорошее мы оттуда тоже возьмём. Опыт войны показывает, что надо брать лучшее и у себя, и у противника. Потому что в дальнейшем надо понимать, с кем и как, где нам придётся если не вести войну, то по крайней мере противодействовать.

В своё время, когда я ещё был молодым лейтенантом, пришёл в войска, один опытный и умный командир мне сказал: «Если ты научишься посылать подчинённых на опасное задание, но при этом, сделав всё для того, чтобы они не погибли, тогда ты станешь настоящим офицером и командиром». Вот, наверное, самое сложное вообще в профессии военнослужащего — именно посылать своих подчинённых на смерть. В данном случае, даже не будучи военнослужащим, а просто добровольцем, но как бы ни было командиром, в определённой степени это всё сложно.

И ты понимаешь: сколько бы людей тебе ни давали, сколько бы там резервов у тебя ни было, если задача не будет выполнена и, не знаю, в данном случае мы этот рубеж сдадим, будет очень обидно за то, что мы понесли какие-то потери, люди погибли, кто-то ранен был, а ре-

зультата-то нет. Вот тогда мне стало страшно, что мы, когда я понимал наши возможности, силы и средства, и понимал, что есть шанс, что мы можем не выполнить задачу. Но мы ее выполнили. Мне помогли наши же товарищи: провели небольшую ротацию, мы провели небольшой манёвр силами и средствами, мы нашли в себе силы всё это дело преодолеть. Это было очень сложно на тот момент, страшно уж точно, потому что ночь, дождь, никто ничем помочь не может. Ну так сложилась ситуация, у подразделения Министерства обороны были свои проблемы, они их решали. Мы позицию не сдали и задачу выполнили.

Заместитель командира по военно-политической работе, добровольческий отряд им. святого Ильи Муромца БАРС-20, позывной «Лекс»

Я хотел еще раньше пойти на СВО, но мне говорили подождать. В 2024 году уже ждать стало невмоготу, и я решил всё-таки пойти. И сыну исполнилось 16, уже можно оставить на него семью. У меня трое — две девочки и младший сын.

Я родился в Краснодаре, учился. Средне-специальное образование — техник-электромеханик, высшее образование потом получил — юридическое.

Одна из причин, почему я здесь, что я человек советского времени, воспитанный в СССР. И нам всё время говорили: отдать долг Родине. Ну вот как-то в своё время не получилось его отдать. Сначала обучение, потом травма по здоровью. Пришло время отдавать долги.

У нас отряд достаточно сплоченный, большинство из отряда — костяк, у которых здесь не один контракт,

даже не два, а уже три, четыре. И люди приходят потому, что просто считают нужным, и они это делают. Запомнились, конечно, погибшие пацаны, которые были рядом с нами. Мы их знали, служили с ними, а сейчас их нет. И понимание этого очень тяжело.

Помощь человеческая запомнилась. Спасибо всем, кто помогает нашему отряду. Могу про «Транснефть» сказать, она помогала и старается помогать и сейчас.

Мой товарищ с позывным «Соболь» говорил, что противника можно не уважать, но нельзя недооценивать. Поэтому недооценивать их нельзя. Они воюют, они упорно воюют. Обеспечение идёт из всех стран НАТО, и пользуются они сведениями всех стран НАТО.

Если посмотреть, даже возрастной состав у нас — всё равно большинство людей, которые помнят Советский Союз, 90-е помнят. Это те люди, которые понимают, что, если мы сейчас здесь этого не сделаем, ну тогда вот они придут к нам. У меня уже семья — трое детей. Я не хочу, чтобы враги приходили и учили меня, как мне надо жить. Я хочу жить так, как меня учила родина.

Наш отряд был сформирован в 2022 году. У нас есть доска, где висят портреты наших погибших товарищей. В самом начале, в 2022—2023 годах, было много потерь. Много безвозвратных потерь, которые были связаны в том числе с отсутствием коммуникаций, с организационными вопросами и вопросами обеспечения. Поэтому у нас под Макаровкой, когда был контрнаступ, отряд понёс потери. В начале 2024 года нас перебросили в Запорожскую область. То есть мы были вначале в Херсонской, потом в Донецкой Республике, потом в Запорожской области, потом в Гуляйполе. Достаточно тяжёлая задача, опасная, но справляемся, работаем.

**Командир группы разведки,
добровольческий отряд отряда
им. святого Ильи Муромца БАРС-20,
позывной «Физрук»**

В СВО я участвую с 2023 года. Я начинал в Редуте, потом уже с 2024 года, с сентября в 20-м БАРСе, потом был в 38-м БАРСе инструктором. И опять вернулся.

А на Северном Кавказе я служил в СОБР. Там прошёл путь от младшего лейтенанта до подполковника. А родился я в Ростовской области. В армии служил в Ставропольском крае, в казачьей бригаде. Службу проходил в десантных войсках. После армии какое-то время работал просто на гражданке. И в 2002 году перешёл уже в отряд специального назначения. С 2002 по 2015 год находился в зонах проведения КТО в различных республиках, начиная от Чеченской Республики и заканчивая Кабардино-Балкарией. Богатый боевой опыт. Ушел на пенсию в 2015 году по ранениям. Работал в МЧС. Семья: жена и двое маленьких детей. Жена говорила: ты и так уже своё время много что Родине дал, отдал часть своей жизни. Потом в принципе сейчас свыклась уже.

В МЧС у меня вся патриотическая составляющая работы тоже была. В итоге принял решение, что пора и мне свой опыт вложить и поделиться им с теми людьми, которые не имеют его. Многие же приходят у нас и без боевого опыта, многие вообще в армии не служили, не умеют обращаться с оружием. Поэтому мы их немножко воспитываем, помогаем, показываем, рассказываем, учим правильно держать и автомат, и любое другое вооружение, которое им страна доверяет.

Да, как инструктор, как командир, много занимаюсь подготовкой. Поэтому обучаю, стараюсь передать то,

что сам знаю. У нас в основном это сопровождение: сопровождение групп на позиции, вывод групп с позиций. Больше всего это нужно сейчас в связи с тем, что у нас очень много перешло на такой уровень, когда многое решают даже не твои боевые какие-то качества, и то, что ты знал раньше, а именно — оператор дрона, который сидит очень далеко, и насколько он хорошо владеет этой системой.

Я когда попал сюда в 23-м, «птицы» только начинались, то есть мы только начинали всё это дело, ещё не было такого, ну сказать, что прям сильно ни со стороны противника, ни с нашей стороны. Мы только были в начале пути. Сейчас совершенно всё по-другому. «Птиц» очень много. Причём различных, не только там, например, FPV-дронов ударных. Они различные. Тоже, бывает, и оптоволокно пошло, которое уже надо по-другому воспринимать и работать по нему. Уже ты его РЭБом не отобьёшь. Только надо уничтожать.

Были случаи, когда я сам уничтожал. Это ещё было при Редуте на Донецком направлении. Работали мы в районе Новопетряковки, за ней. Там были позиции нашего отряда Редута. И «птицы» противника пытались, например, в блиндажи залететь. Стрелял их с автомата, у нас особо ничего другого не было. Много всего с собой не возьмёшь. Выходили малыми группами, по 5—6 человек. То есть 2—3 человека — это группа сопровождения, пилот и тот, кто снаряжает. Ну и плюс ещё были переносимые РЭБы, но они не всегда хорошо отрабатывали. Ну они были, да, но ещё тогда это всё на начальном этапе было.

У меня в группе есть ребята очень боевые. Уже не в одном конфликте поучаствовали. А противника нельзя никогда недооценивать. Надо всегда и самим

учиться, и что-то у него смотреть, какие-то новые наработки. У них сильные наработки по беспилотным системам. Причём «птицы» разного качества, разного калибра. Те же гексокоптеры, которые переоборудовали в так называемую «Бабу-Ягу». Они летают, достаточно эффективно тоже отрабатывают, поэтому нужно смотреть. У них крылья. Они делают их с обычных пластиковых труб. Начинку просто ставят туда, и всё. Дешёвая составляющая, разведывательное крыло. Мы их видели.

Нам нужно победить. По-другому никак. Потому что если мы сейчас опять это упустим, то через какое-то время уже не мы, а наши сыновья пойдут опять. В своё время, после Великой Отечественной, мы немножко припустили всю эту бандерщину, отпустили немного, также потом выпустили их из тюрем, они приходили обратно. У них же идеология не поменялась, у нынешних осталась та же самая.

Рулевой катера, 126-я отдельная гвардейская Горловская дважды краснознамённая ордена Суворова бригада береговой обороны, позывной «Чирок»

Я работаю в «Транснефти», а в СВО служил в 126-й бригаде Крымской, в разведбате.

Как началась мобилизация, это для меня был крючок спусковой, который во мне щёлкнул сразу. А в момент начала СВО я ещё тогда принял решение, что туда пойду. И как только объявили мобилизацию, я добровольно подал заявку на Госуслугах. Нас 500 человек оказалось в Новороссийске. Они нас там футболили две неде-

ли туда-сюда. А потом оказалось, что нужно кого-то отправлять. А сам я родился в Белоруссии, в партизанском крае. Дед, бабушка у меня были партизаны. Я железнодорожником вообще-то был. Я в машине, в тепловозе, в электровозе, в порте.

А в СВО привели меня к катеру и сказали: ты водитель, вот и води. То есть я на Днепре, перед Херсоном, на катере возил личный состав. Награждён Георгиевским крестом четвёртой степени, представлен к ордену Мужества.

Очень запомнился потоп Каховской плотины. Куча сил была затрачена на ликвидацию последствий, спасение личного состава и мирных жителей. Потоп — страшная сила, которая залила ближайшую территорию перед Херсоном. Вот это мне запомнилось.

В отрядах самые разные люди. Молодёжь, пожилые люди. Мне сейчас 50 лет, а на СВО было 48 лет, когда я туда пошёл. А были люди, которым 22. Ребята достойные.

Были случаи, когда у меня время останавливалось, растягивалось, сложилось перед глазами, и куча времени прошло, а потом уже, когда анализируешь, это были там 15, максимум 20 секунд. В экстремальных ситуациях ты просто всё быстро делаешь, на синхроне, не придавая этому значения. Это было, когда я подошёл людей забирать, эвакуировать. Над нами дрон залез, все бросил, когда мы отходили от берега после сброса. Когда отходили от пристани, крайний человек, который запрыгнул, не подобрал конец. Я отошёл, дал вперёд, швартовый конец намотался на винт. Мы залезли, просто стоя под этим дроном. Я быстро среагировал, поднял мотор, срезал этот винт, завёл опять мотор и ушёл от него.

Радиотелефонист группы связи, добровольческий отряд отряда им. святого Ильи Муромца БАРС-20, позывной «Опер»

Мне пятьдесят лет, позывной «Опер», в отряде я с 2024 года. Непосредственно в отряде занимаюсь обеспечением связи между подразделениями. Установление, мониторинг, качество связи.

Почему пошел? Тогда военкоматы, скажем так, остановили набор в регулярную армию. Я по зову души, по зову сердца пошёл в добровольческий отряд. Был и до этого опыт военной службы в составе Воздушно-десантных войск 7-й горной Воздушно-десантной дивизии, которая дислоцируется сейчас в городе Новороссийске. После окончания срочной службы продолжил службу в системе МВД. И до пенсии работал там. Потом работал в службе безопасности банка. У меня дочь, уже двое внуков.

В отряде работа обычная — зайти на передовую, установить связь, наладить связь между подразделениями, чтобы она была устойчивая и надёжная. Это так, в двух словах, вкратце. На текущую дату — это непосредственно установление ретрансляторов на передовой, подъём мачты по макушку деревьев, вынос всевозможной техники, обеспечение, ещё раз повторюсь, устойчивой связи. Используем и палевку.

Бывает и страшно, но, когда начинается непосредственно работа, здесь уже заканчиваются эмоции, начинается текущая работа, и здесь уже думаешь о выполненной задаче, о выполненной работе. Пока ты заходишь, страх, он бывает. По истечении, когда ты уже находишься в движении или на передовой и начинаешь работать, — мы непосредственно выполняем

функциональные обязанности здесь. Уже отточено до автоматизма и необходимо выполнить ту задачу, потому что, если связи не будет между подразделениями, это, к сожалению, заканчивается печально. Связь — это не только подвоз БК и координация подразделений на передовой, а также мониторинг и воздушного пространства и, к сожалению, координация вывоза тяжёлых трёхсотых или двухсотых. То есть связь в любом случае устанавливается. И от связи начинает всё отталкиваться: начиная от неба, заканчивая пехотными подразделениями на земле.

Вспоминаю, например, в марте мы заходили на ЛБС. Были атакованы FPV-дроном на оптоволокне. FPV-дрон был подбит бойцами, которые непосредственно с нами были в кузове. Но разорвался он невдалеке от машины. Получили множественные осколочные ранения, включая меня и водителя, и все, кто там находился. Водитель доехал до определённой точки, будем говорить, — до нуля. Мы ждали позицию для продвижения дальше, ждали погоды, водитель стал проверять техническую исправность автомобиля. А от атаки были пробиты колёса, он стал обслуживать, готовить машину к выезду. Производилась погрузка. И был снова атакован FPV-дроном. Это был или ждун, или ещё что-либо. Техника не сработала своевременно и глазами не увидели. То есть она с малой высоты или с высоты полутора метров подошла к технике, мы были атакованы. И водитель получил множественные осколочные проникающие ранения. Как далее выяснилось, более 20 ранений. В том числе нарушена была сердечно-сосудистая система, то есть пробиты вены. Несколько осколков попало в голову. Верхнее давление упало до 70. Было принято решение везти до ближайшего госпиталя, произвести вывоз тяжёлого

трёхсотого, потому что уже нащупался нитевидный пульс, давление упало ещё раз — было уже критическим, время было ограничено, поэтому было принято решение: погрузились в транспорт, я непосредственно сел в автомобиль. Благо ранение до этого было только в руку, осколочное, проникающее сквозное ранение кисти; кости были не повреждены, поэтому возможность была сесть за руль. Продолжили движение обратно — в сторону ближайшего госпиталя.

Опять при выезде на дорогу были вторично атакованы FPV-дроном. Но тут, к счастью, FPV-дрон зашёл на нас в голову. Ребята на транспорте в кузове попали в него, и он, к нашему счастью, ушёл уже под колёса, и транспорт ещё и остался на ходу. Ещё 10 километров мы проехали. На подбитом транспорте мы проехали 10 километров — все остались живы. Но благодаря, скажем так, своим коллегам мы все остались живы, потому что, ещё раз повторюсь, FPV зашёл в голову. Они подбили его в трёх метрах от машины, когда он заходил к нам по фронту. Поэтому если бы ещё немножечко, то...

Три дрона непосредственно нанесли нам ущерб. Мониторинг противника, видимо, производился на протяжении всей дороги. Это в районе Гуляйполя. А вообще дроны мы сбиваем из охотничьего оружия, которое передали нам граждане России, и из штатного стрелкового.

Список достойных моих сослуживцев очень большой. Вот последний даже выезд — ребята молодцы, рука не дрогнула. Позывные «Лучок», «Мангуст», «Каспер», «Урал». Парень молодой, молодец. Не дрогнул. Первый контракт у него. И Ахмед.

С той стороны люди, которых ввели в заблуждение, которые недопонимают, за что они борются. И к со-

жалению, война, конечно, должна закончиться только полной нашей победой, потому что всё-таки Россия-матушка, она всегда воевала, всегда защищала интересы не только граждан России, но и граждан сопредельных государств.

Начальник склада РАВ, добровольческий отряд отряда им. святого Ильи Муромца БАРС-20, позывной «Коба»

Мне 56 лет, на данный момент я — начальник склада РАВ. Добровольцем пришёл 16 февраля 2023 года. А брат у меня еще раньше ушёл на СВО. В частичную мобилизацию мобилизовался. Я сам родился в Волгограде. Жена, семья, трое детей.

Сперва мы стояли в Луганской Народной Республике, в Кременной. Ну там вот, как говорится, первое крещение и получили. То есть обстрелы были. А потом уже в июне 2023 года нас перекинули. Там посёлок такой есть, Макаровка. Там вот, уже такое конкретное боевое крещение получали. То есть был как раз контрнаступ противника, и мы его сдерживали.

Вспоминаю, например, моего товарища «Бурундука». Мы находились на позиции. Ну и начался миномётный обстрел. И надо было быстро одеваться. А мы спали уже. Рано-рано утром было. Я говорю: «Жень, давай быстро, иначе сейчас может сюда прилететь, в блиндаж». Чувствую, с одной стороны, с другой стороны, то есть как-то блиндажа обстрел. Ну я быстро там каску надел, автомат, ну и ботинки надел. А Женя говорит: «Я никуда не пойду. Где мои носки?» С юмором, как говорится.

В Макаровке Евгений был ранен. И мы уже отходили по приказу. Товарищи наши полегли. Стояли вдвоём

с ним. Сдерживали, как говорится. Вокруг нас никого не было. Он говорит: «Пока приказа нет, будем стоять». У нас автоматы, пулемёт. Я не любитель, честно говоря, про это всё как-то рассказывать.

А страшно уже потом было. Когда уже всё закончилось, уже, как говорится, в подразделение попали, нас вывозили, то есть мы уже там ходили по дорогам, по лесополоскам, тоже под обстрелом они кассетами накрывали. Мины, кассеты — вот эти все. Когда уже попали в подразделение, был у нас замполит «Соболь», я ему говорю: «Соболь», я живой». То есть мы обнялись все. И вот тогда стало страшно. А так до этого, то есть не знаю, страх где-то, может, был, но его надо вот куда-то засовывать, потому что иначе он тебя сожрёт.

У меня это вторая, как говорится, война, первая ещё была в Чечне, первая чеченская. Ну там молодой был, бесшабашный, как-то по-другому. Всё. За Макаровку я получил от ДНР медаль «За отвагу».

За эти годы война очень изменилась. Мы стояли под Кременной, перед нами уже хохлы были. То есть в бинокль можно было смотреть, что они делали. Однажды мы выходили тогда с этой позиции, у нас ротация происходила, и слышим, что «птичка» жужжит. Все притихли. Машина подъехала, сели в машину. И начался миномётный обстрел. Одна рядом, вторая. И все громко крикнули: «Гони», но он отъехал прямо на наше место. «Гони, не останавливайся, через все поля», мы без остановки, даже не знаю, как мы там смогли. Тогда вот «птички», как говорится, не так уж много летали там, то есть они в основном разведка, а сейчас вот иной раз голову даже невозможно поднять. Они постоянно жужжат. И наши, и их. Дроновая такая война.

Иногда думаешь, если оно суждено случиться, то взять с собой хоть несколько там врагов, чем так

вот от миномёта погибнуть. Ну, оно всякое бывает, то есть никто от этого не застрахован.

Закончиться должно все победой однозначно, но только не договорами. Даже если они отдадут наши территории, это не закончится. Будет продолжаться. Вспомните: то же самое на чеченской войне. Был хасавюртовский договор. А потом что у нас? Опять же вторая война. И здесь то же самое. Здесь надо только до конца.

Командир взвода БПЛА, добровольческий отряд отряда им. святого Ильи Муромца БАРС-20, позывной «Нейт»

Я родом из Краснодарского края, небольшой городок, но очень дружный и уютный. Отучился на монтёра электрооборудования, получил специальность. Потом — высшее учреждение, университет, но образование ещё не закончил, потому что ушёл служить в добровольческий отряд.

На СВО я решил пойти в 2022 году, у меня укоренилось в голове, потому что мои друзья, одноклассники многие пошли. Меня это очень сильно гложило, я тоже хотел служить, помогать своей родине. И тогда же узнал от своего тренера, который тоже проходил службу в 20-м БАРСе, про добровольческий отряд. И я услышал от него такое очень важное мнение, что добровольческий отряд — это как семья. Это не просто служба, здесь каждый за друга горой. Это очень важно, мне кажется, на фронте это просто кардинально важно. Оно всё это назревало и в 2024 году я решил вступить в его ряды.

Семья была шокирована, но в конечном итоге приняли этот факт, что я не просто иду куда-то там воевать,

погибать, как многие считают, а просто я иду помогать своей родине, помогать своим товарищам, которые здесь находятся под постоянным гнётом противника. И както всё так установилось нормально, я служу, столько времени служу, и всё нормально. А слава Богу. Уже больше полутора лет службы у меня. Уже не первый контракт в 20-м БАРСе.

А мой боевой путь довольно-таки интересен. Это от разведчика до командира отделения БПЛА, конкретно FPV. В данный момент я являюсь временно исполняющим обязанности командира взвода БПЛА. Очень много запомнилось, конечно, с пеших моих прогулок — это именно с должности разведчика. Мы очень много ходили, очень много полезной информации приносили. Разведчик — это очень универсальный вообще человек, то есть разведчик — это и сапёр может быть, и пехотинец, и штурмовик при надобности. И самая главная его обязанность — приносить правильную и полезную информацию своему отряду, подразделению. Когда мы были пехотинцами, ходили, участвовали в заходах. Были случаи, когда и на мотоциклах заезжали в плохую погоду, а для нас хорошую. Мы приносили очень важную информацию по заходу для ребят.

Мы пробивали тропы, то есть те тропы, по которым потом пойдут ребята, то есть остальная пехота, которая будет садиться на позиции. Мы открывали, разведывали для них пустые блиндажи, которые подходят для их дальнейшего проживания, разминировали. Ну да, тут и каждый... То есть на нас колоссальная ложилась ответственность. Мы должны пройти тропу, не только сами выжить, но ещё и указать на каждую мину, каждый лепесток, на всё, что может быть.

А как пилот и оператор БПЛА, могу сказать: у БПЛА тоже есть тропы. А противник знает, где можно про-

ходить наши РЭБ-установки, где у них связь лучше. И даже вот этот тонкий аспект нужно запоминать, где может проходить непосредственно путь БПЛА противника. И вот один раз мы так наткнулись, что шли-шли, и тогда первый раз в жизни я увидел дрон «Баба-Яга» — это такой огромный дрон. В жизни это было просто что-то, аж дух перехватило, когда я его увидел, что вот он летит, жужжит. Это реально интересно, и страшно одновременно.

Страх — это штука такая, что на самом деле, если не будет страха, мы просто будем погибать, потому что, когда ты боишься, у тебя инстинкт самосохранения срабатывает, а инстинкт самосохранения — это такая очень острая штука, она заставляет тебя действовать. Но опять же здесь нужно чётко головой понимать. Страх может и заступорить. Ступор — это гибель. Поэтому мы учимся быть смелыми, но при этом и бояться.

А как операторы БПЛА, мы сделали очень много полезной и хорошей работы для наших ребят, для продвижения фронта. Мы за последнее время далеко шагнули вперед. Вы знаете, важно и поражать противника, наносить ему урон, и еще сделать так, чтобы твоя пехота, которая находится непосредственно впереди тебя, ни в чём не нуждалась. Это я говорю и о провизии, которую мы тоже с помощью дронов закидываем нашим пехотинцам, и о тех натисках противника, которые мы отбиваем. То есть если мы не даём противнику подойти к нам, значит, наша пехота будет сидеть, не переживая за то, что им могут причинить урон.

Вспоминаю с мотоциклом интересную историю. Во время наших пеших разведывательных действий мы ехали на мотоцикле. Есть такое понятие, как «военный фарт». И в него я поверил, наверное, именно тогда, когда мы ехали группой на трёх мотоциклах.

Позади меня был мой товарищ, очень хороший мой друг. Его позывной — «Каспер». Я вижу, как его догоняют FPV и попадают ему в голову. Буря эмоций — дрон не разорвался. Мы остановились, кольцевую оборону приняли, а потом, когда доехали до места назначения, куда двигались, это было... камень с души, и мы просто потом смеялись, что такое может быть только один раз в жизни.

У нас, у добровольцев, есть свой контракт, у нас такие же задачи, как и у контрактников Министерства обороны, но у нас как-то всё это проще, по-семейному, по-отцовски как-то. Даже вот с командиром мы выполняем задачи все так, не только по приказу, а потому что мы все здесь искренне и душой стараемся помогать.

Что касается противника, мы колоссальный опыт перенимаем у него, зачастую очень много приходится шерстить, тот же самый интернет, чтобы какие-то интересные детали перенимать у противника. Не буду раскрывать секреты, но это да, это важно, особенно в плане РЭБ.

Что касается мирного населения, все были рады нас видеть. Всегда мы с ними в тёплых отношениях, мы им очень много помогали: от воды до сухой пищи, до провизии. И все они рассказывали, что вот когда был противник здесь, то им приходилось гораздо сложнее, потому что к тем, кто остался в населённых пунктах, относились не как к людям, а как к тем, кто ждёт нашего прихода. А наш приход, как показывает практика, неизбежен. Мы приходим и потом помогаем этим мирным людям.

Мы пошли на СВО, чтобы там, дома, за нашими спинами люди жили спокойно. И самое главное, чтобы эти люди, которые живут спокойно, ценили то, что мы делаем здесь. И ценили то, что сделали те ребята,

которые просто не вернутся потом домой. Это важно. Цените. Просто цените.

Командир взвода, добровольческий отряд отряда им. святого Ильи Муромца БАРС-20, позывной «Каспер»

В первый раз я зашел в 2023 году. Я подумал, взвесил все за и против, мне по душе было больше добровольческое подразделение. Первый боевой опыт я получил именно на СВО. Но был на контракте и срочную службу служил. Но боевой опыт я получил на СВО.

В 2023 году контракт закончился. Я уволился, побыл на гражданке какое-то время и понял то, что все-таки мне хочется вернуться обратно, — но я вернулся в добровольческое подразделение. Так скажем, по душе оно мне, добровольческое подразделение. Во-первых, тут коллектив, боевые товарищи — все дружелюбно хорошие, командный состав. А больше и не нужно. Самое главное, чтобы отношение было хорошее, людское.

Сам я родился в Республике Дагестан. Потом ушел на срочную службу, попал в войска ВДВ, отслужил срочную службу, вернулся домой, женился. Ушел на СВО. Пробыл первый год на контракте. Опять вернулся на гражданку. И так получилось, что душа все-таки просится обратно. Принял для себя решение такое — снова пошел в добровольческое формирование.

Когда я только приехал в добровольческое формирование, я был изначально командиром отделения во второй роте, да. Потом я уехал в отпуск, и у нас уже сформировалась наша отдельная группа в роте. Группа из тех людей, которые подготовленные, которые готовы для выполнения боевой задачи. В каждой

роте есть такие группы, которые вот надо исполнить задачу, допустим, выполнить задачу — всё. Они готовы, собрались, выехали на боевую задачу, выполнили её. Такая у нас группа — «Мага», «Волк», «Печь», «Никсон». «Мага» — он на год меня младше, ему 24 года. «Волк», если я не ошибаюсь, ему 35 или 36 лет. Самый возрастной у нас — это «Печь», ему пятьдесят с плюсом. И «Сотник» — ему тоже 49 лет. Это командир сейчас мой. Все замечательные ребята. Это те люди, на которых можно положиться, в которых я уверен. Могу стоять за их спиной. Это моя семья, так скажем, вторая.

Если взять самую первую мою задачу, когда мы только заходили на позиции, нас, получается, привезли, человек встретил, мы с машиной выгрузились и шли до своих позиций. И не успели ещё дойти, по нам отработало три кассетных снаряда. Как бы все целы, раненых никого не было, но это самое запоминающееся — то, что был первый заход вот тут, на позиции. Это в районе Ольговского — Левадного. Вот там самое такое запоминающееся, первое.

Мы слышим выход со стороны противника, и мы понимаем то, что он может быть и в нашем направлении, и в другом, но всё равно мы рассредоточились. Кто там в ямку какую-то ближайшую упал, кто к дереву прижался. Ну сработали оперативно, как учили. Всё, никого не было трёхсотых. Кассетный боеприпас отработал. И мы после разрыва сразу выдвинулись дальше к позициям. Все дошли. И в эту же ночь, так скажем, в 4 утра по нам ещё пролетели шесть ракет — как раз вокруг нашего блиндажа. «Град». Вот немного встрясло нас, так скажем. Очень радостно нас встретили. Это было такое запоминающееся.

Потом ещё было, мы продвигались дальше, был приказ дальше продвинуться, разведывать позиции

и завести людей на новые позиции. Вот мы с «Магой» выдвинулись вдвоём, зашли на определённую лесополосу, где нам нужно было рассмотреть места, позиции для людей. Только хотели переночевать первую ночь, и по нам также начал противник отрабатывать со 155-го калибра, со ствольной пушки. Было неприятно, даже моментами было страшно, но всё хорошо. Обошлось без раненых. Всё, мы разведывали, так скажем, позиции, завели людей. Без единой потери мы их завели. Всех расположили по местам, показали позиции, и всё.

А однажды мы завозили людей на Полтавку — есть такой населённый пункт, в районе Полтавки, на машине. И когда мы завезли туда личный состав и выдвинулись с товарищем, который был у меня на сопровождении, обратно нас сопроводили две вражеские «птички» — FPV-дроны. Но ни одна по нам не попала. Мы вовремя, так скажем, среагировали и доехали в целости и сохранности.

У нас была установка РЭБ на машине, но и визуально, кто был со мной на сопровождении, он мне говорил то, что вот она уже, получается, пикирует на нас — вовремя получилось остановиться и сосредоточиться, выбежать из машины, рассредоточиться, да, и она просто, так скажем, промахнулась, можно сказать.

А ещё была ситуация: мы двигались на позиции на мотоциклах. Был я, «Мага» и «Нейт». «Нейт» — это у нас командир FPV-расчёта. Получилось так, что у нас первым ехал «Мага», потом в середине «Нейт», и я в замыкающей колонне. Я не знаю как, «птичка» нас вражеская поймала, и она влетела мне в каску сзади в голову, но был неразрыв. Её даже не было слышно, она прям очень резко появилась — я не знаю как. Всё,

вот мы двигались, получается, по трассе вот так, и она сзади догнала меня, прямо в каску она мне влетела, но не разорвалось ничего. Можно сказать — второй день рождения мой. Первоначально у меня был просто страх, а потом я уже, когда всё осознал, не мог поверить, что я ещё живой. Мне просто повезло. Непередаваемые ощущения.

Вот «Нейт» у нас в расчёте FPV — он очень помогал «птицами». Были такие моменты, когда, так скажем, невозможно было к нам доехать, и он тем же самым помогал нам на «птицах»: подлетал, сбрасывал нам провизию, медикаменты, то, что нам нужно, что требовалось. «Мага» проявился очень храбро. Было такое, что на направлении ещё Ольговском мы эвакуировали союзника, и уже стемнело — видимость нулевая, то есть там фонарик от зажигалки так подсвечивал, и к ним навстречу летел дрон вражеский. А не было ни РЭБа, ничего не было, так на звук стреляли уже, и «Мага» попал то ли в винт, то ли, не знаю, куда-то в часть. «Птичка» прямо летела на него и упала под ноги ему вот так. И тоже не разорвалась. То есть он не запаниковал. Проявился, считаю, очень храбро в этот момент. Он не бросил товарища, не бросил раненого. И дальше продолжили эвакуацию. Человека эвакуировали. Он живой.

Страх нужно уметь контролировать. Сравнить знаете с чем? Возьмём сладкую воду. Вот вам хочется её, она стоит, а её нельзя пить. Также и страх. Вот тебе страшно, главное — не дать себе паниковать. Нужно суметь это контролировать. Потому что паника — это такая вещь, если ты её не сможешь контролировать, то это очень может усугубить ситуацию. Если ты сумел держать, так скажем, в руках, то это очень хорошо. Страшно всем бывает, это нормально.

Наводчик миномета, добровольческий отряд отряда им. святого Ильи Муромца

Я работал и работал в «Транснефти». Когда был на СВО, служил в БАРС-20.

Когда началась Специальная военная операция, я как раз заступал на дежурство. Чувство было смешанное. С одной стороны, глубокое удовлетворение. Ну, в смысле наконец-то. А с другой стороны, у меня же есть опыт боевых действий. Правда, не такой, конечно. Здесь совсем другая война, полномасштабная.

Дело в том, что опыт же показывает: каждая следующая война — это другая война. То есть готовились-то к одной войне. Все это я сейчас рассказываю, а на самом деле все это там вот так крутилось. Сейчас-то просто время прошло, я все это успел осмыслить. А тогда было: да, я приехал на работу, и мысли такие. Будет ли мобилизация, кто поедет. В общем, где-то вот так вот. Где-то мысль уже возникла, что ехать, как чувство, ехать придется.

Мать до конца думала, что я в командировке. Я же ездил раньше в командировки. Ей объявили, что я в командировке, что там связи нет. Детям сказал. Правда, невестка у меня умница, красавица, она догадалась.

Решение — моментально. Я не раздумывал. Развод, вооружился, и к начальнику команды в кабинет: я пишусь. Вот так было дело.

От момента предложения до момента, пока отряд сформировался, пока все эти подготовки, было достаточно времени, чтобы и самому себя оборудовать. Кстати, наша родная «Транснефть», Дальний Восток, обеспечила нас даже сверх меры. «Транснефть» хорошо с нами обошлась. Пришлось даже, мы на полигон приехали, ну, некоторые вещи, опять же спасибо «Транснефти», собрали, было куда их сгрузить, ну чтобы лишнее с собой не тащить.

Уехали мы, собрались, потом команда поступила, мы приехали на самолет, на военный борт с нашего большого аэродрома сели, и все. Летели долго, по пути собирали, отряд собрался большой, приехали мы на полигон под Ростов. Обучение проводилось. Объяснили сразу: едем на войну. Всех построили и сказали: война.

Обучение проводилось — достаточно вполне, чтобы освоить методику, научиться достаточно. Все, мы освоились. И война, и миномет, и война вообще — это дело такое, что каждый день открываешь для себя что-то новое. Но подготовили нас достаточно хорошо, вопросов нет.

Первые дни как бы, даже несмотря на имеющийся опыт, как бы война, которая по телевизору, и война, которую проходишь через себя, разные. Ехали окольными путями. Это понятно, чтобы нас не засекли ночью. Долго-долго ехали. И по пути у нас две машины... до сих пор непонятно, то ли на мине, то ли дрон подорвался, но здесь было без жертв. Машины бросили, поехали дальше.

Мы вышли на место дислокации, чтобы потом распределиться конкретно по участкам. Пока мы собрались в здании, ночевали, первое сразу впечатление: этажное, полностью разрушенное здание, битые стекла, сорванные обои. Укрывались обоями. Бронежилет, он, кстати, очень хорошо греет. Замечательная вещь. Потому что как бы на бетонном полу под тобой битые стекла, бронежилет сверху, обоями укрылся — все, утром встал. Ну вот, первое впечатление. Утром встали, нам повезло с нашим командиром батареи и с нашим командиром взвода. Во-первых, они профессиональные артиллеристы, военные. Во-вторых, с имеющимся боевым опытом, реальным боевым опытом. То есть получается, мы встали — вот нас сколько там, 36 человек в батарее,

три 120-х, это крупнокалиберная, получается, артиллерия, и три 82-х, уже поменьше.

Мы собрались, взяли машину, погрузили личные вещи и сразу передислоцировались метров на 500 в сторону. Там нашли хорошее убежище, достаточно надежное. Первый день на войне. У нас пехотные роты впереди нас метров 800 стоят. Наш командир батареи начал налаживать логистику. Очень важна логистика, связь элементарно должна быть. Командир батареи начал налаживать связь, посылать наших связных офицеров туда, в передовые окопы. У нас были «Тапики» — ТА-57 или кто-то постарше. Сразу протянули связь.

Первый день мы оборудовались, второй день мы уже начали пристреливаться. Первые дни, они нас очень сильно переигрывали. То есть, допустим, мы две-три мины выпускаем, минута, а то и меньше, и летит в ответ. И не просто летит, а летит очень точно. Буквально 10—15 метров — моментально. Эмоции никуда не денешь. По нам еще не стреляли таким образом. Поэтому приходилось разбегаться, менять позицию. Опять связь по этому телефону с нашим корректировщиком огня. Все, пристреливаем позиции. Только две-три мины выпустим — опять летит. Причем летит у них не одна, две-три, у них десяток летит. И опять точно.

Мы приехали на позицию, и после обеда 16 сентября у нас уже случилась трагедия — один человек попал к дээргэшникам украинским. У него там или планшет, или карта могла быть, то есть где-то он уже обозначил наше местоположение. Потому что били очень точно. А по нашей батарее не били — мы передислоцировались в какой-то комплекс или дом отдыха. В одно здание мы загнали все наши машины. В другом здании расположился личный состав. Это правильно. Ну и в итоге погибли, получается, те, кто не ушел от техники. Если

тебе не нужно с ней работать, надо от нее уходить. Люди игнорировали этот вопрос. И в итоге за первые часа четыре попали хорошо, уже ближе к вечеру, часам, наверное, к семи. Попали прямо туда, где у нас машины. Стояли у нас 20. Все машины, которые были в боксе, пропали. Выбраться люди оттуда не смогли. Там и БК наш, личные вещи. Нас обеспечила, как я уже сказал, «Транснефть». То есть, что называется, по-последнему. У нас были тепловизоры, у нас были радиостанции, были носимые, были помощнее радиостанции. Боеприпасами нас обеспечили очень надолго. И все это было практически уничтожено.

Большинство пошли добровольцами по принципу: кто, если не я? И мысль о том, что если мы их сейчас не задавим, они будут здесь. Этого многие почему-то не понимают. Противник ведь не жалеет ни детей, ни женщин. То есть это люди такие, в голове не укладываются вещи, которые творят люди с другими людьми. То есть война войной: взял ты пленного или там убил врага — ладно, я твой враг, но глумиться-то над этим зачем? Поэтому мысль была такая: если сейчас не мы их, то они нас здесь. У меня здесь двое внуков, тогда был один, но тем не менее двое детей, жена, мать. У меня двор, детей много. Если не мы — они здесь будут. Будут и точка. Поэтому проиграть нам нельзя. И поехал в том числе и поэтому.

В первый день я услышал звук летящего снаряда... Это потом я понял: если снаряд свистит, он, скорее всего, летит мимо. Но когда ты слышишь его впервые, первый день, второй день, ты ничего с собой поделать не можешь. Ну чего греха таить, живот сжимается. Ты после каждого, когда свист, ты начинаешь инстинктивно сжиматься, потому что тебе кажется, что летит в тебя. На самом деле как бы снаряд, который летит в тебя,

до 50 метров от тебя, он звуков не издает, кроме хлопка, и в следующее мгновение уже прилет. А первый день, наверное, пожалуй, да, все-таки первый день самый страшный. Это процесс привыкания, обработки информации: где опасно, где не опасно, ты еще ничего не знаешь. И когда у нас вот эти машины, которые складские, загорелись, всю ночь рвалось, а звук взрыва той же мины нашей, 120-й, — как бы стереоэффект полный. Ощущение такое, что там даже получше адреналина. Кажется, что взрывается прямо здесь. Патроны, там очень много патронов. Все боеприпасы, которые там были, они были практически уничтожены. Да, пожалуй, первый день был самый страшный, потому что, когда ты набрался опыта, ты более-менее знаешь, что нужно делать. А когда ты знаешь, что нужно делать, мысли немножко в другом направлении работают. Да, первый день, пожалуй, самый страшный.

Начали работать. Вот у нас два расчета: один расчет работает, второй расчет, что называется, на хозяйство. Надо и покушать сварить, и дров наколоть, и землянку строить — без этого не обойдешься. Съездить за минами, расход идет. Мы стреляли хорошо. Более 100 мин за день, получается, выпускали иногда. Надо за ними съездить, их надо снарядить. То есть что такое мина? Это вот болванка, там внутри — взрывчатое вещество. В него нужно вставить пиропатрон. Это, так сказать, вышибной заряд. В него нужно вкрутить взрыватель. А для этого нужно выкрутить заглушку. А что греха таить? Мины лежалые. Никто же не думал, что война будет. Они по 50 лет лежали. А заглушки пластмассовые. Они высохшие, выкручиваешь — они ломаются. Пока мы набрались опыта, так что сто процентов мин могли подготовить, мы очень большое количество мин... Заглушка оторвалась. Как бы осталась часть там, которая

не позволяет вкрутить взрыватель. Потом мы нашли инструменты, научились, как выковыривать все это. Ну и вот в один из этих дней поехал другой расчет. И вот мужики ждали, ждали всегда. Сразу опишу состояние. Ну знали же, что по дороге как бы туда едешь — обстреливают, обратно едешь — обстреливают. Можно не вернуться, ждали. Поэтому ждали, когда появлялись. Все смотрим: выходят уставшие, но целые, все отлегает от души. Ну вот мужики приезжают, и уже как бы по внешнему виду было видно, что что-то произошло. Смотрим — не все. Ну и сообщают, что двое в госпитале, одного не довезли. Снаряд попал прямо рядом с ними, буквально метров, наверное, пять. Погиб человек, очень жалко. Потому что ты с человеком сегодня чай пил. И вот как у Высоцкого, «нам и в землянке вроде места хватало вдвоем». Но вот раз — не стало человека. Тягостное было чувство, конечно.

Когда мы начинали там, такого как сейчас у нас еще не было. Мы опасались дронов-разведчиков, дронов-наводчиков. Они хорошо работали, хорошо наводили. Мы к ним приспособились. Что называется, техника на месте не стоит. У нас были так называемые активные наушники, которые усиливают звук. То есть очень хорошо помогало. Услышав звук дрона, его слышно далеко, как бы меры предпринимаешь. Но единственное опять же, пока мы наладили связь между различными подразделениями, не знаешь, чья «птичка» летит. Бывало, что и свою собьешь. Потом ребята: ну чего вы сделали, это наше! Но мы же откуда знали? И они предупредить не могут.

Был один трагический случай. Стояли рядом с нами танкисты, хорошие парни. Мы у них наши рации заряжали. Они к нам за водой ходили, у них там с водой проблема была. Молодой там парень, командир взвода

танкового, и вот ночью выследили их, ночью сбросили на них что-то очень тяжелое, и как бы люди погибли полностью. Хотя вот, я говорю, два дня мы с ними... Они пришли к нам там зачем-то, не помню, за водой, ну, сесть, чай попили, все, пошли. Собирались мы к ним с утра идти, и вот сообщают нам, что как бы все, экипажа нет.

Один раз мы попали в танк. Уничтожить мы его не уничтожили. Мы же миномет, мы же не бронебойные. Но он на несколько дней перестал стрелять. Но что такое танк? Танк — у него снаряд весом 30 килограммов, у нас мина — 16 килограммов. Если близко, то по технико-техническим характеристикам, там даже осколков не надо — разрывает внутренние органы. Там такое давление создается. И тогда мы попали в танк, который кошмарил нас около недели. Наши две РДГ отправили, чтобы его найти. Видимо, он был очень опытный, потому что даже расстояние до него вычислили, направление вычислили. Но, видимо, человек знал. Они же тоже хорошие бойцы, это надо признать. Видимо, он маскировался так, что, если он не стреляет, пламя не видно, его невозможно обнаружить. Вот мы в него попали. Рядом был какой-то склад, мы его заодно сожгли.

Однажды корректировщик обнаружил какую-то группу людей полностью в чёрной одежде, какой-то блиндаж. Ну и поработали мы так, что буквально пятью минами их всех, что называется, обнулили. Потом была снайперская пара. Нас, без ложной скромности могу сказать, нас хорошо научили. Ну как я уже там говорил ранее, мы доводили мастерство каждый день и научились так, что мы не только из пяти мин три в окоп попадали, но и второй миной однажды уничтожили БМП с пехотой. Вот этот опыт и прошлый я бы даже сравнивать не стал. Это как начальная школа и уже, так сказать, высшее учебное заведение.

Однажды в Кременной — день, люди, рынок. Украинцы бьют по рынку целенаправленно. Не случайно же они туда бьют. Бьют именно по рынку. Дальше — жилой сектор.

Вот мы идём по улице, начинается обстрел. Мы слышим, что свистит. Ну, значит, не в нас. Оборачиваемся — на крик выскакивает парень, полураздетый, весь в крови. Он выскочил на улицу в надежде, что его кто-то увидит. Связь у нас уже налажена, слава Богу, к тому времени была. Всё, вызываем свою машину, увозят его в госпиталь. А однажды прям буквально по дороге бьют, просто по городу. ВСУ бьют именно по площадям, по рынку, по огородикам, по домам бьют. Мы с Лимана когда отступали, проехали и увидели автобус с людьми, горящий. Только что подбит. Подбили его, видимо, с ПТУРа, потому что на ходу в автобус снарядом с расстояния 5 километров попасть — я сомневаюсь. Люди сгорели, никто не выжил. Что про ВСУ сказать?

Сейчас воюют уже мои боевые товарищи. Один мой товарищ с моего расчёта миномётного. Брат практически. Кто там на фронте был, они все братья. Сейчас это уже особый смысл имеет. Мужики, держитесь там. Мы испытываем к вам благодарность, обычную человеческую благодарность, потому что вы набрались духа и поехали. Не на курорт поехали. Ждём вас с победой.

Заместитель по военно-политической работе командира второй роты, добровольческий отряд отряда им. святого Ильи Муромца БАРС-20, позывной «Мол»

Я на СВО с августа 2023 года. В 13-м БАРСе был тоже в первой роте, но командиром отделения. Мы сто-

яли в направлении Бахмут — Клещеевка, это уже после того, как Бахмут освободили. Там закончил контракт, немного побыл дома, отдохнул. Ну, посидел так, подумал, и что-то сюда тянет. Почему-то.

С апреля 2024 года пришёл сюда в 20-й БАРС. Сейчас вот планирую отпуск. Командир дал добро продлиться ещё раз. Сам я заканчивал Ставропольское летное училище, инженерно-технический состав. После училища контракт отслужил.

Сколько ни служишь, не перестаёшь удивляться тому, какие здесь люди. То есть здесь собираются люди идейные. На гражданке у каждого свои проблемы, то есть как бы отдаляются друг от друга. Здесь наоборот получается, что мы собрались люди — коллектив, любое подразделение здесь, то есть начиная от командного состава и заканчивая самым, скажем так, младшим рядовым, обычным стрелком. Они понимают, зачем, для чего, и поддержка друг от друга есть.

Добровольцы, я думаю, — это те люди, которым небезразлична дальнейшая судьба нашей страны. Скажу лично за себя, что у меня есть дети.

Из того, что запомнилось. Как говорится, никогда не привыкнешь к смерти. Вроде бы человек был, с ним недавно сидели, чай пили, что-то там покушали, перекусили, ну вроде вот только что посидели, разошлись. И получается, что сидели последний раз, виделись друг с другом. То есть, ну, как говорится, и к этому моменту, наверное, привыкнуть просто невозможно. А такое каждый раз в каких-то новых обстоятельствах происходит. Возможно, похожих друг на друга, но тем не менее всё равно...

Недавно ехали на ЛБС. Не доехали. Не доехали почему? По простой причине, что сидел ждун на обочине и сработал, то есть автомобиль был временно выведен

из строя, немного получили там ребята ранения. В итоге люди выехали на точку эвакуации, довезли нашего бойца, передали уже медикам, оказали ему более квалифицированную медицинскую помощь.

Мы однозначно должны закончить СВО победой. Других вариантов просто нет. Ну просто нет. По-другому просто быть не может. И цена очень дорогая за нее.

Командир группы огневой поддержки, добровольческий отряд отряда им. святого Ильи Муромца БАРС-20

Я раньше работал и сейчас работаю в Транснефти». В СВО я уходил дважды. В 2022 году в сентябре в добровольческое подразделение БАРС-20 «Транснефти». Во второй раз в 24-м году в добровольческое подразделение имени Салавата Юлаева. Первый раз я был в 2022 году командиром отделения группы огневой поддержки. В моем распоряжении был крупнокалиберный пулемет «Корд». А второй раз я тоже был пулеметчиком, но уже пулемет был меньше калибром, «Печенег».

В 2022 году мы попали в окружение. Это было под Красным Лиманом Луганской области. Мы находились на закрепе, на закрепленном участке, и в течение суток оказались уже в окружении. Три наката удержали. В основном там польская речь была. Первый накат вообще был близко, они подошли на расстояние 10—15 метров. Там же я получил два ранения: два осколочных в бедро и пулевое в плечо. Потом двое суток мы выходили уже из окружения. Основное подразделение наше пыталось помочь, разведгруппа выдвигалась, но не могла к нам пробиться. Потом контрактники тоже к нам на Урале

пытались пробиться. Тоже неудачно. Танк пошел, его подбили. Мы были в составе усиленного отделения, 12 человек у нас было. В ходе этих боевых действий — двое погибших, пятеро раненых. Когда выходили уже к своим, вышли на добровольческое подразделение БАРС-16. Это вот южане были, с Краснодарского края, тоже добровольцы, на Красный Лиман. И все, там уже на Красном Лимане была эвакуация. За те бои я получил медаль «За отвагу». И на тот момент еще приказа о мобилизации не было, и меня комиссовали по тяжести ранения.

В течение года-полутора я восстановился, и уже тогда появилось добровольческое подразделение «Салават Юлаев», башкирское имени Салавата Юлаева. И вот уже туда добровольцем записался и уже непосредственно попал в Донецкую область. Там у нас боевые действия происходили на линии боевого соприкосновения в районе Волчанска. Там рядом с Волчанском, пригород Волчанска, был населенный пункт такой, Готища. Вот там закрепились на улицах вот этого Готища и там уже находились. А потом были близко от реки Волчанка, в 350 метрах от нас уже были подразделения ВСУ.

За обе командировки у меня медаль «За отвагу» и представление на Георгиевский крест четвертой степени.

В 2022 году, вспоминаю, был у нас командир роты с позывным «Борец». А он еще участвовал в первой чеченской кампании. Мужчина такой, с опытом был, тоже в возрасте. И вот на закрепленном районе, где мы удерживали перекресток дорог, то есть он так расставил правильно личный состав, что нам удалось удержать позиции. В подразделениях, которые нас атаковали, мы только их убитых насчитали 18 человек, которые перед нашими позициями лежали. Но вот

благодаря ему мы удержали, и потом, когда выходили уже непосредственно, тоже он правильно расставлял людей, чтобы прикрывали справа, слева. То есть человек военный, с опытом, майор. Служил он во внутренних войсках, участвовал в первой чеченской кампании непосредственно в городе Грозном, в 96-м году. Я, кстати, тоже срочную службу проходил в Грозном в 1996 году. Тогда уже получил статус участника боевых действий. А в батальоне имени Салавата Юлаева командир отделения был с позывным «Моцарт».

А на Волчанске мы там жили практически в норах, все подвальные помещения были заняты, постоянно земляные работы проводили, то есть туннели рыли с одного подвала в другой. То есть методы войны сильно изменились. Если в 2022 году к этому нужно было привыкать, то уже в 2024 году наши на порядок выше украинцев были в этом отношении. Опять же непосредственно постоянно дроны висят, они наблюдают, так же, как и с их стороны, с нашей стороны тоже. Стоит только выйти на открытку, сразу же прилеты начинаются. Есть дроны, которые наводят артиллерию, есть такие, которые непосредственно сами уже FPVшки, они уже начиненные камикадзе. То есть уже, опять же повторюсь, методы войны уже изменились.

Когда в 2022 году мы были в окружении, бой начался с того, что часть подразделения украинских ВСУ шла вдоль дороги, а три человека обходили нас с тыла. А мой пулемет, крупнокалиберный вот этот «Корд», он как раз находился ближе к тылу, наверху. Я его ветками прикрыл, поднялся наверх. Там еще двое моих помощников было, товарищи. Мы этих троих сразу заметили, открыли по ним огонь из автоматов.

Не знаю, завалили мы их или нет, но к земле их прижали. Сразу же начался бой внизу, у нас вдоль оврага

по дороге двигалось основное подразделение. И там наше основное отделение было тоже. Там бой и начался, уже там плотный огонь начался. Видимо, из-за того, что мы их плотным огнем встретили, атака прекратилась, они откатились, и начался артиллерийский обстрел. Минометы начали по нам работать, АГС начал по нам работать. В это время я побежал к своему пулемету, начал его заводить, и по бедру прилетело, ну я сперва думал, что мне просто этим бревном ударило. Потрогал, ну, видимо, прижгло, крови не было. Ну я думал, просто это ушиб. Дальше начал работать. Поставил пулемет на окоп, взвел его, и уже удар в плечо произошел. Тоже как будто кувалдой ударили. И уже прямо из руки кровь пошла. Пальцем я ее заткнул. Мой помощник был — «Василь» позывной у него. Меня перетянул. Уколол мне промедол. И я уже потом заметил, что с бедра тоже кровь идет. Бедро тоже перетянул этими повязками.

А когда артобстрел проводился, Василий меня затащил уже в блиндаж, там вот повязка сползла, и второй раз он меня перевязал. И начался второй накат. Артобстрел прекратился, начался второй накат. Мы с ним вышли из блиндажа в окоп и начали кусты обстреливать. Потом у меня рука перестала работать, я уже не мог ей двигать. И в дальнейшем вот третий накат, я уже из блиндажа не выходил, там уже просто сидел, Василий уже один удерживал. После третьего наката, это уже вечер был, а я вот забыл сказать, первый накат начался в 8 утра, и вот последний был в 15, закончился. Три наката.

В пятнадцать часов «Борец», наш командир роты, сказал: «Будем отходить», потому что уже на тот момент у нас было двое погибших, пятеро раненых. И так получилось, что украинское второе у них подразделение и они между собой начали перестреливать. Они, видимо,

перепутали нас с собой, и под этот шумок мы вышли из кольца. И уже дальше к своим нужно было 5 километров идти по лесному массиву.

Василий в 22-м году был помощником, я был командиром отделения этой группы огневого прикрытия. Чтобы вы понимали, вот этот крупнокалиберный пулемет, его обслуживают несколько человек. Я вот непосредственно с него должен был стрелять, Василий должен был патроны подносить, а там калибр 12.7. Он тяжелый, одному не унести, плюс у него еще и станок отдельно носится.

А в 2024 году я уже прошел без ранений, нас один раз только засыпало в подвале. Шесть FPVшек по нам отработало. Ну мы там засветились, нас заметили. У нас была группа из пяти человек. Мы находились на наблюдательном посту. Нас заметили, и по нам отработали шесть вот этих дронов-камикадзе. Нас в подвале засыпали, мы откопались, вышли.

У нас и оружия, и боеприпасов — этого было всего очень много. Оружие в смазке, новое абсолютно все было. Единственное, что вот на линию ЛБС все это доставить тяжело. То есть на себе все нужно тащить, техника подъехать не может, потому что дроны и артиллерия сразу по ним работают. Мы когда пришли на позиции, боеприпасы, гранаты — все это уже на позициях. Те, кто предыдущие до нас были ребята, они нам все это оставили. То есть вот с точки зрения оснащенности — все это есть. Единственное, что да, вот дронов хотелось бы, чтобы было их больше, с нашей стороны. Техника, как только она заезжает, единственное, что из техники могут на ЛБС заехать, это танки. А все остальное — БМП, БТР — все это сжигается.

Вот я смотрю, офицеры, которые молодые приходят, они уже новой тактике боевых действий обучены.

И молодые офицеры так тоже достаточно мотивированы: 25 лет, а у него уже патриотизм в душе.

Что касается страха перед боем — страшно, а когда уже стрельба началась, стрекотня, уже ты работаешь, уже на это не обращаешь внимания, страха нет. А когда мне промедол вкололи, у меня рука не работает, нога не работает, а охота бежать в атаку. Страх, он только вначале, а потом, когда уже работа пошла, и уже страха нет. Ну и страх, когда дрон, конечно, над тобой висит, тогда да. Ты не знаешь, что от него ожидать. Он видит тебя, не видит? Где-нибудь в лесной полосе спрятался от него. Может быть, он там просто пролетает или там ищет, бродит. Если он тебя заметил, он спустится там. Сейчас вот, наверное, видели, на фотоаппаратах есть функция распознавания лица. Так вот, у них это тоже есть. Стоит только на него посмотреть, у него срабатывает датчик, и он уже начинает тебя в кустах шарить, искать своими зумами. То есть у них такие функции есть. Если раньше, в 2022 году, мы на эти дроны сильно не обращали внимания, они в основном как наблюдатели были. Ну, может быть, там пластиковая бомба какая-нибудь простенькая на нем висела, которую он может сбросить. FPVшек тогда на тот момент не было, камикадзе, которые с мощными такими зарядами. Единственное, что они наблюдают за нами и потом уже наводят арту. То есть мы их как-то особенно, ну не сильно опасались. А сейчас уже каждый дрон, он уже несет с собой заряд. Вот самая большая проблема на Волчанске были дроны «Баба-Яга». Восьмилопастный, он такой крупный, он может нести до двух снарядов 120-ки. То есть куда он сбросит, там уже живых нет.

Почему пошел на СВО? У меня прадед по материнской линии в Сталинградской битве участвовал. По отцовской линии — в обороне Ленинграда был

артиллерийским разведчиком. И вот как-то на их рассказах воспитывался. Поэтому, думаю, не получилось усидеть. Маме сказал, что от «Транснефти» поехал в командировку. Тогда кратковременные контракты были на четыре месяца. Матери сказал, что уезжаю в командировку в Самару на четыре месяца. А жена и дети, они меня поняли. Жена сразу сказала: я так и думала, что ты не останешься. А второй раз, когда я вернулся в 2022 году с ранением, мать уже узнала. Через полтора года, когда я добровольцем уходил от Юлаева, мать снова обманул и сказал, что еду в Ростов работать инструктором. Когда вернулся, конечно, уже рассказал.

Комендант ПВД, добровольческий отряд отряда им. святого Ильи Муромца БАРС-20, позывной «Пчелух»

Сейчас я — комендант ПВД. И через пункт временной дислокации на ЛБС все проходят через меня.

Я на СВО с марта 2023 года. Зашел в составе «Каскада». Там я прослужил более года. У нас было Угледарское направление. Сдерживали и на Урожайном контрнаступы. Тогда я был водителем эвакуационной машины — доставка групп, ротация, доставка пропитания, БК. Ну то есть тяжёлая работа, которая обеспечивает, как говорится, обеспечение жизнедеятельности групп, которые находятся на линии боевого соприкосновения. В конце года 2024-го я пошёл служить в БАРС-20.

А сам я человек военный, всю жизнь прослужил, ещё застал и первую чеченскую, и вторую, служил. Это были внутренние войска. Началось всё в 94-м году, когда был чечено-ингушский конфликт, потом первая

чеченская кампания. Во вторую кампанию я уже был контрактником. Не остался равнодушным.

Я всю жизнь военный, как папа сказал, так все в семье и ответили. Ждут, конечно, переживают сильно, говорят, что сколько лет — всю жизнь в армии и опять пошёл. У меня трое детей. А родился я на Кубани.

Добровольцы — очень психологически мотивированные люди. Как бы физически не скажешь, т.е. и возрастных очень много есть, но крепкие духом ребята идут. Любые задачи он, бывает, и по здоровью не может выполнить, а всё равно он тянется, идёт, как бы задача поставлена — надо выполнять.

Многих помню. И погибшие есть, есть ребята, которые уже благополучно отслужили свой срок контракта, ушли. Любая задача, которая ставится, она, естественно, обсуждается, просчитывается изначально. И отказов никогда не поступало. Цель поставлена — всё, встали, пошли. Всё происходит очень быстро. Ты выдвигаешься сначала, выполняешь задачу, а весь страх и риски ты уже осознаёшь после того, как ты выполнил. На момент, когда ты закатываешься на какое-то выполнение, страх изначально перед выполнением, перед заходом. Когда ты начинаешь работать, всё — у тебя уже начинают работать мозги, голова на выполнение задачи, на сохранение жизни. А потом уже, когда ты выходишь, да, ты уже видишь, ты просчитываешь, где ты был, как ты это всё выполнил. И уже потом приходит осознание.

Самое основное — это первые несколько дней, даже в любой контракт ты заходишь, даже не на новую точку, а первые два-три дня, когда ты заходишь, они тебе показывают вообще твой дух, насколько ты ловишь. Есть страх панический — это очень страшно, когда ты видишь у товарища, что он панический. А есть страх рабочий, который идёт именно на твоё сохранение. Вот

он должен всегда присутствовать. Если у тебя не будет страха самосохранения, ты наделаешь очень много ошибок ненужных.

Много раз было, что на волоске от гибели проходил. Однажды на машине завозил БК на одну группу, и у меня просто пробилось правое колесо. Я его за 2—3 минуты моментально поменял. На «буханке». И по пути следования, буквально метров через 500, была дымящаяся огромная воронка. То есть там был минимум прилет 155. То есть, выходит, это колесо как бы тебя и спасло. Если бы не колесо, ты в этот момент находился бы как раз в этой точке. Это Старомлиновка — есть такое поселение. У нас там были опорные пункты, мы их держали.

Главное — закатиться на ЛБС. Очень тяжело бывает. До него стоит задача хотя бы дойти. В начале СВО очень сильно работали вражеская миномётная и артиллерия. А сейчас «птички». Сейчас стало намного сложнее, потому что «птичек» стало очень много. Допустим, в 23-м году они где-то с августа начинали так по чуть-чуть летать. А сейчас их на одного бойца от 5 до 10 штук может сразу прилететь. Здесь очень нужен хороший РЭБ. И двигаться. Всё равно очень влияет погода. Очень большое влияние и укрытие имеет. Работаем по погоде. Хорошо здесь помогают туманы. Маршрут, логистику прокладываешь, чтобы проходить, если двигаешься рядом с населёнными пунктами, чтобы были укрытия. Или двигаешься по лесополосам. То есть по открытке эти, если будут «птички», шансов выжить минимально. Ну по лесополосам, пешком. Конечно, пешком. В основном за 5—6 километров до точки — до ЛБС — высаживаешься. Может, даже быть и больше. И всё. И выдвигаешься. Идёшь пешим порядком. Потому что машину видно, и сейчас, ну, коптеры — всё, они,

допустим, в холодное время, так это вообще: тепловые камеры работают очень сильно, то есть машину очень видно. И она же везёт несколько человек, не одного и не двух. Здесь риски потерять сразу всех. Поэтому пешим порядком выдвигаешься. То есть выгружаешься, грузишь на себя всё, и потащил.

С точки зрения БПЛА враг силен. Они постоянно совершенствуются. У них всё новое, и очень быстро это работает. У них модель меняется моментально, частоты меняются. Допустим, они на одной отработали — не получается, летят на другой. Надо понимать, что на них весь мир работает и мир высокоразвитый, высокотехнологичный работает — здесь есть, чем и получается.

А нам нужна победа. Потому что сил и средств потрачено много, и ребят много лежит.

Командир группы огневой поддержки, добровольческий отряд отряда им. святого Ильи Муромца БАРС-20, позывной «Заяц»

В БАРС-20 начинал с пулеметчика, потом занимал должность командира отделения. И когда уже появился опыт работы, поставили на должность командира группы огневой поддержки. Работаем с крупнокалиберными пулеметами «ДШК», «Утёс», «Корт» и АГС-17 «Пламя».

В гражданской жизни я отработал в МЧС 20 лет. Вышел на пенсию. Пару месяцев поработал и пошёл на СВО, потому что 23-й год. Решил, что нужна моя помощь. А родился я в городе-герое Севастополе, учился в профессионально-техническом училище, пошёл на завод, потом ушёл в армию. Пришёл на дембель и устроился в МЧС. Место работы больше не менял.

Жена переживала, конечно. Говорит: у тебя по ходу по жизни людям помогать. Говорит: «Раз решил — иди». У меня двое детей. Сын тоже поддержал: «раз собрался — иди, что смысл тебя держать-то?» Типа удержать не смогу, так что давай, иди помогай.

Вообще война — не компьютерная игра, т.е. перезагрузки не будет, если ты где-то ошибся. То есть ошибки допускать практически нельзя. Ну, ошибаешься, иногда везёт, иногда может не повезти.

Помню, когда я получил ранение 28 сентября. Из-под Левадново мы выходили. Это 25-й год. Армейцы попросили помощи вынести средства РЭБ. Командир роты пришёл и говорит: пойдём помогать. Вчетвером пошли, начали выносить РЭБ. Дрон прилетел просто, остановился над нами, крылышками помахал. Решили, типа свой. Оказался не свой. Спикировал, командир погиб, а я получил лёгкое ранение. То есть так вроде, ну, помахал крылышками, да, вроде свой, а на нём же не написано — свой не свой. То есть вот ошибка стоила жизни. За ошибки здесь, да, расплачиваешься.

Страшно, конечно, бывает. То есть в любой момент даже шальная пуля, где-то прилет будет, осколки — ты же не знаешь, как они полетят. Бороться нет смысла — привыкаешь просто уже. Набираешься опыта уже, не идёшь на пролом, а уже и небо слушаешь, и смотришь. Голова работает по-другому.

А дроны противника мы разбиваем— ружья, автоматы. То есть система РЭБ тоже переносная есть. Ну у них сейчас частоты повышают постоянно. То есть иногда РЭБ срабатывает, иногда не срабатывает. Но, прежде чем выйти на боевое задание, ты всё равно контролируешь небо сначала. То есть у тебя рация, ты постоянно общаешься с РЭБом, они тебе докладывают: можно идти, нельзя идти. То есть если дрон поднимется, допустим,

на 500 метров, ты его, во-первых, не увидишь, во-вторых, ты его не услышишь. А ты у него как на ладони.

Ну и детектор «Булат» у нас у всех практически есть, у каждого бойца, который выходит на боевую задачу. Но всё равно его постоянно надо перепрошивать, потому что он на определённых частотах работает, а противник эти частоты постоянно повышает, меняет. То есть приспосабливаемся.

А ружьем сбиваешь, когда видишь, что он идёт на тебя, ты в поле стоишь, уже всё, тебе куда деваться. Автомат, ружьё если есть, стрелкотня начинается, и всё, сбиваешь его. То есть либо он тебя, либо ты его.

С ружья метров 20—30. Ты когда видишь, что он на тебя идёт уже, то есть он идёт по прямой просто. Он не будет вилять, ничего там. Он увидел тебя, что ты есть, и всё — идет.

Один мой товарищ с позывным «Сутки» — с другом они работали на позиции — они буквально за пару недель дронов 17—18 сбили. Человека представили к награде. За храбрость второй степени он получил. В районе Левадного, 2025 год.

У моего «Утеса» прицельная дальность — 2 километра, у «ДШК» — 3 километра. То есть если хохлы идут в накат, мы начинаем работать. Лёгкую бронированную технику мы разбираем. Пару КамАЗов разобрали, БМП. В 2023 году у нас было два пулемёта ДШК, а сейчас у нас четыре «Утёса», два ДШК, два АГС. Опыт приходит, и вооружение появляется, всё происходит сейчас в лучшую сторону.

У нас в отряде большинство возвращается. Много случаев, когда все: «Я больше не приду». Приезжает домой, месяц сидит дома, потом: «Я не могу, короче, поехал обратно», и всё. То есть вот сейчас в основном у нас отряд состоит из ребят, у которых уже второй, тре-

тий контракты. У меня пятый контракт в этом БАРСе. То есть меня всё устраивает. Я не вижу смысла дома сидеть и ничего не делать. Ну, смысл? Я зашёл сюда уже, и всё, я буду до конца СВО здесь уже находиться.

Командир отделения, добровольческий отряд отряда им. святого Ильи Муромца БАРС-20, позывной «Юрга»

Я — командир отделения пулемётного расчёта. Я служу с 23-го года, с февраля. Мама поддержала меня: «Да, сын, это правильное твоё решение». Потому что я, когда срочку заканчивал, я контракт ещё подписывал до 2000 года. И как-то у неё это всё в порядке уже обычном. А в гражданке я работал в службе безопасности нефтяной компании. Это охрана объекта. Шестой разряд, то есть с пистолетом. А по национальности я — удмурт. Родился под городом Ижевском. Трое детей. Супруга меня тоже поддерживает.

Начинал с 2023 года в городе Кременная, Луганская Народная Республика. Мы были на лесополке, защищали одну из точек. Это у нас точка первая была, то есть линия соприкосновения. Чтобы прорыва не было. Если бы мы не стояли там, нас бы взяли тогда в колечко. У нас ротация происходила через трое суток. Ребята у нас меняли — вторая, там третья рота. Вот так всё. Здрасте-здрасте. Я был пулемётчиком. Сейчас два года я — командир отделения, сам работаю на ПКМ.

Вспоминаю события в Кременной. На второй день к врагам пришла ротация, они заменились, как и мы. По разговорам мы поняли, что это поляки, а наши чеченцы поняли, что с их стороны тоже есть чеченцы. Ну и наш командир «Змей», командир отделения, — нас

было 8 человек — дал приказ чуть-чуть их потушить, ну, их пыл. Мы это сделали, использовали все виды оружия. То есть начиная с АКМ и заканчивая пулемётом «Утёс». Мы уничтожили их снайпера. Потом уже выяснили. А по лесополке по другой перебрались на другую лесополку. То есть они не ожидали от нас этого натиска. Ну вот это первый момент, когда мне это запомнилось. А так таких моментов было очень много.

А в позапрошлом году, когда нам привезли продукты и ребята все продукты перетаскивали на отдельный пункт, и там не слышно было, когда выход. С командиром разговаривали, и выход мины я не слышал, и она ударила около 50 метров от меня. Командир стоял за мной, то есть получается, я его прикрыл, а мне прилет был в локоть, то есть трёхсотый. Перевязали, затянули. Я тогда сделал замечание ребятам, что кучковаться не нужно. Там были и ребята-снайперы, и пулемётчики, и гранатомётчики. И после этого удара прилетели кассетные. Кассетная мина по той стороне по полю. То есть нам еще повезло.

Противник попадается и опытный. Изменилась тактика их действий, то есть насыщенность у них полётов — «Баба-Яга», всех этих аппаратов летательных.

Старшина минометной батареи, добровольческий отряд отряда им. святого Ильи Муромца БАРС-20, позывной «Серб»

Сам я родом из Краснодарского края. Работал в полиции, потом, по указу президента, перевели в Росгвардию. Там и служил. Помогали изначально после начала военной операции своим парням, волонтёрам. А когда

уже поехали знакомые, тоже принял решение, что нельзя оставаться в стороне, нужно уже ехать сюда. Просто помогать, как говорится, совесть замучила. Победу нужно приближать действиями, а не сидеть.

Честно сказать, родственники изначально не знали. Уже когда подписал контракт, сказал, что поеду на три месяца, якобы в командировку, — ну здесь до Мариуполя недалеко, как от работы, борьба с терроризмом, с экстремизмом, ну, по линии своей работы. Ну а потом уже родители, родственники все поняли, что, да... борьба затянулась. Все отнеслись с пониманием, честно. Очень хорошо относятся, да, переживают, но делать кому-то надо.

Сейчас я — старшина миномётной батареи. Пришёл сюда стрелком, потом перевели меня в стрелки-санитары, потом попросился на артиллерию. Парни попросили перейти на старшину. Склад у меня такой, старшинский. Парни сказали: «Вот это твоё. Будешь старшиной».

У нас 82-й миномёт, 120-й миномёт и гаубица Д-30. А так получается, я старшина и тех, и тех. Мы базируемся вместе. В общем, это артиллерия общая. Общая ствольная. Гаубицы — они долбят порядка 15 километров, ну, до 30. Да и поражаем довольно-таки хорошо. Поэтому пока работаем на Д-30. Миномёты пока у нас отдыхают. Ну и, естественно, расчёты, которые были на миномётах, сейчас работают на гаубицах. Парни взаимозаменяемы, молодцы, обучаемы. Поэтому все в работе. С гаубицей мы поражали пулемётные расчёты, командные пункты. Буквально недавно опорники противника разобрали. Поддерживаем, как говорится, нашу пехоту. Стараемся.

Запомнилось, как человека вытаскивали. Буквально мой самый первый опыт. Перешёл я на гаубицу с должности стрелка-санитара. Ну и так получилось,

что парни оборудовали позицию и подорвались. Один из них подорвался на мине. Нормально тогда он пострадал, а сейчас обратно зашёл, восстановился. Вытаскивали его мы под дронами, по полям, по минным. Решились срезать немножечко до позиции, случайно зашли на минное поле. Честно говоря, в таких ситуациях страха нет совсем. Есть поставленная задача, и всё — ты её выполняешь. Никакого страха. И потом страха не было, честно говоря. Я говорю: немножко просто осознание того, что всё правильно сделали, а страха нет. Отключается это чувство почему-то. Особенно когда за других нужно делать. Такое чувство непередаваемое. Да, мандраж есть, страха нет. Ну, как бы никто об этом не думал. Это уже, знаете, как говорится, трусить начинают уже после всего. Всё, вытащили. Шок был уже потом. Но опыт хороший. Мы понимали, что человек с полуоторванной конечностью — надо было оказать правильную помощь, чтобы человек не вытек, доехал.

Единственное — спасибо моим родственникам, друзьям, многим медикам. Они меня чуть-чуть поднатаскали. Кучу роликов рекомендую, кто идёт в ряды. Смотрите, практикуйтесь сами на себе, на друзьях. Очень помогает моторика рук, запоминание. Это реально спасает жизни. Правильное наложение жгута вовремя, в правильные места. И изучение препаратов, дабы человеку не сделать передоз случайно. Потому что сердца у всех разные, не лошадиные. Правильно куда поставить. Тот же обезболивающий — нюанс. Многие колют возле раны, это ошибка. К примеру, нога: вы накладываете жгут и сюда же колете обезболивающее. Жгут не пропускает кровь. Потом, когда жгут не действует, вы ещё раз. Понятно, что в шоке. Просто когда жгут ослабляется, кровь начинает идти, у человека может случиться передоз. Нюансов много.

У противника только дурак не учится. И на чужих ошибках, особенно на чужих хороших примерах надо учиться, противник далеко не дурак. Очень хорошо укрепляет позиции, разведка у него хорошо работает. А противник на каждом направлении по-своему. Но подготовка у них хорошая. По позициям они очень хорошо оборудованы, прям не ленятся.

СВО должна кончиться победой. Никакого пути назад, договорённостей, ничего. Только победа, победа, победа. Как минимум, нам нужно вернуть Одессу, Днепропетровск, все наши исконно русские города — это раз. Ну и со стратегической, конечно, стороны: Одесса нам очень нужна, потому что Чёрное море должно быть полностью за нами, чтобы не было ни портов натовских там, ничего. Поэтому — только победа без компромиссов.

Командир гаубичной группы, добровольческий отряд отряда им. святого Ильи Муромца БАРС-20, позывной «Хакас»

Я — командир гаубичной группы БАРСа. В 2023 году я подписал контракт. И уже два с половиной года на службе. В армии не служил, под мобилизацию не попадал, но решил, что надо идти. А родился я в Хакасии. Учёба у меня не задалась, сначала я на химический факультет поступил в Красноярске. Работал на заводе. Двое детей.

Моё представление было такое, что я приезжаю на службу, мне дают автомат, говорят, куда надо идти, я туда иду, и там, соответственно, всю броню нахожу сам себе. Я шёл с уверенностью в том, что у меня как бы ничего не будет и что мне надо будет себя самому обезопасить. Когда уже приехал маленечко, приятно,

наверное, был удивлён, что мне всё это выдали. Когда заехал в БАРС, мне тоже хотели дать пулемёт. Буквально передо мной крайний пулемёт забрали и мне дали РПГ. Получается, я примерно неделю был гранатомётчиком. Потом получилось так, что меня командир батареи «Кактус» забрал. Вот решили, что я толковый, меня там посоветовали, и всё, и меня забрали в миномётку. И где-то через несколько дней я первый раз выехал на позицию.

Буквально в этот же день мы заехали утром на позицию, а вечером к нам привезли «Василька». Это был как бы первый опыт, когда по мне стреляют. Противник увидел «Василёк» этот, что его транспортируют, и всё, и по нам сразу полетело. Я уже не помню, по-моему, 16 прилётов было, и кассеты, и мины, ну, всё подряд летело. Вот ближе уже к крайнему разрыву мы, получается, вчетвером были, там уже был новый командир батареи. Мы были вчетвером в блиндаже — ну сложно назвать блиндажом, это как могила, грубо говоря, со входом перекрытая. Вот мы вчетвером забились, я сидел, получается, крайний к входу правым ухом, и крайние прилёты, которые уже были, я уже ухом не слышал, то есть у меня уже как бы свистело все, глушило. Ну ничего, как бы нормально все, вышли, и всё хорошо было. И так совпало, что в 2024 году я с БАРСа с этого вышел, зашёл в 8-й БАРС. И вот за первые два месяца 8-го БАРСа меня убить хотели больше раз, чем за восемь месяцев в 20-м БАРСе, когда я был. Потому что я работал уже на орудии. Ещё забыл сказать, что меня в 2024 году возили на обучение на гаубицу. И вот в этой связи, когда 8-й БАРС зашёл, меня поставили на гаубицу. Учились на Д-30, а поставили на Д-20 работать. Сначала номером расчёта. Потом меня по должности поставили как старшего наводчика, но выполнял

я функции и буссолиста, и командира орудия. Вот за эти первые два месяца, что мы работали, очень много по нам ответки было. То есть мы отправляем, допустим, пять снарядов, а по нам летит тридцать.

Потом было Гуляйполе. Но, учитывая, что Д-20 — это 152-й калибр, ответка шла 155-я. Американские три топора — 777. С неё по нам работали. Ну я жив-здоров, короче. Потом я когда контракт отработал свой, командир, получается, на тот момент батареи предложил: «Заходи к нам в 20-й обратно». Ну всё, я зашёл.

Сюда я заехал как наводчик после 8-го БАРСа, получается. В 8-м БАРСе, пока я работал, там «птиц» практически не было. Ну то есть стволка работала в основном. Здесь наоборот — здесь стволки практически не было. Здесь по нам в основном работали «птицы». Очень хорошо, что мы закопали вровень с землёй орудия. То есть яма девятиметровая, чтобы можно было разложить, и вся под землёй. В один прекрасный момент нас всё-таки нашли и за два часа прилетело двадцать «птиц». Семь застрелили, там какую-то часть РЭБом уронили, ну три всё-таки пролетели. Слава Богу, орудию ничего не было, то есть вот прям рядом со станинами прям вот такие вот отверстия, прожоги от этого кумулятива, но ничего, орудие целое осталось. И потом уже вот на этот контракт, когда я заходил, меня поставили сразу командиром гаубичной группы.

Много моментов запомнилось. Вот в ноябре ходил в разведку, искал место под перекат на орудие. Наступил на лепесток. Ноги, руки целы, лепесток не сработал. Я вспотел и понял, что я мог ноги лишиться, уже маленько позже, когда уже ушёл с этого места. Ходишь, всё равно внимательно смотришь, куда ходишь.

В один момент пришлось нашим ребятам по лесополкам пройтись и искать место другое. И вот в какой-то

лесополке, из которой они вышли, нашли тело немца мёртвого. Ну немцы — это не немцы, конечно, а украинцы, но не суть. Для меня это немцы, как в Великой Отечественной войне. И на нём был такой шеврон — нацистский орёл и под орлом трезубец. Диссонанс какой-то получается, 50 лет Великой Отечественной войне, и снова фашистский крест и орёл. А наше дело правое, и победа будет за нами. Вот победой и закончится война.

Старшина 2-й роты, добровольческий отряд отряда им. святого Ильи Муромца БАРС-20, позывной «Спартак»

Сейчас я — старшина второй роты, у меня уже третий контракт. Я давно хотел на СВО. Однажды встретил друга, давно не виделись, он рассказал, что есть такие отряды БАРС. Я вот, допустим, о них даже не знал раньше. У нас в Ставропольском крае есть отряд «Терек». Сначала планировал туда, но что-то потом передумал и пошёл в 20-й БАРС. А опыт военный у меня был, я служил в 103-м полку во внутренних войсках заместителем командира взвода. Я разведен, у меня двое детей. Когда пошел, мама, конечно, сильно переживала. Но она знает, что если я принял решение, значит, оно будет исполнено. Ни секунды не колебался, быстро собрал все документы и приехал сюда.

Сначала год был в пехоте просто стрелком. Потом освободилась должность. Нужны были связисты. Меня решили использовать, научить делу связи. Я же на гражданке имел опыт со слаботочными системами. Вот стал связистом и отправился на контрольно-наблюдательный пункт со своим комбатом — позывной

«Док». Проходил там службу. В общем, вся связь, все линии боевого соприкосновения — всё проходило через нас. Там у нас наблюдательный пункт был, мы были прикомандированы к 143-му полку.

Сейчас война технологий, у нас велись стримы. То есть около 16 стримов было каждый день. В общем, все эти стримы я организовывал. Работали наши дроны-разведчики, если обнаружены были точки, туда уже отправлялись FPV-дроны или пехота заходила 143-го полка, то есть наша группа БПЛА тоже вела разведку.

Я представлен к награде «За храбрость» второй степени. Это мы отражали атаку FPV-дрона на контрольно-наблюдательном пункте. Сначала нас два раза поджигали. В общем, летом противник очень сильно активничает, бросает зажигательные. Трава везде сухая, они начинают разгораться. И соответственно, трава была прямо такая большая, если она горит, соответственно, это очень тяжело. У нас были всегда запасы огнетушителей — начали тушить. А потом оказалось, что летит и FPV-дрон. Ну у нас было трое человек и вовремя быстро сообразили. Один сначала отразили. В общем, с ружья товарищ выстрелил, он упал. А потом ещё второй летел — я с автомата его сбил. Один магазин выпустил. В общем, удачно попал, с 40 метров, т.е. он уже подходил близко.

Меня звали во многие отряды, другие БАРСы. Я сказал, что я свой БАРС вообще никогда не предам. Настоящих друзей, товарищей, думаю, с которыми и в дальнейшей жизни много будем еще делать. Вот земляк мой, замполит — позывной «Мол» у него. Вот мы вдвоём в роте, всё устраивает вообще полностью. Командование отлично относится, вообще командир относится ко всем как к братьям. И мы все здесь как братья.

С одним моим другом мы с пяти лет вместе, мы заходили вместе сюда с ним. В общем, мы всё детство вместе провели, всю юность провели вместе, всю молодость. К сожалению, его затрехсотило. Позывной у него «Чёрный». Машина шла на линию боевого соприкосновения. И была атакована FPV-дроном. Он сидел на переднем сидении. Выжил, слава Богу. Всё у него сейчас хорошо. Дочка ещё родилась, четвёртый ребёнок уже. Ну, надо лечиться. Травмы очень серьёзные. Ну, всё лечится. Всё нормально.

СВО нам надо закончить только победой. Победа, капитуляция противника полностью. Только победа.

Командир 3-й роты, добровольческий отряд отряда им. святого Ильи Муромца БАРС-20, позывной «Феникс»

Я — командир третьей роты БАРС-20. Возраст, может быть, не самый уже маленький, но тем не менее здоровье и физические возможности позволяют. После того как начали создаваться добровольческие подразделения, я принял решение уйти добровольцем. Я, хоть в запасе, но я — кадровый офицер. Поэтому семья моя к службе уже привычна была. Но в целом понимание было.

До СВО я работал на разных работах, но последнее место работы связано со вторым обучением, с моим вторым образованием. Я по второй специальности — экономист-аграрник. Я занимался оборудованием для молочно-товарных ферм. А родился я в Республике Мордовия, поступил в Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище, по распределению для прохождения дальнейшей службы в качестве командира

взвода. Службу проходил в гвардейском 331-м парашютно-десантном полку в разведке. Затем проходил службу также в Республике Югославия. Участвовал в миротворческой операции. Потом проходил службу в гвардейском 217-м парашютно-десантном полку. Тогда в вооруженных силах были сокращения, и, поскольку у меня было второе образование экономическое, я перешёл на службу в Федеральную службу налоговой полиции. Продолжил службу в этих органах до их реорганизации. Затем, после реорганизации, служил в Федеральной службе по контролю за оборотом наркотиков. В 2008 году вышел на пенсию. А так у меня четверо детей. Двое сыновей учатся в школе. Надеюсь, что со временем кто-то из них также выберет путь, который прошёл их отец. И надеюсь, что каждый из них будет в своё время защитником Отечества.

В 2024 году я прибыл в 20-й добровольческий отряд БАРС и прошёл путь от командира группы до командира роты. Выполняли различные задачи.

Мы — добровольческие отряды, как правило, выполняем задачи по удержанию территорий. Идём вслед за штурмами. И территории, и позиции, которые они занимают, потом занимаем мы, удерживаем эти территории. Выполняли в том числе эти задачи по удержанию территорий в районе Степового — это в Запорожской области. В лесополосах удерживали позиции. В прошлом году нас перенаправили на позиции гуляйпольском направлении.

Много запомнилось выходов из занятых позиций. Основная работа командира заключается в том, чтобы грамотно продумать, как организовать эти мероприятия. Организовать взаимодействие между подчинёнными. Распределить порядок работы для каждого из них. Сложность всегда возникает именно при практическом

выполнении задач. В основном — во время движения под серьёзным воздействием миномётов и беспилотников противника. Задача командира — чтобы все добровольцы дошли до указанных рубежей, заняли позиции. И самое главное, чтобы поставленные задачи были выполнены в срок. А для командира важно, чтобы все добровольцы на эти позиции дошли. То есть от его грамотных и умелых действий зависит то, чтобы никого не потерять. К сожалению, часто без потерь не обходится. Были у нас и раненые ребята. Мы их своевременно эвакуировали, оказывали медицинскую помощь.

Я награждён медалью «За храбрость» второй степени за боевые действия в районе Гуляйполя, за организацию боевой работы и практическое выполнение боевых задач в 2024 году. Когда мы удерживали позиции в районе населённых пунктов Степовой, Левадное, в тех районах.

Хорошо бы, чтобы у нас было побольше тяжёлых квадрокоптеров, я думаю, что было бы намного эффективнее работать. В принципе, наши беспилотники работают достаточно эффективно. Но всё-таки, что касается тяжёлых квадрокоптеров, аналогов их «Бабы-Яги», которые могли бы не только поддерживать нас в боевой обстановке, но и обеспечивать всем необходимым — боеприпасы, вода, продовольствие, — хорошо было бы их побольше. В тактическом звене — рота, батальон, конечно, вот это вот было бы хорошим подспорьем.

Мы должны нанести противнику такой удар, чтобы лишить его способности сопротивляться. В принципе, контроль территории обязателен, поскольку главой нашего государства были поставлены цели полной денацификации и демилитаризации территории бывшей Украины. Я думаю, что такое может быть возможно только при полном контроле территории — всей их территории.

Заместитель по военно-политической работе командира 3-й роты, добровольческий отряд отряда им. святого Ильи Муромца БАРС-20

С отрядами БАРС я знаком давно. Я — атаман Павловского районного казачьего общества Краснодарского края. 20-й отряд — это отряд Кубанского казачьего войска, то есть наши подопечные — это наш отряд. И в составе отряда большинство — именно казаки Кубанского казачьего войска. Часть здесь, до заключения контракта, я бывал в отряде, привозил гуманитарную помощь. Здесь служат бойцы непосредственно моего районного казачьего общества. Ну поэтому и принял решение также подписать контракт и уйти добровольцем. Семья поддержала.

Я родился в казачьей станице. Там же окончил школу, затем поступил в институт. Окончил его по специальности «инженер-электрик». Вернулся, устроился на работу, работал на производстве, перешёл на административную работу. И до заключения контракта на СВО я работал заместителем главы района и по совместительству атаманом.

Наши бойцы закрепились на позициях на направлении Гуляйполе и удерживают их. Основное — это борьба с дронами. Наверное, самый запоминающийся момент был, когда наша группа во главе с командиром группы, позывной «Юрьич», взяла в плен бойца ВСУ из состава их диверсионно-разведывательной группы. Прямо в Гуляйполе при закреплении на позициях был выявлен боец, который скрывался под видом раненого военнослужащего российской армии. То есть он укрывался в подвале одного из жилых домов. Естественно, его передали в структуры, которые занимаются этим.

Командир отделения, добровольческий отряд отряда им. святого Ильи Муромца БАРС-20, позывной «Огниевич»

Я — командир отделения, добровольцем с 2023 года. Примерно с марта в Кременной, в 20-м БАРСе был. Затем уходил в другое подразделение, потом вернулся обратно в 20-й БАРС и несколько раз уже заходил сюда. Вот последний раз на год, сейчас продлеваюсь на полгода.

Я был строителем. Мне давали людей, и я строил. Но я решил пойти, потому что, как бы сказать, все-таки чувство патриотизма советского у меня осталось. Что-то такое оттуда. И, если можно так выразиться, чувство вины за то, что развалили СССР, хотя там тоже были свои минусы, свои плюсы и так далее. Но хочется что-то вернуть оттуда хорошее. И я чувствую, это идёт к этому всему. Потихоньку, по чуть-чуть, короче, оно, так сказать, идёт.

А когда-то я почти три года на океанском флоте служил на боевом корабле, на БПК во Владивостоке. Ну потом, развал СССР. Командир умер. Сердечный приступ из-за того, что корабль продали просто за копейки.

А сам я с Волгограда. Учился на тройки, мать меня отправила в Донецк к дяде. Вот отучился на шахтёра, недалеко от Донецка, шахтёрский городок. Ну оттуда меня призвали сначала в Мариуполь в морскую школу, короче, там окончил, и потом уже на Тихоокеанский флот отправили, там отслужил. Обратно приехал домой в Волгоград, ну, на мебельный комбинат. Естественно, пошли эти все года рояльские. Не знал, что делать и, в общем, пошёл в военкомат и написал заявление, короче, рапорт на учёбу во Фрунзе. Ну хоть какой-никакой

у меня опыт морской есть, короче, может, что-нибудь получится; не получится — может, меня в военную среду примут, короче. Ну не получилось, потому что там перебор был среди военных, короче. Всё, я поехал туда, прошёл курс молодого бойца. Ну, так как бывшие военные, их слишком много было, соответственно, меня не приняли. Ну, мне сказали — в Ломоносовский морской колледж. Это вспомогательный флот Военно-морского флота. Там я отучился где-то год-полтора. Год с чем-то, короче. Ушёл, отработал на вспомогательных судах. Меня всё-таки там приняли, работал. «Петра Великого» водил из «Золотых ворот» Санкт-Петербурга. Меня командировали на «Пургу». Это ледокол наш. И потом всё-таки вот эти 90-е подрубили. И тут мать одна, короче, ну, пришлось приехать домой. Здесь уже занимался строительством и тому подобное. Ну и вот я так вошёл в строительство.

Бывает, негде разместить, а штурмовики пришли. Куда их разместить? Но все знают, что я строитель. И я быстро могу оформить, где-то кого-то распределить и так далее, даже на пустом месте. И у меня как бы получалось. Вот зашли недавно, в прошлом году, первая девятка — девять человек и ещё девять человек. Куда мне пихать? А я как раз выкопал 27 метров в полный рост окоп. Ну куда их? Туда. И вот по окопам их распределил, одеяло накрыл, короче, сеточки. И вот они у меня где-то, первая девятка, получается, где-то дней шесть, потом они на штурм пошли, короче. А вторая девятка, я уже показал, как что рыть, короче, они сами все сделали, молодцы, короче. Я им мешочки дал и так далее. И покушать где-то что-то там и так далее, короче.

Пока были в Кременной, в 2023-м, стояли на месте. Тяжеловато очень было. Очень тяжеловато. Сейчас полегче. У меня перед глазами одна история. Вот они

только приехали. Два молодых пацана, короче. Я их видел из окна, короче. Я их предупредил, что FPV летят. Не получилось, они не успели. Пришлось их завернуть, короче, в это, чтобы собаки не съели. Ну записку написал, как погибли, что погибли. Непосредственно Гуляйполе. В Кременной я недолго находился.

Раньше было: как-то наши заходят в парикмахерскую, а местные начинают коситься, там, ой, да у нас времени нет. Я думаю, короче, это не страшно, мы всё равно переформатируем их обратно в русских. Они же русские, все русские.

Начальник склада боекомплекта, добровольческий отряд отряда им. святого Ильи Муромца БАРС-20, позывной «Бурундук»

Мне 60 лет, я с января 2023 года воюю в БАРСе-20. Пошел на СВО, потому что мне этот шанс Господь дал стране чем-то помочь, послужить. И я хочу понимать: когда я смотрю в зеркало, кого я там вижу. Вот для меня это самое важное. И чтобы мои дети, мои внуки понимали, кто их отец и дед, и могли сказать: «А мой дедушка или мой отец или мой муж защищает нашу Родину».

Семья поддержала. А как по-другому? Что за семья, если она решение защищать Родину не принимает? Странно это как-то для меня.

Я в Челябинске родился и учился. Вернулся после армии обратно в Челябинск. Занимался строительством. Строил храм.

Для меня СВО начиналась в Кременной. Мы с января по июнь были в Кременной. В начале июня нас

из Кременной вертолетами вывезли сюда, в Запорожскую область. Первый бой мы приняли под Макаровкой, переночевали в лесу, заехали на позиции, приняли бой. Вот где нас практически размотали. Я тогда командовал второй ротой. Очень тяжёлый был. Мы были с 60-й бригадой, там молодцы ребята все.

А в Кременной мой первый выход, у нас практически вышли 40, а вернулись 19. Первый мой выход боевой. Я понял, что шутки кончены. Я считал, когда поехал, что я понимаю всё, что вот знаю как. А оказалось, я ничего не понимаю и ничего не знаю. Это было очень жестко.

Тогда и ранение получил под Макаровкой. Выстрел танка противника, и четверо нас все 300. А в Макаровке еще «Фигура» был ранен тяжело. А меня эвакуировали в госпиталь. И с госпиталя я вернулся обратно на СВО. У меня Георгиевский крест 4-й степени, медаль «За заслуги перед Отечеством» II степени, «За храбрость» II степени.

Мы тогда в Кременной приехали, все новобранцы практически выгрузились. Тогда украинские «птички» были одна-две, они были наблюдатели, и это было довольно редко. Ты мог один спокойно идти, «птичка» на тобой, абсолютно всё равно. Сейчас они охотятся по десять за одним. А тогда такого не было. Но тогда нас «птичка» срисовала, и начал работать миномёт 120.

Первый выстрел — я пригнулся, присел, а с третьего уже упал и пополз в блиндаж. Помню после обстрела крик медиков: «20, кто живой, выходите!», вот я, это был февраль, 2-е или 3 февраля, я сейчас точно уже не помню. Вот все ребята, погибшие тогда, у нас на стене фото висят. Я вот вылез, и вот этот снег весь в крови, люди лежат, и вот мы их таскали, снимали бронежилеты, перевязывали, кого смогли, кого не смогли.

А через два дня снова выход, и снова примерно такая же картина. Только уже погибших было трое и трое 300. И я думаю: господи, да как так-то? Я не успел, да как так? Ну а потом как-то уже пришёл опыт, и уже ребята были более прошедшие. То есть в основном уже потери по собственной глупости, по неопытности. Но бывает так, что и самых опытных накрывают. Ну тут уж никуда не денешься.

В Макаровке потом тоже тогда очень жестко было — очень страшно было. Страх всегда должен быть. Страх, он спасает тебе жизнь. Не паника, а страх. Как-то так вот зажимаешь себя, и всё, и понимаешь, что надо. А как по-другому? Ну ты уйдёшь, он уйдёт, этот убежит. И что делать будем? Кто будет задание выполнять?

Мы в Макаровке удерживали позиции с морскими пехотинцами. И группа «Z» подошла, ещё 40 человек, и вообще из них осталось трое только. Вот это было самое-самое-самое такое. Это как в кино про Великую Отечественную войну, когда немцы говорят: «Русские, сдавайтесь!» А сейчас хохлы говорили в мегафоны с их позиций. Было очень жестко. Нас молотили там так, что мама дорогая. И только когда получили приказ, мы отступили. А до того момента — нет. У нас остались там погибшие, потому что мы не смогли их забрать. У нас не было возможности раненых спасать. Вот «Коба», мой сослуживец — мы с ним тоже с самого начала, вот он, меня эвакуировали, меня тогда затрёхсотило, а он уничтожал оружие, которое мы не могли унести. Уходили по приказу, без паники чётко, слаженно, грамотно.

Очень многие люди остались у меня в памяти. Самый первый мой челябинский погибший. Позывной «Женя» на руках у меня умер. Это в Кременной. Пуля ему — прямо под броник ему. Ничего не смогли сделать.

Мы держали оборону. Ну и нас время от времени с той стороны простреливали. Абсолютно беспорядочно. Он попал в такой момент, когда он шёл по тропинке. Всё, вот его вытащили, перевязали, и он на руках уже умер у меня. Ну и мои, конечно, «Коба», «Фигура», мои все. Царство Небесное. «Финик» погиб. Он за меня оставался, сначала за меня оставался «Камчатка», в Макаровке, когда меня ранили. «Камчатка» погиб, руководил «Финик». А потом он уже погиб. Украинцы, бывает, воюют грамотно, не дураки. Противник бывает сильный.

А сейчас по сравнению с началом СВО у нас со снабжением даже изобилие. Вообще небо и земля. А тогда всё было очень тяжело. Вот для нас, кто был с начала, сейчас просто изобилие. Просто изобилие. То есть какие-то определённые трудности есть, но это война, на то она и война. Трудности — никак без трудностей. Где-то мы не всегда можем доставить ребятам на ЛБС воду в связи с обстановкой. Но всё равно это всё делаем. То есть как бы всё равно всегда снабжение идёт. Ребята не чувствуют себя брошенными.

Жили в Кременной мы в домах у мирных. Мы в домах жили, вот 10 человек у меня в доме, мы каждую неделю получаем на 10 человек продукты. Ну и кто-то уходит на боевые. Продуктов остаётся очень много. Мы их отдавали местным жителям. То есть первое время разбирали всё. Вот привезли телегу, всё разбирали. Потом вот так: это берём, это не берём, это вот так. И мирные нам говорят: «Только не уходите, только не уходите». Я говорю: «Что вы взяли-то?» Ну, вот ходят слухи. Я говорю: «Да как ходят слухи? Вы смотрите, дороги начали строить. Если бы мы собирались уходить, так с чего бы мы дороги-то строили в городе? Никто никуда не уйдёт». А однажды один плюнул вслед.

Ну и люди же разные. Ведь вы знаете, что для кого-то стакан наполовину полон, для кого-то наполовину пуст. Поэтому одно и то же событие каждый воспринимает по-разному.

Закончится СВО должна только победой. Это наша земля.

Стрелок, добровольческий отряд отряда им. святого Ильи Муромца БАРС-20, позывной «Везучий»

Мне 68, я — стрелок. 20-й БАРС уже мой родной — на самом деле мой родной БАРС. Почему пошел? Ну вы знаете, без пафоса скажу: значит быть... ну напоследок хотелось всё-таки послужить Отечеству. Я до этого ни в каких боевых действиях не принимал участия. Просто, если честно, значит, в этом... трудно стало сидеть на диване, смотреть за тем, как наши ребята с фашизмом валятся. И решил в общем-то тоже какой-то, будем говорить, не особо значительный, по мере возможности вклад внести в это дело.

А родился я в Костромской области. По окончании школы предприятие направило меня, так сказать, на повышение квалификации. Я окончил Костромской технологический институт по специализации лесоинженерного дела. В общем, я профессиональный лесозаготовитель. В общем-то всю жизнь проработал в лесной отрасли, пока она не развалилась. В настоящее время вдовец, есть дочь и внук. Семья, конечно, очень сильно переживала. Ну, как многие из нас, — мы тут ведём себя не особо прилично: мы же всё оформляем и уже потом напоследок приходим, перед фактом ставим, что вот так и так, да. Дочь очень сильно переживала, конечно.

Я начал службу номером расчёта. Работали 82-м миномётом. Это было у меня до 9 января прошлого года. На Запорожском направлении. Из миномёта стреляли, боеприпасами нормально обеспечивали. Задачи выполняли.

Однажды нам была дана команда подготовить место под миномёт. Это, наверное, один из случаев везения. Ну мы такой квадратик, как бы окопчик выкопали. Ну по ходу крыло противника нас это всё дело отслеживало. И получилось так: мы уже работу закончили, нужно было в принципе установить миномёт. Время было обеденное, мы ушли на обед, и вдруг слышим, значит быть, два удара. То есть строго, значит быть, два дрона прилетели и нашу позицию разнесло. Пришлось переносить в другое место. Вот такие случаи бывают. Миномет мы даже не успели установить. Да, не успели. Мы подготовили позицию, вот нужно было быть миномёт, это самое, а потом эту же самую позицию мы занесли. Ну там, будем говорить, нашли на позиции печку, холодно было уже, это уже конец ноября. И мы поставили вот на это место. Ну этой позиции уже, понятно, не пользовались, она засветилась, значит быть. Ушли, так в эту печку строго попало пять дронов, понимаете? Такое дело.

Вообще там ситуация разная бывает, конечно. У нас была очень позиция такая сложная... На нашу лесополку нужно было заходить, и у нас отрезок совершенно открытый был, там окопчик, он даже не в рост был вырыт, и вот это вот метров 300 открытой территории, вот там, значит, у нас... Кошмарили, и ребята погибали, так и называлась — дорога смерти. Ну в общем, война как война, всё нормально, без этого же не бывает там. Кому-то везёт, кому-то не везёт. Дело случая.

А сейчас у нас уже и, значит, и антидронщики есть и эти РЭБ есть, то есть гасим дроны. Да и сами ребята

уже подготовились. Есть наработка, как и чем, каким оружием бороться. Охотничьи ружья достаточно эффективно работают, потому что заряд расходится. Сфера поражения другая уже. Не то что пули 0,5—0,45. Трудно попасть. Многие из пулемётов сбивают.

А о самом БАРСе могу только добрые слова сказать. Вот лично в отношении меня, значит быть, ну вот всё, что происходило, я скажу, значит, ну как, если можно так сказать, ко мне очень лояльно относились. И первое было ранение, и второе, значит быть, и внимание постоянно, значит быть, даже перемещение по госпиталям и то, значит быть, отслеживалось всё. Первый раз, значит быть, попал под обстрел АГС. Ну там легонько, значит, живот, голову немножко, плечо побольше — тут осколок влетел. Ну это так вот. Мы на позиции были. Вот как раз под миномёты выбирал позицию, значит, ходили. И вот противник начал обстрел. Побежал в укрытие, значит. Ну вот так вот. Немножко поцарапало.

А второе уже, значит, мы группой бежали на позицию к орудию, значит, и получилось так, что в одном месте наступил на мину. Подрыв произошёл, значит, благо, что кроме меня больших, потому что впереди и сзади два бойца, значит, бежали группой — тройка. Никто не пострадал, вот только тут меня немножко царапнуло. Вот так. Вытащили. Вообще ребята молодцы. Я до сих пор встречаю и благодарю. Они мои спасители. Вот на руках они меня 2,5 километра вытаскивали. Меня быстро эвакуировали. Меня за 9 часов вывезли. И уже в Розовке первая операция была. И потом уже там, в Мариуполь, Ростов и в Питер. Лечат, конечно, замечательно наши врачи, надо отдать должное. Отношения просто великолепные. Там и медперсонал, там и волонтёры.

Старшина 3-й роты, добровольческий отряд отряда им. святого Ильи Муромца БАРС-20, позывной «Вал»

Я зашел в конце 23-го года в 20-й БАРС. Был сначала разведчиком, потом старшим разведчиком, потом командиром группы разведки. Ну в данный момент являюсь старшиной третьей роты.

А родился я в городе Златоусте. Учился в школе, пошел учиться на программиста, но как-то не пошло — не завершил и устроился на завод. Во время работы на заводе пошел обучаться на профессию металлурга в техникум. Окончил, работал и сразу учился. Женился как раз в 2008 году. В этом же году, через полгода, ребенок родился. А на заводе отработал 20 лет. Сталеваром. Также был подручным сталеваром. Потом стал сталеваром.

Сначала у меня младший дядя, как военный, ушел на СВО. А потом ушел двоюродный брат. За ним дядя, отец его, пошел. Ну я решил, что тоже пойду, потому что я и помогал людям, и деньги перечислял на помощь фронту.

Однажды нам боевую задачу обозначили. Мы пошли на разведку. Надо было обнаружить позиции фашистов — хохлов. Сказать, где стоит миномет и прочее. И по возвращении обратно полетело крыло. Мы почти уже дошли до своего блиндажа, оно мимо нас, и мы начали по нему стрелять. Мы подбили, оно упало, и тут же по нам начала отрабатывать полька. Они и сначала не промахнулись, ну, пристрелочный был. А потом уже, когда начали пока забегать, мы поняли, что по нам бьют. Я, ну, как бы крайний забегал, всю свою группу завел, и, как старший группы, я крайний забегал, и получилось так, что осколочную в голову получил. Получилось так,

что повезло, что голову не пробило. Я как раз забегал уже совсем почти и наклонил голову, потому и жив остался — трехсотый.

А второе ранение получил, когда повез людей на задачу — был водителем. Как бы дороги я знал и вез как разведчик. Вез людей и оборудование. И по пути исследования был сброс. Мы ехали в темноте, и был сброс как раз с моей стороны. Повезло, что машина обшита резиной была. Осколки прошли сзади спины. Меня контузило, и я отключился на доли секунды. Жив-здоров, и слава Богу. Страшно ли было? Не боятся только дураки. Думаешь, что надо выполнить задачу, и идешь.

А однажды под Старомайоркой мы выходили, наткнулись на 60-ю бригаду, там были люди сильно ранены. Мы их начали вытаскивать, а хохлы начали обстреливать. Все летело, и «птицы» нас обнаружили. Надо было спасать, а были минуты, так сказать. Людей перевязали, пережгутовались, они могли задвухсотиться, а они были трёхсотые. Мы их вытаскивали, а по нам «птицы» летели, мы в группе шли. Кто-то отстреливался, кто-то нёс. Где-то в норку спрячешься, где-то что-то вот так. Повезло нам тогда. Что морпехи на себя взяли стрелять. Получается, правее от нас, как мы шли. Они начали прямо по позициям хохлов. Они начали работать. И весь огонь, к ним все полетело, а от нас отстали, и мы ушли. Мы троих вытащили вчетвером, кто-то кого-то так, а кого-то на плече один у нас нес полтора километра. Дотащили и там уже вызвали эвакуацию.

А однажды случай был еще. С нами стояли тоже «птичники» другого подразделения. И они сказали, мы за вами проследим, а мы поехали кросс забирать. И мы едем, а я вижу, «птицы» летят, а другие-то повернуты в ту сторону. Мы думали, что это наша летит. А потом уже вижу, что она еще ближе подлетает, у нее

«морковка» вот такая там висит. Я говорю, ложись, всех прикрыл так, я сзади на них прям лег. Ну повезло... Она в метре подорвалась, и в землю, осколки только сзади зашли.

Артиллерист, добровольческий отряд отряда им. святого Ильи Муромца БАРС-20, позывной «Юрай»

Я работаю в «Транснефти», а на СВО услужил артиллеристом, мой позывной на тот момент «Юрай». А в армии я служил с 1989 года по 1992-й во Владивостоке, на авианесущем крейсере «Минск». Я — старшина первой статьи. Потом на гражданку пошёл строителем, потом — в охрану «Транснефти». А родился в Тюмени в 1970 году. Оттуда пошёл служить в Военно-морской флот.

В 2022 году, когда мы приехали в Красный Лиман, сначала все вместе были, потом ночку переночевали и утром потихонечку разделились по объектам. Всем вместе нельзя. Как нас обучали: больше трёх дней собираться, потому что сразу засекут.

Мы пошли как добровольцы, мы знали, куда шли. У нас почти все возрасты, чуть ли не 90 процентов было в возрасте. Со всех уголков страны. И за 60 несколько человек было. Командир моего подразделения артиллеристов очень грамотный был, он изначально артиллеристом был. Офицеры, как говорится, уже понюхавшие порох, были, грамотные были. Он постоянно там расчёты делал, там подготавливался. Позывной «Мираж» у командира нашего артиллерийского.

Нас «Транснефть» всем обеспечивала. Даже плащ-палатки выдавали нам, лопаты. Хорошо, что обеспечивали нас лопатами, чтобы мы выкопали себе окоп,

блиндаж. Еда, нормальный интернет, бутилированная вода. Транспорт и возил постоянно воду, чтобы даже элементарно умываться, постираться. Сетка защитная.

Противник тоже хорошо оснащен, сейчас оснащают хорошо противника. Мы стреляем снарядами, и он сразу засекает откуда, с первого же снаряда. Вот тоже приехали с утра, в 9 часов, на место. Тишина стоит. Думаю, что тут никто. Только первый выстрел сделали — сразу всех бах-бах-бах-бах-бах-бах-бах. Все тоже застреляли. Что с той стороны, что с этой. Все ждали первого выстрела. Эта техника на первый выстрел реагирует, откуда что, сразу фиксирует.

Я смотрел видео украинского нашего бойца, ну уже мертвого, они снимали сами. Они не считают нас за людей. Они тут вместе с ними, с этими фашистами, против нас воюют. Мировоззрение вот такое вот у них.

Помню, как первый раз обстреляли со взрывом. Мы разложились между собой, тряпки посушили, мокрую одежду намочили дождиком. Расслабились — солнце, сидим, и прилёт прошёл. Но он недалеко, метров 50. Все раз попадали, а потом уже как привыкаешь, уже понимаешь, что там осколки не долетят или долетят. Уже меньше страшно. Поэтому для меня это как взрыв и взрыв. Рядышком как-то тоже не сильно страшился-то. Только что, если рядышком сидишь, там, например, идёт акустика от него, по ушам бьёт, давление.

Командир расчета РЭР, добровольческий отряд отряда им. святого Ильи Муромца БАРС-20, позывной «Железо»

Я — командир расчёта группы радиоэлектронной разведки. Раньше боевого не было опыта. В основном

был гуманитарный опыт. Помогали с самого начала, как началась Специальная военная операция. Я еще атаман Сенного-сельского поселения, Кубанское казачье войско.

А родился я на Байкале. В Бурятии — перебрались с родителями, в то время БАМ строили, ну, соответственно, там и родился. Образование — незаконченное высшее. Сейчас в данный момент я учусь. Учусь на направлении «Государственное и муниципальное управление» в институте имени Разумовского на втором курсе. По образованию я — строитель. Деятельность связана с градостроительством и проектированием: картография, разрешительная документация. Поэтому и по ряду своих специальностей пригодился здесь в подразделении.

У меня двое детей. Младшая только в первый класс пойдёт. Они мне сказали: «Папа, береги себя. Береги себя, возвращайся домой». Как я решил на СВО идти, семья сначала, конечно, волновалась, но в целом, так как мы, — вся семья, люди патриотически настроенные, учителя, педагоги, поэтому очень даже поддержали и сказали: «Давай, конечно, Родина в опасности, нужно её защищать, помогать». В принципе, не было сильных волнений. Отпустили с Богом, как говорится. Ну и всё, слава Богу.

В отряде очень много разных людей служат, начиная от простых людей, работяг и заканчивая людьми даже с высшим образованием. Я думаю, всех объединяет это, наверное, стремление защищать Родину свою, потому что это, наверное, единый принцип защиты русского мира. С кем ни говоришь, здесь все люди от идей. То есть защита стоит в первую очередь на первом месте.

Мы стоим прямо в фронтовой линии. Занимаемся и постоянно находимся, так сказать, рядом со союзными

подразделениями, которые очень часто пристально наблюдают противника. И бывают, прилетают все различные ракеты и ударные дроны. Из такого запомнилось, что мы буквально, может быть, месяц, даже, наверное, полтора удалось захватить разведчика «Сыча». Это разведывательное крыло такого довольно-таки распространённого типа со стороны противника. Мы его подавили и в нужном районе его отыскали, нашли, полностью восстановили, собрали и передали через командиров, начальников штаба, командира отряда — передали уже армии для изучения, потому что очень интересная современная технология, и для нас сейчас очень ценно получать сведения, особенно в технологическом оснащении. Это был такой прям хороший опыт.

Врага нельзя недооценивать. Всё-таки это технологическое оснащение. Постоянно изучаем их, анализируем. Сами видите, технологии не стоят на месте. Всё очень быстро развивается, большими темпами. Меняются частоты управления, меняется само наполнение, меняется программное обеспечение, всё меняется. Поэтому с каждым разом мы как можно больше собираем ценных сведений отовсюду, чтобы совершенствоваться и модернизироваться и не упускать этот момент.

Оператор РЭБ, добровольческий отряд отряда им. святого Ильи Муромца БАРС-20, позывной «Россомаха»

Я — стрелок и оператор РЭБ. Первый контракт был полгода, потом отдохнул три месяца и на год подписался, вот сейчас год уже подходит к концу. Все в 20-м БАРСе. Когда ещё началась СВО, думал в принципе пойти, но тогда жена была и как-то она против была.

Потом развелись, и я думаю — пойду. Как говорится, всё равно надо помочь. То есть препятствие убрали и пошел. Ну захотелось помочь ребятам.

Родился я в Республике Беларусь, потом переехали с мамой в Республику Башкортостан, ну а уже после — в Подмосковье. Работал с самого начала слесарем на литейных заводах в Уфе, сварщиком, потом переехал в Москву, где сначала тоже сварщик, потом бригадир, прораб, начальник участка, ну и дошёл до руководителя проекта. Это строительство.

Запомнился недавний налёт FPV противника, и у нас в двух блиндажах было, в общем, человек десять, и мы — трое рэбовцев. Ну отбили, людей вывели в безопасное место. РЭБ работал, но он не всегда помогает. Но подглушает, бывает, теряет управление, FPV подлетала, но сбивалась. Две залетело, но без каких-либо последствий. А всего их штук восемь было. Две отработали, а шесть сбили. Сбивали со стрелковым, конечно. Одну я сбил точно из двустволки.

У противника «птицы» есть хорошие, мы их находим, подбираем, отправляем сюда и уже как бы подрабатываем свои тоже. То есть РЭБы тоже у них есть, довольно-таки такие специфические, интересные. Ну что-то есть у нас, что-то есть у них. Когда заходим на позиции, если они ушли уже, получается, всё равно не оставляют, они с собой всё не могут забрать. Поэтому забираем, исследуем.

Специалист РЭБ, добровольческий отряд отряда им. святого Ильи Муромца БАРС-20, позывной «Адвокат»

Служу с начала 2024 года, у меня третий заход уже. Было желание изначально пойти, просто сказали: пока

не время. Друга убило, я похоронил и пошёл. А до этого просто служил в армии.

Родился в Иркутске. Работал геофизиком. Здесь навыки, я думаю, пригодились.

Вначале мы занимались непосредственно установкой прикрытия подразделений от БПЛА противника. Я присутствовал, был прикомандирован к подразделению БПЛА, чтобы как бы непосредственно выполнять задачи по данной теме. То есть БПЛА — не значит же просто летать. То есть здесь требуется ещё длительная подготовка, большая подготовка. То бишь это антенны, те же самые заряды. Те же дроны: переделка дронов, сборка, как бы под нужные нам частоты, на которых удобнее летать и которые более устойчивы к тому же РЭБ противника. Вот такими вещами занимались.

Самый запоминающийся эпизод — это первый. Я находился не в этом, а в третьем БАРСе в Нестерянке. Когда первый раз дрон ко мне залетел в пулемётную точку. Вот этот эпизод запомнился надолго. Но он не взорвался. Он просто не взорвался. Мне повезло. У нас позиции были в 400 метрах от села Нестерянка, в поле прямо. Сейчас от этих позиций ничего почти не осталось. Я был пулемётчиком, и дрон влетел прямо в пулемётку. Он воткнулся, контакты замкнули, но батарея отлетела раньше, т.е. повезло. Один из случаев, когда повезло.

А у противника мы всегда стараемся учиться. Грубо говоря, беспилотные системы — это не просто инновация, это уже реальность, и реальность, от которой нельзя отставать. Много чего у них переняли, и много чему у них научились в этом плане. Это технические моменты. А так очень много и тактики взаимодействия БПЛА — как работают, как в группе работают, как проводим разведку и т.д. А они учатся у нас, в свою очередь. Потому что мы тоже много чего начали сами

делать. Начали — и всё. И у нас начало получаться. И получаться начало неплохо. Просто всему толчок нужен. Всё упирается в определённый момент. Тоже оптоволокно — они переняли это у нас. У нас, получается, мы первые по разработке начали. Российские непосредственно пилоты начали первыми этим заниматься. Они переняли, и они поняли, что это более эффективно. Особенно в условиях РЭБ, когда эфир полностью, так сказать, заряжен и дроны практически пролететь не могут. Но имеются в виду ударные дроны. Частоты тоже совершенствуются. Тот же самый РЭБ: то, что работает сегодня, завтра может не работать. Мы смотрим, что делают они, смотрим, как они это делают, изучаем материал и перенимаем определённый опыт. Ну они, соответственно, учатся у нас в определённый момент, если видят, что мы где-то идём вперёд.

Например, у противника пришла новая группа. Они на определённые частоты настроены. И появился их дрон. Они понимают, что у нас здесь стоит РЭБ, что мы конкретно начали валить их «птиц» и провели на новых частотах свой дрон, который спокойно туда-сюда летал и РЭБ его вообще не тронул никак. Но это дало нам понимание, на каких частотах на новых они летают. Здесь уже мы предприняли определённые усилия. И всё. Частоту эту мы уже перекрываем на данный момент.

Заместитель командира роты, добровольческий отряд отряда им. святого Ильи Муромца БАРС-20, позывной «Тайсон»

Я — заместитель командира 1-й роты 20-го отряда БАРС. Вообще я с 14-го года. То есть в конце 14-го

пришёл, так сказать, по зову сердца. Всё это время — военным. Практически без перерыва.

Родился в Брестской области. Учился в обычной средней школе. Потом пошёл в техникум. Отучился в техникуме, пошёл в армию. После армии работал. Ну а как здесь началось... собрался и поехал сюда.

Почему пошел? Да потому, что у меня и прадед воевал, и дед был причастен к войне, и отец в Афгане. Ну и плюс основное то, что фашисты на Украине к власти пришли, ну и убивают опять же русских людей.

Запомнилось, как с начала СВО мы из поселка Павлополь вывозили гражданских. И как-то идём мы, и тут начинается пакетом «Града» ложиться по нам. Я падаю такой и потом уже понял после этого всего, что хорошо, никто не пострадал, что я ползу к деревянному забору, чтобы укрыться. Вокруг нас «Грады» ложатся, а потом я такой понимаю, ну как бы смысла от этого деревянного забора вообще никакого, но я упорно к нему ползу, хоть какое-то укрытие. Ну такое было.

А потом мы заходили сначала с Виноградного, потом нас перекинули в сторону Рыбацкого, посёлка Дач, оттуда заходили, ну и на «Азовсталь». То есть весь Мариуполь практически прошли. А что касается этих «азовцев»* — у них подготовка лучше, чем у вэсэушников, у них оснащение намного лучше. Они все модные, красивые и накаченные. Ну, раз я жив, и раз мы взяли Мариуполь, ну, соответственно... не всё это гладко. В городе можно было вообще оборону держать очень долго. Чисто объективно у них я не увидел чего-то сверхъестественного. Мы лучше.

А сейчас какое основное оружие? Оружие — это дроны. Вот тогда их было меньше, не так массово ис-

* Запрещена в РФ.

пользовалось. Ну с каждым годом всё больше и больше. Сейчас это в основном всё происходит в небе. Помогает радиоэлектронная борьба. Ну и опять же тут твой опыт. То есть ну в основном, вот когда выезжаем куда-то, на передовой везде есть второе оружие — гладкий ствол. Ну либо если и нет, можно и с автомата. У нас тут было такое, мы тренировались именно по вражеским FPV, которые захватили, привели в порядок. То есть они летали, мы учились их сбивать. Лично я сбивал.

После Мариуполя мы на Угледар пошли, Угледарское направление. Там Урожайная, Старомлыновка. Павловку тоже наши ребята брали. Под Угледаром я ранения получил. В составе группы выходили из зелёнки, начался обстрел, и одна попала мимо бронежилета. Две по бронежилету пришлись, одна вошла в бок. Благодаря нашим пацанам все хорошо — там умелые санинструкторы были. Эвакуировали меня быстро с пулевым, доставили в госпиталь. Лечился больше двух месяцев. Потом вернулся, продолжил службу. Знаменитый их контрнаступ. Наши ребята противостояли им. Во время контрнаступа там наши удерживали позиции. А после расформирования «Каскадов» — сюда, в БАРС.

Изначально был командиром группы, первый контракт, потом поставили замком роты. А однажды с позиции выходили, когда вот только дроны начали появляться, я поворачивал голову — там промежуток без деревьев оказался. Я выхожу, как бы послушал нормально, выхожу, слышу гудит... Ну понял, что это FPV, потому что пролетает надо мной и разворачивается на меня. Ну я понимаю, что он на меня заходит. Я стрелять в него, соответственно, не попадаю, потому что до этого около четырёх километров прошёл, как бы устал, стреляю в него, не попадаю, в последний момент отпрыгиваю и поворачиваюсь спиной. Ну он где-то

в полуметре от меня. Нормально в принципе оглушило. Ну и рюкзак немного там посекло. Ну потом где-то через две недели тоже ротация с позицией была, там уже и FPV со сбросами. Ночью начали отрабатывать, я тогда ещё тоже в госпитале после этого лежал с ногой.

У противника нам нужно перенимать как раз большое количество дронов. На нашем участке они практически полностью отказались от артиллерии. То есть у них — дрон. Если «Гиацинт» какой-нибудь или такая крупная арта, то сопоставимая стоимость. Но опять же им можно управлять. То есть дроны работают точнее. И их у них очень много. У нас тут тоже это есть. И тоже есть хорошее подразделение, которое работает не хуже.

Сейчас вопрос — доставить все, что надо на передовую. Едешь ты там на машине либо там пешком идёшь, ну то есть опять же всё в дроны упирается, то есть они очень хорошо контролируют. Но всё равно подвозим там, сопровождение наиболее опытное с гладкими стволами, плюс РЭБ на машине, ну как бы проскакиваем, проезжаем.

Командир группы огневой поддержки, добровольческий отряд отряда им. святого Ильи Муромца БАРС-20, позывной «Оса»

В данный момент я — командир группы огневой поддержки 3-й роты. Я долго собирался, и сподвигла меня новость о том, что один мой бывший сослуживец пошёл воевать. За ним — следующие. Я тоже не стал сидеть. И на свой день рождения пошёл: написал заявление, взял форму, документы в военкомате. Скажем так, сделал подарок себе и семье, сказав, что я иду

на СВО. Мы долго до этого обсуждали эти моменты, потому что тяжело было смотреть, как гибнут молодые люди — молодые, имею в виду, когда 20-летние пацаны погибают. И я как будто сижу на гражданке и не приношу какой-то пользы. Жена не воспринимала всерьёз эти разговоры. Сначала не поверила, пока я не начал проходить медкомиссию и всё остальное.

А так я окончил, вернее, не окончил Южно-Уральский государственный университет, экономический факультет. Бросил. А родился в Челябинской области. Там же учился. Вообще пришлось покататься по стране во время Союза: отца распределили в Одессу после окончания института. В Одессе пожили около двух лет. Там у меня брат родился. Потом по распределению отец попал в Крым. Долгое время жили в Крыму — до восьмого класса я учился в Крыму. А потом вернулись в Челябинскую область. Я работал юристом, бухгалтером, учётчиком, менеджером.

Здесь, на СВО, очень большие контрасты. Иногда — абсолютное равнодушие людей к смерти, а с другой стороны — самоотверженность бойца, когда он спасает своего сослуживца, несмотря на то что сам может погибнуть.

Помню, в прошлом году встречал группу на своём переходе, за которой мы отвечали. Группа попала под налёт «птиц». Тогда как раз заехали те хохлы из группы Мадьяра. Это были восьмидвигательные «птицы». Это, грубо говоря, сдвоенные FPV, которые несут на себе большую нагрузку. В среднем это было, получается, 2,5 килограмма термобарического заряда. Он сдетонировал над бойцом, которого я встречал, — его ранил. Вытащили его с поля. Его оглушило. Он сначала не понял, что произошло, упал. Я подбегаю к нему — он глаза закрыл. Ну, ощупав его и видя, что он в сознании,

я говорю: «Идти можешь?» — «Да». Всё, бегом отсюда. Переход был довольно-таки длинный, ещё надо было пробежать около двухсот метров от открытого участка дороги. Добежали до ближайшего полуразрушенного блиндажа. Забрал его вещи. И там мы уже обнаружили его ранение: голова, рука очень сильно пострадали, нога. Зажгутовали, обезболили — всё, как учили. Как-то всё это очень быстро получилось, хотя делал это в первый раз. Позже подошла группа наших же товарищей с нашей позиции, и мы эвакуировали бойца. При эвакуации на нас опять налетела «птица». Ну, её удалось поразить сразу же. Буквально там 3—4 одиночных выстрела, я попал чётко в неё. Я на самом деле не особо меткий стрелок. Но в тот момент принимать решение пришлось мне и реагировать тоже. Это был полуразрушенный блиндаж и длинный окоп, довольно-таки глубокий. Поэтому мы были в ловушке. Она пикировала уже прямо на нас, заходила, и удалось её на безопасном расстоянии обезвредить.

Мы себя называли ЧВК «Валидол». Ну, средний возраст бойца у нас на позиции был за 50. Только «Лимонаду» было 25 лет. Отличный парень. У него был второй контракт, у меня был первый, поэтому учишься и у молодых в том числе. В основном война сейчас идёт с «птицами». Наша задача была занести оборудование, боекомплект, тяжёлое вооружение. Тогда я был ещё вторым номером на пулемёте, ДШК у нас был. Мы занесли их — довольно-таки увесистый пулемёт, 47 килограмм. Нести — то ещё удовольствие, учитывая, что надо было пройти около 12 километров в одну сторону. Это был район Левадного, село Левадное. Это вот в тех местах, скажем так. Ну, много объясняли, много рассказывали, учитывая, что я не служил срочку. Я же говорю: я абсолютно кабинетный червь, не расположенный к войне.

Первые четыре дня были самые тяжёлые, потому что мы попали под обстрел в день, когда меня заводили на позицию.

Сначала «птица», потом миномёт. Нас зажали в блиндаже: сначала кидали ВОГи. Скажем так, нам удалось сохранить отряд, хотя и были ранены — не сильно, но были ранены. Один контужен, другой — перелом ноги. Первый день я просто не понимал, что происходит: всё взрывается, что-то шумит, гремит. Не понимаешь даже, как отличить одну «птицу» от другой. Вот такой вот шум, гам, крики, взрывы. Потом, когда начал работать миномёт, кто-то кричит, говорит: «Все, выходим, потому что нас сейчас разберут». Первый день моей войны. Страха не было, скажем так, было очень тяжело. Тремор вот этот от адреналина, видимо, это был не страх, это была какая-то такая, не знаю, как назвать, тряска.

Дышать невозможно, дыхание «спирает» моментально, а идти нужно было ещё метров 600 по окопу. Не идти, а бежать максимально, потому что наступала ночь. А ночью ты как в аквариуме: тебя видят, а ты не видишь никого. Поэтому до полной темноты нужно было забежать в убежище. Ну вот так. Со временем всему уже как-то научился. «Юрич» очень многому научил. Он сейчас на позиции. Ему за 50, с боевым опытом. Тогда он был командиром группы. На позиции «Садко» мы находились. Он был взводным на этой позиции. Он многое объяснял, рассказывал. Как-то мы с ним тоже попали под «птицу» — под одно дерево на опушке. И кружились мы вокруг этого дерева, пока у «птицы» не кончился заряд. Дерево довольно-таки густое. Видимо, позиция для них не пристреляна, и не мог долго выбрать точку захода или неопытный оператор. Дерево было широкое, и мы вот так туда-сюда, туда-сюда. Просто повезло. Ну сейчас смешно, а тогда было явно не до смеха.

Руки были заняты БК и бензином. Поэтому он нас застал врасплох просто. Выкинуть бензин некуда.

Начиналось всё, скажем, как говорят, на коленках. Люди просто собирались, как ополчение, которое в битве под Москвой участвовало. Первые ополченцы никак не оформлены были. Сейчас уже все оформлено — БАРС. Я знал, что есть казачий 20-й БАРС. Это всё, что я знал о войне, и пошёл туда. Так как-то тут и зацепился.

Работник штаба, добровольческий отряд им. святого Ильи Муромца БАРС-20, «позывной Крыло»

Я служу с 2024 года, это третий контракт, полугодовой. Я просто из семьи военнослужащих, поэтому я ещё в 2022 году начала проходить обучение, военную подготовку. Тогда на базе ДГТУ в Ростове проводили обучение всех — тактическая медицина плюс боевые. Мы выезжали на полигон. Соответственно, там всё было в полевых условиях. Поэтому как-то мысль пойти на СВО сразу попала. Потом сын попросил, давай сначала я окончу школу. Я говорю, хорошо. Потом он окончил школу, поступил, и я прошла ещё одно обучение на базе РОКОТА в Подмосковье. Там двухнедельные курсы. И две недели наравне с мужчинами бегали по полям, лесам, болотам, везде. Основное — это изучение тактической медицины и боевые стратегии, аналитика и всё остальное.

И БПЛА, конечно, обязательно. То есть сейчас в реалиях современной войны без умения управлять БПЛА делать нечего. А как сюда идти? А мало ли что случится. А мало ли понадобится.

Папа военный. У меня тоже высшее техническое образование. У меня папа радиоинженер, мама медик, поэтому я нахваталась от всех всего. И вообще девчонки — все универсальные солдаты здесь. Мы должны уметь готовить, следить за чистотой, лечить, оказывать первую помощь. Ну как бы мы все и всё здесь. По крайней мере все девчонки, кого я знаю, все универсальные.

Мама, когда узнала, что я подала уже заявление на СВО, собралась звонить сыну и говорит: «Может быть, ты как-то повлияешь на маму, может быть, ты её разубедишь?» Его ответ был, конечно, вообще шикарен. Это теперь у нас любимая фраза: «А думать надо было, когда Козерога рожали». Говорит, «даже не буду тратить свои нервы». Поэтому мама приняла. Помогают, как могут помогать. Передают постоянно гуманитарку на всех. Если честно, ну, папа прям гордится. И супруг все принял, нормально. Да, всё хорошо.

Я из семьи военнослужащих, родилась в Ростовской области. Когда я была в третьем классе, мы переехали на Дальний Восток. И там пробыли, пока папа не окончил службу, это вот я была в седьмом классе, и мы переехали обратно в Ростовскую область. И там уже окончила школу, поступила в Московский государственный технический университет гражданской авиации, отучилась, и понеслось.

Боевой путь у меня начался с БАРС-8, два контракта полугодовых. Как только поступали трёхсотые, а трёхсотых обслуживали не только барсовских своих, но и армейцев. Всем трёхсотым мы оказывали помощь, приезжали по два, по три человека. И у нас с медиками было разделение. Я в основном осматриваю, обрабатываю раны. Медики ставят капельницы, если переломы, соответственно, фиксируют их. Ну как-то слажено было так, всё чётко. Я тоже готовила, обеспечивали

горячим питанием ребят. Готовили на много людей. Почти на 50 человек мы готовили.

Много запомнилось историй. Вроде... ничего выдающегося, но вот ребята у меня, вот, запомнились практически все, кто приезжал, кому я оказывала помощь. Особенно запомнился парнишка из 8-го БАРСа с позывным «Сайрос». Мальчику 23 года. Их с товарищем ранило. Ну, БПЛА отработал рядом. И я очень удивилась стойкости этого мальчика. Вот он у меня из головы не выходит, его побило всего. Ну, вроде мелкие, ранние сквозные, без каких-то там серьёзных переломов, слава Богу. Но я понимала, что ему больно, но при всем при этом он всё время говорил: «Спасибо вам большое, что вы нам помогаете». И вот эти его слова — они были прям искренние. Этот мальчик — он настолько стойкий, и прям уважение, респект, он очень запомнился.

Заместитель командира роты,
добровольческий отряд отряда
им. святого Ильи Муромца БАРС-20,
позывной «Фигура»

Еще при СССР я служил в ВДВ. Потом в ОМОНе работал много лет. То есть там основной есть боевой опыт. Вся жизнь в сапогах, так говорится. Ну опыт присутствует. А вырос я в Новосибирске. Окончил школу, училище. Как все, пошёл в армию. Тогда ещё при СССР.

Сын мой старший — кадровый военный, в спецназе. То есть он на войне. Ну а я что, сидеть буду дома? Ну чего я буду сидеть? То есть сын воюет, а отец дома сидит. Поэтому я собрал вещи и, как говорится, пошёл.

Добровольцем я служу с начала двадцать третьего. Начинал с рядового, потом был командиром взвода,

в 23-м получил первое ранение своё и медаль «За отвагу», потому что вытащил бойца своего с поля боя. Нас тогда обстреляли, ему оторвало ногу. То есть подчинённый стоял сзади, на тылу, на прикрытии, и вот волной его и осколками посекло, выбросило в поле туда. Всё, я, как учили, выскочил, значит, как командир, взял его и затащил назад в окоп и перевязал. Побежал, его вытащил, пока перезаряд идёт у танка, у пушки. То есть перезаряд, грубо говоря, десять секунд тебе даётся. За это время ты должен уже выбежать и затащить его назад. После взрыва десять секунд. То есть перевязал и вторым снарядом уже меня ранило.

Это было под Кременной. В основном мы закреплялись после штурмов и держали оборону. То есть в то время-то они сильно лезли, много перестрелок было, обстрелов. Тогда в основном мины летели, танки, пушки били. «Птичек» мало было, как сейчас.

В 2023-м нас перекинули сюда, на Запорожье, вертолётами. И здесь мы держали оборону под Старомайоркой. Короче, там неделю держали оборону, там меня сильно ранило, уже получил тяжёлое ранение, второе уже. Кассета ударила, прошило меня. Всё, там меня уже вытаскивали. Ну, очнулся в госпитале, чё.

Недавно мой боевой друг стал сапёром, группы сапёров, то есть командиром, и меня перебронил. То есть я сейчас сапёром работаю. Подрываем чужие мины. Накладные кладем, подрываем, прочищаем дороги для ребят, чтобы проходы были. То есть в первую очередь мы идём, осматриваем всё, находим, подрываем. Дорогу очистили, всё, ребята идут спокойно потом уже. Ну где подрываем, где расстреливаем их.

А в двадцатке я уже при третьем комбате. Могу сказать, что они все берегут людей, очень сильно берегут. То есть все — молодцы. По поводу людей больше всего волнуются.

Стрелок, добровольческий отряд отряда им. святого Ильи Муромца БАРС-20, позывной «Вирус»

Я работаю в «Транснефти». Служил в БАРС-20, был награжден «За отвагу».

А родился я в Санкт-Петербурге. А когда мне предложили пойти на СВО, когда спросили: «Пойдешь?» Я сказал: «Пойду». Когда я матушке сказал, что собираюсь идти: «Хочешь — иди». Брат тоже нормально отнесся. А друзья некоторые начали отговаривать.

У меня был позывной «Вирус». В свое время я очень часто играл в компьютерные игры, взял его из игры Black Desert.

Вспоминаю моего сослуживца с позывным «Шут». Он был когда-то водителем, но машину потерял. Когда стоял, в него прилетела ракета. Веселый, общительный. Но он был значительно старше меня. Я, наверное, один из самых молодых там был. А самому старшему, он до сих пор там, ему уже за 65.

Была смешная ситуация, когда в один момент пошел обстрел. Я побежал парней подменить, чтобы они вооружились, оделись, экипировались нормально. А у нас кухня стояла, ну, где мы готовили, позади нас, неподалеку от другой лесополосы. И как раз в этот момент они готовили, так вот и попросили кашу помешивать, пока они там ходят, одеваются. Я вот один сидел там в маленьком окопе и кашу помешивал. И тут приезжает танк, в эту лесополосу паркуется, с него люди спрыгивают, бегут и на меня смотрят пятирублевыми глазами, а я кашу помешиваю. Как говорится, война войной, а обед по расписанию.

А страшным был первый стрелковый бой. Это, наверное, единственный случай, когда у меня сердце по ушам

колотило. Ну и потом как-то привыклось. Но самое страшное — это вот именно первый стрелковый был. То есть, когда уже мины летели, было не так страшно. Какие-то чувства страха атрофировались. То есть уже даже когда прилетают мины, не всегда пригибаешься. Но мне повезло, у меня ранений нет. Но если посмотреть, у меня бушлат был и несколько дырок в нем есть.

Командир группы огневой поддержки, казачья бригада «Терек», позывной «Коломбо»

Я работаю в «Транснефти». А на СВО в последнюю командировку я был командиром группы в зенитно-ракетной батарее, бригада «Терек».

Когда началась СВО, я посчитал, что тоже нужно. У меня деды все воевали во Второй мировой. И братья все у меня родные сразу же были мобилизованы. Я решил, что так нужно. Семья сначала тяжело отнеслась, но потом пришли к согласию. Но ничего бы не поменялось, кто за, кто против, я все равно ушел.

Я сам родился в Магаданской области. Поступил в колледж, ушел на срочную службу. Со срочной службы вернулся, уже окончил два курса. Потом вернулся, два курса еще окончил, и все, выпустился, получается. Здесь же и супругу встретил с Новороссийска. Двое детей у меня, два сына.

Особенно запомнился 2023 год, когда я был в подразделении БАРС-16 во второй штурмовой роте. Запомнились штурмовые действия в районе Белогоровки. Я тогда первый раз только на СВО попал. И вот первая штурмовая задача. Страшно.

Получил первую награду «За храбрость» II степени за штурмовые действия в районе населенного пункта

Спорное Северского направления. Выбили врага с опорных пунктов, заняли позиции их. Вторая «За отвагу», тоже за штурмовые действия. Уже был в штурмовом батальоне СКИФ. Бригада «Терек». Тоже взяли населенный пункт Богдановка, выбили противника, заняли позиции.

А в зенитно-ракетной батарее мне запомнился командир батареи, позывной «Мелочь». Больше всего он запомнился как человек, как военный. В сложных ситуациях он прямо реагирует, быстро думает, все с каждого, по минимуму потери, каждая боевая задача обговаривается, все планируется, тактически все грамотно. Он — капитан в отставке, десантник. Видение у него военное, потому что он много горячих точек прошел. В чеченскую кампанию был в составе десантников со 108-го полка. Потом был в ЧВК, воевал в Ливии, Сирии. Где только не был. Грамотный очень специалист. Я вообще очень рад, что судьба нас свела.

В СВО со всей России мне люди попадались. С Хабаровска, с Кемерова были, с Краснодарского края, с Новороссийска много товарищей. От 20 до 60 лет. Все люди хорошие, мои боевые товарищи. От мала до велика возраст. Например, «Бурый» у нас был в батарее, парень молодой, очень перспективный, 24, по-моему, ему было. А вообще совсем мелкий, получается, на позициях там, на лесополках кого видел, — 19 лет.

А еще у нас было целое подразделение из коренных украинцев, которые воевали на нашей стороне. Прямо с Николаевской области вот были люди. Украинские паспорта. Но они выбрали нашу сторону. Нормальные ребята. Понятно, что у них свое видение киевского режима.

С самого начала я в марте 2023 года подписал контракт с подразделением БАРС-16, был в учебном центре. Я подписывал на полгода, потом продлевал.

В 16-м БАРСе мы были на Северском направлении. Населенный пункт Белогоровку освобождали, потом нас перекинули на населенный пункт Спорное. Были штурмовые действия, в ходе боев получил ранение. Мина 80-я попала, получается, рядом с нами. Ну, блиндаж был и попала в блиндаж. Контузия, сломало ребра, много чего там еще, осколочные мелкие. Эвакуация, госпиталь, лечение.

Потом в себя пришел, через месяц или два, наверное, после госпиталя подписал контракт уже с казачьей бригадой «Терек». Определили в штурмовой батальон «Скиф». Там населенный пункт Ягодное освобождали, потом освобождали населенный пункт Богдановка. Контракт кончился, дома месяца два. Позвонили из бригады, опять попросили приехать как уже опытного специалиста. Подписал контракт, опять же с бригадой «Терек», только определили уже в зенитно-ракетную батарею. В зенитно-ракетной батарее провел год и два месяца. Все, в общем, получилось, только получил ранение серьезное. Тоже госпиталь, лечение. Мы пытались убежать от БПЛА и по тропе бежали. Получается, я наступил на мину. Осколочное ранение обеих голеней. С отрывом правой стопы. Госпиталь, протез. Эвакуировали ребята свои. Медицинскую помощь оказали, все вовремя, все быстро, оперативно. Где наша не пропадала.

Вообще много раз страшно было. Первый страх был еще в 2023 году. А так в принципе привыкаешь потом. Человек — такое существо, что он привыкает ко всему просто. Перебарываешь себя, как-то отвлекаешься, стараешься. Сидишь, бомбежка, допустим, а бойцы уже до такой степени привыкли, что анекдоты друг другу рассказывают, веселят друг друга, бодрят. Все уже как в порядке вещей, уже привыкание к этому как бы пошло.

В начале СВО, конечно, были проблемы с оснащением. А вот сейчас уже нормально. В принципе, с каждым годом или, как сказать, всё лучше, лучше, лучше. Уже в последний контракт мой вот этот было в принципе всё. И снаряды, и всё, и БК, и провизия, всего в принципе хватало.

Штурмовик, 76-я десантно-штурмовая дивизия, позывной «Эдуард»

Я работаю в «Транснефти». А служил я в 76-й гвардейской десантно-штурмовой дивизии. Мой позывной — «Эдуард». После начала СВО меня не оставляла мысль о том, как там наши ребята на фронте. После объявления частичной мобилизации стал задумываться об этом уже гораздо острее. И было понимание, что у ребят были потери. У ребят в нашей армии были потери. Тогда, после объявления частичной мобилизации, многие люди сплотились и были готовы идти. К слову, это было всё моё окружение. Вообще только малая часть населения была тех, кто хотел избежать мобилизации или был против этого всего, то есть каким-то образом пытались уехать за границу. Большая часть населения всё-таки была готова идти. То есть все соседи и моё окружение, мои братья, мой родной брат уже были готовы. Ребята собрали сумки, амуницию, купили всё за свой счёт и были готовы идти, ждали повестки. Не всем она пришла. У меня была бронь. Но мысль эта меня не оставляла.

Супруга была категорически против. Но она всё же всегда поддерживала мои мнения и мои решения. Прошёл примерно год после активной мобилизации, и мысли меня не покидали. Многие люди говорили:

«Вот когда придут домой к нам, тогда мы пойдём. Мы все пойдём. Когда к нам НАТО придёт или ещё там кто-либо». Собственно, родители у меня проживают в Белгородской области, и, когда мы переехали из Казахстана, я тоже жил там долгое время. Это послужило ещё сигналом к тому, что, значит, пришли к нам домой — постучались в дверь, сказали: «Здравствуйте, мы ВСУ», как это было, когда они заходили в Курскую область. Потому что очень много людей, наверное, не до конца понимают всю сложность этой ситуации. Они жили своей жизнью, у них было хозяйство, всё, и в один прекрасный момент всё это просто пропало у людей. Кого-то забрали. Там разные ситуации были. Не будем акцентировать на этом внимание. Думаю, все понимают, о чём я говорю.

Я шёл на защиту своей Родины. В ноябре 2023 года я подписал контракт. Сказал об этом супруге и всем близким людям соответственно. Сообщил на работе. И был направлен на полигон. После обучения на полигоне был направлен в Запорожскую область для выполнения боевых задач под посёлком Работино. Тогда наша дивизия остановила контрнаступление ВСУ в том районе.

Там мною и моими товарищами успешно были выполнены две задачи. На второй задаче я получил ранение при эвакуации раненого с опорного пункта. Начался артиллерийский обстрел. ВСУ работали 120-м миномётом. А мы шли по открытой местности. Всё это корректировала «птичка». Выхода у нас не было. И случилось так, что рядом прилетела мина 120-я. И осколки повредили мои конечности. Было очень много осколков, но всё обошлось. Не было задето каких-то жизненно важных органов, суставов и тому подобное. Поэтому реабилитация моя прошла быстро.

После ранения моими товарищами мне была оказана первая помощь, а эвакуировали меня порядка пяти часов на носилках до наших батальонных медиков. Батальонные наши медики тоже квалифицированные ребята, оказали мне очень хорошую помощь. Поставили все нужные капельницы, была большая кровопотеря, было обморожение. Работали врачи, ставили диагнозы, ставили капельницы, решали, куда в дальнейшем отправить пациента, в данном случае меня. В то время пока они это всё делали, люди, волонтёры пытались максимально оказать свою заботу, укрывали одеялом, давали одежду, все необходимые средства.

Далее, после реабилитации, после лечения в госпитале, меня отпустили домой на реабилитацию, в отпуск. Я вернулся в строй спустя месяц где-то. То есть где-то месяц заняло лечение и месяц на реабилитацию. Через два месяца, в конце апреля, я уже был в строю. Тогда уже наше подразделение готовилось к переброске в Херсонскую область. В Херсонской области задача наша состояла в том, чтобы держать оборону на берегу Днепра, занять позиции, занять острова, прибрежную всю зону и не давать пройти противнику на эти позиции. Наша херсонская задача продолжалась порядка 4—5 месяцев. После этого, это был август 24-го, ВСУ начали своё наступление в Курской области.

В ноябре наше подразделение выдвинулось в Курскую область. Наш боевой путь в Курской области начинался с населённого пункта Дарьино. То есть, пока некоторые подразделения перебрасывались, другие уже работали, выполняли свою работу, выполняли свои задачи. Когда наше подразделение перебросили в декабре 24-го, мы зашли в посёлок Дарьино. Путь до него был сложный — нужно было пройти речку. Проходили мы её вброд. Были и другие пути, но все они

простреливались, все они были известны противнику и очень сильно контролировались БПЛА и всем, чем только можно, ну, различными видами БПЛА. Командованием было принято решение пройти речку вброд. Собственно, задача эта была выполнена. Мы прошли, зашли в посёлок, заняли промзону посёлка, выдавили оттуда противника. В конце января отправили на ротацию, нас поменяло другое подразделение. Мы вышли на отдых. Собственно, отдых подразумевал подготовку уже к другой боевой задаче. То есть какое-то время нам, конечно, дали отдохнуть там несколько дней. Помылись, постирались, отдохнули. Позвонили родственникам, и дальше началась подготовка к следующей боевой задаче. После взятия Дарьино следующей нашей задачей стоял уже выход в Сумскую область. Это был населённый пункт Басовка. Далее — Юнаковка.

В Юнаковку мы зашли в конце мая двадцать пятого года. Я говорю про свою группу. Моя группа зашла. В конце мая мы брали первые дома. После выполнения боевых задач в Юнаковке нам была команда на ротацию. Другое подразделение заменило нас. Ну, естественно, ВСУ не давали нам это делать спокойно. Когда мы выходили, по нам работали артиллерия, FPV. Тогда они даже днём не боялись работать своими агродронами типа «Баба-Яга». При выходе с Юнаковки я был ранен второй раз. Осколки прилетели в ноги. Но в этот раз уже их было меньше, чем в прошлый раз в Запорожье. Но они залетели в кости, то есть в стопу, в суставы и в коленный сустав. Идти я мог постольку поскольку. Я мог ползти. Первое время после ранения, оказав себе самопомощь, на адреналине я ещё смог пробежать часть открытой местности и укрыться в зелёнке, так называемой, да, в роще. Дошли до ребят из другого подразделения, они очень сильно тоже нам помогли. Со мной

ещё был товарищ, тоже раненый. Меня эвакуировали в Курск уже. В госпитале удалили осколки, которые можно было удалить. Пустили на реабилитацию.

После реабилитации я опять возвращаюсь в строй. Это уже в октябре. В октябре я уже был за лентой. Меня уже перевели в подразделение БПЛА в качестве оператора. Направление уже было другое. Мы заходили на Покровск, ныне Красноармейск. Ну, естественно, расчёты БПЛА, они прибывают первыми всегда на позиции. До нас там другие работали дивизии, полки, подразделения, то есть там очень много было задействовано ресурсов по взятию этого города. Наша задача была зайти в город, найти там хорошие позиции для того, чтобы вести разведку в направлении определённого населённого пункта. Собственно, мы помогали друг другу. Наш расчёт БПЛА — три человека, помог другому расчёту занести провизию — еду, воду, генераторы, топливо, комплектующие все для БПЛА. То есть это довольно-таки большой вес. Поэтому мы двумя группами завели одну группу.

Потом наша группа вышла с Покровска. И уже на втором заходе, когда уже мы должны были зайти в Покровск, я наступил на мину «лепесток». Ну, так вышло, что я их не заметил, они были немножко под землёй, где-то, может, на сантиметр. То есть я даже в одну сторону прошёл, они не сработали, не сдетонировали. Когда я начал возвращаться обратно, к сожалению, один из «лепестков» сдетонировал. Но опять же мне повезло. Почему? Потому что, когда меня отбросило, я упал, товарищи меня вытащили. Подо мной находились ещё четыре мины типа «лепесток». Прямо под спиной, грубо говоря. То есть, если бы они сдетонировали, меня бы сейчас не было. То есть товарищи меня вытащили опять же, оказали помощь. Очень быстро меня эвакуировали

оттуда. Опять же, стоит отдать должное командованию, которое, не колеблясь, приняло решение об эвакуации. Товарищ меня тащил на плечах, потом на какой-то тележке, они там нашли тележку, на тележке. В это время выдвинулся медик с точки ноль навстречу нам, уже зная о моём ранении, взял с собой всё самое необходимое. То есть обезбол уже при первой помощи был. Он взял необходимые капельницы против потери крови.

Ранение, которое я получил под Покровском, оказалось тяжёлым. Пытался с врачами спорить, сохранить ногу, но, к сожалению, это не удалось. Уже в Москве квалифицированные врачи сказали, что поможет только ампутация. У меня потеря левой ноги, левой ступни, нижней части голени.

В составе 76-й гвардейской десантно-штурмовой дивизии, в составе своего полка я прошёл запорожское направление, херсонское направление, курское направление с выходом в Сумскую область для выполнения приказа о создании буферных зон, покровское. У меня — медаль «За отвагу», вторая награда — это Георгиевский крест четвёртой степени. Был представлен командованием за освобождение посёлка Дарино в Курской области. Имею три ранения. Третье, к сожалению, тяжёлое. После третьего ранения я уже не смог служить.

Противника не надо недооценивать — ну что тут говорить, тут ни для кого не секрет, что противника снабжает почти весь мир.

А что касается страха — страшно всем. Наверное, в единичных случаях мне попадались люди, в которых было видно какое-либо бесстрашие. Но есть очень хорошая поговорка, не помню, кто сказал: «Отважный не тот, кому страшно. Отважный — это тот, кому страшно, но он идёт вперёд и выполняет свою задачу».

Стрелок, добровольческий отряд отряда им. святого Ильи Муромца БАРС-20, позывной «Охотник»

Я работаю в ПАО «Транснефть». Женат, трое детей. Старший сын тоже воевал два года, он закончил Рязанское воздушно-десантное училище. Вот я стал сына собирать на войну и поехал сам.

В СВО в подразделении 20-го добровольческого батальона БАРС-20 был на Краснолиманском направлении в 2022 году, награжден медалью «За отвагу».

Жене я не сказал, когда я поехал, поэтому она не знала сначала, думала я в командировке. А мы там подвозили военного, он говорит: «Ты своей жене не звонил?», а я говорю: «Она не знает». Говорит: «Звони», я говорю: «Обоснуй». Говорит: «Там мне уже, говорит, моей жене второй цинк уже привозят». Мы отбежали на два километра. Позвонили, я только до сына дозвонился. Он говорит: «Папа, а ты двухсотый. Нам уже позвонили». Я говорю: «Да нет, раз я двухсотый, значит, меня уже убить невозможно».

Командир группы РЭБ, добровольческий отряд отряда им. святого Ильи Муромца БАРС-20, Доброволец Шигапов Рамиль Равилевич, «Рама»

Я начал с того, что помогал двадцатому БАРСу гуманитаркой. Ну и много знакомых здесь служило из города Челябинска. Решил попробовать вообще, что это такое. По воле случая поставили на должность командира группы. Всё стало получаться. Первый контракт закончился, ушёл на дембель. Позвонил комбат, пригласил ещё раз. Вот теперь я опять здесь.

Первый контракт — жена была недовольна, но отпустила второй раз. Уходя, ушёл, можно сказать так, без их воли. После первого подрыва, когда мы наехали на магнитку, был с моей стороны в лобовом стекле прямо была дыра. Бронежилет меня спас. Вся моя дверь была пробита насквозь. И в штабе, ну и вообще все здесь просто спросили меня: «Какому богу ты молишься?» То есть ни одной царапины не было. От слова совсем. Мы заводили людей, я тот контракт проработал на сопровождении много, помимо того что командовал группой, ездил в сопровождении РЭБ.

Вот как раз когда заводили людей с Любимовки до Приютного, уже подъезжали к позиции на повороте, магнитная мина оказалась рядом, ну и произошёл подрыв. Метров 200 не доехали до позиции. Ну всё, никто не пострадал, трёхсотых не было. Всё сделали быстро, соответственно, людей доставили, выгрузились. Одно колесо поменяли, два были пробиты. Радиатор пробили, соответственно, поехали обратно. Позывной «Кожан» — водитель. Вот молодец. Ему большое спасибо — вывез нас, но не до конца. Автомобиль — всё, антифриз вытек, закипело. То есть автомобиль встал, колесо одно пробито было. Остановились на дороге смерти. Это у нас как раз от Римовки до Любимовки — техники через каждые 5 метров разбитая стояла. Как раз темнело. Нам пришлось эвакуироваться, в лесополку зашли, отбил, ждали эвакуации, стояли, отстреливаясь от FPV. Ну всё произошло благополучно. Все остались живы, трёхсотых не было.

Однажды вывозили бэпэлэашника. А хохлятские ждуны у нас садились, нас там каждый день пытались подорвать, что-то отрабатывали РЭБом. По нам начали работать каждый день. У меня есть даже видео, как у нас FPV подорвался, буквально в метре от машины упал.

Отработал РЭБ, им затушило, и он уже в режиме холода просто упал в метре от автомобиля. Но нам повезло, что он был заряжен морковкой. Морковка взорвалась, но было без поражающих элементов. Если бы была поражайка какая-то осколочная, то я думаю, мы бы — все три человека в машине — были бы 200, однозначно. Много было случаев. РЭБы, когда устанавливали на позициях, была поставлена задача перекрыть все открытки, скопление личного состава, огневые позиции, БПЛА. Мы закрыли это всё за 12 дней. После этого 60-я армия забрала Малиновку, населённый пункт, благодаря в том числе нашим РЭБам.

А в декабре заходили на новые позиции, и меня закатывали на позиции. Тоже я должен был расставить РЭБы. Мы ехали в автомобиле ЛуАЗ обрезанном. На пересечение лесополос Юга-Арахис взлетел ждун. Я его с гладкоствола отработал. Где-то через километр появилось крыло, и матка сбросила ещё 2 FPV. Я скомандовал водителю припрятать автомобили под кроны деревьев. Всё, мы остановились, покинули все автомобили, заняли позиции. Мною было уничтожено 2 FPV из гладкоствола.

Добровольцы — это реальные мужики, которые взяли и подняли свою, так скажем, пятую точку с дивана. Люди рвутся сюда, побывав здесь.

Сейчас «птиц» больше стало у противника. Ну и у нас тоже. Всё зависит опять же от того подразделения, которое зашло птичников. Вот, допустим, был на позиции, я вчера буквально с позиции вышел. До этого работали «мадьяры». Это были сбросники, то есть работают старыми «Баба Ежками». Раньше, если прилетала бабайка, сбросит она — и всё. Сейчас прилетает по 5—6 «Бабок-Ёжек», с ними, соответственно, идут сразу FPV. Если ты начинаешь по «Бабкам-Ёжкам»

работать, тут же тебя накрывает FPV. Новые частоты, новое управление. Мы тоже стараемся, выходим из положения, приобретаем новые джаммеры, антенны, сами собираем, роняем их.

Командование отряда у нас хорошее, честно скажу, вот тут без всякой иронии. Дают возможность. То есть поставленную задачу, вот задачу поставили, не то, чтобы они отпускают эту задачу от себя, а у тебя есть простор. В плане того, что я это как вижу, так в принципе я соответственно подхожу к командирам, всё равно мы это обговариваем, но в 90% случаев говорят: «В этом понимаешь больше, чем мы, значит, делаем так». Прислушивается.

ОТРЯД СПЕЦНАЗНАЧЕНИЯ «АХМАТ»

Герой России, заместитель начальника Главного военно-политического управления Вооруженных сил Российской Федерации, генерал-лейтенант, командир спецназа «Ахмат», Апти Аронович Алаутдинов

Для меня СВО началась, когда я был пенсионером, находился в Москве. Последняя моя должность была начальник полиции МВД по Чеченской Республике. Работал на гражданской работе, жил спокойной жизнью. Потом началась СВО. И сразу с Чеченской Республики начали уходить добровольцы. Они в большинстве своем состояли из бывших сотрудников силовых подразделений Чеченской Республики. Мне позвонили, рассказали о том, что у нас погибли ребята и в Чечне идут похороны, хоронят ребят с одного села, с другого села. У меня как-то сердце защемило, и я собрался в течение одних суток. Подал заявление об уходе с работы. Собрал все свои вещи и уехал в республику. Уехал в республику. Рамзану Ахматовичу сказал, что собираюсь уходить на СВО. Он одобрил мое решение, и в течение одних суток, когда узнали о том, что я ухожу на СВО, со мной собрались бывшие мои ребята, моя команда, которые со мной работали в системе МВД, и разом нас

35 человек собрались. И к вечеру я был на месте в ЛНР. Буквально через сутки, когда я уже на место добрался, доложился по ситуации, Рамзан Ахматович уже объявил мне, что я являюсь командиром всего спецназа «Ахмат». Получилось так, что я буквально через сутки-двое уже возглавил само подразделение. И начал уже боевую деятельность подразделения планировать. Получается, что наш численный состав был около 800 человек и мы начали свою боевую деятельность. Мы пошли совместно со Вторым армейским корпусом освобождать территорию Луганской Народной Республики. В последующем я был назначен заместителем командующего этим Вторым армейским корпусом. Этот этап нашей истории завершился последующим освобождением Лисичанска. То есть все вот эти крупные города, такие как Рубежное, Северодонецк, Лисичанск, Старая Краснянка, Кременная и все вокруг лежащие населенные пункты. В общей сложности получилось так, что 36 населенных пунктов было освобождено совместными усилиями именно спецназа «Ахмат» и Второго армейского корпуса. Очень результативная работа была. Причем были освобождены такие крупные города, как Северодонецк, Лисичанск; считалось, что их будет взять очень тяжело.

Отпустили нас домой на передышку. К тому времени уже у нас были контракты с Министерством обороны России. Буквально через несколько недель мы потихоньку начали возвращаться обратно на СВО. И уже в начале сентября пошел контрнаступ противника.

Туда уже конкретно пошли наши враги эшелонами и огромным количеством техники. Где стоял спецназ «Ахмат», мы не отошли ни на один метр. Сватово, Кременная, Лисичанская — вот эту всю линию мы удержали. Это был тяжелый период времени.

Изначально все, кто заходил на СВО, мы все пришли добровольцами. Будучи гражданскими людьми, пришли на СВО, а в последующем заключили контракты с Минобороны. Ребята ранения начали получать, погибать начали, и важно было, чтобы обеспечить ребят заслуженным соцпакетом, которым обеспечивают бойцов в Минобороны, нас тоже завели под контракт в Минобороны. Мы уже стали подразделением Минобороны.

Тогда на Сватово, Кременная, Лисичанское направление было большое давление со стороны противника. На этот участок противником было брошено очень много техники, танки были, очень много живой силы. Наступательные действия противника не прекращались, можно сказать, в круглосуточном режиме месяцами, нас пытались продавить со всех сторон. На наше направление они бросали огромные силы. Мы их на своем рубеже удержали, его наступательные действия на этом участке захлебнулись потому, что он понес очень большие потери. Там была дорога, мы под нее закапывались и выстраивали линию, высаживая наши подразделения на эту линию.

2023 год был тоже для нас достаточно тяжелым. Мы помним новый контрнаступ противника, когда нас перебросили для того, чтобы мы помогли подразделениям, находящимся в Донецкой Народной Республике, для того чтобы им помочь освободить Марьинку. Потом нас перекинули в Ростовскую область, вернули обратно. Через некоторое время, когда противник начал контрнаступательные действия на Бахмутском направлении, на Артемовском направлении, нас перекинули на этот участок, чтобы удержать контрнаступление противника. Точнее, на участок Клещеевка, Андреевка, Курдюмовка. Да, конечно, там тоже нам пришлось очень тяжело, потому что нам пришлось

останавливать врага, считай, с колес. Никаких подготовленных позиций у нас там не было. Я помню, Клещеевка уже... Получилось так, что она чуть ли не перешла под руки противника. И когда мне об этом сказали, я с ребятами на двух БМП заскочил в Клещеевку. В течение трех суток мы туда заводили ребят. Выстраивали линию, для того чтобы противник не взял сам населенный пункт. Ну и вот получилось так, что от Клещеевки и до Курдюмовки мы уже выстроили линию, и дополнительно туда подтянулись другие подразделения. И этот участок тоже для нас был очень тяжелым, потому что действительно мы там понесли серьезные потери, потому что ресурсов у противника было много. Наступал он без остановки, круглосуточно. Мы же оказались на участке, который абсолютно не приготовлен был для обороны. Окопаться там даже возможности не было, нам приходилось ребят выставлять в подвалах, погребах, домиках, точнее, в том, что осталось от этих домиков, одни стены. Постоянное воздействие артиллерии противника наносило нам серьезный урон. В то же самое время мы уже адаптировались всем подразделением. Благодаря упорству бойцов этот участок тоже не был сдан. Опять получилось так, что противник чисто работой артиллерии превращал этот участок в серую зону, но его занять он не смог. На этом направлении, когда уже противник был остановлен, бои шли достаточно долго и противник уже потерял свой наступательный ресурс. Нас перекинули уже в 2024 году на белгородское направление, потому что тогда была получена информация о том, что на этом направлении противник готовит захват. И в связи с возникшей угрозой руководством Генерального штаба было принято решение о переброске нас уже на Белгородское тактическое направление.

Это уже зимний период был. Здесь тоже, как говорится, мы... Когда встал вопрос о том, что спецназ «Ахмат» может стать общевойсковым резервом, я настоял на том, чтобы нас не выставляли где-то во втором-третьем эшелоне. Я сказал, что мы не будем находиться в резерве. Я сказал, дайте нам самые тяжелые участки, где, по вашему мнению, должен произойти как раз прорыв противника. Я сказал, что я отвечаю за тот участок, где будут стоять мои подразделения. И мне определили несколько тактических направлений, куда мы как раз и выставили своих ребят. Начали взаимодействие со своими соседями справа, слева. Действительно, считаю, что мы очень много пользы принесли на всем этом направлении белгородском.

У нас были ежедневные боестолкновения с противником. Мы потихоньку начали оттеснять его от границы, выбивая противника уже нашими силами и средствами, отодвигая от границы Белгородской области. Так продолжалось до августа 2024 года, пока враг не прорвался на территорию Курской области. Мне позвонил мой товарищ, я узнал о том, что произошел прорыв противника, какое количество сил и средств противника зашло так глубоко к нам на территорию. В течение одного часа я отдал приказ, чтобы два беспилотных отряда приготовились к маршу. А 60 человек как раз вышли у меня с ротации в Волчанске. Наши ребята как раз занимались штурмовыми действиями у Волчанска. И получилось так, что, после того как ребята только поменялись, только вышли, они даже отдохнуть не успели. Вот этих 60 человек мы забрали и два беспилотных отряда. Уже в тот же вечер мы находились на территории Курской области. Мы подняли своих «птиц» в воздух и уже в течение этого вечера и утра уже полностью владели ситуацией — где против-

ник, где наши. На второй день мы уже сразу вступили в боестолкновение.

Мы стали преградой для колонн противника. У нас начались первые боестолкновения — это были населенные пункты Мартыновка, Русское Поречное, Черкасское Поречное. Потом другие поотрядно тоже потихоньку начали прибывать туда же, а первый удар на себя приняли эти 60 человек и два беспилотных отряда. Дальше началось подтягивание других отрядов спецназа «Ахмат», которые с территории ЛНР и ДНР. На этом участке ситуация была более горячей, поэтому мы оттуда снимали свои подразделения и перекидывали их на этот участок, выстраивая линию обороны. С колес нам пришлось останавливать противника, мы понесли большие потери. Ребята действительно бились героически — спецназ «Ахмат», 810-я бригада, 30-й полк. Постоянно из рук в руки переходили участки территории. Мы вместе на этом участке остановили в общей сложности где-то до 12 тысяч человек противника. Собрав такой ресурс, он хорошо подготовился. Будучи руководимым комитетом штабов НАТО, которые, по сути своей, эту операцию и планировали, противник хотел прорваться к атомной станции. Они думали, что таким образом они заставят Россию подписать договор о капитуляции. Но нас любит Бог, и мы вместе сумели остановить эти силы противника. И противник действительно начал нести очень серьезные потери.

Хочется отметить вторую бригаду спецназа, которая очень сильно помогла в остановке противника. Я помню, первый день мы сожгли в общей сложности 32 единицы техники противника, на второй день — 23 единицы. Потом количество сожженной техники исчислялось уже сотнями.

Мы в таком режиме находились до той знаменитой операции «Поток» с подразделением «Ветераны». Надо отдать им должное, они очень хорошо подготовили эту операцию. О том, что эта операция готовится, конечно, я был в курсе. Мы тоже планировали подготовить эту трубу. Потом, когда мы узнали о том, что «Ветераны» эту работу уже делают, мы сказали, что им мешать не будем. Они это все сделали очень хорошо. И у нас встал вопрос, какие подразделения пойдут непосредственно на штурмовые действия в эту трубу. Получилось так, что туда зашло где-то 700 человек. Первыми в эту трубу пошли подразделения во главе с командиром отряда «Аид» спецназа «Ахмат» и приданная ему рота 30-го полка.

Все спланировано, подготовлено было ими, в самой трубе они тоже принимали участие, но у нас были разные задачи. То есть рота «В» 30-го полка и отряд «Аида», они должны были, выйдя из трубы, уйти направо, занять первые, как говорится, опорные пункты, которые находятся непосредственно в лесу перед этой трубой, перед выходом. Оттуда занять населенный пункт Кубаткин и мосты, и эту линию они должны были уже удерживать. А остальные подразделения, которые вошли в эту операцию, они должны были уйти налево и пойти в направлении населенного пункта Суджа, и там уже начинать наступательные действия в этом направлении, в направлении города Суджа.

Операция прошла феноменально хорошо. Противник не ожидал этого. Наши, выскочив из этой трубы, начали занимать эти опорные пункты. Противник действительно был в недоумении, начал массово бросать свои позиции и убегать, оставляя полностью всю свою линию обороны. У нас получилось, что все наши отряды, каждый в своем направлении, одновременно

начали наступательные действия. И зачищая те участки, которые находились перед ними, они тоже начали спускаться вниз.

Молниеносность этой операции привела к очень серьезному результату. В конечном итоге полностью освободили территорию Курской области в течение буквально этих пары недель. Дальше уже противник закрепился в нескольких населенных пунктах, которые были прямо на границе с Украиной, и там он пытался удерживать позиции, но оттуда они тоже были выбиты.

Дальше противник боялся, чтобы мы на плечах отступающих войск не зашли в Сумы. Он собрал часть своих ресурсов и ударил на стыке между Белгородской и Курской областями, занял два населенных пункта — это Поповка и Демидовка, получается. Часть наших сил и средств была переброшена уже на то, чтобы выбить противника с этого участка и зачистить эту территорию от врага. Как раз нас перебросили именно для выполнения этой задачи на этот участок. Зачистили этот участок от врага другими подразделениями Минобороны, получилось, что мы в принципе на этой линии оставили несколько своих отрядов, закрепились там.

Каждый из отрядов «Ахмата» имеет законченный вид. Потому что в каждом отряде есть свои беспилотники, разведывательные крылья, свои минометные расчеты, своя связь. Есть более крупные отряды, в которых есть свои артиллерия, танки, БМП. Каждый отряд — отдельное подразделение. За счет чего, по сути своей, наверное, и добиваемся мы такой, как говорится, стойкости подразделений. У спецназа «Ахмат» — три сети связи. Если даже противник какую-то из этих сетей кладет, при любом раскладе у нас обязательно другая связь вытягивает. И мы все время имеем возможность

быть на связи со своими бойцами на всех эшелонах, на всех участках.

На данный момент спецназ «Ахмат» разбросан на шести тактических направлениях и где-то за 800 километров от одного отряда до другого.

Бойцы к нам прибывают со всех регионов и не только из Российской Федерации. У нас даже в отряде есть японец, японец настоящий, который пришел к нам воевать на стороне России. Человек, который действительно осознает происходящее, смотрит на все через призму пагубных действий наших врагов. И действительно, он имеет очень правильные взгляды, на вещи смотрит именно нашими глазами. Есть у нас в спецназе «Ахмат» представители и других государств. И африканцы есть, и китайцы, и корейцы. У нас очень много представителей всех государств бывшего советского состава. Есть представители всех национальностей — казахи, армяне, азербайджанцы, прибалты тоже у нас есть.

Специфика подразделения заключается в том, что оно сформировано из представителей разных национальностей, разных вероисповеданий. В нашем подразделении нет деления ни на национальности, ни на вероисповедание. У нас очень хорошие оснащенность, обеспеченность. Минобороны нас обеспечивают всем, что необходимо по линии Минобороны. А фонд имени Ахмад-Хаджи Кадырова, которым руководит Аймани Несиевна Кадырова, действительно с первых дней своего существования обеспечивает нас всем необходимым. В этом плане в вопросах оснащения и обеспеченности, наверное, мы опять — одно из самых обеспеченных подразделений. Почти вся техника наша, она закуплена фондом имени Ахмат-Хаджи Кадырова. Просто неимоверная помощь нам оказывалась в круглосуточном режиме. Если нам чего-то не хва-

тало, то нам надо было просто сделать один звонок, и это у нас уже появлялось в течение одних суток. Рамзан Ахматович Кадыров действительно все время руку держал на пульсе. Действительно, круглые сутки он был на связи. В сутки мог позвонить и пять раз, и десять раз. Спрашивал, что, где, как, чем помочь. Все время, как говорится, пытался поддержать ребят. Его поддержка тоже значила очень много, потому что все мы, кто зашел в спецназ «Ахмат», изначально мы все были из категории сотрудников МВД, Росгвардии, которые постоянно принимали участие в уничтожении бандформирований. Но бандформирования в Чечне не имели тяжелого вооружения. Мы переформатировались в войсковое подразделение, которое уже имеет у себя на вооружении все, начиная от стрелкового и заканчивая тяжелым оружием, артиллерией, танками. Большой опыт нам принесли ребята, которые к нам зашли из бывшего состава ЧВК «Вагнер». Были ребята, которые имели большой опыт работы именно в артиллерийском формате и танках. Спецназ «Ахмат» изначально формировался как стрелковое подразделение, стрелковое штурмовое подразделение, состоявшее именно из штурмовиков. А тут потихоньку мы начали обретать и танки, и артиллерию, и минометы.

За время службы героических поступков у бойцов спецназа «Ахмат» просто неимоверное количество. Хочу отметить командира отряда «Большого», он был с Кочубеевского района Ставропольского края. Бывший собровец, был командиром отряда. Очень достойно погиб в населенном пункте Марьинка. Получилось так, что это был очень укрепленный участок, пулеметные доты. Противник не давал нам продвинуться. Он уже вплотную подошел со своей группой к этому доту, все его ребята были ранены. Он сам пошел на этот

штурм взяв с собой 10 человек. Эти все 10 человек, будучи ранеными, он их выводит. Я ему говорю, чтобы он отошел оттуда, а он говорит: «Командир, я не отойду, я пойду сам штурману этот дот. Я с ним нахожусь рядом». Пошел он его и штурманул. Но сбоку выскочил укроп и расстрелял его в бок. Я ему говорю: «Отступай, я тебе ничем не могу помочь». Он говорит, командир, даже если я умру, я умру с улыбкой на губах. И со словами, с этими словами он говорит: «Ахмат Сила, Аллаху Акбар». Русский православный парень говорит эти слова и бежит на этот дот. Вот такой героический поступок он совершил. Я в этот момент беспилотником контролирую ситуацию, я вишу над ним, все это вижу на мониторе и он со мной на связи. Очень тяжело, конечно, я перенес этот момент, потому что действительно это такое ощущение, как будто бы ты стоишь с ним рядом, и ты не можешь ему ничем помочь. Это тяжело.

Первым погибшим в нашем подразделении был Герман Алдамов. Один из тех ребят, которые со мной зашли первыми. Очень достойный парень был. У меня был помощник — Симос Панагеотидис. Он грек, православный, очень достойный парень был. Получилось, что вообще первый РЭБ в спецназах принес он. Он был очень увлечен РЭБ и БПЛА. Очень грамотный, хороший специалист был. И самое главное — был очень верующим человеком. Как раз получилось, что он был моим помощникам непосредственно по православному крылу. Вообще первых священников Симос и привел. Он их завел ко мне в спецназах «Ахмат», и у нас появились первые священники. Симос героически погиб на передовой. Он погиб в Курдюмовке. Это как раз был 2023 год, когда противник вел контрнаступательные действия, пытаясь завладеть обратно Бахмутом. Симос

погиб на участке Курдюмовка — Андреевка, непосредственно на передовой, героически погиб. Противник наступал на тот участок, где они находились, а Симос не давал их БПЛА делать сбросы на этот участок, выставив там РЭБы. Противник начал обходить сзади, пытаясь выбить тех, кто управляет этими установками радиоэлектронной борьбы. Симос остался, не отступал до последнего. Впереди наступает противник. Он стрелял из своего стрелкового оружия, и параллельно ему надо было контролировать установки РЭБ, и он справлялся и с тем, и с этим. Такой героический, истинно верующий православный человек, который выстоял, не отступил назад и отдал свою жизнь на этом участке, не отступив. Этот участок мы так и не отдали противнику, он так и сохранился за нами, туда так и не смог зайти противник. В том числе благодаря героическим действиям Симоса.

Потом у нас погиб Данил Сухоруков, Даня. Очень героический парень был. С такой семьи хорошей, московской. Многодетная семья у них. Представьте себе, вот этот молодой парнишка, который оказался рядом со мной. Мы с ним вдвоем за несколько дней до его гибели заехали вглубь позиций противника. Нас убеждали, что там находятся другие подразделения. А я говорил, что там их нет. Три дня вранья, и мне пришлось поехать и проверить самому. Мы сели с ним вдвоем на багги, залетели, получается, туда. А там противник. Он не ожидал, что мы туда заскочим на багги. И он начинает нас со всего, что у него есть, колошматить. Несколько часов пытались выехать оттуда, а там выезд был только один, нам надо было проехать через тоннель, а противник пытался нас не пропустить на этом участке и бил целенаправленно все время по этому участку. Перед тоннелем по нам

пытался попасть, он корректировал, бил все время. 2023 год, направление на Андреевку.

А нам надо туда и ребят завести. Мы для себя начали понимать, где находятся наши, где наших нет, где противник, сориентировались. В конечном итоге мы оттуда с собой забрали одного раненого бойца и сумели оттуда с ним выбраться. Даниил написал мне смс: «Командир, я сегодня для себя принял решение, что бы ни происходило, я с вами до конца». Такой очень достойный парень был. Он погиб.

Очень тяжелой была потеря «Шустрого». Он у нас был одним из самых знаменитых боеспособных командиров, был командиром батальона в составе 4-й бригады. Только его батальон продвигался на Часовярском направлении. Получается, что вся линия была ЛБС. Никто не двигался никуда. И вот единственный батальон, его батальон, он все время без остановки двигался вперед. Надо отметить, что против него было брошено подразделение «Айдар». У него было такое количество уничтоженных бойцов «Айдара», что только более ста человек айдаровцев было взято в плен за год. Он действительно был очень результативный парень. Он каждое продвижение своих бойцов лично контролировал, лично заводил.

Если говорить о героях в подразделении, то их очень много, очень достойные ребята. Приведу в пример группу во главе с «Булчутом». «Булчут» — это у нас русский парень с Якутии, у него мать якутка, отец русский. Он у нас из отряда питерского. Их 24 человека было. Мы их завели на фермерское хозяйство. Благодаря этому отряду, этой группе ребят, которые находились в полном окружении на протяжении почти двух месяцев, противник так и не смог выйти на прямую трассу на Курск. Они, находясь там, наносили против-

нику очень серьезное поражение, так и не отдали эту трассу. И мы их оттуда вывели уже через два месяца после того, как они оказались в полном окружении. Мы их оттуда вывели, они вышли только после того, как они уже почти все уже были ранены. Снабжали беспилотниками, мы сбрасывали им все туда — и еду, и БК, все, что надо, хотя БК у нас уже было достаточно, как говорится, завезено на первый период, и БК, и еды было достаточно там. Но потом уже, когда все меньше и меньше было, и провизию, и батарейки, и БК, и еду, и медикаменты мы скидывали беспилотниками. На момент вывода этого отряда оттуда из них семь человек были уже неходячие. То есть они уже не могли сами даже идти. А командир группы себя проявил настолько достойно, что когда дали команду им оттуда выходить, сам командир группы «Булчут» взял с собой еще четверых пацанов и на протяжении суток противника гонял за собой на территории этого комплекса, давая возможность вывести ребят. То есть оттуда были выведены все ребята, все до одного.

Пять человек гоняют противника, бьются с ним, а 19 человек — все оттуда вышли. И вот только после этого, получается, «Булчут» оттуда вышел, выводя с собой вот этих своих четверых ребят. У них оставалась последняя уже одна батарейка на рации. У нас каждое здание, каждый участок были определены, имели какое-то кодовое название. Идет боестолкновение, и, если оттуда заходит противник, наш боец называет цифру, и туда наносится нами огневое поражение с применением артиллерии, танков. «Булчут» таким образом почти сутки гонял противника, не давая ему возможности занять всю территорию до тех пор, пока не смогли выйти остальные ребята с ранеными. Вот после этого он сам уже вышел оттуда с этими ребятами. Никто не попал

в плен к противнику. Единственное, тела наших ребят, которые погибли и были засыпаны, вот получилось, что они остались там. А всех остальных он вывел оттуда. Такой героический парень.

У нас действительно очень достойные ребята во всех отрядах, например, командир отряда «Питерский». Произошел прорыв на Мартыновское направление. Мы передали уже перебазированному на этот участок отряду «Питерского». «Питерский» сам на уазике наехал на мину, подорвался, очень сильно был покалечен. Буквально через месяц с копейками он уже вернулся, встал в строй. Я говорю: «Ты что делаешь? Тебе надо долечиваться». Он вернулся, встал в строй и вот так и продолжает нести службу.

Вот это самоотверженность ребят, командиров. Ребятам говорили «Все, у тебя ранение, уезжай», а они: «Нет, я никуда не поеду, я останусь». Они оставались, не уходя с передовой, — со своими братьями по оружию до последнего бились. Если говорить еще о командирах, у нас командир отряда «Горец», тоже бывший собровец. Человек, который сам со своими ребятами тоже все время в штурм ходил. Получил несколько очень тяжелых ранений. Ну, так и не оставлял своих ребят, даже будучи раненым. На месте, как говорится, долечивался. Хотя очень тяжелые такие ранения были. В операции «Поток» он со своими ребятами непосредственное участие принимал.

Если говорить о героизме моих подчиненных, наверное, времени не хватит, чтобы это все рассказать. Могу сказать про своего заместителя. Это вот генерал-майор Гоншаев. Очень достойный парень. Сам во главе штурмовых отрядов все время ходил на штурма. Он очень знаменит именно тем, что был в очень серьезных боестолкновениях. И он все время выводил своих ребят

из этих ситуаций с минимальными потерями, всегда выполняя задачи.

Руководство Украины, я считаю, что это люди, которые заслуживают очень суровой кары, потому что отдают приказы по массовому убийству нашего мирного населения. Вообще руководство Украины нельзя назвать иначе, кроме как террористической организацией. По-другому, наверное, никак не назовешь. Если сравнивать с ними нашу российскую сторону, то, конечно, мы всегда перед собой ставили цели и задачи сделать все для того, чтобы не пострадали мирные жители Украины. И всегда, если была возможность, что мы можем нанести поражение и урон мирным жителям, то от этой задачи всегда отказывались. Чего не скажешь о противоположной стороне, потому что украинские формирования целенаправленно все время наносят поражение по нашим мирным жителям.

Командир группы разведки отряда спецназначения «Ахмат», позывной «Аид»

Почему решил взять позывной «Аид»? Самый оптимальный для работы снайпера, отражает специфику работы. Я — командир разведки спецназа «Ахмат».

Мы занимаемся и тактической разведкой, и диверсионной работой. Выясняем вооружение, технику, количество сил противника, обстановку на линии боевого соприкосновения. У нас есть отряд диверсантов, задача которых хулиганить на позициях противника, совершать налеты, захваты языков, скрытые минирования, засады. Есть отряд снайперов, который занимается постоянным, бесконечным отстреливанием живой силы противника, то есть уже отучивает их даже пешком

ходить, ползают по позиции. Есть отряд БПЛА, который наносит просто колоссальный урон противнику, ведет корректировку артиллерии, работает ударными дронами-сбросами по позициям живой силы противника. Поэтому мастерство БПЛА в «Ахмате» в целом очень высокое, подразделение старается не отставать, ребята очень грамотно подходят к своей работе и просто какой-то колоссальный вред наносят противникам, их укрепрайонам. Техразведка у нас есть, техническое и визуальное наблюдение есть, группа эвакуации есть, отряд штурмовой. У нас много отрядов в разведке, у каждого свой функционал.

Недавно был создан отряд технической разведки. В составе нашей разведки у них есть специальное оборудование, сканеры частот, анализаторы частот, анализаторы спектра, видеоперехватчики. Их задача не только найти позицию, откуда происходит взлет вражеского ВПЛА. Главная их задача — это вести таблицу частот, на которых летает противник. Они их фиксируют. Мы их анализируем, готовим комплексы электронной борьбы под конкретную задачу, под эту частоту. Может быть, это штурм, может быть, это налет, может быть, это захват языка, неважно, какая задача стоит. Мы конкретно заряжаемся под частоты противника, чтобы до нас не долетели вражеские БПЛА. И конкретно в этот день, понятно, противник этого не ожидает, когда мы включаем РЭБ, начинаем или заходить, или отходить, или то, или другое. Нас «птицы» не трогают, они падают, мы блокируем их частоты. Они теряют несколько часов на то, чтобы частоты поменять. Может, больше. Там зависит от опыта. Нам этого хватает, чтобы выполнить боевую задачу и отойти.

В современной войне без техразведки уже передвигаться в принципе невозможно. Это потенциаль-

ная гибель личного состава. Поэтому к любой задаче мы тщательно готовимся. Подготавливаем и средства радиоэлектронной борьбы. Подготавливаем и сведения о возможностях противника, какие средства ударного поражения могут понадобиться. Прорабатываем маршруты, прорабатываем заходы, отходы, запасной маршрут отхода, разминируем тропы. Мы можем облетать окоп противника, внимательно его изучить: как он построен, его диаметр, ширина, блиндажи, вход, выход. Аналогичный окоп мы копаем на полигоне. Мы его полностью выкапываем, делаем зеркалку. И следующую неделю мы каждый день штурмуем, отрабатываем штурм именно такой же модели окопа. И когда мы уже с закрытыми глазами в атаку можем залетать, и каждый знает, с какой стороны он заходит, подготовительный этап закончен, мы уже выбираемся на боевую задачу и ее выполняем. Именно в подготовке секрет наименьших потерь нашего подразделения. Потому что раненых там у нас много, но все остаются в строю, все возвращаются. Погибших у нас мало. Я считаю, это хороший показатель.

Во время штурма или диверсии, налета у нас задействованы сразу несколько отрядов, включая БПЛА. Например, расчет БПЛА, который нас сопровождает говорит о том, что там справа в окопе на вас смотрит автоматчик, из блиндажа вышел человек. То есть он дает сведения, все молчат, эту информацию принимают и слушают. В случае если мы зажимаемся, допустим, пулеметом... Если нам не дает продвигаться пулеметчик, мы сообщаем об этом на расчет БПЛА. Второй расчет поднимает ударный FPV-дрон и, соответственно, уничтожает этот пулеметный расчет. Мы продвигаемся дальше. Техническое и визуальное наблюдение отряда, они занимаются тем, что наблюдают за тем, чтобы

подмога противника не подошла незаметно. Может, техника подъехала, двигается шесть карандашей в вашем направлении. То есть мы, соответственно, находясь в окопе противника, уже знаем о том, что к нам идет шесть карандашей, например, две тройки, с какой стороны, мы уже выставляемся их встречать. Поэтому все отряды работают в полном взаимодействии. Без БПЛА сейчас что-либо штурмовать вообще невозможно. У нас есть своя артиллерия, это 120-й миномет, это 80-е. Они отрезают возможность противнику или отойти, или, наоборот, подойти. То есть, когда мы закрепляемся или начинаем штурмовать, они отрезают квадраты, начинают ее поражать, что кто-то не дошел, в полном взаимодействии, контрабатарейную работу ведут.

Однажды я в составе группы отправился на боевую задачу. Нас интересовал дальний рубеж за позициями противника. Это уже фактически три противника, их позиции, второй, третий рубежи. Полтора километра от первого окопа противника мы прошли, то есть обошли дугой. От наших позиций это километра четыре, от позиций противника — полтора километра. То есть минуя серую зону, мы подползли к окопу. Мы подозревали, что там противник. Ну, соответственно, когда начали подползать, были в накидках от тепловизора. Тогда один из противников вышел по своим делам. Мы долго ползли, очень долго, это прям тяжело достаточно, и винторез был у меня за спиной. А ремешок имеет свойство застревать, он у меня застрял между наплечником и броней, вижу, что сейчас уже противник уйдет. Я уже, соответственно, выхватил нож и побежал на противника. Ну, соответственно, клиента пришлось принимать уже холодным оружием. Клиента я отработал.

Но все равно поднялся шум, и задача была на грани провала. Прикрыли нас тридцатка и «Артист».

Плюс еще БПЛА наш висел в воздухе с двумя вогами на случай нас прикрыть. Ну второй мой боец, позывной у него «Соловей», понимает, что ситуация из-под контроля уходит. Рванул через нас, забросил гранату в блиндаж, а еще туда добавил автоматную очередь. Ну и мы оттуда ретировались с трофеями. Трофеи — в основном огнестрельное оружие противника. Лазить в тылу ты не будешь, когда ты шум поднял. Поэтому быстро что успели, похватали и оттуда ретировались. В целом успешно задачу выполнили.

Однажды у нас был поход за минометом, который нас кошмарил. Наверное, мы несколько дней проделывали по ночам брешь в тылу противника — тропы разминировали. В итоге пять километров мы прошли в тылу противника, искали миномет, нашли и уничтожили расчет. У меня боец закинул гранату в блиндаж. Он не знал, что там складированы 82-е мины. Взрыв был настолько яркий, что на секунду начался день. Тут же оживились рации мертвых противников. Бойца в чувство привели, схватили трубы от миномета, все, что возможно было, похватали. И через серую зону начали скрываться. Успешно ретировались, практически без потерь, у меня один разведчик был ранен, уже на отходе кассетой его ранило. Ну, задача прошла успешно.

Какое у меня личное оружие? В основном это мои винтовки — СВД, винтовки Лобаева — «Сталинград», «Опустошитель». Есть штатный автомат АК-74. Я его полностью переделал — изменен приклад, сверху планка Пикатинни, тепловизор. Обвес позволяет сбоку повесить фонарь, коллиматор, лазер. Одно для дальнего боя, другое для ближнего боя. В ближнем бою автомат можно немножко развернуть и работать уже коллиматором пристрелянным. В ближнем бою тепловизором

стрелять не будешь. ДТК тоже изменено, оно убирает вспышку, меняет звук. Автомат рассчитан на прицельный огонь в 300 метров. Вполне можно всадить в голову и с тепловизора. В спецназе «Ахмат» есть курсы марксманов, где им выдают эти обвесы тепловизора и оптику, что позволяет их обучить за четыре дня. Они кладут спокойно, великолепно кладут прям в голову. Ну, надо не забывать — это оружие ближнего боя. Для всего дальнего есть снайперские винтовки.

Заместитель командира группы быстрого реагирования отряда спецназначения «Ахмат», позывной «Отец»

Я, как получил ранение, отлежался дома, подзажил и через полтора месяца опять пошел. У меня первый раз был перерыв полтора месяца, а второй раз был перерыв два месяца — ребра заживали. Это был прилет от украинского танчика под Новомихайловкой. Два месяца у меня был перерыв. Зажил немножко, и я опять пошел сюда. Ну как дома сидеть, если у меня опыта много? Дома смысла нет сидеть.

В 2018 году мне дали группу Д, инвалидность. Я заново учился ходить. Четыре года восстанавливался, и в 2022 году я выехал уже из дома в Гудермес. Я привычный к армии. Родители у меня, папа, мама, привычные к тому, что я постоянно на службе, то тут, то там. Теща ругала меня, жена тоже ругала сначала, а потом поняли уже, что я конкретно решил уже все.

Я вспоминаю, 16-го уехал, 18-го мы уже приехали, и первый бой у нас был уже 23-го числа. Вооружение, боеприпасы — все это выдали. И на штурм пошли под Боровское сразу же. С боевым опытом человек

10—15 нас было. Когда только первый обстрел начался, трескотня началась по деревьям, все залегли, минометы начали работать по нам. Надо было идти в первую линию обороны. А мы не можем других людей поднять. Процентов 80 не обстреляны. Кто-то сантехником работал, кто-то еще что-то такое. Потихоньку, потихонечку пошли, пошли, пошли, пошли. Первый бой, конечно, трудноватый был, трехсотые были, конечно, человек, наверное 30. Взяли первый рубеж у них, первый окоп, то есть первую линию обороны мы взяли нормально. Мы где-то взяли часа за полтора. Сразу же пленных взяли.

Во второй раз, когда второй раз пошли штурмовать, там уже пацаны наши поувереннее, а на третий ход они уже вообще прям сами шли уже. Все, их уже там не надо поднимать, они уже знали, что и как там, уже по группам разделились. Кто там правый фланг, левый фланг, кто там, кто-то будет планировать. Пошли уже сами. Командир планирует, например, штурм такого-то района. Например, столько-то позиций, сначала «птичники» вылетают, все там по карте смотрят, потом уже идут.

Если трескотня идет, сильная пуля всегда может к тебе прилететь. То есть падают все, но более опытные уже начинают вытягивать всех остальных, кто не был под обстрелом. Некоторые, например первый раз под обстрелом были — пацаны. Ну как пацаны, там и по 45 мужики были, там по 20 лет были парни. То есть они первый раз только попали под обстрел. И соответственно, психология человека так работает, что это инстинкт самосохранения. То есть ты сам так же в первый раз. Нет таких героев, что там встал и сам первый побежал. Там все равно ты идешь с опаской. Иначе так ты не выживешь. Все только совместно, с товарищами, с бойцами, со своими братьями.

Помню, пошли на первый бой, буквально метров 50 осталось, мы оборачиваемся назад, а бойца нет. Мины летят. Бойца вообще не наблюдаю. Если честно, я подумал, что к нему прямой снаряд прилетел. Думал, что вообще нет ничего от него. После штурма, когда уже штурманули и элэнэровцы подошли, мы еще два наката отбили. Вышли, когда обратно уже элэнэровцы подошли. Мы обратно идем, и пацан подбегает. Он старше меня, года на три-четыре. Под сорок лет ему уже. Падает на колени, обнимает меня, ревет. Говорит мне: я не смог. Ну мы с парнями сразу же подтянули его к себе — в этот момент нельзя человека от себя отпускать. Он что-то сделать может с собой. Потом он с нами на зачистки пошел. Потом уже на штурмы пошел, разошелся. Ранение получил, в госпитале лежал. За полгода получил четыре ранения, и пацан разошелся. Самое главное, не гнобить человека. Его надо вытащить из этой ямы, поддержать надо. И все, и пойдет человек. Гнобить никогда не надо людей.

У каждого человека есть страх. Есть синдром бесстрашия, но, когда ты ловишь синдром бесстрашия, тебе нужно отдохнуть. То есть ты не чуешь этого, ты идешь, и ты пацанов с собой затянешь. Этого нельзя делать никогда. Много случаев таких, конечно. Я много с «Барсами», с «Вагнерами» и другими общался. Там пацан один полез вообще в окоп противника прям. И за ним пацаны другие полезли и попали в мешок. Вот тупо, просто из-за него попали. Ему сказали отходить, а он: «Я сделаю сам». И попал с тупого бесстрашия. Такого нельзя делать никогда. Сам залезешь и пацанов подведешь. Конечно, без команды нельзя. Командир сказал тебе так, будь добр, выполни этот приказ.

В «Ахмате» здесь все профессии есть. Кто-то на СТО работал, кто-то маляром был. Вообще профес-

сии разные. Надо смело идти добровольцем. Начинают отговаривать — не надо слушать. Если ты надумал, то иди. Если есть сомнения, лучше не иди. Но нужно иметь всегда холодную голову, никогда сгоряча не надо, если ты собрался идти.

Старший разведчик спецназа «Ахмат», группа «Аида», позывной «Полюс»

Я родился в шахтерском крае, был шахтером. До СВО был на срочной службе. Участвовал в контртеррористической операции в Чечне с 1999 года. У меня трое детей. В СВО — с 2024 года. Я долго собирался, все с семьей боролся, не отпускали они меня. И вот в 2024 году, собственно, дали добро и поехал. Не мог на происходящее смотреть спокойно.

Во время операции «Поток» был сапером, что и разминировать где-то, подминировать. У нас задача была выдвинуться по трубе, выйти в условленном месте, захватить населенный пункт и удерживать подходы к нему, ждать основные силы, которые шли по верху к нам.

Выдвинулся я после основной группы уже. Догонял их, 3-го числа выдвинулся вечером, а 5-го утром пришел. Полтора дня двигался. Было тяжеловато, конечно, на себе все, что нужно, тащить. И воздуха маловато, и воды мало было. А есть не хотелось вообще. А потом уже у нас осколочные ранения были. Артиллерия, кассетные боеприпасы украинские накрыли. У меня за операцию «Поток» медаль «За отвагу».

Противник не ожидал, он в рассыпную ушел. В основном бросал все и бежал. Потому что не ожидали увидеть черных человечков чумазых. Там в трубе со-

лидол или что-то еще такое — смазка. Друг друга уже не узнавали, там все одинаковые стали, на одно лицо. Ну вот представьте, из-под земли вылезли черные непонятные люди и начинают наступать. Украинцы и побежали.

Если приезжаешь в отпуск — это как параллельная вселенная. Приезжаешь, и видишь, что многие там про войну вообще не думают, что кто-то там погибает, воюет где-то. А пара молодых сказали мне: «Это не мое, зачем ты туда вот идешь?» Я не могу объяснить, как это «не твое»? Конечно твое, наше — общее.

Сейчас в основном идет война дронов, прямых столкновений с противником меньше. Еще дойти до него надо. Эти дроны, что с нашей стороны, что с их стороны, они не дают это сделать. Ребята их сбивают частенько. С гладкоствольных в основном. Спасают «Булаты» — ручные детекторы. Если в машине едешь, то ты дрон плохо слышишь, а «Булат» тебе подскажет, что дрон где-то рядом летает. «Булат» — вещь нужная, обнаруживает, сообщает, показывает все. И видеосигнал мы перехватываем.

Разведчик-пулеметчик спецназа «Ахмат», группа «Аида», позывной «Маугли»

Я родился в Калмыкии. Закончил школу, дальше — армия, срочная служба в спецназначении. Потом гражданка, работал водителем, строителем, кем только не работал вообще. Сын у меня — военный, офицер, защищает родину.

У меня контракт с 2022 года. Мне было очень больно смотреть, как наши ребята несут потери. И очень задело то, что люди начали, боясь мобилизации, уходить

за рубеж, убегать. Мне стало очень больно, стыдно за это, собрал семью за столом обеденным и спокойно, хладнокровно объяснил им ситуацию и сказал о своем твердом решении.

Стал санитаром-инструктором, штурмовали Белогоровку. В этом направлении работали. Приехал «Аид», объяснил нам ситуацию, мы это понимали, решили группой перевестись в спецназ «Ахмат», в группу «Аида». Вот с тех пор я здесь.

В 2023 году были в направлении Белогоровки, потом были в Серебрянском лесничестве. А потом наша Псковская дивизия 76-я штурмовала, и мы тоже принимали участие. Вэдэвэшники как там дали, я сам обалдел. Они за сутки 48 позиций заняли. Там самолеты летели, там вся техника работала, танки, БМП, БТР, все работало, все там было просто колоссально. Вот это, конечно, запомнилось, когда СУ над тобой прямо прилетают, вообще завораживает...

А потом я был в группе «Аида» — эвакуационная машина и логистика. То есть мы логистикой занимались и эвакуацию раненых обеспечивали. Потом в 2024 году я перешел в минометную артиллерию. В артиллерии мы работали тоже нормально. 82-й миномет, 120-й. Ну там от ЛБС вообще недалеко, полтора километра. В 2024 году, весной, нас перебросили в Белгородскую область. Мы приехали, вдоль границы растянулись, заняли позиции. Начали их уже отрабатывать, минометы поставили свои.

Попал в отряд «Бокса». Очень хороший, адекватный, мыслящий, молниеносный. Всегда в правильном направлении. Нет у него суеты, паники. А ситуации были очень жесткие. Он всегда спокоен, всегда хладнокровен, дает четкие команды, всегда в равновесии. Отличный командир, я рад, что служил с ним. С ним

«Тихий» — тоже такой человек с большим опытом боевым. Хладнокровный, спокойный, не кричит, не шумит, он спокойно объясняет голосом, но если уже закричит где-то, ну это уже вообще, ребята тормозят. Гоняют нас по полигонам, всегда тренировки. Это и физика, это и выносливость, это и настрел постоянно, это же моторика. Постоянно. Даже перезарядить тот же магазин в секунду — это тоже моторика. Без суеты, в любой ситуации. В каком бы положении ты ни оказался — лежа, стоя, сидя на боку, как бы ты ни с головой. Это настолько к оружию навык нужен. Молодцы, хорошие командиры. С юмором, с душой.

Поставили нам задачу, что мы должны зайти в тыл противника через трубу газовую. Все люди взрослые, все понимали, что это газовая труба. Нам объяснили, что провелись работы по вытравлению газа, по закачке воздуха, кислорода. Что ребята уже там не первый месяц готовят эту трубу. Скрытно. Впереди нас прошли 100 человек 30-го полка. За ними мы — спецназ «Ахмат». В первой штурмовой группе у нас было 16 человек. Мы вслед за 30-м полком шли. Сутки где-то шли, спокойно, отдыхая, нас никто не гнал. Связывался с командиром по тапику. Потом четверо суток уже ждали, сидя в этой трубе. Четверо суток, чтобы подтянулись другие ребята. Ну и шесть суток мы там провели. Второго зашли, восьмого вышли.

Сидели и ждали подхода ребят. Подтягивались. Чтобы прыжок должен быть мгновенный. Быстро, как можно скорее. Потому, что это рассвет, утро. Если противник заметит в своем тылу такое накопление сил, начнут сразу бомбить нас. Выход должен был замаскированным быть. Его нельзя было выдавать потому, что еще люди идут. Крайним, наверное, надо было еще пройти 5 километров по трубе и сразу вы-

скочить. Представляете, какая нагрузка. Метр сорок с амуницией. Пройти 5 километров и сразу выйти... Это очень тяжело.

Мы шли, можно сказать, налегке. Сзади нас шла тележка. Тележка уже везла нашу амуницию, все такое. А шли мы вот как есть, просто оружие свое, стрелковое оружие, несли в руках. Бронежилеты и шлема у нас на тележке. эрдэшки, рюкзаки десантные, все было там, на тележках. Черные чумазые вылезли из этой трубы в 6 утра и пошли на штурм, вышли на свою линию ответственности. Вышли и пошли позицию за позицией штурмовать, забирать, отнимать.

Противник, можно сказать, пока расцвело, он вообще не понимал, что происходит. Откуда заходят, кто их бьет, связь у них вообще нарушилась, там шум и гам, паника такая. Они не понимали, что происходит. Откуда у них потери пошли. Почему эти позиции уже заняты. И в нас прилетело, когда расцвело, где-то в районе 7.30. Противник навел на нас артиллерию. FPV атаковали, минометы 120-е атаковали, артиллерия, танк. Кассетными боеприпасами начали уже нас ровнять с землей. А мы уже дошли до поселка Кубатки. Свою задачу выполнили, уже штурмовали эту сторону железной дороги. Зачистили от противника. «Брэдли» выехала, атаковала. Нас спасла железная дорога, бруствер железной дороги. Мы за ним были, она била выше, только здесь ветки поломала, деревья покосила, нас не могла достать. Она прикрывала отход украинских БПЛА. А они не смогли выйти, потому что уже мост взорвали наши. Смотрим, уже самолеты наши летят. Приятно. Ну уже мы триста все. Работала по нам уже артиллерия.

Я лежу, думаю: «Ну вот, добегался, все». Ранения множественные. Упал, больно, лежу, думаю: «Ну все, сейчас буду умирать». Перевернулся, нормально, пощу-

пал себя, осмотрел. Не, нормально, еще повоюем. Ну, смотрю, ребята уже тот 300, этот 300. Кто-то кричит от боли. Ну спросил у ребят, потери есть? Нет. Ну, слава Богу. У меня тогда слезы как хлынули. Ну, и Слава Богу. Бог есть, Бог есть. Мы молились ему. Каждый в своей религии, может быть, кто как, но Бог един, как говорит Апти Аронович.

Пока мы сидели в трубе, все варианты предстоящих событий рассматривали, обсуждали все это. Все все понимали. То, что, возможно, мы не вернемся. То, что заход в тыл, в глубокий тыл противника, это тоже, так себе сказать, прогулка. Где-то 50 на 50 делали ставку. Если ребята, которые идут по наружной операции, они надеются на нас, которые зашли к ним в тыл. А мы, которые зашли, диверсанты, мы надеемся на них. А потом, когда уже заняли оборону в Кубатках, начали пить воду противника, использовать его еду, сухпайки. Трофейные, можно сказать. Оказывали себе медицинскую помощь. Уже немножко повеселели. Четверо ребят, которые не получили ранения, молодцы, они все время дежурили, все время. Ну ночью мы — трехсотые — дежурили. А днем вот ребята, они постоянно контролировали всю территорию, на них тоже легла очень большая нагрузка.

10-го, где-то в районе 11 часов утра, мы заметили, как по полю проскочили силуэты. Мы решили, что это наши уже идут. Тоже вот этот момент, когда воссоединиться, чтобы друг друга не перебаранить, тоже такой момент был напряженный. Мы решили зайти в блиндаж и там сидеть, чтобы все спокойно, чтобы они сами подошли, и уже сдаваться своим. Они пришли и говорят — хохлы или русские? Мы кричим — русские, русские. А потом ближе подошли, мы говорим — «Ахмат». А они: «Один выйдите кто-нибудь». И вот «Полюс» вышел, надо дать

должное ему, это храбрость, вот так вот выйти. А вдруг это противник? У кого-то могли не выдержать нервы, а там все стволы на выход наведены, и не дай Бог. Ну «Полюс» — храбрый парень, он первым вышел, а все чумазые, грязные, а они сразу: «Свои, свои». Сразу узнали.

У нас антидроновое оружие есть, РЭБы. Вот хорошо очень себе зарекомендовал «Булат». Их сейчас несколько модификаций, они усовершенствуются. И вот он, крайняя модель, она показывает тоже на расстоянии около трех километров уже, т.е. заранее она определяет, что летит, какой дрон летит. И по палочкам, понятно, расстояние уже какое до нас. Вот это очень важно тоже. А вот когда на машине едут, ребята, на технике, на любой, на мотоцикле, квадроцикле, эвакуация работает, логистика едет — детектор нужен. На машине, когда мотор работает, не слышно, что в небе происходит. Вот «Булат» очень сильно помогает. Очень сильно помогает.

Киевский режим — это банда, криминальная банда, которая захватила власть, которая управляет этими бедными украинцами. Все мы историю эту знаем, всю правду эту видели мы, как это происходило с 2014 года.

Командир диверсионно-разведывательной группы спецназа «Ахмат», группа «Аида», позывной «Солдат»

Я — командир диверсионно-разведывательной группы спецназа «Ахмат», группа «Аида». Добровольцем официально служу с августа-сентября 2024 года. Я давно порывался. Семейные обстоятельства были. И мама

против, родственники тоже. Были такого мнения, что хватает, придет свое время, и пойдут все воевать. Жена была, ребенок у меня, сын, 4 года. И как-то держало это. Когда 6 августа на территорию Суджи зашли, противник зашел, я уже не выдержал и просто собрал сумку и в один день уехал и прибыл сюда. Сразу в группу «Аида». Я до этого знал этого командира, знаком был с ним. И конкретно сюда сразу к нему зашел.

Больше всего запомнилась вот эта легендарная труба. От начала до конца я ее прошел, участвовал в этой спецоперации с первого по последний день. Шесть суток шли, питались в основном водой, конфетами. Вода, хоть и в малых количествах, но была. Тяжело, конечно, морально идти было. Но именно сам коллектив, сама группа помогала — слаженность, каждый друг друга поддерживал, подбадривал. То есть на морально-волевых все это вывезли, дошли, выполнили, все сделали, сработали, как положено. И песни пели, и шутки шутили, и что только не делали.

В некоторых моментах кислорода не хватало, и сознание люди теряли. Понятно, большое скопление людей там находилось. Все равно как-то друг друга подбадривали. Пойдем, дойдешь. Кто-то и водичку давал. Ну то есть бодрили друг друга, все навеселе шли, до конечной точки дошли. Уже до конца сидели и уже ждали команды, чтобы подали команду на штурм. Все никак не могли дождаться, чтобы уже быстрей вылезти туда наверх.

Когда в трубу заходили, на улице лежал снег. А когда мы вышли из трубы, снега уже не было. А все были в таком предвкушении — это такой смешной случай. В таком предвкушении, что каждый об этом мечтал, что сейчас выйдем, снега наедимся вместо воды. А мы вышли, и снег растаял. Такая печаль была.

По плану мы в нужную лесополку двинулись определенным количеством людей на позиции, где находился противник. Противник в это время уже отступал. Наша задача была закрепиться в населенном пункте — хутор Кубаткин. Что мы и сделали — дошли, закрепились. И несколько дней ждали, пока подойдет подмога, держали оборону.

Достойно вышли, противник бежал, и стрелялись, и все было, но такого плотности огня, я имею в виду или там определенного контактного боя, прям серьезного такого не было. Сломя голову противник бежал. Когда вышли из трубы, да, и кассетные бомбы прилетали, и FPV, и «Баба-Яга» прилетела. Все это летело по нам. Даже когда с трубы вышли, ББМ выехала, и в упор по лесополке разбирала нас с пулемета. Ну ее тоже сожгли.

У меня две медали «За отвагу». Вспоминаю, в Демидовке принимал участие в бою, когда на территорию Белгородской области противник зашел. Населенный пункт Демидовка — это рядом с Поповкой, это на границе Белгородской области, где Украина находится. На второй день вторжения врага группа моя, два командира были, я находился еще тогда в составе, я был замкомандира штурмовой группы, группы «Аида», и мы выдвинулись, девять человек нас, по-моему, было, выдвинулись на территорию населенного пункта Демидовка, мы должны помочь в штурме. На улицу мы зашли, улица спортивная, в пятом доме и боец у нас погиб — «Нальчик», в упор из дома его расстреляли. Восемь бойцов сил специальных операций Кракен Украины, восемь бойцов в доме оказались, мы приняли с ними бой, контакт произошел у нас. Противник был полностью уничтожен, но наш командир получил ранение, и «Нальчика» потеряли.

В населенный пункт Демидовка зашли, в первый подвал сначала зашли. Двух человек послали на разведку, до определенного количества домов пройти. Десять домовладений, чтобы прошли, просмотрели и вернулись. Два разведчика ушли, больше часа одного не было. Рации были выключены, на радиоэфир в определенное время выходили, ну чтобы быть незамеченными. Рации были выключены. Через час вернулся разведчик, позывной «Добрый», и по его глазам, когда в подвал он зашел — он один уже зашел, без «Нальчика», — я все понял. На первый вопрос, который я ему задал, он ответил: «200». Он глазами мне показал, что да. Я говорю, как? Командир стоял, начали спрашивать все. Он говорит, в соседнем доме, пятое домовладение. По территории огорода перебегали, и с данного домовладения, с окна в упор, с автоматного огня «Нальчик» был расстрелян, убили его. Все.

Было принято решение командирами выдвигаться двумя группами. Пошла группа пять человек и четыре. У меня было четыре человека, я второй группой выходил. Со мной находились «Стрик», «Пулило» и «Сын». Первая группа выдвинулась к тому домовладению, чтобы убедиться, что там находится противник. Всякое бывает, может, и с перепугу, и свои. Убедились. Моя задача была через 12 минут после первой группы выдвинуться, как услышал стрелкотню, гранату. То есть, как штурм начался, мы должны были подойти и продолжить штурм. Прошло 12 минут. Не услышал я ни выстрела, ни разрыва гранаты. Выждал еще минуту. Также не услышал ни выстрела, ни гранаты разрыва.

Понимаешь, что-то пошло не так. Принял решение выдвинуться за ними. Выдвинулись, подходя к дому, произошла ситуация. Первая группа, когда подходила к дому, на их глазах противник двойками закатывался

в этот дом. То есть два человека находились в доме, и при них шестерка зашла. Два, два и два. И все. Только поэтому затянулась. Затянулся контакт. Ну так как мы уже подошли, растянулись по периметру дома. И все. По команде, по взрыву гранаты начали штурмовать дом. В дом нас не подпускали, кассеты начали крыть сразу. Прилетел «Мавик» противника, FPV крыли, хорошо, спасало нас, кусты там были. Растянулись вдоль дома, просто с двух сторон начали простреливать дом. Командир «Тихий» был у штурмов.

Начал перебегать на другую сторону дома. Противник его в дверной проем увидел и бронебойными патронами через стену ранил. Ранение руки получил и груди сквозное, пулевое. Ему помощь оказали, сразу он откатился. Потом FPV-дрон ударил сзади нас. Второй командир тоже получил ранение. Осколок в кисть залетел в правую руку. Стал он не в боевой готовности. Боекомплект весь отстреляли, оставили по два магазина на отход. Все. Противник сопротивление оказывать перестал. То есть, если во время контакта какая-то стрелкотня происходила встречная и противник перестал. У нас с собой находился «Шмель». Со «Шмеля» законтролили дом. В дом нам зайти законтролить не дали. Ложился 120-й миномет.

Вход в дом осуществлялся со стороны улицы Спортивная. Открытка, деревьев не было. Но не было надобности нам туда войти. Мы понимали, что 100% все. Потом наша эвакуация ходила бойца нашего тело доставать. И убедились во всем. Мы начали откатываться. И самый интересный момент, наверное, был. Когда начали откатываться, я уходил самый последний, и передо мной «Добрый» бежал. Два командира выкатились, да. И «Рыба» по улице начал откатываться. 150 метров, наверное, лесополка находилась, с которой

они закатывались. И наверное, единиц 10 автоматного оружия по нам начало работать. То есть они зашли не все. Не вступали с нами в бой, потому что мешали кусты, боялись, наверное, своих убить. И все, автоматное оружие по нам работало, но мы контакт уже принять не могли. У нас было у кого по одному, по два магазина. Мы не были готовы к такому бою, надо было зарядиться. У нас не было на это времени, забежали в подвал первый, в который закатывались изначально. За нами, наверное, секунд через сорок FPV-дрон залетел в подвал, долетел до самого низа, ударился в ноги. Подвал был полукруглым, и все здесь стояли, восемь человек.

Взрыв прям на расстоянии вот этого стола от меня залетел полностью в подвал. Мы все переглянулись, посмотрели, осмотрели себя и друг друга. Все нормально. Еще секунд 30 прошло, залетел второй туда же. Ни у кого ни одного осколка, ни контузии, ничего ни у кого не произошло. Сверху артиллерия крыла — 120-й миномет, дом уже разобрала этот, уже подвал этот начал осыпаться.

Все понимали, что те 10 лиц, которые с автоматического оружия по нам стреляли, что они сейчас пойдут за нами. Висит «Мавик», видит нас, что мы дальше подвала не ушли, то есть нас придут сейчас контролить. Вот и все. И приняли решение, что лучше выбежать и попробовать, чем просто сидеть и ждать, пока нас убьют. Выбежали, перебежали открытку. В этот момент, когда выбегали, у «Мавика» села батарея и он улетел. Артиллерия перестала крыть. У нас было секунд 30. За эти 30 секунд все в лесополку закатились. И все.

И в пешем порядке уже к ночи вернулись. Там населенный пункт Гоптаровка был. Пришли, оказали всем помощь. Все живы, здоровы. Ну вот, кроме бойца «Нальчика». Ну, наверное, ценой его жизни мы живы

все. Если бы его из дома не убили, не погиб бы он, мы бы не знали, что там находится противник, мы бы могли погибнуть все. Надо отдать этому бойцу должное. Он посмертно награжден орденом Мужества. Почитаем, помним и на все воля Божья, как говорится. Вот так.

Бывает, массированно противник сдается. Когда какой-то контакт, штурм происходит. Опорник там штурмуешь или что-то там еще. Никто до последнего патрона у них не бьется.

Командир диверсионно-разведывательной группы отряда спецназначения «Ахмат», позывной «Добряк»

Я — командир разведдиверсионной роты в спецназе «Ахмат». На срочке я служил в морской пехоте, в разведбате. Также был командиром разведдиверсионной группы. Сейчас мне 22. А тогда был 21. Военкомат не взял, «Вагнер» отказал, потому что слишком молодой для них, а в «Ахмате» мне дали добро, приезжайте, прилетайте. Я прилетел — все, меня одобрили.

Когда решил стать добровольцем, семья плакала, но сейчас гордятся. Есть друзья, кто-то мною гордится, кто-то сам тоже пошел. А кто-то говорит, зачем тебе все это надо. Когда к нам враги придут, уже поздно будет говорить.

Сейчас я в группе «Аида». Она известна своей работой, показателями, командиром. Такие командиры не ведут на убой. С такими не страшно идти. Без разведданных и без хорошего плана никуда не пойдем.

Орден Мужества мне дали за боевой выход. Вышли на прогулку, собрать разведданные, просто посмотреть обстановку. Прошли 4 километра леса, вышли уже,

получается, в зону врага. За линию соприкосновения. Мы обошли, наткнулись на блиндажи, слышали голоса. Там была зеленка, ничего не видно. Засели, час-полтора покараулили, послушали, посоветовались. И нужно было идти в дозор, то есть два человека идут в дозор, остальная группа прикрывает, чтобы посмотреть, разглядеть, как действовать. Я пошел, работал совместно с ребятами из спецназа. Мы зашли, смотрели.

У бандер в этот момент была ротация. Осмотрели. И в моменте я караулил, смотрел за ситуацией. Увидел трех людей. Задал им вопрос. Они меня не видели. Видел их я. Они не понимали. Я, допустим, поближе к себе и задал вопрос: «Кто?» Они, дескать, свои хлопцы — в ответ. И в последний момент, выходя из кустов, я вижу на груди флаг Украины. Ну и все, команда: «Валим их». Все, выполнили задачу. Оказались они грузинами. Законтролили их всех, отошли. Сразу отойти надо, потому что мы же ДРГ. Нужно зайти незаметно и выйти незаметно. Потому что, если будешь медлить, все может быстро кончиться.

Потом мы дали наводку, конечно, на радиус. И все, туда пошли кассеты. Отработали. Потому что там рядом был еще блиндаж. И было понятно по тропам, потому что их там много, что они ротируются очень часто.

Война — это что? Бей врага, перестрелки. Они не так запомнились, как была в первой командировке массовая эвакуация. На тот момент эвакуация раненых и погибших товарищей. Это была самая массовая эвакуация на моей памяти, на моей истории. Погибли в тот день 20 человек, и столько же было раненых, тяжелораненых. Страшно было смотреть на это. Война что? Она страшная. Почему? Не потому, что там ранят или убьют, правильно? Страшно смотреть на товарища, который ранен или погиб, а ты помочь ничем не можешь.

Страшно бывает, но я иду осознанно на это все. Я понимаю, что делаю. Страх у всех есть. Кто говорит, что он не боится, значит, у него психическая травма какая-то. Еще в армии мне командир роты говорил, кто не боится, тот — дурак. Паника — это самое страшное. Никогда нельзя поддаваться панике. Я просто как-то духовно держусь, понимая, что нельзя паниковать, потому что паника вызывает безумие. Когда человек паникует, он может своих ранить или убить. Поэтому я всегда контролирую себя.

Наше преимущество над врагом — это сплоченность, это любовь к Родине, самое первое. Мы друг друга уважаем, если говорить про войска. Друг друга нужно уважать, ценить. А у них такого нет. Даже возьмем пример после боя. Есть 200, есть 300. Мы все отдаем, чтобы вернуть хотя бы тело погибшего товарища. А у них такого нет. То есть на моей памяти, сколько я прошел, я всегда наблюдал, когда штурмовали. Их как лежали 200, так и лежат. У них такой борьбы за 200 нет. Я не буду обобщать, но на моей памяти только такое.

Мои боевые друзья, товарищи здесь — просто мой народ. Я по национальности не русский, но я считаю себя россиянином. Я наполовину татарин, наполовину азербайджанец. Поэтому мою страну, мою семью, я ее защищаю. Лучше я буду здесь, и они там будут спокойно жить, чем враги придут к нам, как я говорил раньше.

Командир группы снайперов отряда спецназначения «Ахмат», позывной «Атаги»

Семья сначала переживала, я никогда не участвовал до этого в боевых действиях. Но потом отнеслась положительно. У меня раньше боевого опыта не было,

но я почувствовал, что страна нуждается в помощи, и пошел.

У нас тут разные ребята, все национальности нашей страны, даже с Украины пару человек в нашем подразделении служат. То есть те, которые году в 2014-м уехали в Россию, а сейчас, во время СВО пришли добровольцами. Доброволец — это тот, который переживает за тех, которые на гражданке живут, который переживает за свою страну, это — патриот своей Родины.

Однажды запоминающий случай был, когда со стороны врага был снайпер, довольно неплохой. Чтобы его выявить, устранить, недельки две поработали. Поразили на 860 метрах из АСВК — 12,7 мм, выше меня ростом. Если снайпер с боевого задания вышел живой и здоровый, значит, он хороший снайпер, значит, умеет маскироваться. Главная маскировка — тишина, слиться с местностью. Мы обычно заходим двойками, тройками. Чтобы немножко звук подавить, там пулеметчик работает. Я в большинстве случаев с хорошим прицелом с пулеметом лежу, ребят прикрываю. Я, поскольку командир, я в основном сам ложу с пулеметом прикрываю.

Вторую награду я получил после двухнедельной командировки в Клещеевке. Я тогда служил в другой бригаде. Там проработал и потом узнал, что на награду подали.

Противник огрызается, довольно-таки серьезно огрызается. Но такого боевого духа, как у нас, у них нет. Они сопротивляются, когда сзади у них стоят заградотряды. Каждый пленный об этом говорит, что их просто закидывают на убой. Назад у них вообще дороги нет. Наоборот, они рады, что взялись в плен. Радуются, что к нам попали.

Командир разведывательно-диверсионной группы отряда спецназначения «Ахмат», позывной «Лангепас»

Я пошел добровольцем, потому что не смог остаться в стороне. Я видел видео, как во время штурма одного из дворов, выбежали гражданские люди, это мама с дочкой были, из подъезда. В этот момент снайпер врага маму в спину застрелил, она упала, и наши парни не могли подойти помочь, потому что шел перекрестный огонь. Они этой девочке кричали: «Беги к нам». А она застопорилась, то ли маме помочь, то ли к ним бежать. И в этот момент снайпер врага ребенку в голову выстрелил. Меня это очень сильно задело. Нашел контакты Грозного, набрал. Сказали, вы подходите, приезжайте. Я служил в свое время в МВД, проходил службу на Северном Кавказе. В принципе, я решил пойти воевать просто как социально ответственный человек.

Сейчас я — командир разведывательно-диверсионной группы спецназа «Ахмат». Тут люди со всей страны, разных конфессий, разных профессий. Здесь нет такого, чтобы все пришли подготовленные, все проходят перед отправкой в Чечне в Российском университете спецназа имени Владимира Владимировича Путина подготовку. И потом, когда прибывают сюда за «ленточку», еще в Луганске на полигоне их две недели готовят и потом сюда, в подразделение.

Мы, командиры, стараемся как можно чаще, когда есть свободное время, выезжать на полигон. Отрабатываем все возможные, какие могут быть, ситуации, непосредственно, чтобы каждый боец мог быть взаимозаменяем, насколько это возможно. То есть непосредственно я своих бойцов гоняю, чтобы они стреляли

со всего, могли работать со всех видов оружия. То есть были взаимозаменяемы. Если человек не умеет работать с АГС, то это уже минус. А когда человек может встать и заменить, то это большой плюс.

За штурм Северодонецка в 2022 году у меня медаль «За отвагу». Мы стояли в здании СБУ. Нашими была занята позиция перед заводом «Азот». От проходной до моей позиции метров 300—400, и мы где-то дней 12 не могли зайти на завод. И непосредственно на моем участке выезжал вражеский танк на проходную и прямой наводкой бил по моему зданию. Оно было четырехэтажное. Когда мы пошли на штурм, там от него уже осталось полтора этажа. Танк противника работал с близкого расстояния. То есть ты сначала слышишь разрыв, а потом слышишь только, как его выпустили. То есть слышишь сначала разрыв, а потом только выход. Это я впервые ощутил на себе. Потом, получается, когда уже зашли на завод, нашли его в ангаре. Артиллерия его наша ликвидировала.

А Георгиевский крест у меня за Соледар. Мы штурмовали под Соледаром поселок Владимировка. В городе одни боевые действия, а там открытка, две редкие лесополосы. И шли просто фронтом, зачищали, где было сопротивление, подавляли.

В том году я столкнулся первый раз с «Бабой-Ягой». Мы стояли как раз на посту ночью. Часа два ночи было. И звук такой мотора, и напарник говорит, блин, кто-то на мотоцикле походу едет, на кроссовом. Я говорю, да ладно, брось, в лесу будешь ночью на мотоцикле. Я говорю, нет, это что-то летит. Он говорит, да нет, нет, сейчас пойду посмотрю. И вот только он как-то подошел, и такой разрыв, хлопок, шесть 82-мм мин она скинула одновременно. Зарево, я не знаю, днем, наверное, темнее. Я тогда почувствовал, что такое дрожь с земли.

В этом же году мы зашли к противнику в тыл, в блиндаже был контакт. Они не ожидали нас увидеть, и мы их не ожидали. Но мы первые их заметили, сразу взяли на мушку. После того как третий вышел из кустов, у него на груди увидели украинский флаг, — первые двое были без опознавательных знаков. Приняли решение о ликвидации. Очень был большой блиндаж. Нам дали команду уходить, потому что если там было бы их человек 20, то мы бы не вышли бы оттуда, потому что у нас всего было шесть человек.

Сейчас мы выявляем огневые точки противника. Если есть возможность зайти с тыла у врага, то там уже диверсии организуем, минируем и обнаруживаем их минно-взрывные поля.

Мой дед всю Великую Отечественную войну защищал Украинский фронт. Он штурмовал Киев, был в плену под Харьковом у фашистов, сбежал, и всю войну он прошел. После войны остался работать в шахте. Я как взрослый человек сам принимал решение идти на службу. Если у человека сидит что-то внутри, он хочет — надо идти.

Оператор БПЛА отряда спецназначения «Ахмат», позывной «Москва»

У меня позывной «Москва», я служу в группе «Аида», в отряде БПЛА. Около двух лет моя служба уже продолжается и будет продолжаться до конца войны.

Я в Москве жил почти с самого рождения, срочку служил. Во многих сферах себя попробовал и решил пойти служить. Хотел проявить себя в боевых действиях. Когда такой случай выдался, я решился и пошел на СВО проявить себя. Проверить: смогу ли я? И я смог.

И довольно-таки на самом деле у меня хорошо все получается.

Я — оператор БПЛА. Моя цель — разведка, корректировка, сбросы, FPV. Да на самом деле поначалу FPV сложно. Я сначала смотрел на людей, которые управляют, и подумал, что это невозможно совсем. Ну, прошло около двух месяцев плотных тренировок, плотных-плотных на симуляторе и в реальности. Я уже давно могу сказать, что я вполне уверенно управляю. Вообще для меня это трудности не представляет.

На FPV мы боеприпасы и самоделки используем, и гранаты от РПГ. Сейчас используем отрезки от устройства разминирования «Горыныч». Он выбрасывает шнур, и тот взрывается на определенную дистанцию. Вот мы этот шнур забрали. Это просто шнур с тротилом. Просто мы привязываем к нему взрыватель и вот такими вот отрезками отправляем к нашим «друзьям». Еще как хлопает, дай Боже. Ну еще мы запихиваем в него, скотчем обматываем, запихиваем туда гвоздики, монетки и прочие поражающие элементы, которые... будут досаждать сильно.

Лучше всего запоминаются ситуации, когда ты уже на грани жизни и смерти, такие вот случаи вспоминаются. На самом деле очень много было ситуаций, но в целом были такие моменты, когда нас обстреливали очень плотно.

Сами мы отрабатывали довольно-таки такие хитрые моменты. Например, я замечал лодку. У нас был такой участок болота, где речка есть. Наши противники плавают на лодке по разным задачам. И вот я нацелил наши пушки, высчитывал время, когда снаряд подлетит к этому моменту. Мы же пристрелялись к определенному участку. И вот довольно-таки удачно, почти с первого выстрела, мы поразили осколками эту лодку.

Украинцы спрыгнули, но видно было, что некоторые были 200. Так и остались плавать там. Вот такой вот случай именно правильного подсчета времени, подсчета направления.

Ну и запомнилось, конечно, когда себя обстреливают минометом, ты сидишь там в окопе, трясешься от взрывов, когда только-только первые разы. Потом уже становится как-то все равно. Если убьет, так убьет. Вот такая вот философия. Как бы уже не трясешься так сильно. Идешь, конечно, в укрытие, ты не будешь там наверху сидеть и ждать своей смерти. Просто делаешь все довольно-таки уже хладнокровно. Уже привык к этим всем взрывам, как-то... Уши уже не так сильно настроены, само внимание на это уже не так сильно настроено. Да, ты реагируешь, но как бы лишний раз не пригинаешься, когда там слышишь где-нибудь взрыв, как это было в первый раз, когда ты приходишь, там мина летит вокруг, над тобой, ты пригинаешься, ждешь, а сейчас уже ты высчитываешь, понимаешь примерно, куда она летит, и уже как бы, ладно, летит, прилетит, но она не в тебя летит. Ты уже последствия знаешь, где она, куда она примерно прилетит. Это само собой настраивается, когда ты долго слушаешь это. Страшно, всегда страшно. Но интересно же побыть на передке, чтобы пострелять самому, чтобы в тебя постреляли. Это закаляет немножко. Просто нужно частенько туда выбираться, и страх как бы сам регулируется.

Люди врываются в эту работу. Я уже в профессиональном плане хочу себя проявить намного больше. Мне нужен именно результат. И он получается. И я рад этому всему.

Местные жители относятся к нам довольно-таки хорошо. Даже если ходишь на рынки или там где-нибудь в местах скопления людей, никогда не слышно таких

разговоров, что они как-то оскорбляют нас. Просто все рады тому, что мы пришли. А наверное, все, кто не рады, они уехали. Я так думаю.

Когда я пошел в добровольцы, родители, отец понял сразу, отнесся хорошо. Матушка сначала немножко там поволновалась, потом говорит, да, надо, надо, я горжусь тобой, то, что ты пошел туда. Все знакомые, которые знают меня, тоже с уважением относятся.

Штурмовик отряда спецназначения «Ахмат», позывной «Щербак»

Мы выходили из окружения, когда полностью отрезаны были у нас пути обеспечения. Я понимал, куда я иду, что это война, что всякое может быть. Но предполагалось, что не будет так все затруднено и выход будет какой-то раньше. К нам уже даже пешком один-два человека не могли пройти. Из трех человек если доходил один, то это была радость. Полностью была вся дорога перекрыта, все пути, участки, подходы к нам были отрезаны. И даже не то что с БК и с сумкой, пустой человек не мог пробежать быстро налегке, потому что там просто контролировалось все и днем и ночью. У ВСУ артиллерия, камикадзе, все, чем можно, они туда работали. Все было перекрыто.

У противника — четыре танка, что-то в районе пяти БМП и до 50 человек пехоты. Вовремя наш оператор это все засек, доложили наверх и отработали. Наша артиллерия, «Грады» пресекли это все на ранней стадии.

Но ВСУ в напряжении постоянно пытались нас держать. Какие-то позиции пытаться отбить, которые находятся рядом друг с другом. Но мы и были для того, чтобы не допустить этого.

Командование «Ахмата» постоянно подбадривало, говорило слова мотивации, поддержки. Мы понимали, что они пытаются решить эту проблему. Командование все, что могло, делало, постоянно держало с нами связь, подключали все свои ресурсы. Нам дронами доставляли тушенку, воду. Мы были рады одной банке тушенки на десять человек. Бывало, одну в день, и кормовая пшеница. Нашли бочку, из бочки пшено высыпалось. И ребята подсобрали. И когда совсем нечего было есть, мы там как-то отваривали это пшено. Мы пытались там жарить, сушить. Перебивали аппетит, так скажем.

Украинские позиции до 100 метров были. Ну 100 метров — это нормально. Прорывались они — это как бы рабочий момент — каждый день. Примерно даже в одно и то же время — в 4—5 утра. Они каждый раз пытались, обстреливали позицию. С гранатометом, с пулеметом, пытались проверить, где-то пехота их пыталась толкнуться, но, если все вовремя их заметили, наши сразу ребята из «Ахмата» тоже давали отпор и держали.

У меня был костяк — взвод, с которым мы уже ни одну командировку и на разных этапах были. И это, наверное, помогало держаться, не падать духом, подбадривать ребят. Были моменты, когда мы поняли, что будем там до конца, что это наша работа. Сдать позицию — такого вообще даже в мыслях не было. Такую мысль даже в голове не держали.

Был такой момент, что с беспилотника ВСУ скидывают такие купюры, типа пятитысячных, и на них написаны номера, ссылки мессенджеров, как правильно сдаться. Типа сдавайся, москаль. Такие глупые, да? Ну мы смеялись.

Украинцы использовали газ. Выкуривали, так скажем, этим газом. У нас там был один проход, союз-

ники через него пытались зайти. Скинули украинцы туда газ, там погибли наши. На них не было никаких проникающих ран. Именно был газ. Они отработали химическим оружием.

К нам тоже химию вечером скинула «Баба-Яга» под проход в наше подвальное помещение. Резко начало щипать в глазах, дыхание перекрыто. Противогаз был рядом, я сразу его надел. Пришлось провести в нем до 7 утра, невозможно было его снять. То есть только снимаешь маску, сразу резь в глазах. Ну ничего, провели ночь нормально, легкие подустали, конечно. Главное, что живы-здоровы.

Сейчас у парней, наверное, новая жизнь у всех. Дорога, по которой выходили мы, назвали «дорога смерти». Там очень много погибло ребят. И выйти из нее 50 на 50. Четверо идут, двое уходят. Это статистика. Пройти там даже одному сложно. Не то что группой. Это уже, говорят, уже герой, если прошел.

ВСУ не брезговали ничем. Сразу подрабатывали. Только движение какое-то, туда все летело, все, что можно. Там дистанция 4,5 километра. И на каждой дистанции камикадзе, миномет, АГС, кассетные боеприпасы. Они клали всю эту дорогу и в любом моменте могли подловить. У них дежурные прострелы, даже бывало такое, что у нас там двое суток никто вообще не пытается прийти, а они туда стреляют, постоянно набрасывают, дают понять, что они, ну, держат под контролем полностью дорогу.

Мы выходили втроем. На самом выходе из населенного пункта за нами начались атаки БПЛА. Сначала сбросы, как рассвело, прилетели «Мавики» со сбросами. Мы спрятались за одной плитой бетонной, туда они нас в течение четырех часов отрабатывали. Миномет клал там в районе десяти метров,

БПЛА прилетал, сбрасывал прямо на эту плиту. Потом в эту плиту еще улетел FPV-камикадзе, нас завалило. Благо один парень остался снаружи, он нас потом разгреб. Но мы понимали, что они нам отсюда просто так не дадут уйти, что надо идти либо они нас здесь оставят. Вырвались. Потом еще накидали нам на тропинку мин. Они это место заминировали, в районе восьми мин там было, когда мы туда подошли. Над нами летит сбросник с гранатой, мы слышим звук, и открытая местность, и все вокруг у тебя в минах. Мы пытались разминировать это все гранатами, на ходу быстро, двое стреляли по этой «птичке», вот мы стояли, один кидал гранату. Не помогло, зацепило одного парня сильно.

Помощнику взвода оторвало руку, перелом ноги, открытый перелом и осколочные мелкие по всему телу. Мы его полностью эвакуировали вдвоем со своим товарищем по очереди. Он не мог даже стоять на ногах. Эвакуация была затруднена, у нас не было никаких подручных средств. Я его перебинтовал, но он не мог на обе ноги никак не встать. Наложили из палок ему швов, обмотали все свои аптечки и вытащили. Он просто на спину облокачивался, а мы на карачках ползли по чуть-чуть всю эту дистанцию. Это очень много времени заняло, потом на встречу выдвинулись, слава Богу, ребята, помогли его эвакуировать, требовалась эвакуация немедленно. Ну и мы еще были, как сказать, глушеные, слабые, обезвоженные. Сложный это был путь, оставил воспоминания на всю жизнь.

Сейчас в «Ахмате» помогают хорошо. Медицинскую помощь все оказывают. Капельницы делают, восстанавливают здоровье, кормят. Внимание к нам здесь сфокусировано хорошо. В отпуск скоро, домой. Потом снова служить, у меня же контракт.

Член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, стрелок отряда спецназначения «Ахмат», Александр Александрович Малькевич, позывной «Лектор»

С 2022 года я работал в зоне СВО, решал задачи прежде всего военно-гражданских администраций в Харьковской, Запорожской, Херсонской областях. И как журналист работал, и как военкор, и как волонтер, и как организатор гуманитарных миссий. И на правом берегу Днепра работал, был в Изюме, в Купянске. Знаю о расправах ВСУ в отношении наших людей, когда ВСУ вошли в Купянск. Когда мы эвакуировали людей под Херсоном и нас расстреливали «Хаймарсами», были погибшие и много раненых. Указом президента я награжден орденом Мужества за спасение людей из колонны, которая выезжала. За три с половиной года столько всего увидел, столько всего впитал, что решение подписать контракт стало логичным шагом в моей жизни.

Сейчас я рядовой, но у меня два высших образования, я — кандидат наук, доцент, знаю, что есть возможность пройти переподготовку и претендовать на офицерское звание. Вот это направление работы мне сейчас, безусловно, интересно.

Спецназ «Ахмат» — это такая мини-модель России, или Россия в миниатюре, потому что в нем люди разных национальностей, люди разных конфессий, из разных регионов страны служат вместе, сражаются вместе. В отряде «Гюнтера», по-моему, представлено 40 или 45 регионов нашей страны. В штурмовом отряде «Горца» все конфессии вообще. Есть буддисты из Калмыкии, мусульмане, представители Северного

Кавказа, православные, есть еврей с позывным «Изя», у него даже шапочка есть, есть даже католик. И все эти ребята сражаются в дружбе, в согласии. Хорошо, что по вооружению, по обмундированию в спецназе «Ахмат» все есть. Когда я из Гудермеса выдвигался, военном бортом летели, просто еле дотащил эти сумки с вещами, которые нам там выдавали, полностью под ключ экипировав.

Что мне приятно, что у нас много бойцов, которые могут с юмором, с иронией относиться к себе и к окружающей обстановке. Это большой плюс у наших ребят спецназа «Ахмат». Что они к себе относятся легко, будучи героями, они это не выпячивают, а способны и над самими собой пошутить.

У нас есть боец с позывным «Черновик», военный связист. Он с таким юмором рассказывал о том, как в 2024 году в Курской области еле выжил, попав под страшный обстрел кассетами, когда налаживал связь. Он вспоминал, как его везли в машине, тяжелого 300-го, и он всю дорогу минут 30—40 пел одну и ту же песню «Как хочется жить». И с юмором рассказывал, что, когда его готовили к операции и он очнулся, видит, женщина-врач штаны тактические хочет разрезать, штаны новые, он их второй раз только надел, и говорит: «Доктор, не надо резать, снимите и отдайте ребятам». Вколола ему что-то и разрезала их, конечно. Здесь ребята, которые с юмором рассказывают, чтобы скрасить реальную драму, в которой они оказались.

У одного молодого парня с позывным «Паук» семь детей от одной жены. Он детдомовский, она детдомовская, познакомились в детдоме. Он — кавалер медали «За отвагу» за бои под Авдеевкой, где был ранен. Брат его там погиб. А все равно рассказывает истории веселые о том, как ходил с товарищем за ягодами и как

их атаковали осы, причем с таким жужжанием, что сначала товарищ принял их за дроны, они там нырнули в кусты, а в итоге эти осы им под бронежилеты залетели и их покусали.

Шамиль из отряда Гюнтера с позывным «Суетолог», аварец — героический парень, у него вся грудь в наградах, ранений не счесть. Но при этом он не любит об этом говорить, а рассказывает о чем-то веселом. Мчится скоростью 160, слушает веселую музыку, часами может о дагестанской кухне говорить. У ребят — ранения, награды, сложнейшие ситуации, потери товарищей, но при этом они любят шутить.

Меня очень впечатлил боец с позывным «Шелл». Ему 56 лет, он — учитель из Курска, школьный учитель у которого терпение лопнуло и он встал на защиту родной земли. Перед этим сына своего отправил в армию, жена двух своих мужчин проводила, торт испекла, горда тем, что вот такие у нее мужчины.

Что касается киевского режима — это абсолютно нацистский террористический режим. Я знаю, на что они способны, и понимаю, что накал их террористический будет только возрастать.

Снайпер отряда спецназначения «Ахмат», позывной «Лыба»

Я служу в диверсионной группе спецназа «Ахмат», снайпер. Почему пошел служить? Такой вопрос риторический, почему я пошел добровольцем. У меня ребенок подрастающий. Пошел для того, чтобы через несколько лет он не пошел. Надо этот вопрос закрывать сейчас. Не завтра, не послезавтра. Не передавать следующим поколениям. Только для этого. Семья поняла, приняла.

Мое решение. Сели с семьей, поговорили. Объяснил свою мотивацию. Все кивнули, перекрестили. Сказали, мы тебя ждем.

В гражданской жизни я — руководитель небольшой подмосковной строительной компании. Благо есть компаньон, на которого можно было оставить. У меня были срочная служба в армейском спецназе и контракт. Но это в молодые годы.

Добровольцы — крайне мотивированные люди, все разные. От молодого поколения мотивированные, уже понимают, куда они едут. И мы чуть постарше, те, кто помнит времена СССР... Тех, у кого еще свежие воспоминания от разговоров с отцами, с дедами. Но все мотивированные и готовые люди к выполнению задач, которые перед нами здесь ставятся. Часто за столом, в кругу сидим, разговариваем. У нас здесь настолько перемешанный контингент по возрастным критериям. Все очень интересно рассказывают свои истории. И у каждого жизнь разная. Нельзя наложить как шаблон, сказать, добровольцы-то такой, такой, такой. Все разные. Но все понимают, для чего они здесь и какие цели и задачи выполняют.

Молодежь отличается физической подготовкой. А морально-психологическую мы, те, кто постарше, с ними проводим.

А винтовка у меня трофейная — AR-10, 7,62 на 51. Украинский наемник — поляк решил передать нам ее в дальнейшее пользование, чем мы до сих пор и занимаемся, благодарим, готовы принимать в дар в дальнейшем такие трофеи. У него шевроны были на польском. Штурм этот был под Донецком, со стороны с юга Донецка под Докучаевском, в сторону Новомихайловки. Ноябрь 22-го, удачный штурм. Поляк лежал грустно. Мы перед заходом в штурм ясно слышали в эфире

их отличительную особенность — курва, курва, курва. Плюс шевроны, польский флаг на левом плече. Ну вот я и решил, что это был именно поляк.

Противника недооценивать нельзя. На той стороне такие же люди, как и мы есть. Все, кто завербован с коллективного Запада так называемого, они на передке не стоят, как правило. И при наших накатах они уходят первыми. Их берегут. Мы до них дотягиваемся. Рядовой состав, который сейчас бросает, у них, конечно, дух начинает падать, потому что мы поддавливаемся со всех сторон.

Подготовленные части и наемники на самом передке никогда не стоят. Они стоят на второй, на третьей линиях, чтобы ими затыкать места наших прорывов. А на самом передке элитные подразделения никогда не стоят. Поэтому сам перед не всегда интересен, интересен чуть поглубже. Мы встречаемся обычно с передовыми частями, в самой первой линии. Наемники сзади, когда успевают залетать, если мы уже держим позиции, у них нет вариантов, нет шансов, и бегут они первее, чем обычный рядовой состав, который схватили на улице и привезли. У наемников есть подготовка, но духа нет, нет у них мотивации.

После ВСУ шприцы и таблетки всегда после них остаются. Как-то украинский военный сам к нам пришел. Он просто перепутал направление. Мы были с противником в одном окопе. Мы его захватывали, половину захватили, остановились на ночь. Он сутки был в неадекватном состоянии, он не понимал, что происходит. А на второй день, когда отошел, у него в глазах был ужас, когда он понял. Они все по-русски начинают разговаривать. Как только горячо становится, все начинают по-русски сразу разговаривать. Никто не просит никаких поляниц. Сдаются ВСУ, конечно.

В первой командировке в принципе, чтобы сами сдавались, я не видел. А сейчас идут. Это говорит о подготовке людей, потому что многих выдернули, поймали силой, скрутили. ВСУ уже сами не хотят. Они же хотят, чтобы все наладилось, обычные жизни, а их заставили. Первые волны людей на той стороне были именно мотивированные... Промыты пропагандой. Все мы помним те времена, когда они отказывались от русского языка и переписывали историю. Все прекрасно мы это помним. Когда в середине 2000-х, помню, я впервые увидел по телевизору, что у них какие-то лагеря детские проводятся. Им так мозги промывали. Для меня это было дико и непонятно почему. Сейчас я понимаю. Но основную эту часть, потому что первые несколько волн мобилизации, мы их уже перемололи. А кто сейчас приходит? Мужики. Мужиков с огородов забрали, с остановок похватали, с заводов вытянули и сюда. А какие они бойцы, ну?

Штурмовик отряда спецназначения «Ахмат», позывной «Ярый»

Я, как и многие другие, тоже был в окружении. Похудел, как в фитнес-клубе. Ели, дай Бог, один раз в день. Нашли пшеницу. Делили одни консервы на восемь человек. Со мной были мои боевые товарищи. Я знал, куда иду. Знаю моральный дух, характер, знаю, что нужен Родине. Стараюсь подтянуть пока что силы, чтобы, когда какая-то боевая задача, чтобы силы были подорваться.

На позиции наши шли атаки украинские. Запомнилось очень-очень много дронов, и «Баба-Яга», и сбросов много, бесконечно минометы работают, АГС. Не дай

Бог, тебя заметили, в тебя все летит что есть. Бывает, пробежишь, а бывает, и полдня 10 метров проходишь. Но приходилось рисковать.

Когда в подвале сидели, вдруг крикнули: «газы», и я явно почувствовал. Первое, что почувствовал, глаза начало резать. Потом сопли, как от слезоточивого газа. Потом задыхаешься. Кашель, дыхание тяжкое. Головокружение, температура. Находишь противогаз, надеваешь, держишься. Часов 12 мы сидели в противогазах.

Командир группы прикрытия отряда спецназначения «Ахмат», позывной «Астрахань»

Я — командир группы прикрытия, то есть занимаюсь минометными расчетами, вот появился у нас еще «Василек». Обеспечиваем прикрытие нашей пехоты и подавление пехоты ВСУ, разбираем блиндажи их, производим уничтожение их групп, которые пытаются прорваться на территории Кременной и лесничества.

У нас есть и группа БПЛА, которая корректирует огонь, проводит разведку по обнаружению, выявлению противника, места их расположения. Сейчас в этой войне без БПЛА ничего невозможно. Мы предупреждаем соседей, что мы взлетели, что «птичка» наша полетела, они предупреждают, чтобы не уничтожить свои, не сбить свои «птички». С соседями у нас поддерживаются связи и по радиостанции, и по телефону полевому — тапику.

ВСУ — сильный противник, есть у них и европейские наемники. Мы неоднократно сталкивались с наемниками — с поляками, французами, англичанами, американцами. Под Кременной были и грузины. А в 2022 году,

летом мы разбивали наемников. Я еще в тот момент был штурмовиком. На тот момент уже много было наемников. И поляки, и англичане, французские легионеры. Их мы выбивали замечательно, они бежали. Боялись «Ахмата», они нас называли всегда орки. Опять орки, говорит, наступают. У них были сильные воины, но не сдюжили.

В добровольцы идут от молодых и до взрослых, все национальности — русские, чеченцы, казахи, татары, молдаваны, якуты,тувинцы. Со всей России, даже прибалты, которые получили российское гражданство, есть, даже заходил чернокожий с нами. Мама у него русская, отец из Нигерии. Они жили там в Африке, а он пошел добровольцем в «Ахмат» и показал себя тоже очень хорошо. У нас задней нет, все только вперед. Идет очень много добровольцев, именно молодежи, хотят доказать свою правоту, что неправильная война со стороны Украины. Идут, не боятся идти воевать.

Я в детстве смотрел фильмы про Великую Отечественную, у меня и дед здесь в 3-м Украинском воевал. Я пошел воевать потому, что была несправедливость, гибель гражданских людей по вине Украины, нацики их были недобитые. Моя задача — исполнить свой долг, защищать интересы нашей страны, защищать своих близких, которые, сидя дома, ждут, чтобы вот эта нечисть не попала к нам в Россию.

При освобождении Луганской Народной Республики мы разбивали украинские диверсионные группы. В тот момент они всегда ходили в черной одежде, бронежилеты, одежда, все в черном. В этой группе находились вот как раз таки все иностранцы. Мы слышим, приезжает «Урал» и БМП. Находились они буквально метров 10—15 от нас. Улица и дом. Мы в доме находились, а они все в черной одежде. Они выгружаются

с «Урала» — их там 15 человек было, выгружают БК, еду. Мы сначала даже шокированы были. Потом взял гранатомет, автомат, открыл дверь. Произвел сразу три выстрела из гранатомета, у меня заряжающий был — «Чара» позывной, он заряжал, я производил выстрел. Потом начали принимать бой на стрелковом. Мы вдвоем положили девять человек, и остальные начали убегать. Потом по документам поняли, что это все иностранцы. Французы, англичане, поляки, американцы даже.

А когда были под Харьковом, то попали в засаду. Попали именно под поляков. Мы там понесли потери, за два дня у нас семнадцать трехсотых. На следующий день после засады мы сами уже организовали группу, дождались и ликвидировали поляков, включая командира их разведгруппы. Рыжая борода. На русском очень хорошо разговаривали, то есть по рации они разговаривали все на русском, но с акцентом польским.

А однажды под Белогоровкой я был с минометным расчетом 120-м. Взаимодействие на выстрел осуществлял наш с позывным «Урал». Одно попадание, и все шестнадцать противников — двести. Они на тот момент еще ходили открыто. В связи с нашими бплашниками обнаружили, быстро навелись, произвели выстрел, и все.

У нас в отряде все добровольцы. Много подвигов у парней. А страх — это инстинкт выживания, не будешь бояться — это очень плохо. Бояться нужно. Страх — это нормально. Бороться с ним не нужно, просто его держать надо под контролем и правильно управлять страхом.

«Ахмат» — это всегда помощь гражданскому населению. Вывезти, привезти продукты. Было много случаев, когда раненых выносили, именно гражданских. Очень хорошо к нам относятся, и мы к ним тоже замечательно. Многие же остались, не бросили своих

домов, откуда им была бы помощь в боевых действиях? Даже посещаешь места, где прошли бои и посещаешь гражданских. Они помнят, знают и относятся до сих пор очень хорошо, встречают, приглашают на чай. Ездишь, встречаешь, тоже помогаешь им, все равно людям тяжело, представьте, люди всю жизнь работали. Пытались, уйдя на пенсию, жить и получать удовольствие. Но пришла война. Тяжело людям, пытаемся помочь.

Оператор БПЛА отряда спецназначения «Ахмат», позывной «Амбал»

Мы — операторы, расчет FPV-камикадзе. Смотрим на карте, где цель, складки местности, высота, выставляем всю аппаратуру, антенны, чтобы все было успешно, и уничтожаем противника. Заряды от РПГ переделываем, набиваем поражающим элементом, добавляем пластид, взрывчатых веществ. Чтобы усовершенствовать. Пластид — как бы основная вещь для пехоты. Блиндажи противника хорошо разлетаются. Мастерим поражающие элементы.

Одно из первых боевых заданий — только мы приехали в 2022 году, буквально уже через несколько дней собрали группу идти на разведку. Шли, шли, и в какой-то момент я голову отвернул, поворачиваю. А там уже наши парни по блиндажу противника работают. Там ребята опытные были, с кем шли. Отработали из РПГ и «Шмеля» по противнику, они оттуда стали выползать. Начался бой, стрелковка, буквально минут 15 мы стрелялись. И потом было принято решение отойти к себе на позиции. Все вышли. Все целы.

Помню наблюдательный пункт у нас был, дежурили. Мы только собрались — зима, холодно — пришли

чаю попить. Только согрели, только начали пить, и тут вражеский танк начал по нам работать. Он пять часов не давал нам вообще голову поднять. Я пытался в перерывах кружку взять, но все безуспешно. Но ничего, потом наша артиллерия вычислила, откуда он работал. И его подавили огнем — стрельба перестала идти, а чай потом подогрели.

Местные здесь хорошо улыбаются, здороваются, отзывчиво. А в другом месте они даже голову отворачивали — их ВСУ запугали: «Будете помогать русским, ВСУ вернется, будет вам еще хуже». Но сейчас уже не так давно мы в тех краях бывали, мы уже все хорошие люди для них.

У ВСУ люди, загнанные силой, сдаются в плен. Потому что воевать они не хотят. Их гонят просто сюда на убой.

А наши добровольцы — это те, кто пришел сюда по зову сердца. Кого не заставляли, не тянули сюда, которые поняли, что надо Родину защищать. Я долго собирался. Потом у меня друг пошел, тоже сам добровольцем. Я его проводил и через буквально три дня я уже тоже уехал вслед за ним. И там мы уже на полигоне встретились.

Стрелок отряда спецназначения «Ахмат», позывной «Батыр»

Мне 23 года, позывной у меня «Батыр», я сам из Якутии. У меня тут служат двое старших братьев, недалеко. Я за ними пошел. Подготовку я проходил в Российском университете спецназа в Гудермесе. Там я подготовку проходил 10 дней. Там боевая тактика, огневая тактика, медицина, тактическая тактика. Все на высшем уровне.

Когда прилеты близко были, первое время было страшно. Потом уже привыкаешь. Уже знаешь, куда летит, куда пролетел примерно, где вылет. Все боятся, просто надо привыкать к этому, и все уже как-то оно отходит. А добровольцы — это люди, которые по своему зову сердца приехали сюда и защищают Родину.

Командир взвода отряда спецназначения «Ахмат», позывной «Джексон»

Наш взвод наблюдает за расположением противника, передвижением его транспортных средств, передвижением противника. Где и откуда — пытаемся выявить выходы минометов, артиллерии либо передвижения тяжелой техники. Наводим артиллерию, работаем БПЛА.

Были у меня и штурма, и разведки, и диверсии. Был и прилет по месту дислокации — два трехсотых у меня были, но все живы остались.

А на гражданке я был и грузчиком, и водителем, и дальнобойщиком, и охранником. В основном последние лет шесть лет на дальнобое работал. Своя техника была.

К нам в отряд идут хорошие люди, хорошие парни. Сюда не идут, которые прячутся, убегают из страны и так далее. Идут нормальные ребята.

Мы ходили на опорные пункты противника, штурмовали. Мы залетаем, быстренько ведем свою работу и уходим. У нас были задачи пройти по линии фронта, например, от одного квадрата в другой квадрат, чтобы разведать, где позиции, где окапываются противники, где, какая техника находится. По возможности либо взять языка, либо уничтожить противника. Как-то

с поляками столкнулись — была стычка, перестрелка. У нас группа была пять человек, а на нас вышли 15 человек польских наемников.

А ВСУ колятся много. Мы находили все это дело в их окопах.

Врач медицинской роты отряда спецназначения «Ахмат», позывной «Тореро»

Судя по дополнительным анализам, против поступивших ко мне бойцов украинцы применяли отравляющее вещество с раздражающим эффектом и плюс практически у всех есть явление реактивного гепатита, явления выраженного пневмонита, асептическое воспаление легких. Один из бойцов пострадал очень тяжело, то есть кроме токсического гепатита и пневмонита у него еще присоединилась токсическая нефропатия.

При большой концентрации, то есть при невозможности провести адекватную оксидинацию — адекватное дыхание, высока вероятность отека легких в острой фазе с дальнейшим, соответственно, летальным исходом. Можно сказать, что нашим ребятам повезло.

Командир взвода отряда спецназначения «Ахмат», позывной «Абрек»

Мне 21 год, приехал я из Ростова-на-Дону, сейчас в «Ахмате» занимаюсь антидроновой борьбой. А позывной «Абрек» мне дал еще дедушка, он меня в детстве называл Абрек, поэтому я взял такой позывной. У меня уже второй контракт пошел.

Пошел я в СВО, потому что чувствую, что здесь сейчас должен находиться. Так как идет война — я должен выполнить свой мужской долг. Мне уже исполнилось 21 — пора отдать долг Родине. Поэтому я сейчас здесь нахожусь и буду стараться выполнять все боевые задачи, поставленные моим командиром.

Никакой подготовки у меня раньше не было. Я не служил в армии, но как пошел добровольцем в Гудермесе, многому научили. Я прошел базу Русского университета спецназа, у нас была подготовка и в Луганске. Я проходил подготовку у хороших, сильных бойцов, у «Вагнеров» и «Ахмата». Все бойцы проходят хорошую подготовку. Главное, что хорошие инструкторы, это просто замечательно, которые реально передают свой опыт, который они получили в боевых действиях.

Когда прилетают дроны противника, мы понимаем это, слышим по ПВО, слышим по их звуку, видим их и сразу же отрабатываем по цели. Недавно был такой случай, когда мы на посту отработали по цели, хорошо сбили дрон, в батарею попали и принесли целый дрон командиру. Дрон со сбросом. ВОГ у него был. Теперь можно использовать уже в своем подразделении.

За последнее время с коллегами 6—7 дронов мы сбили. Где-то два из них остались целы, остальные взорвались. То есть мы постоянно сбиваем, хорошо выполняем работу. Учились стрелять и хорошо стрелять научились.

Идти добровольцем — это правильный выбор. Всему обучают, всему научат и начнешь уже выполнять серьезную работу в плане боевых действий. Добровольцы, я считаю, это люди, во-первых, которые сами решили пойти. Это не те, которых привели сюда. Это человек, который сам выбрал уже этот путь, и он идет сюда, чтобы выполнять задачи. Доброволец, он более

активный, он везде активный, потому что ему это нравится. Он здесь находится, потому что понимает, что надо отдать долг Родине. Вот так.

Заместитель командира взвода наблюдения отряда спецназначения «Ахмат», позывной «Костыль»

Пошел служить — не мог сидеть дома, смотреть на это все, что происходит, поэтому записался в добровольцы и пошел. Я работал на железной дороге, был под броней, снял броню и записался. Я, соответственно, поехал в военкомат, снял эту бронь. На работе все были в шоке, сказали: «Куда ты едешь?» Дома тоже были в шоке, жена плакала. Ну потом потихонечку все привыкли, поняли, что это благое дело, что это надо выполнять. Дома — дети, двое детей. Маленькому три с половиной.

Помню боевой выход, когда я попал первый раз на СВО, это было спустя три дня. Поступила задача расследовать два квадрата, и мы попали под минометный обстрел. То есть забежали и ждали, когда он прекратится. Тогда «птичек» было мало, коптеров, то есть артиллерию никто не наводил. Слышим звук вертолета. И я такой радостный, зная то, что небо в целом наше. Говорю, вот сейчас она, то есть этот миномет успокоит. Ну в итоге получилось так, что эта украинская вертушка отработала по нам. Они там тоже люди, видимо, на опыте. Взлетала, отрабатывала, тут же садилась, ПВО ее не засекла. Потом мы нашли ее, и она уничтожена была. После этого жизнь поспокойнее стала.

Штурмовали несколько дней как-то здесь, в Серебрянском лесничестве. Тоже на начало моей службы,

месяца, наверное, уже я три тогда прослужил. Получилось так, что нас всех к вечеру ближе подняли. Все сказали брать с собой. Чем больше патронов БК, тем лучше. То есть мы по максимуму вышли, ночью зашли, и с утра мы начали штурмовать. На этой позиции тоже там оказалось очень весело. Противника оказалось в разы больше, чем по предварительным данным. Вот мы три дня их штурмовали. Противников свыше 50 было, плюс у них был танк и БМП. А мы были все налегке. На второй день половина уже с температурой была, спали в спина к спине в окопах. Но задача была выполнена, ВСУ выбили. А техника их отъехала в первый же день.

А так у нас много историй с юмором. Но у нас немножко, мне кажется, юмор на фронте другой. То есть для кого-то он будет ужасный, а для нас он будет смешной. Однажды приезжала гуманитарка, с ними как-то разговаривали, общались, и мы шутим, а они не понимают эту шутку. А для нас это хорошая шутка. Мы стоим — хи-хи-ха-ха, а гуманитарщик стоит в стопоре и не понимает, почему мы так спокойно к этому относимся. Ты относишься попроще немножко уже ко многому. Просто потому, что задачу надо выполнять и ты не будешь тормозиться на каждого.

На войне доля секунды, бывает, все решает. Не надо зацикливаться. Бывают люди, которые поначалу становятся в ступор. Когда здесь в реале, когда тебе в голову летят пули, некоторые немножко теряются. Не знают, за что хвататься. Ну, страшно. Я не видел ни одного такого человека, которому не было страшно. Всем страшно. Каждое задание тоже страшно. Со страхом бороться или преодолевать — это со временем придет. Тут у каждого человека по-разному, это зависит от человека. У меня со страхом было попроще, потому что

я проходил срочную службу. Был небольшой опыт, и мне как-то было попроще. Но война, конечно, совсем отличается от того, что было там. Здесь есть противник, которого тоже надо уважать. Встречался противник польский, не знаю, там спецназ не спецназ, но они вот грамотно шли. Мы их засекли, открыли по ним огонь, и у них грамотно выскочили два снайпера, открыли огонь.

А местные жители тут разные. Кто-то к нам хорошо, а есть и те, кто сдает координаты, передают врагу. У нас был сосед, дед с бабушкой, он всегда ждал нас. Он был за нас, и, когда нам по хозяйству прилетели ракеты, стену разбило и все осколки в основном ушли в их двор, они были во дворе и погибли. Дед не дождался, когда мы победим.

Добровольцы — это те люди, которые, видимо, вот как я, не могли сидеть дома, смотреть на это все, записались и добровольно сами пошли отстаивать интересы России. Это Луганская, Донецкая Народные Республики. Сколько смертей было! Что они выдержали за вот эти вот восемь лет! Добровольцы — это люди, которые хотят помочь чем-то. Мы стали одной большой семьей.

СВИДЕТЕЛЬСТВА МИРНЫХ ГРАЖДАН (ДОНЕЦКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА)

Александр Николаевич Тищенко, заместитель главного врача городской больницы № 2 г. Горловка, ДНР

После того как мы стали частью России, мы почувствовали, что мы единый народ, мы вместе с русским народом, мы есть русский народ, мы вернулись, так сказать, в свою гавань.

И конечно же, большая разница с тем, что было при Украине. Потому что было тяжело при ней. Как только я пришел на работу сюда после интернатуры, меня первое возмутило, что в больнице при Украине практически не было медикаментов от слова «совсем». Приходилось обращаться к родственникам, пациентам, которые поступали, с просьбой приобрести шприцы, системы, антибиотики, обезболивающие, перевязочный материал. Объяснять им ситуацию, что в больнице ничего нет. А в тех ситуациях, когда привозили пациентов, у которых нет ни родственников, ни денег, приходилось брать свой кошелек, идти в аптеку и покупать то, что необходимо для оказания экстренной помощи.

После того как мы стали Российской Федерацией, нам оказывается большая помощь. К нам сюда приезжают доктора, наши коллеги, товарищи из разных областей России. В частности, нам помогает Кемеровская область, с нами работают доктора, которые сюда приезжают в командировку, консультируют, чем-то помогают, что-то нам новое рассказывают, показывают, учат.

Нам помощь оказывает Москва. При Украине этого тоже не было. Даже речь не могла идти о том, чтобы из Киевской области к нам кто-то приедет в помощь.

Сейчас мы проводим консультации пациентов с системой телемедицины. Мы предоставляем данные по пациентам и получаем объемную консультацию с рекомендациями по ведению больных. В консультациях участвуют и российские профессора, и кандидаты наук. Иногда решаются вопросы перевода пациента в другие регионы Российской Федерации.

Юлия Владимировна Кривцова, педагог-психолог, г. Донецк, ДНР

Я благодарна России за то, что могу здесь жить, могу думать и говорить по-русски. С самого раннего детства, просыпаясь под бой московских курантов, я ощущала себя частицей своей огромной страны.

Со школьной скамьи я изучала историю и понимала то, какой подвиг совершили наши предки во время Великой Отечественной войны. А самое главное — это моя

вера. Вера православная, которая соединяет в сердце все традиции русской православной идентичности. И как можно от этого отказаться? Как можно без этого жить?

Я работаю педагогом-психологом и с гордостью заявляю, что я — гражданка Российской Федерации.

Тысячекратное нет тому, что происходило на Украине. Система образования и медицина приходили в упадок. Жилищно-коммунальное хозяйство и дороги были разрушены. Закрывались шахты и школы. Люди оставались без работы и без средств к существованию. При независимости Украины из богатого промышленного региона были выжаты все силы, и при этом не вкладывались никакие средства, что говорит о полном отсутствии какой-либо поддержки в прошлые годы со стороны украинского режима.

В школах насаждался украинский язык, завозились учебники, завозились пособия, которые явно пропагандировали ненависть к России. Искажалась история, и прививалась толерантность к европейским ценностям.

Вернувшись домой, в Россию, после мучительно долгих лет перенесенных потерь, горя и разрухи, мы видим неоценимую поддержку России для жителей Донецкой Народной Республики. Восстанавливаются разрушенные сады и школы, проводится капитальный ремонт детских спортивных комплексов, детских площадок, завозятся новое оборудование, новые учебники, оргтехника.

Наши дети имеют прекрасную возможность по ровной и гладкой новой дороге ехать в разные уголки России, где нас, конечно же, ждут, где встречают с теплотой и любовью, предоставляя возможность познать ценности нашей культуры, наше наследие, приобрести новых друзей. И, как самое главное, дети видят заботу и поддержку нашего Российского государства.

Я сама пишу стихи. И очень люблю свой родной русский язык. И хочу поделиться с вами своим любимым произведением, которое называется «Родной город».

Лети, душа, любимого мне города,
Проснись от бед в предчувствии весны,
С любовью в сердце и не ощущая холода,
Без тяжести, болезни и войны.
Укройся, город мой, тихонько в счастье,
И сотвори вакцину для любви.
Пусть по весне закончится ненастье,
Как птица Феникс, снова оживи.

Марианна Николаевна Демидова, директор школы № 48, г. Донецк, ДНР

Возвращение домой после долгой разлуки, оно всегда трепетно, всегда ранимо и всегда радостно. Мы помним день референдума о вхождении в Россию. Мы со своим коллективом тоже были на избирательных участках. Мы видели своих родителей со своими обучающимися, которые с радостью шли, ожидая этот долгожданный момент — вхождение в состав Российской Федерации. Это не красные слова. Можно сказать, что это был день и праздник со слезами на глазах. Этого очень долго все ждали.

После нашего вхождения в состав России изменилось все очень сильно. Изменилось в положительную, хорошую сторону.

Если говорить о сфере образования, то поменялось очень много. Открылись новые перспективы. Как для педагогов, так и для обучающихся. Появились новые формы и виды обучения.

Доступнее стало получение второго образования. Далее — повышение квалификации педагогов. И мы очень благодарны Министерству просвещения Российской Федерации, что на первом этапе это проходило целенаправленно и на абсолютно бесплатной основе. Мы переучили очень много учителей по программам федеральных государственных образовательных стандартов, так как для нас это было новое. И помимо этого для многих учителей украинского языка, литературы, допустим, учителей, которых у нас не хватает в ставках, то есть в нашей вакансии, предоставилась возможность получить и второе образование, и получить дополнительную переквалификацию по другому предмету.

Для школьников спектр услуг стал больше. Посещение кружков больше, то есть дополнительное образование расширилось. Очень много возможностей стало у определенных категорий детей. Например, одаренные дети, дети с ограниченными возможностями здоровья, дети-инвалиды могут получать разные формы услуг и разные формы образования. То есть мы можем совмещать и семейное образование, и образование в учебном заведении, таким образом интеграцию реализуя для детей-инвалидов или для одаренных детей в том числе. Это может быть и ускоренное обучение.

При Украине мы могли говорить только о форме экстерната. Но ни о виде форм, ни о виде возможности сдачи и экзаменов, и промежуточных аттестаций, различных нюансов, которые есть в образовании, мы об этом даже не то что говорить, но и мечтать даже не могли.

Сейчас у нас здание школы, обустроенное по последнему слову техники, прекрасные предметные кабинеты. Не кривя душой, скажу, когда я пришла на должность директора в это учреждение при Украине, кабинетов химии, физики не было априори. То есть у нас не было даже реактивов, не было ни одного оборудования. На сегодняшний день благодаря российским федеральным программам у нас оборудован полностью пищеблок по последнему слову техники, завезены наборы робототехники, цифровые лаборатории по естественному циклу предметов. Это биология, физика, химия. Мы получили четыре предметных кабинета. О таком при Украине просто невозможно было мечтать.

Александр Попов, старший дружинник, г. Горловка, ДНР

Когда мы вошли в состав России, и в Горловке, и в целом в ДНР жизнь стала намного лучше. Если брать в сравнении с жизнью при Украине, то могу сразу сказать, что там все было — и обучение, и питание платные, и тренировались спортсмены платно. Сейчас при России это все бесплатно, и каждый может себя реализовать.

Если привести в пример меня, то я начинал уже с самого начала войны. Я занимаюсь в военном физическом клубе «Спартанцы». И именно благодаря России, которая взяла нас под свое крыло, я могу себя реализовывать.

Когда мы вошли в состав России, каждый молодой человек может себя сейчас реализовать в любой сфере.

И что самое главное, что в Российской Федерации молодежи уделяется очень большое внимание.

На Украине такого не было, молодежи уделялось очень мало внимания. В России очень большое внимание молодежи на разных направлениях. Появилось больше бюджетных мест в институтах, больше ребят могут обучаться по желаемой профессии. При Украине, к сожалению, не каждый мог себе позволить осуществить свою мечту и пойти учиться по любимой профессии. Тогда, к сожалению, надо было платить либо деньги, либо не было такой возможности.

Александра Ивановна Генерозова, г. Харцызск, ДНР

Мы благодарны России, мы ее ждали, мы дождались. Мы всю жизнь, даже при Советском Союзе, всегда говорили: прапорщик не офицер, Донбасс не Украина.

Я — жительница города Харцизска, микрорайон Горное, была в свое время депутатом Горсовета. В 2015 году возглавила здесь и организовала первую ячейку в ДНР общественного движения «Донецкая Республика». Все время здесь. Пою в ансамбле «Белые лебеди» уже скоро 40 лет.

Хочу сказать огромнейшее спасибо России, которая помогает нам восстанавливать наш город. При Украине в этом городе ничего не делалось от слова «совсем». За это время только в России наш дом культуры увидел первый ремонт, и наш город увидел первые ремонты.

У нас преобразились парки, у нас преобразились дороги, у нас налаживается коммунальное хозяйство.

Владислав Адольфович Русанов, доцент кафедры технологий и техник бурения скважин Донецкого технического университета, г. Донецк, ДНР

Я — член союза писателей Донецкой Народной Республики и Союза писателей России, доцент кафедры технологии и техники бурения скважин Донецкого технического университета.

В составе Украины на высшую школу очень сильно давили на предмет преподавания на украинском языке. Это несмотря на то, что Донбасс — это практически абсолютно русскоязычный регион, даже те какие-то небольшие примеси украинского языка в некоторых селах — на самом деле это просто примеси к русскому языку. В основном народ разговаривает на русском языке, а требование преподавать на украинском языке из Киева было жестким. Нас обязывали всю документацию, деловую документацию в вузах вести на украинском языке. Методические указания издавать исключительно на украинском языке. Учебные пособия и учебники издавать исключительно на украинском языке.

Дело в том, что я могу сказать, что украинский язык не включал в себя терминологию именно техническую. И это понимали и в Киеве, и в 90-е годы. Я совершенно

точно знаю, что было распоряжение Днепропетровскому горному институту, который был по горному делу ведущий, базовый на Украине по разработке учебных программ, — ему поручили создать государственный стандарт украинского языка в плане горного дела. Я знаю, я ездил в Днепропетровский институт, я защищал там диссертацию, в этот период я достаточно интенсивно туда ездил, согласовывал документы всякие, ну и заходишь просто на кафедру, и там люди обсуждают. Там, кстати, люди тоже были абсолютно русскоязычные, но им было поручено создать ГОСТ на украинскую терминологию.

И вплоть до смешного было. В украинском языке изначально тот, который я учил когда-то в школе давно, да, нам преподавали в школе в 1970-е годы украинский язык, горный, в плане горного производства, назывался всегда «гернычий», а горный в плане, ну, козел горный, да, всегда был «герский» козел, да. Так вот в этот ГОСТ у нас теперь породы вместо «гернычей породы» и «гернычей робитных» стали «герскими», то есть как козлы фактически. Таких проколов было в этом ГОСТе много. А мы потом обязаны были им пользоваться при составлении учебных планов, конспектов лекций и так далее.

Доходило до смешного, что методички на украинском языке и конспект лекций, который обязан я иметь как преподаватель, он должен лежать в папке дисциплины. У меня тоже на украинском языке. Приходишь 1 сентября к студентам, говоришь, ну, ребята, ну чего, на каком языке будем учиться? Они говорят, ну, конечно, на русском. Ну все люди русские. Это раз.

Во-вторых, эти же люди приходили потом на производство. Я просто себе смутно представляю, если бы

я выучил инженера, если бы пять лет учили бы его на украинском языке, он бы пришел бы и начал с рабочими пытаться разговаривать, говорить на украинском языке. Ну просто ему очень быстро объяснили бы, что он неправ, мягко говоря. Ну то есть в русскоязычном регионе пытаться насадить в этой области украинский язык, это было абсолютно насильственное и невозможное. Тем не менее это пытались сделать.

С 2014 года, когда мы объявили независимость Донецкой Народной Республики, у нас все делопроизводство перешло на русский язык, все преподавание перешло на русский язык, хотя разрешено изучать украинский в качестве факультатива, преподаватели такие есть, которые могли бы преподавать, если кому-то очень хочется. В школах, в вузах, я не знаю, в школах до сих пор, но пока что мне неизвестны случаи, чтобы, например, в какой-то школе, ну средней школе, появились желающие изучать факультативно украинский язык. Неизвестны мне такие случаи.

Вера Васильевна Фарфарова, г. Светлодарск, ДНР

Я живу в Светлодарске уже очень много лет. С приходом Российской Федерации на нашу территорию город сильно изменился. Изменился в том плане, что до этого почти 30 лет при Украине город медленно, но неуклонно умирал.

У нас теперь есть перспектива и будущее — с нами большая Россия и ее президент Владимир

Владимирович Путин. Мы видим изменения, что администрация наша стала работать с людьми. Проводятся еженедельные приемы населения, еженедельные отчеты о проделанных работах по городу. Наша администрация работает с людьми даже на территории, не только на приемах. В городе проблем много, но мы очень надеемся, что эти проблемы решим вместе с Россией, которая сильно нам помогает.

Теперь надежда на то, что город будет возрождаться, а не умирать. Сейчас очень сложное время для нашего города, но у нас все впереди.

Виктор Иванович Власенко, сотрудник Приазовского государственного технического университета, г. Мариуполь, ДНР

Я давно живу в Мариуполе, а работаю в Приазовском государственном техническом университете. Наш университет преобразился, в нем появились новые окна, само новое здание преобразилось. Нам все время строители помогают с гуманитарной помощью, восстанавливают окна, двери.

Все у нас стало лучше, чем было при Украине. И город вообще стал очень красивым. Дороги восстанавливаются, окна восстанавливаются, дома восстанавливаются. Спасибо России за то, что она помогает нам восстанавливать наш родной город.

Елена Станиславовна Потемка, заместитель директора гимназии № 65 «Триумф», г. Карловка, ДНР

Не так давно школы Донецкой Народной Республики перешли на российские стандарты образования. На сегодня мы получили новейшее, уникальное цифровое оборудование, новую мебель для классов химии, физики, информатики и биологии, о чем раньше только могли мечтать. Действует федеральный образовательно-туристический проект «Университетские смены». Наши старшеклассники имеют уникальную возможность познакомиться не только с принимающим вузом, но и теперь уже с нашей общей огромной, большой страной.

Огромное количество путевок выделяет Российская Федерация для оздоровления детей Донбасса. У школьников появилась возможность в летний период оздоравливаться на побережье Черного моря в таких известных лагерях, как «Артек», «Дельфин», «Алые паруса». Проводится огромное количество конкурсов, в которых награда за победу — это поездки по всей территории России.

Не остались в стороне и педагоги республики. Мы получили возможность повышать свой профессиональный уровень в различных регионах России. Всевозможные гранты, конкурсы педагогического мастерства — все это повышает престиж труда учителя.

Мы очень стремимся к тому, чтобы дети Донбасса имели возможность получать глубокие знания, развивать свои способности. И благодаря этим изменениям наши дети сейчас имеют такую возможность свободно

поступать в любые вузы России. В рамках реализации проекта «Школа будущего» на базе наших школ открылись профильные классы различной направленности.

Став частью большой России, наши дети и внуки с уверенностью смотрят в будущее.

Виктория Постеева,
г. Докучаевск, ДНР

Я — уроженка города Докучаевска. Вся моя жизнь посвящена спорту. Вся семья — семья спортсменов. В 1992 году мой отец возглавил спортивную школу в городе Докучаевске. С того момента, как он возглавил нашу школу и до вступления в Российскую Федерацию, какой-либо помощи от Украины в принципе нам не было. Поддержка спортсменов была только от комбината, который работал у нас в городе, то есть от частного бизнеса.

Только после вступления в Российскую Федерацию, только тогда мы поняли, как нас ценят, как ценят спорт, как ценят тренерские составы. Тренеры начали получать достойную заработную плату, нас начали обеспечивать полностью всем нужным оборудованием для спорта и инвентарем, помогают с участием в спортивных соревнованиях. Это совсем другая жизнь. Та жизнь, которую мы заслужили, мы, жители Донецкой Народной Республики.

Мы надеемся на то, что в дальнейшем будем только больше и больше вливаться в большую семью в нашей большой России, и быть ее частью, и чувствовать себя

наравне с россиянами. Мы уже себя чувствуем россиянами, за что России огромное спасибо.

Валерий Петрович Аксенов, инструктор локомотивного депо «Ясиноватая», г. Ясиноватая, ДНР

Я — инструктор локомотивного депо «Ясиноватая», работаю на предприятии с 1980 года. За это время в жизни страны, коллектива и моей личной жизни произошло очень много событий. Но то, что произошло в 2014 году в Киеве — приход к власти неофашистов, — всколыхнуло весь Донбасс. Люди взяли в руки оружие и пошли защищать свои ценности, культуру, религию, историю. Братский русский народ два года назад подал нам руку помощи. И в совместной борьбе мы защищаем и очищаем наши земли от неофашизма.

Марина Александровна Зверева, музыкальный руководитель, г. Торез, ДНР

Я живу в городе Торезе и работаю музыкальным руководителем. И в очередной раз убеждаюсь в том, что мы, жители Донбасса, сделали правильный выбор. Глядим на то, что сейчас

происходит на Украине: искажение семейных ценностей, навязывание веры. А запрет русского языка происходит, хотя большинство жителей Украины мыслят и говорят именно на русском языке. Очевидно, что Украина стала колонией Запада. И мы, жители Донбасса, люди с сильным духом и верой, нашли в себе силы противостоять укрофашистскому режиму. Нам и нашим детям хочется видеть свое будущее в развивающейся России.

Сейчас в составе России мы ощущаем поддержку благодаря регионам-шефам. Наши дети и наша молодежь ощущают эту поддержку. В России у нас и наших детей есть будущее.

Наталья, директор Александровского сельского дома культуры, с. Александровка Старобешевского района, ДНР

Я живу в селе Александровка Старобешевского района и более 14 лет работаю директором Александровского сельского дома культуры. Хочется отметить, что за время моей работы при Украине нам вообще не выделялись средства для покупки оргтехники, аппаратуры, не выделялись средства для ремонта.

Только после того как Донецкая Народная Республика вошла в состав Российской Федерации, на нас обратили внимание. Президентский фонд культурных инициатив узнал о наших потребностях, узнал наши возможности, и были выделены средства для покупки

оргтехники, для покупки аппаратуры, мебели, был пополнен библиотечный фонд новой литературой. Мы не подведем и будем работать на благо нашей Родины, нашей России.

Валентина Петровна Сойникова, директор Централизованной библиотечной системы Амвросиевского м. о., г. Амвросиевка, ДНР

Я родилась и выросла в небольшом городке с названием Амвросиевка. За всю свою сознательную жизнь я не помню такой заботы о людях, о детях, как в России.

Ремонтируются школы. Пополняется материально-техническая база организаций и предприятий. В библиотеки поступают новые книги, ремонтируются дороги. Создаются учреждения и организации, которые поддерживают социальную сферу, например МФЦ. Очень удобная организация, в которую можно прийти и в одном окне решить все свои насущные проблемы касательно любой справки, любого документа. Если не в этом отделении, то в другом. Там проконсультируют, направят и объяснят, это ли не забота о гражданах? Мой ребенок — ученик одной из школ, в которой появилась точка роста, образовательное пространство с профильным уклоном: физика, биология, робототехника. Ребенок в полном восторге. Не может дождаться, когда отремонтируют до конца здание спортивной школы. Сам он волейболист.

Сейчас, войдя в состав России, у нас появилось большое количество друзей, шеф-регионы, спонсоры, которые помогают восстанавливать то, что 30 лет на Украине приходило в упадок. Это ли не забота? Сейчас, находясь в составе Российской Федерации, я и мой ребенок, вся моя семья ощущаем эту заботу всецело. Я очень счастлива, что мы дома, мы в России, и мы здесь нужны.

Анастасия Балахонова,
руководитель коллектива
сельского клуба,
с. Бирюки, ДНР

Я — руководитель коллектива в клубе села Бирюки города Моспино Донецкой Народной Республики. Говорят, что чудес не бывает. Еще как бывает. Исполнилась самая заветная мечта жителей села Бирюки и близлежащих деревень. Благодаря вхождению республики в состав Российской Федерации начался долгожданный ремонт нашего клуба. Здание было построено в 1973 году. На момент начала строительных работ в клубе отсутствовали отопление, водоснабжение, канализация, протекала крыша. Потолок из-за сплошного протекания кровли обсыпался. На сегодняшний день благодаря Российской Федерации произведен ремонт крыши, осуществлен подвод сетей водопровода и канализации, обустроен санузел, выполнен ремонт фасада здания. Мы уверены, что клуб будет нашим любимым местом, местом, куда тянется душа. Пусть никогда не гаснет

огонь в этом очаге культуры. Свое будущее мы видим вместе с Россией.

Кристина Вовк, руководитель школы журналистики «Хочу на ТВ», г. Горловка, ДНР

Я — руководитель школы журналистики «Хочу на ТВ» и молодежного медиацентра «Голос молодых». Тема жизни так или иначе связана с культурной жизнью нашего города, и за последние годы у нас произошли очень большие перемены. Несмотря на то что мы не так давно вошли в состав Российской Федерации, мы уже ощутили на себе, как это здорово, и все идет только к лучшему.

Самое главное, что теперь перед нами открылось очень много разных возможностей, в том числе при помощи грантов. Наш Дворец культуры «Шахтер» получил оборудование, компьютеры и специальную технику.

Наш город, наконец-то культура нашего города начала развиваться и оживать. Мы ездим в разные регионы нашей страны, обмениваемся с ними опытом. Также мы все верим, что скоро начнут восстанавливаться культурно-досуговые объекты, среди которых очень любимый всеми горловчанами парк «Отдых» имени Горького, который, к сожалению, пришел в запущение при Украине. Еще мы очень надеемся, что все это восстановит наш любимый Дворец культуры «Шахтер», который был разрушен из-за варварского

обстрела со стороны ВСУ. Мы понимаем, что сейчас идет война и тяжелая обстановка, и мы не можем жить полноценной культурной жизнью, но мы верим, что, как только наступит мир, как только мы победим, у нас еще больше все наладится благодаря помощи нашей любимой большой страны России, и наш город станет неотъемлемой частью ее культурной жизни, и мы будем счастливы, и мы будем жить.

Полина, школьница, г. Володарское, ДНР

В России у нас появилась великолепная возможность стать участниками «Движения первых». Совсем недавно мы ездили в Ростов на форум, который был посвящен Великой Отечественной войне. На этом форуме мы представляли друзей нашей школы, нашу стену памяти, на которой были написаны события и участники, выходцы из нашей школы, из нашего села, которые участвовали в этой войне. На этом форуме мы познакомились со многими ребятами, с другими участниками, получили много классных эмоций, впечатлений. Классные впечатления у нас появились от этой поездки.

Ученики нашей школы теперь ездят на базы отдыха. Были поездки в достопримечательные города России, такие как Москва, Санкт-Петербург. При Украине таких возможностей не было, сейчас это очень классно. Есть возможность путешествовать, узнавать другие уголки России.

Николай Ильич Пивтев, предприниматель, с. Марьяновка, ДНР

Я — индивидуальный предприниматель. После объединения с Россией все изменилось к лучшему. Ведь в период Украины в сельской местности все пришло в запустение и упадок. Ничему не уделялось практически никакого внимания. Сейчас вот мы уже налицо можем видеть: у нас в школе провели ремонт, в детском саду, установили детскую игровую площадку. Сейчас большое внимание уделяется воспитанию детей и физической культуре.

И я, и все мои знакомые, друзья, мы убеждены в том, что с приходом Российской Федерации и полного нашего вступления в ее состав у нас жизнь значительно улучшилась. И мы сейчас уже видим эти улучшения. Я надеюсь, что в будущем мы еще больше ощутим это все.

Оксана Алексеевна Долинская, заместитель директора школы № 67, г. Донецк, ДНР

Я работаю заместителем директора школы. С принятием Донецкой Народной Республики в состав Российской Федерации в нашей семье произошли очень

большие изменения. Еще до этого у нас было прямое попадание украинского снаряда в наш дом. У нас не стало дома. И благодаря Российской Федерации, потому что мы стали субъектом ее, мы стали ее гражданами, государство нам помогло, сделало компенсационные выплаты. На них мы теперь сможем восстановить наш разрушенный Украиной дом, и мои дети, двое несовершеннолетних детей, будут иметь теперь опять свое жилье.

С приходом Российской Федерации у меня появилась возможность получить высшее образование, что я не имела при Украине. Я заканчиваю магистратуру в филологическом факультете нашего Донецкого национального университета. Все будет у наших людей, у нашего народа замечательно, потому что они этого достойны.

Наталья Кудаяр, учитель истории, г. Макеевка, ДНР

Я — учитель истории из Макеевки Донецкой Народной Республики. Уже 30 лет тружусь учителем. Многое повидала за это время, повидала учебники разных периодов. Когда мы преподавали предмет при Украине, очень тяжело было открывать страницы учебника, потому что фальсификация фактов, конечно, очень напрягала. Дети не понимали, где лживая информация, где информация, которая требует осмысления. То есть очень было сложно, и приходи-

лось часто работать с историческими источниками, чтобы хотя бы как-то увидеть историческую правду, проанализировать эти события. В общем, очень было тяжело работать.

Когда пришла Российская Федерация, когда мы вернулись домой, очень приятно, что страна действительно обеспечила нашу Донецкую Народную Республику. Есть целый ряд учебников, учебная литература, художественная, разработки выдающихся учителей, сегодняшний учебник истории, замечательный. Там показаны действительно события современной истории, и увязано это с событиями сегодняшнего времени, очень сложного в нашей стране, когда речь идет о выживаемости нашего народа, нормальной жизни его в будущем. И у нас сегодня появилась такая возможность благодаря поддержке большой нашей Родины, матушки России. Идет поддержка учителей, поддержка педагогов всего нашего преподавательского состава.

Заработные платы стали гораздо выше, чем на Украине. Мы наконец имеем возможность себя проявить творчески. Только твори, и получишь, безусловно, оценку самую высокую. Сейчас человек, если действительно ставит цель достичь какого-то результата, у него все возможности для этого существуют.

Наши дети отдыхают летом, могут себе это позволить, посещают различные мероприятия в Российской Федерации, за что огромное спасибо. Они могут участвовать наравне с детьми всей России в различных конкурсах.

Я даже не говорю о технике, я не говорю о компьютеризации нашего учебного заведения. Прекрасные парты, ноутбуки получили, всю технику специализированную, которой не было никогда у нас при Украине.

Людмила Федоровна Алексеева, учитель начальных классов, г. Харцызск, ДНР

Я — простой учитель, проработала в этой замечательной школе уже 40 с лишним лет. За все годы работы, а работаю я здесь с 1992 года, во всей школе, за все эти годы работы при Украине, вы знаете, не было никаких изменений. Школа не ремонтировалась, тяжело было работать.

А как только к нам зашла Россия, стало работать намного легче. Первое, что сделала нам Россия, это отремонтировала нашу столовую. Сейчас в эту столовую просто приятно войти, детям приятно кушать, учителям приятно там находиться. Сам город расцвел за это время. Были сделаны такие замечательные площадки, которые радуют глаз, поднимают настроение. С внуком я с удовольствием хожу на эти площадки и провожу прекрасно свободное время. Спасибо. Большое спасибо России.

Наталья Владимировна Мачула, учитель истории, г. Амвросиевка, ДНР

Если честно, то даже не верится. Не верится, что наконец-то мы в составе России. Это была мечта для каждого жителя Донбасса. Для нас это многое значит.

Во-первых, мы возвратились домой. Во-вторых, ради этого мы сражаемся уже десятый год. В-третьих, это историческая справедливость. 23 года я прожила на Украине, в которой процветало разворовывание народного имущества, росло влияние криминалитета, падал уровень жизни, и сокращались социальные гарантии. Территория постепенно превращалась в колонию или полуколонию Запада. Шла дискриминация русского и русскоязычного населения. Украина принимала законы, запрещающие разговаривать на родном языке. Сносила наши памятники, переименовывала улицы, названные именами наших героев.

Находиться в идеологической оккупации, наблюдать за репрессиями в отношении людей, близких тебе по духу и убеждениям, — это не для меня. Я абсолютно и всецело рада, что произошло то, что произошло. Мариуполь больше не Украина. Донбасс больше не Украина. И референдум, я бы сказала, — промежуточная кульминация произошедших за последние годы событий.

Вспоминая сентябрь 2022 года, события, которые так долго ждали и выстрадали все жители Донбасса, я испытываю радость, что являюсь непосредственным участником и очевидцем исторического момента, который войдет в учебники по истории всего мира. Сегодня жизнь начата с новой страницы.

Жителям стали доступны все меры социальной поддержки — от рождения до выхода на пенсию. Для молодежи региона открылись все двери для развития личностного роста, проводятся обзорные экскурсии с посещением объектов культурно-исторического наследия, музеев, театров, интерактивные образовательные занятия по истории и культуре России. Больше 10 лет Донбасс не видел строительство новых объектов. С возвращением в Россию все изменилось. Самый зна-

чимый объект — мемориальный комплекс Саур-Могила. Его исторический облик восстановлен полностью. Возрождена Аллея славы и все ее пилоны. Огромную помощь оказывают шефы-регионы. Очень здорово, что у нас сегодня есть возможность еще раз подчеркнуть богатство Донбасса, богатство нашей великой страны России. Донбасс имеет все предпосылки, чтобы быть промышленным, экономическим и, конечно же, культурным центром.

Елена Николаевна Крюкова, житель г. Амвросиевка, ДНР

Я — житель Амросийского муниципального округа. Донбасс сделал свой правильный выбор, и мы стали Российской Федерацией. Мы стали жить лучше.

И это я могу доказать на примере своей мамы. Она у меня — инвалид общего заболевания. При подаче на перерасчет пенсии по российскому законодательству у нее увеличился размер пенсии. Она имеет право на льготы на оплату коммунальных услуг. Она этим пользуется, что значительно уменьшило расходы в ее бюджете именно на оплату коммунальных услуг. Она часто болеет и имеет возможность получить дополнительный доход от государства, обратившись в орган социальной защиты и получив при этом материальную помощь в денежном выражении.

Я — мама двоих детей. Старший сын окончил школу при Украине. Младшая дочь учится в четвертом

классе. Есть с чем сравнить, какое раньше отношение Украины было к детям и какое сейчас у России. Забота и внимание со стороны Российской Федерации сказываются с каждым днем. Это бесплатное питание в школе, это обеспечение новой оргтехникой, это открытие новых точек роста, что позволяет детям всесторонне развиваться. Спасибо большое России за ее поддержку Донбасса, наше будущее и будущее наших детей в надежных руках.

Александр Алексеевич Пономаренко, депутат Амвросиевского муниципального совета Донецкой Народной Республики первого созыва, г. Амвросиевка, ДНР

В составе России пройдя по городу, визуально все видно. Построены детские площадки, причем современные детские площадки. Если брать территорию города — хорошая площадь. Город украшается. Не только город, украшается и район. Меняется структура дорожных покрытий. У нас современные трассы уже выстроены: Поздгай, Ульяновская, затем через Колыново на Мариновку, на Саур-Могилу. Тоже прекрасные дороги. Люди удивляются: они давно, они не помнят этих дорог за жизнь на Украине.

Огромные изменения для людей пожилого возраста. Во-первых, был перерасчет пенсии. Это о многом говорит. Если вот у моей тещи пенсия была 10 тысяч, то после перерасчета — 26 тысяч. То есть она нако-

нец себя почувствовала в нормальном материальном состоянии. И вообще для людей пожилого возраста в России делается очень много. Это и волонтерские мероприятия, и культурно-массовые мероприятия. Этого всего не было на Украине.

Михаил Владимирович Новосилевский, заведующий клубом досуга и творчества, пгт. Андреевка Тельмановского м.о., ДНР

Я родился, живу и работаю в поселке городского типа Андреевка Тельмановского муниципального округа. Работаю заведующим недавно созданным клубом досуга и творчества.

Родился, учился и даже успел немножко поработать в Советском Союзе и очень хорошо помню свои ощущения, когда был частью огромной страны, уважаемой во всем мире, освободившей мир от фашизма, первой полетевшей в космос, построившей мощную экономику и имеющей самую сильную армию. Было ощущение защищенности и стабильности, было уважение к любому труду, гордость за страну.

В составе Украины на протяжении многих лет в нашем поселке не было освещения. В темное время суток было трудно перемещаться. Были очень плохие дороги, которые никогда не ремонтировались.

После референдума по вхождению в состав Российской Федерации видны серьезные изменения. В нашем районе и в поселке вовсю реализуются программы

восстановления и развития. Устраняются не только последствия обстрелов, но и застарелые проблемы, которыми на Украине не занимались никогда. Идет строительство дорог, ремонт школ и больниц. Например, в нашем поселке установлена детская площадка. Возобновил работу карьер, появилось много рабочих мест с достойной заработной платой. Сейчас мы в составе великой страны — России. Мы вместе с ней идем по пути развития, и вместе мы преодолеем любые трудности.

Евгений Павлович Коротков, директор Сточенковской школы Володарского м.о., ДНР

Я — директор школы. Наша школа давно мечтала о капитальном ремонте, и только сейчас нам выпала возможность воплотить эту мечту в жизнь. Мы получили новое оборудование на школьную кухню. Теперь наши дети могут питаться и вкусно, и правильно. У нас была обновлена школьная мебель: мы получили парты, стулья, доски. Получили ноутбуки, хозинвентарь и многое другое, что помогает работать в комфортных и хороших условиях и ученикам, и преподавателям.

Нашим детям выпала возможность свободно путешествовать по нашей необъятной стране и общаться со своими сверстниками, которые живут в разных уголках нашей Родины. Мы движемся только вперед.

Екатерина Сергеевна Алексеенко, учитель с. Боевое Володарского м.о., ДНР

Меня зовут Алексеенко Екатерина. Мне 36 лет, я родилась и выросла в городе Мариуполе. С 2023 года я работаю учителем в школе.

Здание школы, где обучаются наши дети, было введено в эксплуатацию в 1984 году. При Украине из-за постоянного недофинансирования в школе было множество проблем. Самыми серьезными из них стали проблемы с отоплением и водоснабжением. Школа не видела капитального ремонта с момента строительства и ввода в эксплуатацию.

А сейчас в составе России в нашем селе ведут новую систему водоснабжения. Ведь это проблема не только школы, но и всего села. Жители давно страдают из-за отсутствия стабильной подачи воды. А сейчас есть надежда и вера, что Липецкая область доведет дело до логического завершения. И все односельчане скажут слова благодарности за проделанную работу. Наше государство и липецкие шефы заботятся и, по сложившейся традиции, поздравляют наших детей с Новым годом, даря им сладкие подарки.

Первоклассникам подарили портфели со всеми необходимыми канцелярскими принадлежностями. Передана для ребятишек художественная литература, спортивный инвентарь и оргтехника. После присоединения к Российской Федерации наша жизнь стала меняться к лучшему.

Сергей Дмитриевич Недайвода, член Общественного совета городского округа, г. Горловка, ДНР

Я работаю в коммунальном хозяйстве. Мы раньше плохо жили при Украине. Городу не выделялись ни деньги, ни техника, то есть никакой помощи вообще не было. Сами мы пробовали для людей создать жилищные условия. Никто к нам даже, как говорится, не приезжал, не касался, не смотрел, как живут горловчане.

Когда вошли в состав России, много чего к лучшему изменилось. Наш город Горловка после вхождения в Россию наконец увидел спецтехнику. Это большой плюс для нашего города. Техники из России прислали много. Много спецтехники, КамАЗы, мусоровозы, вышки, которые в городе, краны, которые в городе. Вообще не знали, что такое существует. Сейчас эта спецтехника ежедневно работает на благо города, помогает нам при украинских обстрелах, убирает завалы и так далее.

Сейчас мы меняем трубы полным ходом, меняем отопление, холодную воду. И люди это видят. И делаем кровли. Люди видят, люди довольны.

Массовые украинские обстрелы, которые происходят у нас в Горловке, не только в Горловке, в нашей республике, — большая проблема. Но со всей России очень сильно помогают бригадами, которые приехали к нам и под обстрелами совместно с нами работают, помогают людям в сфере замены, в сфере уборки территорий. Это очень большой плюс. Спасибо большое. Спасибо, Россия.

Ася Книшевицкая,
председатель
Ворошиловской районной
организации ветеранов,
г. Донецк, ДНР

Я родилась в городе Донецке. Проживаю тут всю свою жизнь. Наш Донецк — самый лучший город России.

Мы очень долго ждали, когда уже станем частью России. И наконец-то дождались. Мы почувствовали, что мы защищены. Это целостность. И мы почувствовали, что стали очень уверенно себя чувствовать.

Я — председатель ветеранской организации Ворошиловского района города Донецка. С воссоединением с Россией все наши ветераны вернулись в свою родину. Это очень важно для человека.

Все наши ветераны, с кем мы общаемся, были очень довольны. У нас очень много людей, которые родились в Курске, в Смоленске, в Брянске, в Ленинградской области, в Московской области, то есть по всему Советскому Союзу. Так получилось, что они уже давно тоже живут в Донецке. Когда мы собираемся, они очень часто говорят о своей родине — России.

И когда мы интересуемся биографией наших ветеранов, мы узнаем, что у нас буквально 50% людей родилось в России.

Значит, ветеранская наша организация, у нас еще до сих пор, слава Богу, живут участники боевых действий войны 1941—1945 года. У нас живут блокадники, которые были жителями блокадного Ленинграда. У нас есть те, которые были угнаны немцами. У нас есть

люди, которые награждены медалями за доблестный труд в Великой Отечественной войне. То есть разные категории людей. Я уже не говорю про ветеранов труда. Кроме того, дети войны есть. И просто заслуженные люди, которые достойно жили всю свою жизнь.

Они все очень рады быть в России. Они активно участвуют в создании нашего нового государства, мы уже россияне. Сразу у пенсионеров повысилась пенсия, и повысили достаточно хорошо. В два раза, и больше. Ветеранам труда повысили пенсию. Конечно, они очень довольны. Кстати, ассортимент продуктов российских, о которых мы даже не знали на Украине, очень широкий и довольно высокого качества.

Ирина Леонидовна Давыденко, учитель начальных классов школы № 29, г. Донецк, ДНР

Я — учитель начальных классов и работаю учителем более 30 лет. Соответственно, начала свою работу во времена Советского Союза и продолжила во время, когда Украина, в общем-то, никакой помощи не оказывала, не было никакого финансирования, поэтому учителя испытывали большие трудности при проведении уроков. Не было ни методической литературы, ни дидактического материала. Мебель в нашем классе находилась в очень плачевном состоянии.

В России ситуация кардинально изменилась. Мы получили новую мебель, дети сидят за удобными партами.

В нашей школьной библиотеке можно взять литературу, которая необходима нам на уроках. Начали поступать и дидактические материалы, и методическая литература. Поэтому мы очень благодарны и очень довольны этим изменениям. В 2023 году наша школа была отремонтирована и приобрела совсем другой вид. Были вставлены пластиковые окна, фасад побелили, привели в надлежащее состояние, поменяли крышу. Поэтому школа стала как новенькая, как куколка. Это тоже очень хорошо. Спасибо большое.

Ольга Николаевна Зябрева, помощник воспитателя детского сада № 187, г. Донецк, ДНР

Я работаю в дошкольном учреждении «Ясный сад» помощником воспитателя. Здание детского сада было построено в 1938 году. При Украине была постоянная потребность в ремонте и обновлении, поддержке коммуникации, материально-техническом обеспечении. Ведь всегда нужно идти в ногу со времени, чтобы ребята шли в детский сад с удовольствием. Меня мама водила в этот детский сад, а теперь я сама мама и вожу сюда своих детей. Некоторые семьи уже приводят к нам своих внуков. И все мы хотим, чтобы наши дети жили лучше, чем мы.

И вот сейчас, при вхождении в состав Российской Федерации, мы почувствовали наконец изменения в лучшую сторону. Был сделан капитальный ремонт

здания, заменены коммуникации, обновлена материально-техническая база. Теперь наши дети, находясь в этом детском саду, чувствуют себя тепло и уютно, как дома.

Виктория Владимировна Молочникова, г. Донецк, ДНР

Мой ребенок посещает сад номер 21. При Украине наш детский сад находился в аварийном состоянии — протечка кровли, сырость и плесень в помещениях, деформировались оконные рамы, вся мебель и старый линолеум пришли в негодность. Протечки водопроводных труб в подвалах, трещины в полах, пострадала щитовая, обесточен весь второй этаж. В аварийном состоянии находились и канализационные системы.

А сейчас, уже после воссоединения с Россией, наш детский сад снова открылся после капитального ремонта. Подрядчики постарались не просто провести капитальный ремонт в помещении, но и сделать его красочным, удобным и максимально функциональным. Сад не просто изменился, в нем изменилось все. Начиная от обшивки фасадов, кровли, изгородей, на игровых территориях появились новые игровые оборудования. В группах все новое и современное, начиная от мебели и заканчивая детскими игрушками.

Ребята очень любят приходить в наш детский сад, потому что в нем есть все для того, чтобы наши дети росли счастливыми и радостными.

Максим Алексеевич,
г. Амвросиевка, ДНР

Вот уже скоро 10 лет, как мы сказали нет украинской неонацистской идеологии, неонацистскому наступлению на трудовой Донбасс.

А сейчас у нас восстанавливаются дороги, дети едят в школах, появились новые учебники, где нет нацизма. А при Украине Донбасс душили тарифами. Сейчас тарифная политика ясна, доступна. Люди снимают жилье, оплачивают отопление, которое подается стабильно, есть электроэнергия, несмотря на обстрелы. Так что мы дорожим своей республикой.

Алла Григорьевна Овдий,
центр по обслуживанию одиноких престарелых граждан, г. Донецк, ДНР

Я работаю в территориальном центре по обслуживанию одиноких престарелых граждан. Наши люди, вступив в Российскую Федерацию, очень благодарны России за поддержку, за то, какое внимание уделяют людям, которым больше 80 лет, инвалидам. Очень большое внимание уделяется деткам, деткам-инвалидам, мамочкам, которые рожают детей, выделяется материнский капитал.

Мы очень благодарны всем россиянам, что они нас приняли в состав. Хочу сказать про то, что вот у нас очень обстреливаемый Украиной район был, очень тяжело было жить.

Сейчас после объединения с Россией материальное положение у наших пенсионеров очень улучшилось. Я даже не говорю, что очень большое внимание уделяется и деткам, и пенсионерам, и инвалидам. Внимания нам на Украине не уделялось никогда, а это самый незащищенный слой населения.

Гейслеров Виталий Аркадьевич, директор кинотеатра «Звездочка», г. Донецк, ДНР

— Наш кинотеатр — старейший в Донецке. Для нашей культурной жизни вхождение в состав России — огромное событие. Она сильно изменилась, в первую очередь за счет того, что у нас прокат полностью стал российским. Сейчас мы совсем вошли в федеральную сеть «Центр кино» и получаем фильмы все как бы те, что на территории Российской Федерации. Благодаря России проведена модернизация кинотеатра. Получено новое оборудование, которое мы вообще даже при Украине не видели, никогда не мечтали о том, что у нас такое будет стоять. Проекторы, лазерные проекторы, самые последние модели. Вот они уже стоят в городе Донецке, и мы думаем, все зрители идут с удовольствием смотреть российские фильмы на этом оборудовании. «Фонд

кино» очень сильно помогает продвигать именно российский прокат с помощью модернизации и установки нового оборудования. Это не только у нас в Донецке, это по всей республике и других исторических областях.

Главное — люди поменялись. Когда были постоянно украинские обстрелы, мы всегда это чувствовали на себе. Когда проходил обстрел центра города, жизнь в городе замирала. На улицах не было людей, не было людей в кинотеатре. А сейчас, когда идет СВО, когда территории освобождаются, люди возвращаются в город. Все замечают, что много вернулось людей, которые раньше уехали. Людей стало больше. Это очень радует. Нас ждет хорошая жизнь.

Байрачная Анжелика Владимировна, руководитель регионального комитета семей воинов Отечества ДНР, г. Донецк, ДНР

После объединения с Россией изменения сразу стали видны по дорогам. Они сразу начали расширяться, асфальт хороший появился. Открылись многофункциональные центры, в которые приходишь и в одном месте решаешь очень многие вопросы. То есть не надо по всему городу как при Украине бегать, а в одном месте это все можно решить. Сейчас это все функционально, практично и удобно.

У нас исчезла коррупция. Раньше можно было какие-то справки через знакомых доставать, давая им деньги. То есть без взятки ты не мог никакой вопрос решить.

Сейчас куда бы ни пошел, везде тебе улыбаются, тебя рады видеть. Совершенно другое отношение началось после вхождения в РФ.

Настроение у всех сейчас самое наилучшее. Наблюдается расцвет, опять идет возвращение в город-миллионник, в город миллиона роз, восстановление шахт, как у нас было в нашем шахтерском городе.

Артеева Анна Игоревна, руководитель Донецкого регионального отделения ВСКС, г. Донецк, ДНР

Я — руководитель Донецкого регионального отделения Всероссийского студенческого корпуса спасателей. Это одна из крупнейших организаций в Российской Федерации, которая объединяет более 8 тысяч добровольцев-спасателей на территории всей нашей страны.

У молодежи Донбасса в России появилось гораздо больше возможностей для развития, для реализации своих самых-самых смелых инициатив. У нас появилась возможность для обмена опытом. Мы действительно знакомимся с представителями молодежи из самых разных регионов, участвуем в форумных кампаниях. Молодежь Донецкой Народной Республики уже где только не бывала: и на Камчатке, и на Сахалине, и на Байкале, и в Москве, и в Ростове, наши ребята принимают участие в мероприятиях, проводимых другими регионами. Мы приглашаем сюда ребят из других регионов и участвуем в форумных кампаниях, в конкур-

сах грантовых, получаем финансовую поддержку для реализации своих инициатив благодаря проектам.

Есть программы, которые позволяют молодежи написать, придумать классную идею, которая ей нравится, которая будет направлена на реализацию какой-либо социально значимой проблемы. Наши добровольцы выиграли три грантовых проекта. Например, оперативный отряд добровольцев — это открытие студенческих спасательных отрядов в вузах и техникумах-училищах на территории ДНР. Это проект, направленный на организацию цикла мастер-классов в разных городах Донецкой Народной Республики по основам оказания первой помощи для волонтеров других организаций.

Великолепно, когда у тебя есть стремление сделать этот мир лучше и когда тебя в этом поддерживает государство, когда тебе дают возможности реализовать твою инициативу. Это вдохновляет молодежь. Они действительно своими руками могут строить здесь настоящее будущее Донецкой Народной Республики в составе России.

Гончарова Юлия Анатольевна, координатор Международной волонтерской группы «Москва — Донбасс», г. Донецк, ДНР

С объединением с Россией жизнь изменилась только в лучшую, только в положительную сторону. Пройдите по улицам Донецка и любого из наших городов, вы можете сами все увидеть. Это очень

видно, заметно. Это и дороги, и восстановленные детские сады, школы, дворцы культур. Очень много появилось спортивных площадок, площадок воркаут. То есть для молодежи и для наших детей делается очень-очень много хорошего. Появился общественный транспорт, обновился парк общественного транспорта в городах. Места отдыха сейчас не то, что при Украине. Их сейчас вычищают, красят, облагораживают, ставят освещение, лавочки. Вся парковая зона приходит в идеальное состояние. И это, конечно же, тоже большой плюс для жителей наших городов.

Дальше везде будет Россия, и дальше все будет у нас хорошо.

Белякова Ирина Владимировна, руководитель «Дома народов России» по ДНР, г. Донецк, ДНР

Наша организация занимается сохранением традиций разных народов, проживающих в Донецкой Народной Республике. Донбасс — край многонациональный, здесь проживает более 130 народов в мире и согласии. То, что сделала Украина, конечно, должно быть подвергнуто максимальному осуждению — этому государству удалось стравить народы, затеять большую войну с множеством жертв.

При Украине в межнациональных отношениях не было согласия. А в Донбассе межнациональных конфликтов как таковых не было. На Украине государственная политика, направленная на внесение раскола

в общество, межнациональной розни и межрелигиозных конфликтов, конечно же, оказала большое влияние на начало конфликта, на распад общества.

С вхождением в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республике уделяется большое внимание национальной политике для сохранения мира и согласия. Здесь в ДНР проживает много народов, и большинство — это русские, но есть украинцы, есть греки. В России украинцы себя идентифицируют со своей национальностью свободно, они могут говорить об этом спокойно, ничего не боясь, не получая никаких угроз, не опасаясь никаких последствий.

Мы понимаем, что в военных условиях, конечно, жизнь непростая. Есть районы, которые постоянно обстреливаются. И тем не менее осознание того, что мы достигли того, за что мы выступали, что мы можем говорить на родном русском языке, при этом уважая остальные языки, остальные культуры, — это для нас самое главное. Мы можем строить свое будущее так, как мы того желаем.

Жидких Любовь Николаевна, пенсионерка, г. Донецк, ДНР

При Украине каждую неделю у нас где-то на улице был прорыв. Семь раз по нашей улице и в дома заезжали, ломали заборы мы, заезжали туда. В общем, прорывы были страшные. Почти до калитки, ой, не до калитки, а до дома доходили, вода доходила. Мучились, мучились, писали, писали. И в водоканал, ну везде, везде обращались.

Сосед мой, вот, помощник, его сейчас нет. Он умер, не дожил до лучших времен. При Украине семь раз рвало, мы вызывали водоканал, они придут, кляп поставят. Два-три дня хватит, на третий день заблестело на асфальте, значит, уже прорыв. Опять разроют нам дорогу, и все. В общем, было очень тяжко, очень тяжко.

Мы думали, уже вообще нам никто не поможет. Но с приходом Российской Федерации все это, как говорится, было сделано. Сейчас все хорошо, мы очень благодарны Российской Федерации. А при Украине детки наши ходили за тридевять земель с этими баклажками воды. В общем, спасибо ребятам и Российской Федерации, что помогли нам. Так бы мы сами не справились.

Калиниченко Екатерина Николаевна, директор музея «Арт-Донбасс», г. Донецк, ДНР

Все жители, не только деятели культуры и искусства, ждали этой даты объединения с Россией. И мы к этому тоже готовились. Благодаря российскому национальному проекту «Культура» каждое учреждение культуры было у нас оснащено техническими возможностями. Появилось очень много электронных ресурсов у наших учреждений. Это и техника всевозможная, это и оснащение сцены, это и костюмы, это музейное различное оборудование, чего раньше вообще не было. Наши сотрудники имеют возможность сейчас обучаться. Есть возможность выезжать и повышать свой уровень в университетах культуры и искусства в различных регионах. Ну а многие

даже офлайн имеют возможность в прекрасных высших учебных заведениях Челябинска, Краснодара, Ставрополя получить образование и идти в ногу со временем, то есть узнавать много нового и нужного для нашей работы. Помогли создать наш музей. Мы поставили себе цель собрать коллекцию художников Донбасса, которые еще на данный момент здесь живут, которые являются жемчужиной нашего края и очень ярко будут отображать искусство Донбасса вот этого периода.

Курянская Наталья Михайловна, директор Снежнянской швейной фабрики «Снежинка», г. Донецк, ДНР

Мы долго ждали объединения с Россией, долгие и мучительные восемь с лишним лет. Мы вернулись в свою гавань. В частности, я, как руководитель промышленного предприятия, могу сказать, какие у нас появились перспективы. У нас появилась возможность выйти широко на рынок большой нашей матушки-России.

У нас появилась возможность получать поддержку от фондов развития промышленности. У нас организовывается свободная экономическая зона, многие предприятия уже получили и гранты, и возможность закупать современное оборудование, развиваться. Как предприятие легкой промышленности, теперь мы без проблем можем закупать сырье. А сырье, произведенное в России и в Белоруссии, из-за прекрасного качества дает нам возможность отшивать качественную, заме-

чательную продукцию для наших территорий и далее. Сейчас мы также можем шить и детский ассортимент, и подростковый, и взрослый. Производим и спецодежду, форму, одежду медикам и, собственно, выполняем все заказы, которые необходимо выполнить.

Я могу сказать, как я более 25 лет работаю на фабрике, я могу сравнивать ситуацию тогда и сейчас. Донбасс всегда был кормильцем всей Украины, несмотря на то что Киев рассказывал, что мы на дотации. Все было с точностью до наоборот. Но, к сожалению, все средства, которые зарабатывал промышленник Донбасс, уходили в Киев. И если немного возвращалось для поддержки региона, для его развития, это еще хорошо. То же самое касалось промышленности. То есть за 30 лет ничего не вложила Украина в развитие производства, все только-только погибало, уничтожалось, разваливалось. Тот принцип, как говорила Тимошенко, тянуть Донбасс в колючую проволоку и поставить по периметру автоматчиков, то же самое касалось и производства. Было очень сложно оформить какую-то документацию. Было очень сложно куда-то пробиться. А в России появилась надежда.

Полякова Мая Станиславовна, медработник ГКБ № 9, г. Донецк, ДНР

Я — медик в городской клинической больнице № 9 города Донецка. Во времена Украины лечебные учреждения финансировались по остаточному принципу. Заболевшие люди просто

боялись обратиться в больницу, так как для лечения необходимо было приобретать медикаменты, назначенные врачом, но не у всех были средства на лечение в больнице. Медикаментами и изделиями медицинского назначения больница снабжалась процентов на десять от необходимого. Устаревшее оборудование изнашивалось и материально, и морально, и не было средств заменить его на новое. Здания больницы с каждым годом ветшали и доходили до аварийного состояния. Система отопления, водоснабжения ветшала, что постоянно приводило к аварийным ситуациям. Питание больных оставляло желать лучшего. Износилась и пришла в негодность база компьютерной техники. Самый новый компьютер ПК был приобретен 15 лет назад. На остальные потребности средства не выделялись.

А с момента возвращения в Россию больница кардинально поменялась прямо на глазах. Отремонтированы кровли, заменены практически все окна, заменены системы отопления, водоснабжения и канализации. Открыт новый кабинет маммографии. Появилась возможность использовать новую современную медицинскую технику. На сегодняшний день в больнице появились лабораторные анализаторы, цифровой маммограф, электрокардиографы. Больница пополнила свой парк компьютерной техники на 61 новый ПК. Получили для работы из них 44 автоматизированных рабочих места для врачей.

Наконец стало комфортным пребывание пациентов в больнице. Обеспечение медикаментами и изделиями медицинского назначения сейчас проходит в полном объеме. Полноценное питание для больных в стационарах четырехразовое — каши, супы, мясные и молочные продукты, рыба, овощи, фрукты, соки и печенье. Больница с уверенностью смотрит в завтрашний день.

В планах — в течение трех ближайших лет отремонтировать все здания больницы с полной заменой коммуникаций, замены устаревшей изношенной медицинской техники, цифровых рентгенологических аппаратов, цифрового флюорографического аппарата, аппарата для полноценной работы клинико-диагностической лаборатории, а также диагностической аппаратуры. С 1 января 2024 года внедряется система обязательного медицинского страхования. УМС дает дополнительные финансовые средства для решения вопросов — улучшение качества оказания медицинской помощи населению, которое обслуживает больница, создание более комфортных условий пребывания пациентов в больнице, а также расширение диапазона диагностических обследований, проводимых в больницах.

Степанов Евгений Анатольевич, г. Донецк, ДНР

Я — житель Пролетарского района города Донецка. Вожу своих двух детей в д/с № 328. После вступления в состав Российской Федерации прошли очень большие перемены. Большое внимание было уделено ремонту самого садика. Нас это очень сильно потрясло, потому что появились новый дизайн, новый интерьер, садик яркий, добавлено все обновленное: все инженерные коммуникации, это и видеонаблюдение, новая мебель, интерьер. Дети идут в садик с удовольствием.

Я, как строитель, понимаю, как такие перемены влияют именно на процесс обучения детей. Они с удо-

вольствием идут в этот садик, у них позитивные эмоции, они с радостью и удовольствием рассказывают нам, как там весело и замечательно. В общем, огромная благодарность России.

Страковская Ася, педагог-психолог дошкольного образования, г. Донецк, ДНР

Я работаю педагогом-психологом в дошкольном образовании и сама — многодетная мама. И сегодня, наверное, от лица всех многодетных родителей хочу выразить огромную благодарность нашему новому государству. Потому что, как только мы вошли в состав Российской Федерации, как только мы вернулись на свою историческую родину, многодетным семьям стало жить проще, легче, комфортнее, чем на Украине.

Сразу появилось больше льгот, доплат и заботы от государства. Пособия стали выплачиваться в связи с рождением и воспитанием детей, предоставляется поддержка в сфере трудовых отношений родителям многодетных семей. Женщина, которая воспитывает троих и более детей, сегодня имеет право на досрочное назначение страховой пенсии. Родители многодетных семей имеют право на профессиональное обучение или получение дополнительного образования.

Для того чтобы просвещаться, сегодня многодетные семьи могут бесплатно посещать как театры, так и музеи по всей Российской Федерации. К тому же дети и ро-

дители имеют право на бесплатный проезд в городском транспорте. Замечу — и получение рецептурных лекарственных препаратов — сегодня тоже можно получить детям до 6 лет из многодетных семей. Предусмотрены еще и льготы по оплате ЖКХ. Например, в ДНР у нас предусмотрена 50%-ная льгота. Мамочки, молодые мамочки теперь могут не переживать. Сегодня в приоритете — зачисление в детский сад детей из многодетных семей. При Украине такого не было — ты рожаешь ребенка и сразу же идешь записывать в детский сад, для того чтобы он в три годика смог туда попасть, и то не факт, что попадет. В России у нас такой проблемы нет. Поэтому огромная благодарность и низкий поклон. Государство нам предоставляет земельные участки, где семьи вместе с родителями могут заниматься сельским хозяйством, выращивать скотину. То есть могут спокойно жить, не думая, чем же накормить своих детей.

В России наши семьи будут еще больше расти и пополняться. Сегодня жители могут рассчитывать на получение материнского капитала. За это тоже огромное спасибо. И все это, конечно, благодаря тому, что мы вернулись домой, вернулись в состав Российской Федерации. Нас ждет светлое будущее.

Ющенко Дарья Александровна, учитель истории лицея № 1, г. Донецк, ДНР

Я работаю заместителем директора, учителем истории и обществознания многопрофильного лицея № 1 города Донецка.

Я всегда хотела, чтобы Донецкая Народная Республика стала частью Российской Федерации. Я очень много для этого сделала. И мы, мои коллеги, работали всегда на благо будущего нашего подрастающего поколения, того поколения, которое в итоге станет будущим России. И я очень горда тем, что Россия — это многонациональная страна, в которой реализуются права и свободы всех граждан независимо от их возраста, пола, национальности и от того, какой язык является для них родным.

Когда при Украине я училась на историческом факультете нашего Донецкого национального университета, я столкнулась с ситуацией, что, если я обращалась к некоторым преподавателям на русском языке, они делали вид, что меня не понимают. Хотя я прекрасно знала, что они всю жизнь прожили в Донецке, что они получали образование и свои степени при Советском Союзе, и тогда они почему-то по-русски говорили прекрасно.

Но, как только началось спонсирование Западом и нагнетание национального языкового вопроса на Украине, они резко забыли, что такое русский язык. Для меня это было всегда очень травматично, потому что у меня русская семья, у меня все мужчины в семье — офицеры Красной Советской армии. И конечно же, я всегда взращивалась на любви к своей родине, на любви к подвигу, на уважении к старшему поколению, к нашей культуре и истории. Поэтому отрицание русского языка для меня было вопросом жизненно важным.

Сейчас в составе России я вижу у нас глобальные изменения. Это те изменения, которые видны невооруженным глазом. Это новые дороги, это ремонт инфраструктуры, коммуникации. То, что касается каждого человека. Это восстановление разрушенных в ходе многих лет агрессии украинских воинских формирований

объектов. Это постройка новых социально значимых объектов, таких как школы, детские сады, перинатальный центр. И конечно же, то, что касается лично меня.

Например, с тех пор, как мы стали Российской Федерацией, я активно участвую в тех проектах, которые проводит Росмолодежь. Проекты рассчитаны на людей до 35 лет, они охватывают не только молодых педагогов, но и людей, которые занимаются предпринимательством, тех, кто занимается волонтерством, кто работает в администрациях и в молодом возрасте становится главами отделов и начальниками, те, кто вносит вот такую свежую жилку в развитие страны. Форумов очень много. Среди тех, которые я посещала, был форум в Туле в 2023 году в апреле. Там учили и делились опытом, как бороться в информационном пространстве с теми угрозами, которые сейчас встречаются. Это Петербургский международный экономический форум. И многие другие мероприятия, в которые вовлекают молодежь из четырех исторических регионов. Можно обмениваться опытом, общаться, можно налаживать связи. У нас такая огромная страна, мы нашли друзей и товарищей из различных ее отдаленных уголков, таких как Хабаровск, Санкт-Петербург, Грозный и многих других.

Жиляев Руслан Александрович, проректор по молодежной политике Донецкого государственного медицинского университета, г. Донецк, ДНР

Мы очень ждали объединения с Россией, мы шли к этому.

Мы первый вуз в республике, который прошел аккредитацию и имел возможность одним из первых выдавать дипломы российского образца. Наш вуз является флагманом медицинского образования Донецкой Народной Республики. Мы готовим кадры на данном этапе не только для республики, но и для всей большой России. Наши студенты уже хорошо зарекомендовали себя на олимпиадах всероссийского уровня.

С момента вступления в Российскую Федерацию у нас появились большие перспективы в плане введения новых образовательных стандартов, стандартов оказания медицинской помощи населению. Студенты имеют возможность посещать тематические олимпиады, научные конференции, принимают участие в мероприятиях всероссийского уровня. И тот факт, что вуз выстоял все эти непростые годы становления республики, и в тот момент вхождения в Россию мы реально ждали этот момент, этот праздник со слезами на глазах, когда студенчество верило в это. Они остались в сложные времена с вузом и в дальнейшем пополняют ряды медицинских работников, врачей в лечебных учреждениях нашей республики. Наш вуз является лидером научной деятельности, у нас большое количество докторских и кандидатских диссертаций. Это большой научный потенциал. Теперь мы плавно вольемся в этот большой научный сегмент большой России.

В составе России наше студенчество сейчас активно занимается волонтерской деятельностью. Наши идеи волонтерской деятельности, студенческой жизни новаторские. В конкурсе практик наш вуз стал победителем. Мы заняли первое место по России во всероссийском конкурсе, в котором принимало участие около 300 вузов Российской Федерации, не только медицинских. Начиная с 2014 года у нас восемь направлений активны.

Без малого сейчас более 500 студентов, которые в различных направлениях задействованы в волонтерской деятельности. Одним из приоритетных направлений является помощь раненым в боях с Украиной.

Немаловажный факт и наша активная работа со студентами демобилизованными, которые вернулись с фронта. По первому зову Родины они откликнулись на призыв и пошли защищать нашу республику от фашистской Украины. И в дальнейшем многие из них стали ключевыми фигурами формирования патриотических клубов на факультетах, создания кружков по военной и тактической медицине на базе кафедр нашего вуза, это помогает обучать жителей нашей республики медицинской помощи после украинских обстрелов. Поэтому в этом направлении ребята готовы всесторонне поддерживать республику, и они очень гордятся тем, что являются частью большой исторической родины, в которую мы активно влились, и готовы работать на благо уже всей России.

Андрей, студент, с. Кумачово, ДНР

Я — студент Донецкого национального университета, учусь на втором курсе исторического факультета. Проживаю в Старобешевском районе, село Кумачово.

С момента, когда наша Донецкая Народная Республика вступила в состав Российской Федерации, произошли большие изменения в жизни села. Построена дорога

федерального значения, введено в эксплуатацию уличное освещение, отремонтирована школа. Оказывается гуманитарная помощь школьникам, выдаются подарки и социальные пакеты. Для пенсионеров был проведен перерасчет пенсий. Ведутся плановые выезды врачей-специалистов с новым оборудованием для осмотра.

Всего этого не было долгие годы, когда мы находились в составе Украины. При ней наше село приходило в упадок. Теперь мы видим, что с приходом России жизнь будет процветать.

Боршош Алексей,
предприниматель,
г. Макеевка, ДНР

Я — предприниматель из города Макеевка Донецкой Народной Республики. Уже более 10 лет занимаюсь предпринимательской деятельностью. Когда я решил открыть свое дело, конечно, были сомнения, переживания, хватит ли у меня опыта, но страха не было, потому что я здесь родился и хотел трудиться на благо нашей республики.

Россия — наш дом, и после объединения, когда мы стали частью России, я могу сказать, что ведение бизнеса стало намного проще. В частности, это касается уменьшения налоговой нагрузки, что позволяет высвободить средства для развития. И касается также разного документооборота. Благодаря этому освобождается ценное время. Благодаря тому что мы стали Россией, появилась возможность завозить разного

рода товары и оборудование, что во многом упрощает работу. Хочу отметить также, что со стороны местных властей существует поддержка, благодаря видеосеминарам, разного рода совещаниям мы можем получить необходимые консультации, которые помогают нам качественно работать в правовом поле Российской Федерации. Пользуясь случаем, хочу отметить, что все, кто ведет здесь бизнес, могут делать это успешно. Уровень жизни у людей стал улучшаться, стал расти спрос, соответственно, есть возможность расширять ассортимент и предоставлять необходимые товары и услуги. Поэтому тот, кто ведет бизнес здесь, сейчас уже в Российской Федерации, все это видит.

Кагадовская Елена Григорьевна, пенсионерка, г. Макеевка, ДНР

Я родилась в России, в Орловской области, поэтому для меня это было самое главное событие, которое произошло с подписанием указа президента Владимира Владимировича Путина, указа о признании Донбасса в составе России.

Живу я в Макеевке. Когда был референдум, я в числе первых пошла голосовать. Сейчас мы видим российские стандарты. Например, пенсионное обеспечение. Сейчас пенсионеры защищены, как никто. И если говорить о том, какую пенсию я получала при Украине, то в России она в два раза больше. И вот сегодня я тоже

получила пенсию, уже повышенную на 7,5%. Пенсия для пенсионера— это самое главное. Это прожиточный достаток, чтобы каждый пенсионер был защищен, был уверен в завтрашнем дне.

Момрова Елена, к.м.н., акушер-гинеколог, г. Макеевка, ДНР

Я — врач, акушер-гинеколог, кандидат медицинских наук. Работаю в перинатальном центре города Макеевки Донецкой Народной Республики.

После вхождения в состав Российской Федерации наше учреждение ощущает огромную поддержку государства. У нас сложились очень позитивные и очень продуктивные отношения с нашим шефом-регионом — Свердловской областью. Мы получили очень много медицинского оборудования, которое позволяет оказывать помощь на самом высоком современном уровне.

Мы получили малоинвазивное оперативное оборудование, лапароскопическое, гистероскопическое оборудование. В гинекологическом отделении мы можем на сегодняшний день применять малоинвазивные современные методики для лечения женщин. Это помогает уменьшить время проведения оперативного вмешательства, сократить сроки восстановления женщин после лечения, уменьшить медикаментозную нагрузку во время лечения данными методами.

Мы получили эндоскопическое оборудование в женскую консультацию для лечения заболеваний шейки

матки. Получили аппарат УЗИ высокоэкспертного класса, который помогает диагностировать патологию беременности на разных ее сроках и улучшить перинатальные исходы. Наша неонатологическая служба получила аппараты ИВЛ для новорожденных и кувезы для выхаживания. Анестезиологическая служба пополнила свой арсенал приспособлениями для трудных интубаций во время беременности.

Мы ощущаем постоянную поддержку государства в оплате труда медицинских работников. Отмечаем постоянное повышение заработной платы, что позволило привлечь молодых специалистов в наши ряды. Сейчас у нас много молодых специалистов в анестезиологии, неонатологии.

Поддержку государства ощущают не только медицинские работники, но и также наши мамочки. После рождения ребенка в родильном отделении имеется возможность получить мамам так называемые бэби-боксы — наборы, которые очень необходимы женщине после рождения ребенка. Они великолепно укомплектованы, с душой, очень грамотно сформирован набор тех вещей, которые маме помогут сократить расходы семьи на своих детей.

Мы ощущаем поддержку государства в возможности получать повышение квалификации на территории Российской Федерации. 12 наших сотрудников прошли курсы повышения квалификации и стажировку на рабочем месте в Свердловской области. Я сама проходила длительную стажировку в свердловской областной больнице, где имела возможность рука об руку работать с высокими профессионалами, гинекологами этой больницы, и перенимать их опыт. И, когда приехала сюда, домой, могу применять это в своей практике и оказывать помощь нашим женщинам.

Гнатюк Анна, г. Макеевка, ДНР

Мой муж — защитник Отечества, участник Специальной военной операции. Мой муж пошел защищать нашу Родину, как и много ребят, настоящих мужчин, сотни и тысячи ребят, как раньше наши прадеды и дедушки защищали свою Родину.

В настоящее время государство нам большую помощь оказывает, поддержку. В первую очередь я не переживаю о том, что у моего мужа чего-то не будет. Идут большие выплаты, хорошие соцвыплаты, которые помогают нам улучшить качество жизни и условия содержания наших ребят, поднимают на ноги их семьи и детей.

Мы ждем нашего папу. У нас дочь. Мы очень ждем его и переживаем за него. Но знаем, что мы за его спиной. Он защищает нас.

Морозов Константин Владимирович, мастер по ремонту оборудования Стана-390, г. Макеевка, ДНР

Я мастер по ремонту технологического оборудования Стана 390. На нашем предприятии — Макеевский металлургический

завод — я работаю уже более восьми лет. Сюда я устроился в 2016 году. С момента устройства в принципе я прошел четыре этапа существования нашего предприятия. Застал еще работающий «Метинвест Холдинг», украинское предприятие, и другие. Сейчас мы стали российским предприятием ООО «ЮГМК Донецк».

Только после того как мы стали российской областью, появилась стабильность. У нас постоянные заказы, то есть стандартно идет выкатка арматуры, которую мы производим. В настоящий момент мы производим арматуру от 10 до 32, то есть арматуру для строительных конструкций.

Только в России регулярно люди стали получают аванс, зарплату, причем все официально, не в конвертах. Сейчас у нас человек уверен, что он пришел на работу, отработал, получил заработную плату. С приходом российского инвестора и после того как мы стали российской областью, пошла поставка запчастей на наши предприятия, стандартная работа. Люди стараются держаться за свои рабочие места. В настоящий момент наши учебно-образовательные колледжи, техникумы присылают к нам своих учащихся, которые проходят у нас производственную практику, в дальнейшем они хотят вернуться к нам на постоянное место работы.

Свеженцев Вячеслав, водитель погрузчика, г. Макеевка, ДНР

Я работаю в коммунальном предприятии города Макеевка Донецкой Народной Республики на фронтальном погрузчике. В составе России у нас техни-

ки стало много, техника новая, хорошая, обновилась благодаря нашим шефам — российским регионам. Обновились контейнерные баки, бункеры. Улучшилось финансовое положение, намного стало лучше. И зарплату платят. Платят вовремя, это самое главное. И есть надежда на завтрашний день.

Трофимишин Илья,
волонтер, г. Макеевка, ДНР

Я волонтер из города Макеевки Донецкой Народной Республики. Вместе с друзьями мы занимаемся волонтерской добровольческой деятельностью, помогаем пожилым людям, пенсионерам, детям из многодетных семей, оказываем необходимую им помощь. Оказываем первую помощь пострадавшим от обстрелов со стороны Украины.

О нас говорят, что наше поколение выросло не по годам. К сожалению, так и есть. Из-за массированных украинских обстрелов нам приходится работать в тяжелых условиях. Благодаря тому что наш регион вошел в состав Российской Федерации, появляется большое количество различных форумных кампаний, различных интерактивных и образовательных мероприятий, благодаря которым молодежь развивается, получает новые колоссальные полезные знания. Я стал участником таких форумных кампаний, побывал уже в более девяти городах Российской Федерации, получал различные полезные опыты, делился ими на территории нашего города. Сейчас я нахожусь на территории креативно-

го центра развития молодежных инициатив «Точка» в городе Макеевке. Этот клуб был создан благодаря поддержке Росмолодежи. Все средства, которые были выделены, мы потратили на закупку специального оборудования, благоустройства территории этого центра, в котором действуют Макеевский штаб общественной организации «Молодая республика», «Молодая гвардия», «Волонтеры победы» и другие общественные организации.

Благодаря тому что в составе России появилось большое количество возможностей для развития себя и своего потенциала, наша молодежь все больше и больше углубляется в общественную деятельность.

Чендев Александр Анатольевич, тренер-преподаватель, г. Макеевка, ДНР

Только благодаря вступлению нашей республики в Российскую Федерацию у наших спортсменов появилась большая перспектива участвовать в соревнованиях высокого уровня. Раньше такой возможности у нас не было. Теперь наша команда Донецкой Народной Республики может представлять свой регион на этих соревнованиях. Наши спортсмены из города Макеевка недавно уехали в Екатеринбург учиться в училище Олимпийского резерва. Мы на них возлагаем большие надежды и надеемся, что они покажут хороший, качественный результат.

Кашкабаш Надежда Васильевна, пенсионерка, г. Мариуполь, ДНР

Я жительница города Мариуполя, живу здесь 70 лет. Вижу, как сейчас развивается наш город. Нам очень много помогла Россия. Мы лучше живем сейчас, чем жили при Украине. Коммунальные услуги нас при Украине замучили, а мы сейчас живем в достатке. Мне очень нравится, когда я хожу по городу и вижу, как он развивается просто на глазах. Растет все красиво. Такие здания, такие хорошие. У нас в Мариуполе поликлиника построена, школы построены. Люди очень довольны. Спасибо России большое за все.

Хлопецкий Алексей Федорович, г. Мариуполь, ДНР

Я являюсь жителем города Мариуполя с рождения. Ни во время войны, ни после никуда не выезжал. На моих глазах происходит восстановление нашего родного любимого города: строятся дома, восстанавливаются дома, оказывается гуманитарная помощь. Со всей страны, со всей России приезжают к нам люди, помогают восстанавливать город, восстанавливать нашу инфраструктуру, помогают детям, помогают

взрослым, помогают пенсионерам. За это за все вам огромное спасибо.

Миронов Павел Валентинович, председатель профсоюза работников АПК ДНР, г. Донецк, ДНР

Я — председатель профессионального союза работников агропромышленного комплекса Донецкой Народной Республики. Основное мое направление — сельское хозяйство, люди, жители поселков. Все, что ближе к земле.

У нас при Украине была проблема — куда сбывать выращенную продукцию. По зерновым у нас всегда был профицит. Были сложности в пересечении таможен, получении разрешительных документов на вывоз.

Сейчас после нашего объединения с Россией многие моменты становятся проще. Уже предприятия наши, перерабатывающей промышленности, имеют выход на более обширные рынки сбыта. Большой упор делается на развитие садоводческих хозяйств, хозяйств животноводческого комплекса, обновление машинно-тракторных участков крупных предприятий. Динамика вот именно положительного развития присутствует и с каждым годом будет только усиливаться.

С объединением с Россией люди радуются, что вернулись туда, куда хотели. Когда существовал СССР, людям неважно было, кто они, граждане какой страны. Все имели паспорт СССР. А гражданство — там грек записан, или украинец, или русский, никто на это особо

не обращал внимания. Вот, например, взять даже в разрезе моей семьи: мой родной дед, царство небесное ему, он всегда говорил: «Я в паспорте записан украинец», но он родился в семье, где его родной отец — житель Новгорода, а бабушка — кубанская казачка, станица Степная, а он в паспорте записан «украинец». Вот так вот и получилась в большей степени эта нация «украинская».

Хотя вот взять мою фамилию — Миронов. Разве она украинская? Но в паспорте-то я украинцем записан. У меня отец русский, у меня мать гречанка. А в паспорте меня записали украинцем.

На самом деле мы были воспитаны на Донбассе, мы русские. Главное — есть душевная радость от того, что мы вернулись в свою единую, большую страну.

Лариса, продавец супермаркета, г. Мариуполь, ДНР

До спецоперации я жила в городе Мариуполе, работала в супермаркете. Помню много неприятного при Украине... Я работала продавцом. Сначала нас заставляли, а потом начали требовать от нас, чтобы мы разговаривали чисто на украинском языке. Это уже было как насилие. Это многим не нравилось. Если ты, допустим, отказываешься, тебя или штрафуют, или выгоняют с работы.

Слава Богу, мы избавились от этого. Спасибо, слава великой нашей Россиюшке, что она пришла, освободила нас от вот этого украинского беспредела. Сейчас

у нас свобода. Хотим на украинском разговариваем, хотим — на русском.

У нас зарплаты и пенсии в России намного выше, ччем на Украине. Это ощущают пенсионеры, это ощущаем мы. У нас есть премии хорошие, мы просто были удивлены. Поэтому много чего поменялось в лучшую сторону. В плане медицины, в плане бесплатного проезда очень много плюсов.

Все намного легче, намного лучше. В сто раз. И еще раз хочу сказать слава Великой России!

Молчанова Елена Александровна, зампредседателя Федерации профсоюзов ДНР, г. Донецк, ДНР

После вхождения в состав России в целом стало намного больше социальных льгот, потому что федеральное законодательство предусматривает очень много федеральных льгот. Вот, допустим, только сегодня общалась с членом профсоюза, у которого имеется такая федеральная льгота, как заслуженный учитель. Очень много таких примеров, когда пенсии сейчас пересчитывают по российскому законодательству, людям добавляют пенсии, людям стало лучше.

К нам приходит все время помощь. Вы, наверное, сами видели уже. Ремонтируются дороги, меняются теплотрассы. Очень хорошей стала вот эта трасса, которая ведет на Успенку. У нас при Украине всегда там были ямы. Поэтому сейчас очень удобно ездить в Российскую Федерацию в ту же Ростовскую область.

С нашим вхождением в состав Федерации независимых профсоюзов России мы видим помощь в организации, например, оздоровления членов профсоюзов, оздоровления детей. Например, есть такой профсоюз Нефтегазстроя. Так вот сейчас они безвозмездно вывозят наших детей в лагеря Российской Федерации. Наши дети там получают помощь по оздоровлению. Брянская область тоже вывозит наших деток на отдых бесплатно. Именно через профсоюзные организации.

Анастасия, школьница, пгт. Новый Свет, ДНР

Я — ученица 11-го класса Новосветской школы № 1. Родилась я в городе Киеве, Украина. В возрасте трех лет переехала в поселок Новый Свет.

По своим детским воспоминаниям я могу сказать, что после объединения с Россией поменялось очень многое. Для меня самое важное это то, что отремонтировали школу. Сейчас она стала намного уютнее. Там поменяли полностью спортзал, столовую, пищеблок, также отремонтировали школьный двор.

Появилось множество общественных организаций, которые занимаются молодежью. Она дает нам возможность участвовать в мероприятиях, выезжать в разные регионы России, участвовать в разных форумах.

У нас стало много молодых учителей. То есть много молодых квалифицированных специалистов на данный момент проявляют интерес к этой сфере... То есть идет в принципе смена поколений.

Главное, сейчас у меня есть очень много возможностей поступить в любой вуз Российской Федерации, а после этого устроиться на работу. Сейчас это намного легче, чем было при Украине. А у пенсионеров при Российской Федерации увеличились пенсии.

Все, о чем я говорила, это все было бы практически невозможно при Украине. Именно Российская Федерация дала нам очень многое.

Череватая Дарина, студентка, с. Осыково, ДНР

Я — студентка второго курса Донецкого педагогического колледжа. После вступления в состав России наша жизнь поменялась только в лучшую сторону. Если даже говорить о моем образовании, педагоги моего колледжа очень часто проходят повышение квалификации в различных городах нашей необъятной Родины. Недавно пришло музыкальное оборудование в мой колледж.

Большим плюсом, я считаю то, что, получив диплом об образовании, я смогу найти место работы абсолютно в любом городе. Если же говорить о моем родном крае, о Старобешевском районе, то, безусловно, помощь оказывается очень большая. Бурятия сделала для нас огромную работу. Самым важным, я считаю, была поставка медицинского оборудования в нашу местную больницу, ремонт дорог, ремонт садиков, ремонт школ. И самое-самое главное и важное, что эта помощь не прекращается до сих пор.

Если же говорить о той организации, где работаю я, а я работаю художественным руководителем в сельском доме культуры, то только за прошлый год нам было выделено много компьютерного, мультимедийного оборудования. Наша местная библиотека полностью обновила свой библиотечный фонд. Я хочу сказать самое главное, что молодежь республики видит свое будущее только с Россией, ведь только там нас берегут и только там мы нужны. Будущее только с Россией.

Самохин Сергей Сергеевич, руководитель Народного фронта, г. Донецк, ДНР

Я — капитан команды КВН «Донецкий Кряж». В КВН — с 2013 года, со студенческих лет. И вот сейчас уже воспитываем новое молодое поколение кавээнщиков.

В Российской Федерации сейчас открыты двери для молодежи во всех сферах, для любых инициатив. И конечно же, с вхождением в Российскую Федерацию эти возможности открылись. С приходом Российской Федерации появилась четкая, понятная система поддержки молодежных инициатив, понятно, как работает грантовая политика, как работает молодежная политика в стране. Сейчас, когда мы с молодежью работаем, мы говорим, вы, главное, — проявите свои желания, мы уже найдем возможность вас поддержать. С приходом Российской Федерации появилось большое количество инструментов поддержки молодежи. В том числе и творчества.

К концу 2022 года наш КВН собрался, выступил в Москве, собрал программу. И мы попали в высшую лигу в 2023 году в январе. На Первый канал. Потом в этом году мы спустились на одну ступень ниже, в премьер-лигу. Сейчас готовим материал. И уже планируем в 2025 году снова ворваться в высшую лигу, но уже дойти как минимум до финала.

Сметанин Роман Викторович, коммерческий директор ООО «Наш город», г. Донецк, ДНР

Я — коммерческий директор ООО «Наш Город». Наше предприятие занимается строительными работами, восстановительными работами, в том числе и ремонтно-восстановительной работой на предприятиях промышленности нашей республики.

После объединения с Россией начались масштабные работы по восстановлению, и есть результат налицо, мы его видим. Это и строительство новых больниц, восстановление и строительство школ, детских садов. Появляются новые предприятия, промышленные предприятия. Крупные предприятия большой России заходят к нам, в Донецкую Народную Республику. Восстанавливается производство. Все мы знаем, что у нас создана свободная экономическая зона, которая способствует развитию промышленности. А когда развивается промышленность, развивается и строительство, развивается наша социальная сфера.

Сейчас идет строительство больниц, детских садов и школ. Очень много внимания уделяется социальной защите наших ребят, которые сегодня воюют на передовой с Украиной. Это тоже основная наша задача — помочь нашим ребятам, тем, кто вернется, восстановиться и сделать все для того, чтобы они вернулись домой и имели работу.

Сейчас все только в положительную сторону. Все будет хорошо. Будем развиваться, будет развиваться республика, будут строиться новые предприятия, промышленные новые предприятия, промышленные кластеры. Сейчас уже заходят к нам банки, это тоже большой плюс наравне с ПСБ-банком, который уже давно работает. Есть ипотечное кредитование. Уже есть программа развития и строительства новых домов под ипотечное кредитование. Процесс идет.

Селищева Татьяна, учительница, г. Снежное, ДНР

Я — коренной житель города Снежное. При Украине в городе закрывались предприятия, зарплату не платили, а мы были вынуждены уезжать на заработки за границу. Пенсионеры получали крохотные пенсии, инфраструктура города медленно разваливалась, дороги, коммуникации приходили в негодность.

Сейчас в составе России мы сразу увидели, как появились рабочие места, жить стало лучше, услуги стали лучше. Положительные изменения. В нашем го-

роде ремонтируются дороги, проводится ремонт домов, школ, уровень жизни растет. Наш город еще расцветет.

Лоза Ирина, учительница, г. Снежное, ДНР

Я в городе Снежное уже 38 лет. И с уверенностью могу сказать, что, когда мы были в составе Украины, финансирования образования едва хватало на зарплаты учителям. Как следствие, часто бесплатные отпуска и задержка зарплат. В нашей школе была угольная котельная, и в школе было холодно, было в классах при Украине 7—12 градусов.

И не только потому, что старая система, но нам катастрофически не хватало угля, уголь был плохого качества. Кабинеты наши были оснащены еще оборудованием послевоенного времени. В столовой, в библиотеке все было устаревшее. Конечно же, ни о какой информатизации мы даже не мечтали.

И вот сейчас мы в составе России. В нашей школе прошел капитальный ремонт. Обновились все кабинеты. Кабинет физики, химии, биологии на высшем уровне, новое современное оборудование, где ребята могут проводить эксперименты, изучать и знакомиться с новыми, последними словами техники.

Конечно же, нас радует наша библиотека, где у нас не только новая мебель, но и совершенно новая, современная последних изданий литература. Гордимся нашим музеем. Там собраны материалы по истории нашего поселка за последние 300 лет. И конечно же, спасибо большое

Самаре, которая для нашего музея подарила всю самую современную музейную технику и оборудование. Для всех ребят местом радости стал спортзал, где спортинвентарь — весь необходимый для уроков физкультуры. Кабинет информатики — современная техника, не только компьютеры, но информационные доски, принтеры, проекторы — все это позволяет быть ребятам на высоком уровне и получать достойное образование.

Во времена Украины мы даже не мечтали о таких условиях работы. И я верю, что еще много нового, интересного, увлекательного ждет нас и наших ребят, и мы вырастим достойную смену в нашей стране — России.

Тарасенко Елена,
работник сферы культуры,
г. Снежное, ДНР

Я работаю в сфере культуры. Сейчас в составе России за короткий промежуток времени у нас в республике произошло больше положительных изменений, чем за все время, которое мы находились в составе Украины. Ремонт жилых домов, школ, детских садов и учреждений культуры не проводился вовсе. Состояние наших дорог и тротуаров просто катастрофическое. Как работник культуры, могу сказать, что была такая заброшенность дорог, парков, скверов, клубов, домов культуры, что вся культурная жизнь нашего города просто остановилась на месте.

Сейчас мы снова стали частью огромного государства — России. Мы видим ее помощь, ее поддержку

культуры. Мы видим, как строятся и ремонтируются здания и сооружения, как кладутся новые трассы, дороги, строятся и оборудуются всем необходимым больницы. И наше учреждение культуры получает финансовую поддержку от Президентского фонда культурных инициатив. Впервые клубам в сельской местности было выделено новое звуковое оборудование, мультимедийное оборудование и компьютерная техника. Огромная благодарность Самарской области, которая с широкой душой и огромным сердцем помогает нашему городу во всех областях развития стать лучше, красивее, благороднее.

Картамышев Виктор Владимирович, учитель, пгт. Тельманово, ДНР

Я работаю в Ново-Тельмановской гимназии. При Украине практически не уделялось внимание детям, молодежи и нашей гимназии.

После референдума начались хорошие изменения, после воссоединения наш район начал стремительно развиваться, восстановлены дороги, построены детские площадки, облагорожены и реконструированы парковые зоны, отремонтирована гимназия. Продолжается ремонт Тельмановской районной больницы и центрального парка в поселке. Очень большое внимание уделяется развитию детей и молодежи. На форумах они получают премии, участвуют в выставках, соревнованиях, фестивалях. Появляются рабочие места, открываются молодежные и досуговые центры.

Людмила, пгт. Тельманово, ДНР

Я родилась в Тельманово. За долгие годы при Украине в нашем поселке ничего не строилось. А во время украинских обстрелов были повреждены многие здания и инфраструктура.

Но после проведения референдума в поселке восстанавливаются социальные объекты, жилые дома, ремонтируется парковая зона, восстановлен дом творчества, где дети теперь могут заниматься в кружках и секциях. Мы теперь верим, что жизнь у нас будет лучше.

Шабана Валерия Васильевна, пенсионерка, пгт. Тельманово, ДНР

Я — пенсионерка, и, когда мы жили при Украине, нам было очень тяжело. Я всю свою пенсию тратила на коммунальные услуги. После того как у нас прошел референдум, у нас жизнь стала жизнь намного лучше. Восстанавливаются школы, дороги, детские садики. Закончен ремонт Центральной районной больницы. Мы очень рады и благодарны нашим шефам из Подмосковья за такую красоту, за такую любовь к нам. Сделали очень красиво, и мы очень рады, что нам помогают.

Вальковец Анна, студентка, г. Торез, ДНР

Я живу в городе Торезе, я — студентка первого курса Донецкого национального университета. Острой проблемой нашего региона при Украине было плохое качество дорог. В некоторых местах — полное их отсутствие. Отношение к Донбассу было предвзятое. Уже тогда мы ощущали это негативное отношение к себе.

А сейчас отремонтированы тротуары, улучшается система водоснабжения. Построены детские спортивные площадки.

Донбасс всегда будет с Россией, он — русский. Глядя на современную Украину, мы понимаем, что Донбасс выбрал правильный путь. Быть вместе с Россией. Как многие говорят, вернулись в родную гавань.

Огнев Александр, помощник социального работника, г. Торез, ДНР

Я — помощник социального работника маломобильной категории населения. Киев принципиально не вкладывал ни гроша в Донбасс. А в России Донбасс начал активно развиваться.

Российским властям пришлось оперативно решать многочисленные проблемы, которые были устроены пакостным киевским режимом. Постепенно решается проблема водоснабжения. Проложен новый водовод. Эти проблемы создала Украина.

Изменилась ситуация с автомобильными дорогами по сравнению с украинским периодом. Отремонтировано большое количество спортивных объектов и школ. Это большое значение для нашей территории, для нашего населения. Контраст с украинским временем очень велик. Донбасс— это не только земля и территория, это прежде всего люди и население, которые свой выбор в пользу России давно сделали.

Сидоренко Дарья, г. Торез, ДНР

Я воспитываю дочь, которой три годика. После воссоединения Донбасса с Россией уже сделано столько, сколько не сделано было при Украине за 30 лет. Россия относится к Донбассу как к своему ребенку. Она нас защищает, одевает, согревает. Также у нас теперь появилась возможность получить материнский капитал, чего не было при Украине. Очень улучшилась жизнь, ремонтируются дороги, школы и садики. Российские власти вкладывают огромные средства в развитие Донбасса. А на Украине мы были обделенные, мы были им чужие по духу. Сейчас же, после воссоединения, Россия проводит восстановление русских земель, а это дорогого стоит.

Селютина Светлана, г. Харцызск, ДНР

Мне очень нравится сейчас, мне нравится нынешнее время, нынешняя Россия. В нашем городе начинается процветание в культуре, образовании, в инфраструктуре. Не то, что было при Украине. При Украине было уныло, грустно. Все печально было. А сейчас радостно, что у нас начинает возрождаться нормальная культура. И не только культура. Все сейчас лучше. Спасибо, дорогая Россия.

Семенова Евгения Дмитриевна, преподаватель школы, г. Харцызск, ДНР

Я — молодой педагог в школе. Я сама ее выпускница и училась в ней еще когда мы были в составе Украины. И могу с уверенностью сравнить — жизнь в Российской Федерации намного лучше. Это отражается даже на нашей школе. Нам подарили новые ноутбуки, отремонтировали пищеблок, сделали интерактивную доску, подарили в библиотеку, много художественной литературы и учебников, в которых отображается действительная правда произошедшего, а не так, как было при Украине, — все искаженное. Наши детки регулярно выезжают в другие регионы России, бывают в таких детских лагерях,

как «Артек» или же «Снегири». Из моего класса тоже ездили. Выезжают на молодежные форумы — им это все очень сильно нравится. И за это все хочется сказать большое спасибо Российской Федерации.

Тонцова Виктория, кладовщица школы, г. Харцызск, ДНР

Я живу в Харцызске и работаю в школе кладовщицей. В последнее время у нас произошли большие изменения в жизни людей. На улицах стали ремонтировать асфальтированную дорогу, водопровод, теплосеть. У нас в школе сделали ремонт пищеблока, завезли новое оборудование, чего никогда не было при украинской власти. Сейчас Российская Федерация нам очень много помогает, за что ей огромнейшее спасибо.

Кульчицкая Яна, учитель школы № 2, г. Шахтерск, ДНР

Я живу в городе Шахтерске и работаю учителем в Шахтерской основной школе № 21. С возвращением Донбасса домой, в Россию, у нашего региона появились новые возможности. Несмотря на то что продолжа-

ются военные действия, на территории Донбасса идет активная масштабная стройка. Ремонтируются и строятся новые детские сады, школы, больницы, дороги. Все это происходит на наших глазах. За все это огромное спасибо Российской Федерации.

У нас в школе открыт новый компьютерный класс. Мы получили 10 новых компьютеров. Наши ребята получили новые учебники и новую художественную литературу. В школьной столовой — качественное современное оборудование. В школе появилось пространство для того, чтобы нашим детям было качественно и интересно учиться.

Но самое главное, я считаю, что у нас у всех появилась уникальная возможность — как у педагогов, так и у наших ребят — взаимодействовать, сотрудничать и дружить с ребятами практически со всех регионов России. Наши ребята за непродолжительное время смогли посетить университетские смены, побывали на Сахалине, посетили Москву, Тамбов, Петербург и многие другие города. Спасибо огромное России.

Никитась Юлия, студентка Шахтерского экономического колледжа, г. Шахтерск, ДНР

Я — студентка Шахтерского торгово-экономического колледжа. Сейчас у нас появились все возможности для личного роста, участвуем в молодежных проектах, разных конкурсах. Активно развивается спорт и поддерживают спортсменов, людям предоставлена социальная поддержка. Благоустроили разные места, где жители

Шахтерска любят проводить свободное время, отдыхать и прогуливаться. Отремонтированы учебные заведения и дороги. Все хорошо.

Слепцова Екатерина Николаевна, советник директора по воспитанию «Шахтерской гимназии», г. Шахтерск, ДНР

Я — советник директора по воспитанию в шахтерской гимназии. Я вместе с ребятами езжу на всероссийские проекты, акции, мероприятия, слеты. Мы сейчас можем путешествовать, знакомиться с новыми людьми. Такой возможности при Украине не было. И вообще к Донбассу было предвзятое отношение на Украине. Нас там считали убыточным, необразованным и ненужным регионом.

А сейчас, когда наша родина, Россия, взяла нас под свое крыло, Донбасс стал преображаться. Идет капитальный ремонт школ и садов, оборудуются спортивные и детские площадки. Все учащиеся начальных классов обеспечены горячим питанием. Во всех школах и садах есть своя охрана. Школы получили партию ярких и красочных учебников. По ним стало интересно учиться. Постоянная методическая помощь педагогам, социальная поддержка, уровень жизни растет. И в очередной раз мы убеждаемся, что для тех, кто действительно хочет помочь, расстояние — не препятствие. Мы благодарим Россию за ее великодушие и человечность, за поддержку и сотрудничество. Без помощи России мы не смогли бы ни выстоять, ни победить.

Стащук Анастасия, заведующая отделом художественной самодеятельности дома культуры, г. Шахтерск, ДНР

Я работаю заведующей отделом художественной самодеятельности в культурно-досуговом объединении. По старинке — это просто дворец культуры. Родилась и живу в славном городе, городе-труженике, в городе воинской славы— Шахтерске. В 2014 году я была студенткой первого курса Института культуры и искусств Луганского национального университета имени Тараса Шевченко. Строила планы, мечтала, но все оборвалось звонком родителей, которые сказали, чтобы я быстро собиралась. Они выезжают за мной, потому что, кажется, начинается война. И буквально через несколько дней был совершен украинский авиаудар по зданию луганской обладминистрации. Я тогда не понимала, что происходит, отправилась заканчивать обучение в Полтаву. Но смириться с украинской системой у меня не получилось. Как-то резко, за два года, мои одногруппники стали щирыми украинцами, нас вызывали в местную администрацию. Вокруг гордились тем, что их родители состоят в объединениях, которые срывают георгиевские ленточки 9 Мая. Преподаватели, которые служили в Советском Союзе и имеют звания и награды, вдруг забыли о дате 23 февраля. Мне даже диплом выдали синий, требовали говорить по-украински, чтобы получить красный диплом. Но финальной точкой все-таки стали обязательные посещения встреч с героями АТО, которые презентовали свои книги, на страницах которых рассказывали, как они убивали наших.

С 2018 года я работаю во дворце культуры. Я определилась, что такое правда, что такое ложь. Я обрела настоящих друзей. И знаете, тот период при Украине, когда ты чувствуешь себя в изоляции, когда боишься любого шороха....

И те перспективы, которые дала Россия молодым людям, для меня тогда бы казались просто нереальным миром, просто невозможным. Кто бы мог подумать, что у меня появятся друзья во Владивостоке, что с настоящими учеными я побываю на необитаемом острове, познакомлюсь с потрясающими творческими людьми в Тавриде, стану волонтером, выиграю грант, буду писать проект уже на несколько миллионов.

Я вижу, как люди оживают после Украины, оживают после зимней спячки. Мне хочется дарить творчество, создаваемое в этих стенах, видеть улыбки людей, творчество моих профессиональных коллег, творчество их не менее талантливых детей. Мы чувствуем поддержку России. Закупается оборудование, приобретается новая техника. И мы знаем, что дальше будет только лучше и лучше. Мы чувствуем эту любовь народа России. Мы вместе. И это навсегда.

Двореченец Юлия Владимировна, г. Ясиноватая, ДНР

Я — жительница города Ясиноватая. Помните, Украина нам обещала, что наши дети будут сидеть в подвалах и ничего не видеть? Теперь мы видим, что так никогда не будет. Благодаря под-

держке России, при содействии Челябинской области, которая является шеф-регионом нашего города, наши дети побывали на отдыхе в таких городах, как Керчь, Анапа, Челябинск.

Именно Россия восстановила поврежденные объекты в результате агрессии вооруженных сил Украины. Восстановили социальные объекты, школы, детские сады, детскую поликлинику. Туда завезено современное оборудование. В школах и детских садах обновлены пищеблоки, которые не обновлялись на протяжении уже очень многих лет. Произведен ремонт дорог.

Силами Челябинской области в городе открыты и оснащены два новых функциональных центра, построены две городские большие развлекательные зоны для наших детишек с воркаутом, детскими городками, качелями и теннисным столом. Никто не остается без внимания.

Благодаря национальному проекту Российской Федерации «Демография» такая категория людей, как 50 лет и старше, женщины, которые находятся в отпусках по уходу за ребенком до трех лет, они имеют возможность пройти переобучение по самым востребованным профессиям. И все это есть в нашем городе, и это все действительно правда. Благодаря России мы стали одной страной, мы стали одной семьей. Ну а если говорить о республике в целом, можно вспомнить о том, что при Украине руководящие должности занимали кум, брат, сват. А сейчас благодаря таким проектам, как «Лидеры Возрождения», каждый, кто заинтересован в развитии родного региона, может построить карьеру в органах власти. Для молодежи очень много грантовых конкурсов, которые помогут воплотить их мечту в реальность. Вы только задумайтесь, как мало времени прошло, а сколько сделано и сколько

еще будет сделано. Мы стали частью нашей могучей России. И это только начало.

Михеева Татьяна Олеговна, воспитатель детсада, г. Ясиноватая, ДНР

Я — воспитатель детского сада города Ясиноватая, который с 2014 года постоянно обстреливает украинская артиллерия. Город практически находится на передовой, но, несмотря на тяжелую и опасную обстановку, в нем живут и работают люди.

Когда мы присоединились к России, наша жизнь стала стремительно меняться. Ясиноватой друзья из многих регионов оказывают посильную помощь для нормализации жизни людей. Для этого восстанавливают социальные объекты, строят дороги. Благодаря специалистам-шефам региона, городу Челябинску, отремонтировано несколько школ, садиков, больниц. Каждое получило новое оборудование для пищеблока, спортивный инвентарь, оргтехнику. Для младших жителей города постоянно поступают подарки. Наши дети чувствуют всеобщую заботу и внимание. Очень хорошо, что в городе открылись два офиса МФЦ. Выросли пенсии, появился материнский капитал. Заработал на полную мощность израненный Украиной Ясиноватский машиностроительный завод. С момента присоединения к России сейчас это предприятие получило новую жизнь. Возобновилась работа. Его комбайны теперь востребованы по всей территории России.

Яценко Андрей Витальевич, станционный рабочий, г. Ясиноватая, ДНР

Я работаю на станции Ясиноватая станционным рабочим. Общий стаж у меня идет с 1988 года на железной дороге. Последние 10 лет мы работаем в условиях войны, которую развязала Украина, под непрекращающийся свист снарядов, ракет, разрывов. Были разрушены школы, дома, железная дорога и города в целом. Но все жители нашего города живут и видят, как после вхождения в состав Российской Федерации жизнь изменилась в лучшую сторону. Активно восстанавливаются инфраструктура, дороги. Мы живем и верим, что в будущем, в скором будущем, наш прекрасный Донецкий край займет достойное место среди российских регионов.

Северинова Дарья Владимировна, госслужащая, г. Ясиноватая, ДНР

За время существования Донбасса в составе Украины просто использовалось наследие Советского Союза. Донбасс жил и процветал исключительно благодаря трудолюбию и самоотверженности людей. Украина мало вкладывала в развитие Донбасса.

А после того как мы приняли решение присоединиться к большой семье России, мы быстро увидели колоссальные изменения. За такой короткий период времени было сделано невероятно много. Мы видим, как развивается социальная сфера, как много делается для школ, садиков, больниц. Все восстанавливается, все реконструируется. Везде проходят ремонты, появляются новые дороги. Мы ощущаем невероятную поддержку. Мы видим, как заботятся о наших детях. Мы видим, как поддерживают наших стариков. Сейчас мы уверены в завтрашнем дне. Мы живем с ощущением стабильности. Мы понимаем, что Россия нас не оставит и что теперь мы будем жить и процветать. Мы невероятно благодарны России за то, что нас приняли в общую семью, за то, что нас поддерживают, дарят нам надежду на светлое будущее.

СВИДЕТЕЛЬСТВА МИРНЫХ ГРАЖДАН (ЛУГАНСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА)

Михаил Сергеевич Гладков, директор Донбасского конного завода, г. Луганск, ЛНР

После объединении с Россией впервые за тридцать лет на Донецком конном заводе появилась новая техника. Новые трактора, сеялки, все для обработки земли, посевов. И Донецкий конный завод сейчас самостоятельно это все делает. А при Украине, можно сказать, он еле существовал. У нас появились лошади, которых тоже очень давно не было. Это арабское направление мы открыли. К нам лошади приехали из Подмосковья. Арабские, чистокровные. Приехали и добавили наше поголовье чистокровных. Поголовье растет ежедневно, уже практически 240 у нас.

Мы занялись благоустройством. Мы занялись ремонтом зданий и помещений, которых на заводе тысячи квадратных метров. На Украине этого не происходило десятки лет. На Украине все было криминализировано. Деньги, которые конезавод зарабатывал, не оставались на заводе. Люди по два года сидели без зарплаты.

Сейчас у нас все хорошо, серьезные зарплаты. У нас полный соцпакет. Мы восстановили столовую, которая работала в последний раз еще, наверное, в 90-х. Бесплатно кормим сотрудников. Это вообще просто огромные изменения в жизни.

Без Украины мы просто начинаем восстанавливаться. Сейчас у нас развивается патриотическое воспитание детей, которое позволяет детям окунуться в жизнь страны не только в школе, но и побывать во многих местах по России с целью развития, определения себя, найти себя, понять, кем хочет стать ребенок, занять, заинтересовать чем-то. То, чего не было в принципе. Дети с удовольствием участвуют во всех этих мероприятиях, идут в Юнармию. Дошло до того, что просто физически не успеваем доставить форму, найти ее, потому что многие дети хотят. Я считаю, это просто прям очень круто на самом деле.

Это то поколение, которое росло при Украине во лжи, в массе негатива, которые окружали их со всех сторон. Было просто глобальнейшее промывание мозгов. И все, слава Богу, поменялось в корне.

Татьяна Алексеевна Куликова, сотрудник Луганского краеведческого музея, г. Луганск, ЛНР

Расскажу о референдуме, когда у нас был референдум по объединению с Россией. Мы все проголосовали за Россию. Поэтому то, что Россия,

мы сейчас пришли, мы просто вернулись домой. Понимаете? Мы просто вернулись домой. Нам не запрещают теперь разговаривать на русском языке. Нам не запрещают ходить там, где мы хотим. Не запрещают говорить просто. У меня вот сестра в Очакове, они даже с соседями не могут разговаривать на русском. Потому что нельзя. Сразу люди пропадают. Останавливают, забирают.

Вот я вам расскажу просто. Это быль. Это не легенда, это быль. Люди стояли просто за водой. И все очень боялись, что в город войдут украинские танки. Очень боялись. Это был бы расстрел полный всего. Все понимали это. А люди стояли за водой, большая очередь. И вдруг такой гул, вот просто гул. А там они зашли со станицы, с востока. И там такая гора, и как-то не видно, что внизу. И люди все стоят и говорят: «Танки». И все замерли. У всех шок был, просто шок.

И вдруг появляются танки с российскими флагами. Вы знаете, люди плакали и землю целовали. Вот что значит для нас Россия. Россия — это все.

Валентина Григорьевна Кияшко, председатель Луганского регионального объединения Союза женщин России, г. Луганск, ЛНР

В состав России мы вошли с большой радостью, потому что в основном большая часть людей у нас русские, для нас это был очень закономерный вход в Россию.

Сейчас для наших школ приобрели много учебной литературы. Школы оснащаются мебелью, оснащается оборудованием технологическим, игровым. Мы такого не видели при Украине. Все педагоги смогли пройти курсы повышения квалификации в очень престижных заведениях России.

Что касается простых людей, очень много внимания уделяется развитию социальных стандартов. Очень много помощи семьям с детьми, есть программа «Дети в семье». И большое внимание уделяется молодежи. Это очень важно, потому что молодежь, я бы сказала, — двигатель прогресса. Очень много внимания уделяется женщинам. И даже людям, активному долголетию, людям в возрасте. То есть обеспечение людей не пассивной жизнью, а их активное участие в общественной и любой другой жизни нашего общества. Очень большое внимание уделяется вовлечению женщин и в политическую жизнь. У нас очень много женщин сейчас в органах законодательной, исполнительной власти. И вовлечение женщин в предпринимательскую, социально-экономическую деятельность. Это тоже очень важно. То есть можно реализовать от больших проектов до малых. Например, у нас сейчас реализуется проект «Мобильный юрист» от регионального отделения Ассоциации юристов России, и по территории республики оказывают людям бесплатную юридическую помощь. Или, например, работа по компьютерной грамотности для людей старше 55 — 55+. То есть люди, которые вышли на пенсию, они приходят и бесплатно занимаются, их учат работать с компьютером.

В составе России у нас активно создаются различные социальные предпринимательства, начали развиваться некоммерческие организации, которые дают возможность людям реализовать различные проекты. Это очень важно.

Марина Анатольевна Малхосян, педагог, г. Луганск, ЛНР

Я — педагог 20-й школы города Луганска, преподаю обществознание и право. Вы знаете, у меня все время аллегория напрашивается такая, что при Украине Луганск был похож на отсиженную ногу. Знаете, когда нет ощущения жизни, и вот в какой-то момент, когда нога разгибается, начинает жизнь притекать к ноге, она начинает шевелиться, двигаться. Вот такое вот, ровно такое же впечатление у меня от города, потому что сейчас вливается жизнь.

Как только мы стали частью Российской Федерации, я обращаю внимание на то, что стали открываться не только кафе или какие-то ресторанчики, стали открываться спортивные площадки, стали ремонтироваться школы, появилось сразу большое количество книг, очень много внимания уделяется образованию. Мне это очень, как педагогу, очень ценно. Вот это внимание образованию очень ценно, и мне это нравится.

Ну и конечно, я наблюдаю перемены в городе. Потому что за те 20 с копейками лет, которые мы были в составе Украины, в городе практически использовался тот ресурс, который был заложен еще при советской власти. Вот и все. Какие-то банковские, может быть, вырастали здания. А в инфраструктуру, в культуру особенно никто не вкладывался. А сейчас вот это самое ценное. То, что сейчас вложения идут в духовную жизнь, в образование, это самое дорогое. Ну и конечно, ощущение, что мы дома. Дома всегда хорошо.

Теперь все будет только замечательно, еще лучше, чем было. Конечно, с 2014 года было достаточно сложно и психически, и психологически. Выросло целое поколение детей, которые из-за Украины уже не знают, как жить без войны.

Но дело даже не в этом. Дело в том, что Россия — это наш дом, мы так мыслим. Мы абсолютно русские. Хотя национальности у нас тут разные. Вот если вы обратили внимание, у меня армянская фамилия. Но мы здесь по духу русские абсолютно.

Александр Унгер,
предприниматель,
г. Луганск, ЛНР

Я живу в городе Луганске на протяжении 30 лет. Я — участник нашей донбасской «Русской весны», участник боевых действий, человек, который получил достаточное количество тяжелых ранений, продолжил службу. В шестнадцатом году ушел в запас, сейчас занимаюсь коммерческой деятельностью. Поднимаю производство, которое занимается изготовлением мебели и столярных изделий.

При Украине практически все производство было убито. Все разрушено. Заводы-гиганты, которыми славился когда-то Донбасс, они все уничтожены.

После объединения с Россией наша жизнь существенно изменилась. Люди, которые находятся в городе и замечают, какие изменения происходят. У нас идет колоссальный ремонт дорог. Качество людей, жизнь

людей существенно изменилась в лучшую сторону. Улучшения идут и в сфере обучения, и в экономических вопросах. В социальных вопросах, практически по всем направлениям глобальное улучшение и изменения.

Антон Владимирович Рубченко, директор Луганского краеведческого музея, г. Луганск, ЛНР

После объединения с Россией наша музейная жизнь стала намного более активной. У нас сейчас очень много мероприятий, самых различных, делегаций, встреч, общения. Мы сейчас со всей Российской Федерацией общаемся, очень много поездок. За прошлый год мы в самых разных регионах побывали, знакомились со своими коллегами. Сейчас у нас масса совместных проектов.

Сейчас благодаря России у нас идет обновление самого различного оборудования. Мы подтягиваемся до стандартов наших российских учреждений, поэтому, конечно, нам сейчас всяческая помощь в этом плане оказывается. Меняется оборудование, появляются новые подходы. Ремонты наших помещений — это тоже с участием российских организаций. Буквально на днях мы открыли зал, который нам отремонтировали и подарили фактически вместе с оборудованием в музее Московского Кремля. Потом у нас два филиала. Один из них — это в станице Луганской. Он в прошлом году был фактически капитально отремонтирован, этот проект осуществили при поддержке Министерства культуры Российской Феде-

рации. И сейчас этот музей у нас фактически стал музеем Донского казачества. Принимает посетителей очень активно, полностью поменялась экспозиция благодаря помощи Российского исторического общества.

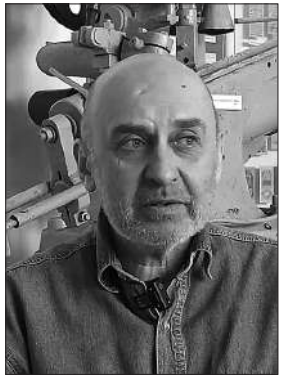
У нас очень активно модернизируется вся инфраструктура в Луганске. Это и улицы, это и самые различные коммуникации. При Украине в городскую инфраструктуру не вкладывали вообще. И сейчас это, конечно, приводит к самым различным авариям. Сейчас просто меняется еще советская инфраструктура, которая со временем пришла в негодность. Ремонтируются улицы, парки новые сейчас отстраиваются, памятники привели в порядок. Все будет обновлено.

Марина Викторовна Якимова, студентка, г. Луганск, ЛНР

После вступления Луганской Республики в состав России всех социальных возможностей стало больше, разные поездки. Мой класс ездил в Уфу.

Выплаты, поддержка народа стала больше. Народ начали слышать наконец-то. Условно говоря, по нашей улице при Украине никогда не было нормальной дороги. Мы пожаловались, ну как пожаловались, мы постоянно заявки подавали, что плохая дорога, пожалуйста, сделайте. Нам только сейчас сделали, это плюс большой. Начали делаться дороги, инфраструктура начала развиваться. Вот многие здания интересные, вот, например, краеведческий музей модернизировали.

Тимур Рафикович Хакимов, м.н.с. Луганского краеведческого музея, г. Луганск, ЛНР

Сейчас с Россией сразу бросается в глаза, что поднимается городская инфраструктура. То, что не делалось на Украине с незапамятных времен, — ремонт коммуникаций, лифтов, инфраструктура, дороги приводятся в порядок. То есть то, что не делалось десятки лет, наконец-то сдвинулось с мертвой точки.

Ну а теперь то, что лично мне нравится, как музейщику, историку, скажем так, — это вот возвращение исторических имен. Это на самом деле имеет большое значение. Символизм — это не просто так, в этом нет ничего сверхъестественного, мистического. Символ — это символ. От него — как корабль ты назовешь, так он и поплывет. Вот с гостиницы «Октябрь» наконец-то исчезла уродливая вывеска «Украина». По документам эта гостиница никогда так не называлась. Ну вот прихоть хозяина, надо было прогнуться под украинскими властями, взяли, прилепили.

Надеюсь, мы наконец-то вспомним, что художественный музей носит имя Артема, соратника Ворошилова. Тем более именно когда Артем был руководителем Донецкой губернии, центр которой находился в Луганске, как раз возникали многие объекты культуры. Кинотеатр «Комсомолец», здание до сих пор сохранилось, изначально КИМ называлось. Тут надо еще не забывать о личности Ворошилова, нашего земляка. Тоже город, все знают, наверное, побил все рекорды

по количеству переименований. То Луганск, то Ворошилов, то Луганск, то Ворошилов. А Артем был одним из тех людей, который именно к культуре, к развитию культуры у нас в городе, области, республике приложил усилия, колоссальные усилия.

Сергей Владимирович Меняйлов, предприниматель, г. Луганск, ЛНР

После вхождения в состав России в первую очередь, конечно, это видим, как починили дороги. Это самая главная, большая проблема у каждого человека, который передвигается на транспорте, бизнес которого связан с транспортом. Наконец-то можно проехать по улицам, хотя бы 60—70 километров разогнаться. Вот это сразу видно. Потом было много разрушенных домов, много разрушенных зданий. А сейчас этого фактически нет. Каждый дом отстроен, каждый дом выкрашен, покрашен, перекрыты крыши.

Едешь и постоянно работы по сей день. Я сегодня тоже удивился, недалеко от меня, проезжал, была старая-старая крыша, железная. Думаю, сколько же она еще будет стоять? И вот сегодня проезжаю, крышу уже перестилают новую, все делают. То есть развитие Луганска идет полным ходом.

Сейчас большое развитие в Луганске. Движение стало безопаснее — дороги и современные машины стали появляться. Конечно, развитие инфраструктуры — вид-

но, как меняют, достают старые трубы горводоканала, меняют на новые, современные. Раньше было железо, сейчас стоит пластик, современный пластик. Вчера тоже проезжал возле котельной. Смотрю, большая какая-то система, большая бочка лежит, паяют, варят, делают. То есть все это меняется, все это отопление, тоже будет полностью сделано заново.

Будут дома строиться, развитие детских площадок, реконструкция стадиона «Авангард», реконструкция площадей, рынков. Новые скамейки, новые лавочки, новые остановки, новый транспорт, для пенсионеров удобно, даже с инвалидными колясками. Я тоже наблюдал недавно, как человек на инвалидной коляске, автобус подъехал, опустилась у него ниша, он туда заехал, поднялось, заехал. То есть это транспорт, который у нас теперь постоянно в Луганске. И не так, как раньше при Украине, — маршрутка открывает дверь, она уже еле едет.

Татьяна Ивановна Байдакова, сотрудник Луганского краеведческого музея, г. Луганск, ЛНР

У нас в городе отремонтировали дороги. У людей появилась какая-то надежда на завтрашнее будущее. Потому что улучшилась медицина. Стали бесплатно делать операции, много медикаментов дается бесплатно. Вот я недавно лежала в больнице. Сейчас я пролечилась там очень задешево. Люди как-то стали более стабильными, надежда есть на будущее. Просто надежда на будущее появилась.

Здесь сквер ремонтируется, лавочки поставили, зеленых насаждений очень много. Появились розы у нас в городе. Хотя у нас всегда был город роз. Просто вот Советская улица у нас полна роз. Светофоры установили, разметка на дорогах. Я сама, например, вожу машину и думаю, как теперь стало легко водить машину. Дома ремонтируются, именно фасады зданий ремонтируются, это я тоже замечаю. Зеленое насаждение на Заречном, на одном из Заречного квартал большой, у нас делают сквер. Будут ледяной дворец, дворец спорта.

Анна Игоревна Еременко, руководитель исполкома «Народный фронт», г. Луганск, ЛНР

Мы все теперь очевидцы тех приятных изменений, которые претерпевает наша республика. Это и дороги, и объекты инфраструктуры. Открываются все новые и новые дома культуры. Например, в Сиротино, это наиболее пострадавший район, находящийся под Северодонецком. Враг там, уходя, собственно, принял решение не оставить камня на камне. Действительно, максимальному разрушению украинцы подвергли объекты жизнеобеспечения, это электроподстанции, водозаборные станции, чтобы оставить людей без примитивных, обычных для нас средств существования, без которых прожить очень сложно. Сейчас процесс восстановления идет семимильными шагами.

Денис Геннадиевич Кривенко, директор департамента социально-гуманитарной и воспитательной работы Луганского государственного университета им. В.И. Даля, г. Луганск, ЛНР

Если смотреть в профессиональном плане, после объединения с Россией у нас появилась возможность для самореализации, новый горизонт в плане карьерных перспектив, обмена опытом с передовыми вузами Российской Федерации. Если брать глобально, то, конечно же, невозможно невооруженным глазом не заметить те изменения, которые произошли после прихода к нам Российской Федерации. Это, конечно же, восстановление инфраструктуры, улучшение качества жизни на порядок. Мы превратимся в один из самых передовых городов юга России.

Денис Юрьевич Кандырин, председатель Луганской республиканской организации профсоюзно-работников агропромышленного комплекса Российской Федерации, г. Луганск, ДНР

После воссоединения с Россией существенно изменилась ситуация в отрасли агропромышленного

комплекса. Работают программы по линии Министерства сельского хозяйства — льготное приобретение сельхозтехники, лизинг на получение сельскохозяйственной техники и машин для сельхозтоваропроизводителей.

После того как мы присоединились, конечно же, вектор на увеличение был поднят существенно, идет обновление материально-технической базы, учебных заведений, высшей школы, образования и специально-технического образования. В перспективе будут развиваться животноводческие комплексы, растениеводство, овощеводство. В планах это есть, потому как мы обговариваем эти вопросы совместно с социальными партнерами, с Министерством сельского хозяйства России, с работодателями нашей республики, проводим выездные совещания, встречи с аграриями. Существенно увеличился минимальный размер оплаты труда.Идет целевая помощь от наших исполнительных органов власти для наших производителей, ведется капитальный ремонт дорог, что улучшает, конечно же, логистическую связь для сельхозтоваропроизводителей по перевозке сельхозпродукции.

Сергей Борисович Краснощеков, Союз добровольцев Донбасса, г. Луганск, ЛНР

После вхождения в состав России жизнь в Луганске изменилась очень сильно. Люди ощутили силу и поддержку Большой России, интерес людей к событи-

ям, которые у нас здесь происходят. Я сам лично познакомился с огромным количеством общественников, представителей власти, волонтеров.

Во времена украинской власти делалось в Луганске очень мало. В очень плохом состоянии жилые дома, не было нормальных дорог, освещения. И после 2014 года, после агрессии Украины было тяжело.

Сейчас Луганск стал просторным и светлым городом, потому что на основных центральных улицах у нас установлены яркие новые фонари. Даже восприятие центра города очень сильно поменялось. У нас отремонтировали несколько крупных парков. Луганск стал просторным, стал свободным. Люди ощутили, что у них есть будущее, что они частичка большой, сильной страны. Я познакомился с очень большим количеством интересных людей. Когда с ними общаешься, понимаешь, насколько Россия огромная, насколько она разная. Но насколько мы все равно едины в это трудное, в это непростое время.

Александр Пономарев, настоятель храма в честь иконы Божьей Матери и Умиления, г. Луганск, ЛНР

Очень важно, что сегодня в составе России церковная жизнь имеет стабильность и перспективу дальнейшего развития. Потому что ранее, когда мы находились у Украинской православной церкви, была очень сложная ситуация ввиду расхождения по многим вопросам в рамках мировоззрения,

в рамках тех вопросов, которые становились каждый день. Сложно было в богослужебном плане, в архитектурном благоизменении, в миссионерской деятельности.

Сейчас для нас открыты кабинеты любых государственных деятелей. Сегодня мы, как церковные деятели, встречаемся со многими государственными служащими, с общественниками. Продвигаем социальные концепции Русской православной церкви в политическое пространство в некоммерческий сектор, в общественные коллективы.

Владислав Горбатюк,
студент, г. Луганск, ЛНР

После объединения произошло огромное количество изменений к лучшему. Особенно очень хочу отметить те изменения, которые произошли в моем родном университете. Это ремонт общежитий для студентов. Сейчас происходит ремонт корпусов моего факультета, в том числе тот, в котором мы обучаемся работе с приборами и электроэнергетикой.

На производстве, на наших будущих рабочих местах происходит обновление оборудования, выделяется финансирование на ремонт высоковольтных линий электропередачи, которые до объединения с Российской Федерацией были в плохом состоянии. В данный момент все обновляется, улучшается, и работать на них будет достаточно просто и эффективно.

В студенческой жизни появилась возможность посещать разные форумы, у нас появилось повышение

квалификации, разные стажировки. В ЛНР стали активно открываться молодежные организации.

Василина Елена Геннадьевна, член Экспертного совета Общественной палаты ЛНР, г. Луганск, ЛНР

Я — советник ректора Луганского государственного университета. После воссоединения с Россией Луганская Народная Республика и ее экономика расцвели. Это касается всех моментов общественной жизни, здравоохранения, образования. Выстроены логистические цепочки со всеми регионами Российской Федерации. Наши промышленные, сельскохозяйственные предприятия получают любые преференции после вхождения в свободную экономическую зону.

Что касается лично меня как преподавателя, то система высшего образования в Луганской Народной Республике интегрируется в образовательный процесс Российской Федерации. Созданы максимальные условия для возможностей реализации для наших студентов, наших детей. Нам дают возможность участвовать и быть наравне со всеми субъектами Российской Федерации.

У нас в университете созданы пять новых лабораторий, в которых закуплено самое современное оборудование, позволяющее студентам развиваться и быть компетентными, способными профессионалами, чего раньше при Украине невозможно было. Создаются кампусы, идут ремонты во всем университете, в об-

щежитиях. То есть это такой рывок, который в нашем университете не видели лет тридцать.

Мы очень счастливы, рады, что есть такая у нас возможность. Что наконец-то мы можем идти в ногу со временем и готовить именно тех специалистов, которые непосредственно необходимы нашему государству для того, чтобы быть конкурентоспособными. Инженеров, конечно же, мы тоже готовим. Сейчас большой упор идет на то, чтобы готовить специалистов IT-технологий. Закуплено полностью все оборудование.

Вы не представляете, какие при Украине у нас были тяжелые условия. Теперь наши преподаватели имеют возможность заниматься наукой. Наши преподаватели, наши профессора ездят в другие субъекты Российской Федерации, встречаются, обмениваются опытом, получают колоссальные знания. Мы идем в ногу со временем. Мы очень благодарны. Мы расцвели. Наши студенты имеют возможность ездить в крупные города: в Москву, в Питер. С нашим университетом заключены партнерские соглашения с Бауманкой и другими российскими федеральными вузами, которые дают колоссальные возможности для реализации.

Ровнов Никита Сергеевич, студент Академии культуры и искусств им. М. Матусовского, г. Луганск, ЛНР

После объединения студенты стали занимать более активную позицию. Мы благодаря России стали принимать участие в раз-

личных конференциях, выезжать за пределы республики в Россию и там принимать участие в разных форумах, мастер-классах, интенсивах. А при Украине этим не занимался никто.

Например, я выезжал в офис президентского фонда культурных инициатив. Он у нас в прошлом году начал функционировать, этот проектный офис. И это дает возможность не только студентам, а и просто любым людям, у которых есть идеи, которые хотят как-то сами преобразовать город, если увидят какую-то проблему. Они могут получить поддержку от этого фонда.

Тютюнникова Виктория Анатольевна, Ассоциации юристов России в ЛНР, г. Луганск, ЛНР

Вы знаете, я даже скажу так, мы не то что вошли, мы, наверное, ворвались в состав Российской Федерации, потому что начиная с 2014 года, с момента образования Луганской Народной Республики, мы очень ждали этого знакового для нас события.

И жизнь изменилась к лучшему. Для меня, как для практикующего адвоката, что самое главное? Что Конституция Российской Федерации является не просто Основным законом государства, а действительно контролирует, гарантирует и дает возможность защиты права, защиты закона, защиты всех правоотношений граждан нашей республики.

У нас изменились меры государственной поддержки. Люди чувствуют защиту. Но самое главное, что

люди чувствуют целостность с Россией и свободу от Украины.

У нас очень изменилось отношение к маломобильным гражданам. Граждане имеют возможность получения бесплатной помощи. Благодаря тому что мы стали полноправным субъектом Российской Федерации, у нас было создано региональное отделение Ассоциации юристов России Луганской Народной Республики, которое сейчас работает. У нас юристы выезжают на освобожденные территории, и граждане имеют возможность бесплатно получить русскую консультацию, письменную консультацию, сопровождение правовых вопросов в суде государственных органов, составление правовых документов.

Раньше мы такого не могли себе позволить и даже об этом думать в составе Украины. Далее. Также у нас реализуются проекты правового просвещения. На сегодняшний день все актуальные вопросы рассматриваются. Благодаря нахождению в составе Российской Федерации мы понимаем, что значимые социально-правовые проекты поддерживаются. Мы понимаем, что сейчас у нас есть Общественная палата Луганской Народной Республики, где любой общественник может проявить инициативу и отработать тот социальный проект, который будет во благо людей.

СВИДЕТЕЛЬСТВА МИРНЫХ ГРАЖДАН (ЗАПОРОЖСКАЯ ОБЛАСТЬ)

Коломоец София Николаевна, студентка, г. Васильевка, Запорожская область

У нас в Васильевке после того, как она вошла в состав России, новые власти стали намного внимательнее к людям. То есть сейчас идет много обращений, и они все рассматриваются. Нет такого, что написали и отбросили эту бумажку. Она действительно рассматривается, действительно делается все. То есть там для той же ходьбы мостик сделать. Пожалуйста, макеты, все. То есть в течение месяца мостик этот готов.

Здравоохранение, здоровье, работа больниц — это все намного проще, намного быстрее, чем при Украине. Операции, по сути, многие бесплатно сейчас делаются, когда за это раньше очень много денег отдавалось и неоткуда было их взять. То есть многие продавали там вещи, машины, еще что-то, там, если операция требовалась серьезная. Вот, допустим, лазерная коррекция зрения. Сейчас это в разы дешевле получается.

Для молодежи стало очень много возможностей. Я тоже пользуюсь всеми возможностями. Поездки,

обучение, очень много всего. Если раньше даже в нашей Васильевке не было общественных активистов, волонтерства, то сейчас это все очень активно развивается, детям есть чем себя занять, и это просто замечательно. И это замечательно. Есть российское движение детей и молодежи от семи и до 16, есть «Юг молодой» — от 14 до 35 лет. Очень много путешествий на бесплатной основе по России, очень много обучающих программ, и это очень полезно нам.

Владислав, студент,
г. Мелитополь,
Запорожская область

Мне 18 лет, я студент второго курса менеджмента, живу в Мелитополе. После объединения сильно стало лучше. Намного лучше в плане того, что намного-намного, в несколько раз проще поступить в высшие учебные заведения, на бюджет. При Украине это было практически невозможно. Либо давать взятку и поступать на бюджет, либо платить как контрактник. А многим семьям это было недоступно, многие не могли оплатить контракт либо же дать большую взятку. Экзамены тоже сдавались за взятки. Это ни для кого не было секретом, об этом говорили открыто и напрямую, что даешь взятку и поступаешь. Лично я слышал, наверное, сотни рассказов от своих бывших одноклассников и знакомых, то есть в параллели старшеклассников и так далее, что они просто приходили, давали взятку открытую, приходили, давали деньги, и все, им ставили оценку

хорошую. И они уходили. Потом в учебное заведение вышли либо на бюджет, по связям только возможно было, или тоже за взятку. То есть пробиться было очень тяжело. Многие здесь из украинской власти считали обычных людей как бы низшим слоем общества, которые способны только руками работать, а головой особо не способны ничего.

Сейчас при России намного доступнее рабочие места, намного доступнее те же высшие учебные заведения. Что еще я еще хочу отдельно сказать, так это — больницы, то есть медицина. Еще при Украине у меня у отца был инфаркт. Я тогда до этого работал на поле — как подработка. Мне было 16 лет. Я заработал себе на выпускной, по итогу пришлось за лечение отцу, которое в России бесплатное, пришлось за лечение отдать все — более 20 тысяч гривен. То есть свои заработанные деньги я отдал лишь на лечение. Проблема еще была в том, что он сидел в приемном покое, так называемом, и его просто не могли перевезти в палату. То есть человек буквально почти что умирал, у него было давление, у него была рвота с кровью вперемешку, и он просто не мог лечь в палату, получить медицинское обслуживание — за него требовали деньги.

Сейчас при России все будет только в положительную сторону, исключительно в положительную сторону. Это видно по развитию, видно, насколько быстро развиваемся. Видно, как быстро строятся дороги. Видно, как развивается медицина, как высшие учебные заведения становятся все более доступными. Все более и более доступны рабочие места для обычных людей и для молодых людей. То есть каждый может себя проявить как хочет. Все мои знакомые, все мои друзья, родственники настроены только положительно.

Корненко Александр Валерьевич, житель г. Пологи, Запорожская область

В России как-то нет вот этой навязанности, ощущения того, что тебе навязывают какую-то одну точку зрения. То есть при Украине ты должен был думать только так и не иначе, иначе ты враг. Сейчас я могу думать как угодно в принципе и оценивать все, что происходит с любой стороны. И в принципе можно об этом свободно говорить, даже если общаешься с любым человеком. Люди понимают, что у тебя может быть другая точка зрения. При Украине об этом даже заикаться в принципе нельзя было.

После того как Запорожская область стала частью Российской Федерации, люди получили паспорта Российской Федерации и, естественно, социальные выплаты и льготы, которые должны получать граждане Российской Федерации. И пенсии, и прочие вещи. Люди получают гуманитарную помощь.

Пенсия стала больше. Пенсионеры открыто говорят о том, что они сейчас нормально могут купить колбасу. При Украине всю пенсию съедала коммуналка, и люди выживали, скажем так. Сейчас пенсионеры могут покупать себе в принципе что угодно на ту пенсию, которая у них есть.

У молодежи появились новые возможности. Молодежь имеет возможность сейчас из Запорожской области учиться в любом вузе Российской Федерации. И для них это все бесплатно.

Из-за того что мы постоянно под украинскими обстрелами, конечно, тяжело сейчас развивать молодежное движение. Но все же, к примеру, открывается молодежный центр. У людей появилась перспектива участвовать, развиваться, куда-то ехать и обучаться. И таких разных моментов много.

А при Украине была перспектива только где-то отучиться и поехать на заработки за границу. Был колоссальный отток молодежи. Сейчас у молодежи есть перспектива, есть чем заняться и есть как развиваться. И для этого создаются все условия.

Руслан, студент, Мелитополь, Запорожская область

Я учусь на факультете менеджмент — управление персоналом. Учусь бесплатно, такая возможность появилась только после прихода в Российскую Федерацию, потому что при Украине не было возможности — это все было платно. Я пробовал поступить, но очень много денег просили за это. На тот момент взятка была около 4 тысяч долларов за бюджетное место. На этот же факультет.

Сейчас бесплатно полностью поступил, вообще без каких-либо проблем. Получаю образование.

После объединения с Россией ситуация во всем стала только лучше. В городе начали делать дороги, доводить город до ума. Криминальная обстановка стала меньше, то есть работают правоохранительные органы. Хотя бы уже не страшно ходить по улице, что где-то

будут лазить бандиты или черт знает кто. При Украине ночью на улице спокойно могли обворовать. Сейчас этого нет. Росгвардия у нас каждый вечер проходит патрулями, то есть можно всегда обратиться за помощью. Даже появилась возможность просто дозвониться до полиции, вызвать наряд ДПС тот же. Если какая-то ситуация на дороге либо просто наряд полиции, если что-то в городе случилось.

Благоустраивается город. Наконец-то он стал красивее. Люди, что приезжают, хвалят очень город. Вот у меня знакомый даже вернулся, он при войне уехал, вначале в Германию, сейчас вернулся и говорит, что он даже город не узнает, говорит, город стал лучше.

Алина, 26 лет, студентка, г. Мелитополь, Запорожская область

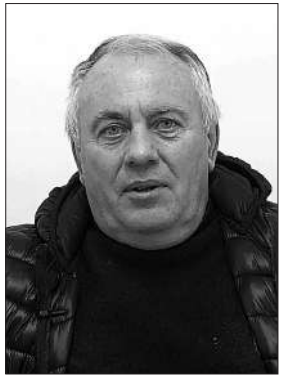

Я раньше работала на почте. А сейчас на данный момент я — студентка университета, учусь на экономическом факультете. После прихода России жизнь очень сильно изменилась — начали отстраивать садики, школы, обустраивать город, инфраструктуру города. Появилось много возможностей найти работу, много разных интересных вакансий. Я очень хорошо это заметила, когда искала работу. Существенно изменился размер заработной платы. Намного больше, чем при Украине. Достойно оплачивают труд, а раньше были зарплаты маленькие. Мы уже стали Россией, стали частью большой страны. Я сама давно этого ждала.

Надежда, с. Новобогдановка, Запорожская область

При Украине мне денег не хватало вообще. Мне только пенсия пришла, и я ее на коммуналку истратила, и все. Сейчас в России мне намного легче. Я оделась и обулась, и коммуналку плачу, и мне на все хватает. Мне при Украине поставили диагноз — катаракта. Я операцию сделать не могла. А я уже сделала ее здесь, в России, и бесплатно. А на Украине я бы не насобирала 25 тысяч гривен на один глаз. А в России я бесплатно сделала. Оба глаза. Мне намного лучше. Мне очень хорошо сейчас в России.

Сергей Карлович Карин, г. Токмак, Запорожская область

На Украине после 2014-го могли на блокпосту остановить, забрать деньги, хамили, грубили, пьяные украинские военные лазили. С памятниками воевали, поломали памятник партизанам ВОВ. Ну уничтожали все что хотели. Завод был у нас, 11 тысяч человек работали, разворовали его. Там руины стоят, и все. Даже камни выкопали из земли.

А сейчас в составе России жизнь изменилась в лучшую сторону. Пенсионеры стали получать пенсию.

В разы больше, чем при Украине была. Пенсионер может одеться, обуться, пойти кусочек мяса взять себе покушать. В лучшую сторону. Порядки наводятся в парках, здесь все благоустроено. Памятники восстанавливают. Памятник партизанам восстановили на 100% полностью. Стоит красиво теперь.

Медицина стала бесплатной у нас. Дети в школы ходят, ремонтируют все. При Украине к врачу идешь, все, что нужно, покупаешь. Лекарства дорогие были. Сейчас лекарства стали дешевле. Сейчас нужно, взял направление, поехал, бесплатно лечить будут.

Теперь с Россией все наладится, будет все хорошо у нас.

Наталья Грибачева,
г. Мелитополь,
Запорожская область

В составе России жизнь изменилась просто в очень хорошую сторону. Улучшились дороги. У нас дороги просто были ужасные при Украине. При России сейчас делаются дороги, открываются заводы, людям даются рабочие места. Коммунальные услуги у нас при Украине были просто высокими. Благодаря тому, что к нам пришла Россия, у нас опустились все цены, низкие коммунальные услуги, медицина, оборудование завозится, также медикаменты, все для людей, бесплатное лечение. Также в школах деткам тепло, в садике не стоят печки, как при Украине стояли, сейчас отопление просто хорошее.

Алена Александровна Карпишина, г. Токмак, Запорожская область

Жизнь в России намного лучше, чем при Украине. Много пенсионеров, много даже матерей-одиночек с детьми, которые, раньше при Украине получали очень маленькие деньги и не могли ребенку ничего позволить, сейчас могут, ну очень много чего. Плюс санаториев для детей много открылось, которые можно бесплатно посетить, плюс больницы для детей, врачи, бесплатно анализы сдать, бесплатно УЗИ пройти. Такого раньше при Украине не было.

При Украине за все это надо было платить деньги. Деньги были немаленькие. Вот сейчас даже люди приходят, например, пенсионеры, им говорят: «Тебе не надо ни за что платить, это все бесплатно». Они не могут в это поверить. Они довольны вплоть до слез.

Им нравится, что вернулось то время, когда они жили в молодости, когда они могли что-то себе позволить, свободно жить, свободно питаться. Им не нужно считать копейки, за коммуналку сейчас заплатить. Они видят, что могут заплатить эту коммуналку и купить себе что-то еще за свои деньги. Ну то есть они могут много чего себе позволить.

После объединения с Россией много чего изменилось и много чего изменяется в плане парков, садиков, восстановления всего. Вот даже сейчас мой ребенок ходит в садик, и садик полностью бесплатный. То есть бесплатно и питание очень хорошее в садике, воспитание, игрушки — постоянно ребенок с какой-то игруш-

кой приходит, подарки на Новый год. Ребенок очень удивляется, радуется, забирает большую кучу конфет, высыпает дома. Говорит, мама, это все нам. Говорю, да, это тебе принес Мороз. И ребенку это очень нравится. И мне нравится, что так все изменяется. Поэтому намного лучше сейчас стало жить, чем при Украине. Намного легче и лучше.

Даже наш Токмак через какой-то год мы не узнаем, потому что будет много новых построек, даже тех же парков, которые будут выстраивать, скверы делать. Мы сможем с детьми гулять в парке, который при Украине был заброшен. Никому тогда он не нужен был и зарос. Его уже начали восстанавливать, чистят, подрезают кусты, все убирают, дворники ходят, и парк уже восстанавливается. Я уверена, что теперь все будет хорошо, все только будет лучше.

Фаина, с. Новобогдановка, Запорожская область

Сейчас люди стали жить лучше. В этом году запустили газ, нам помогли начать собирать документы о потере по проекту по дому. Администрация мелитопольская нам помогла найти эти документы. Дети ездили в Москву, Петербург на каникулах. Платежки. Не только у нас. Платежки за свет меньше стали. Мы можем их заплатить. За газ намного реальнее оплатить эти все услуги.

При Укарине мы не могли провести газ, потому что у нас не хватало финансов. Тяжело было все в финансах.

А сейчас мы можем себе позволить провести газ. Сам газ для нас — мы можем платить, даже не задумываясь. Да, сейчас за услуги газа нам доступно и легко платить. При Украине невозможно было.

У меня внучка ходит на вокал, проходят разные праздники выездные, они выезжают, они там поют, какие-то награждения происходят, и сейчас тоже должна у меня внучка ехать, их будут поздравлять и грамоту вручать. Детям кружки развивающиеся сделали, они очень довольны. Вот внимания детям ну заметно побольше стало. Кружки развивающие и в школе, и волейбол, и футбол.

А при Украине не давали на русском говорить. Я работала уборщицей, мне сказали, что вы должны или на украинском, или будете получать штрафы.

Дмитрий Владимирович Кириченко, руководитель новобогдановского участка по водоснабжению с. Новобогдановка, г. Мелитополь

Я руководитель участка по водоснабжению. С момента прихода Российской Федерации намного жизнь улучшилась по сравнению с тем, что было при Украине. Улучшилась жизнедеятельность села. Водопроводы начали менять, начали башни менять, начали выделять средства на замену водопроводов.

При Украине... В общем, можно сказать, ничего не делалось. А при России я намного лучше стал жить,

и жители намного лучше, стали выдаваться пенсии, зарплаты поболее. В общем, более-менее жизнь налаживается. Будем развиваться. В Российской Федерации наше село, наш район, наш регион намного будет лучше, чем было при Украине.

Светлана Николаевна Селенова, г. Мелитополь, Запорожская область

Мне 52 года, я работаю в колл-центре. При Украине работала в Польше, не от хорошей жизни. Мне надо было помочь детям, у меня трое детей, внуки, надо было помочь себе, купить здесь хотелось жилье. Но Польша отразилась на моем здоровье очень сильно, здоровье мое подорвано, потому что работали по 12 часов, ночные смены. Ничего нормально не заработали, привезли немного, и все на здоровье ушло.

Я работала по 12 часов в Польше пять лет. Жили в хостеле, по 8 человек в комнате, никто не давал там отдельно для семейной пары жилье. Я работала на производстве колбасных изделий в холодном цеху, где минус 10, поднимала тяжести. Сейчас страдаю и варикозом, и всем чем можно. Мы все привезли оттуда кучу болячек. Периодически приезжали сюда, потому что здесь родители.

После объединения с Россией я работаю здесь, у меня есть стабильная работа, у меня есть стабильная зарплата. Никуда не надо ехать. Я могу помочь детям, внукам. Я на данный момент, в свои 52 года, здесь при

России уже заработала на машину. Я покупаю «Шевроле» в феврале месяце.

Для меня очень многое изменилось. Я не еду никуда. Я у себя дома. У меня рядом дети, внуки, мои родители, ни за кого не переживаю. В нашем городе, в Мелитополе, начали ремонтироваться дороги, многие здания, которые были брошены, тоже восстанавливаются. Я — россиянка, и дальше будет еще лучше.

Валентина, г. Мелитополь, Запорожская область

В России нам стало жить легче. Пенсию с мужем получили нормальную, достойную. Так как стажа 42 года, еще и вредный был стаж — вредная была работа. А украинской моей пенсии не было. И все говорили, что у меня то справки нет, то еще чего-то нет. В итоге я российскую получила нормальную пенсию. Жизнь стала легче.

Внучка в «Артек» съездила. Мы в такой лагерь ни разу не ездили при Украине. Больше работы стало для людей. И такая работа, что именно они отучились, она соответствует их профессии. Дочке за 30, но она по своей профессии в жизни не работала. А сейчас она нашла работу, нормальную работу и зарплату. По своей экономической части. И зять точно так же. А на Украине... кто где работал, то в магазине, то еще как попало, хотя у обоих высшее образование, и притом с красным дипломом.

Таисия, г. Мелитополь, Запорожская область

После объединения у детей появилась возможность посещать всякие курорты, лагери, санатории, то есть школы вывозят детей вот во всякие санатории, всякие мероприятия, то есть концертов больше стало, ну лучше стало жить.

При Украине надо было за все платить, а сейчас это все бесплатно происходит. То есть набираются дети по школам, ну желающие дети. Кто желает поехать, тот всегда может. Вот одна партия поехала, следующую партию уже набирают детей. Возят в Питер, в Москву, в Крым. Там много куда ездят дети.

Пенсии повысились. У меня отец пенсионер, у меня супруг пенсионер. Им намного легче стало, лучше стало. Даже в магазинах больше стало выбора продукции.

Светлана, г. Мелитополь, Запорожская область

После референдума мы стали лучше жить, намного лучше стали жить. Даже смотря на своих родителей, они стали лучше получать пенсию, они могут прийти, купить колбасы вкусные. Они могут позволить себе сыр, могут позволить себе йогурт, все продукты. При Украине могли только самое дешевое. А сейчас и продукция очень хорошая, российская. Люди приходят,

покупают, хвалят. Качество выше намного. У меня мама, выходит, получает пенсию, которая вполне достойная.

Я работала продавцом в магазине, я работала кассиром в банке, я работала на кирпичном заводе.

При России здесь наконец появились рабочие места, хорошая заработная плата, хорошее отношение к людям, руководство стало совсем другое, не такое, как было при Украине. Город развивается, города развиваются, делаются дороги, открываются аптеки, открываются магазины, предприятия. Очень хорошо становится в городе.

В России стали по-человечески к людям относиться, прислушиваться к нашему мнению, начинают относиться к нам с уважением, не так, как было раньше при Украине. Сейчас такого нет. Сейчас новая власть, прислушиваются с уважением. Голос не повышают. Очень-очень кардинально поменялось все. В лучшую сторону.

С приходом новой власти все кардинально меняется в лучшую сторону. Российская власть как-то хорошо людей воспитывает. Люди совсем поменялись. В лучшую сторону.

Идет СВО, но у нас ремонтируются дороги, открываются магазины, появляются рабочие места. Мне кажется, что будет намного лучше, чем даже есть сейчас.

Наталья Викторовна Левченко, г. Мелитополь, Запорожская область

При Украине работы хорошей я не могла найти. Мы зеленью занимались, дома выращивали зелень у нас, и мы так продавали, сдавали. Вот этими

деньгами мы жили как-то так. Таким способом мы жили.

При России я нашла замечательную работу. Очень замечательную. Вот где я сейчас работаю, вместе с Россией. И вот меня приняла наша Юлия Евгеньевна на работу. Я очень удивилась. Почему? Потому что, как бы я уже не молодая, тяжело было у нас устроиться на работу. Меня она взяла. Она мне дала на хлеб заработать. И таким способом, да, я уже второй год работаю на этой работе.

Я при России зарабатываю денежку. Мы второй год живем по-человечески. Мы выжили тот трудный украинский период, когда было очень страшно, когда все, ну это ужас был. А теперь, слава Богу, в доме тепло, газ, как бы, да, вы-то понимаете, какой, ну в доме тепло, и газ дешевый, и свет дешевый. А при Украине в доме было очень холодно. За газ было тяжело заплатить, мы не платили, зарплата-то маленькая. Коммуналка высокая, поэтому мы частями выплачивали.

Леонид Александрович Собко, председатель мелитопольского спортивного общества «Фокис», г. Мелитополь, Запорожская область

Я председатель мелитопольского спортивного общества «Фокис». У нас инвалиды занимаются спортом. Инвалиды-спортсмены, которые не дома сидят, а хотят заниматься для своего развития и для общения, потому что

инвалидам тяжело. Мы много занимаемся настольным теннисом, и это для опорно-двигательной системы для инвалидов очень хорошо.

Когда мы стали частью России, инвалиды получили возможность что-то купить. То, что они не могли при Украине. Они только ходили и на это смотрели. Сейчас, на данный момент, они могут пойти что-то купить. Из-за того, что коммунальные платежи стали гораздо меньше. То есть, если раньше он приходил в магазин и на это смотрел или мог купить там раз в полгода ту же красную рыбу кусочек, а сейчас он может это себе позволить. У них еда стала более доступна, потому что раньше большая часть пенсии, у кого-то даже вся пенсия уходила чисто на коммунальные. А коммунальные платежи стали меньше, поэтому многие могут себе что-то позволить купить.

Медицина вообще стала лучше, нам в город сейчас завозят оборудование. А если надо, в Крым или в Ростов можно поехать. Я человека возил, и ему операцию сделали бесплатно. То есть медицина гораздо лучше, чем на Украине.

Наталья Александровна Романиченко, глава Васильевского муниципального округа, г. Васильевка, Запорожская область

Знаете, я часто слышу от наших жителей: «Мы в России впервые чувствуем себя нужными». И это самое важное, потому

что на Украине в какую дверь ни постучись, везде, даже там, даже администрация, зайти в кабинет к главе либо в какой-то отдел, да, нужно идти было на поклон.

И я сейчас сталкиваюсь с тем, что приходят ко мне жители на прием, и вот заходит человек, трусится, я говорю: что с вами? Да вот я переживаю, ну вы же там глава. Я говорю: «Ну я ничем не отличаюсь от вас. Я такой же человек, только у меня ответственности гораздо больше». То есть я ничем не отличаюсь. Иду по улице, да, подходят жители и задают вопросы. Я ни одному человеку не сказала — там вот в приемный день запишитесь, там на прием или у меня нет приемных дней, нет приемных часов. Если я на месте, я всегда готова принять любого человека. Иногда даже бабушки приходят без конкретного вопроса, а просто вот знаете, интерес. А примет ли меня? Ну то есть, а как отреагируют?

Я раздаю всем свой номер телефона личный. Это очень редко, когда телефон не звонит. И бывают такие ситуации просто, когда нужно оперативно среагировать, и человеку больше некому позвонить. И звонят мне. Конечно, бывают такие звонки, знаете, когда там в 7 утра в воскресенье звонят и говорят, вы скажите, а почему у нас нет света где-то там? Я говорю, ну я не диспетчер, вечер, «Таврия Энерго», но я сейчас позвоню, узнаю вам, перезвоню и скажу. И перезваниваю, даю ответы, потому что это важно.

Как-то в пол-одиннадцатого вечера поступил звонок, и женщина говорит, у ребенка приступ, скорее всего, эпилепсии, до скорой помощи, ну не довезем, потому что комендантский час, и вот активные обстрелы тогда были. Помогите, я не знаю, кому звонить. Вот вам еле дозвонилась. Это колхозная территория, туда очень часто прилетало.

Я с ребятами быстро прыгнула в машину, едем. И ребята еще говорят, ну ты понимаешь, что это может быть провокация, учитывая, что киевский режим на меня несколько покушений готовил. Я говорю, понимаю. Ну а если это действительно ребенок, которому нужна наша помощь? И мы приехали, действительно там на бордюре женщина с пятилетней девочкой сидели. Мы в машину, в больницу отвезли, девочке сразу же оказали помощь. Действительно был приступ эпилепсии. Вот когда складываются такие моменты, понимаешь, что по-другому нельзя.

Вячеслав Игоревич Дядько, г. Мелитополь, Запорожская область

В последние годы я работал, до этого учился на электрогазосварщика, на официанта, в сферах продажи работал и работал официантом, много где работал, разнорабочий, можно так сказать.

Сейчас по сравнению с Украиной жизнь изменилась в лучшую сторону, и по всем параметрам. К примеру, ЖКХ стали порядком дешевле, изменилась пенсия, образование улучшилось, развитие города происходит, все обустраивается, все делается красиво. В общем, жизнь изменилась только в лучшую сторону.

При Украине ЖКХ были очень высокие, при этом была маленькая, мизерная, пенсия. Людям не хватало, чтобы прожить на эту пенсию, еще заплатить ЖКХ, люди оставались должны.

Сейчас образование улучшилось, сейчас стало больше учителей, больше вкладывается в образование молодежи, обучают их больше и лучше, и качественно. Привезли даже новую технику, оборудование для информатики. Раньше в школах при Украине такого толком не было ничего. То есть те же даже компьютеры были очень старые, и ничему, программированию не учили. Сейчас же наоборот. Начали обучать этому все. Привезли технику к нам в город. Вот преподаватели стали порядком другие. Некоторые могут больше преподнести молодежи информации, чем раньше было.

Многие преподаватели просто выполняли свою функцию, чтобы получить зарплату. Сейчас же стараются, наоборот, донести молодежи больше информации, вложить в них больше перспективы, чтобы они больше умели. Чтобы дети чему-то научились, чтобы им было весело в школах.

Тот же город обустроился, парки обустроились, крыши перекрылись. Я вижу только перспективу хорошую, самую наилучшую.

Анастасия Евгеньевна Богденко, руководитель вокальной студии «Созвездие», г. Мелитополь, Запорожская область

С приходом России культура в Мелитополе начала расцветать новыми силами, новыми красками. Украинская власть запрещала петь на русском языке, разговаривать на русском языке. Такие праздники, как 9 Мая, традиционные

праздники российские, их запрещали. Сейчас же теперь у нас в Мелитополе все культурные сферы, для молодежи, для детей, программы культурные. То есть дети начали посещать их. Они стали бесплатными. То есть каждый ребенок, который хочет спорт, либо же это вокал, танцы, ну неважно, разные сферы культуры, могут себе позволить ходить на разные секции.

Виктория Александровна Сидометова, студентка, г. Мелитополь, Запорожская область

Я учусь в Мелитопольском государственном университете на социального работника.

После объединения с Россий стало лучше обучение. Мы сейчас учимся на бесплатной основе, получаем стипендию, живем бесплатно в общежитии. Появилась возможность путешествовать, посещать за счет государства новые города, участвовать в различных мероприятиях, появилось множество некоммерческих организаций, в которые ты можешь пойти, попробовать себя, найти себя, также найти работу, вступить в волонтеры, помогать людям, делать добро и при этом еще и найти работу.

При Украине всего этого не было. При Украине молодежь могла работать только в общепите. Сейчас молодежь может работать специалистом в молодежной сфере, специалистом в спорте, специалистом в культуре, по своей специальности. Может пойти на практику, которая оплачивается, а не бесплатно работать, как это

было при Украине, притом что ты учишься и работаешь, но за это ничего не получаешь. Появилось бесплатное лечение. То, что если что-то заболело, спокойно можно обратиться в больницу, сказать, болит там, то болит, провериться бесплатно, сдать анализы бесплатно. Скорая помощь может приехать к тебе, помочь и не говорить, что нужны деньги на бензин, потому что я к вам приехала, мне нужны деньги за укол, который я вам сделал, как при Украине. То есть это делается все бесплатно.

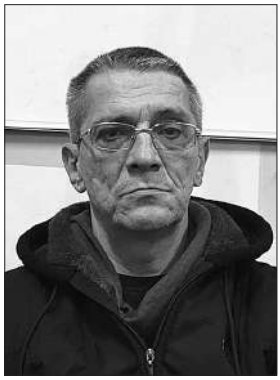
В России Мелитополь ждет большое будущее. Город процветает, растет. Люди развиваются. Люди стали позитивно смотреть на мир. Смотреть на жизнь позитивно. Они сами хотят что-то делать.

Камила, волонтер,
г. Мелитополь,
Запорожская область

С приходом России поменялось много всего в хорошую сторону. Начиная от сферы образования, заканчивая, скорее всего, волонтерством. Хочу затронуть сферу образования. При Украине образование было плохое, а сейчас намного все лучше. То есть сейчас появился выбор после 9-го и 12-го классов. С приходом российской власти мы можем говорить на русском языке, нам преподается русский язык, при Украине он запрещался. Запрещали разговаривать на русском языке. И вот если затронуть немного мою семью, то у меня сестра, она родилась в России, в Москве. При Украине к ней в украинской школе не очень хорошо относились.

А если затронуть сферу волонтерства, то при Украине я не припоминаю ни одной волонтерской организации у нас. То есть молодежь не могла ничем заниматься. То есть по улицам шаталась в основном. А вот с приходом российской власти очень много всего поменялось. Есть очень много волонтерских организаций на разных направлениях, то есть экология, молодая гвардия, юг молодой, юг спортивный, то есть спорт развивался. И у нас в регионе очень много чего развивается с приходом российской власти.

Мирошниченко Николай Николаевич, врач-педиатр, директор санатория «Бердянск», Запорожская область

С приходом России не стало этой нечисти — украинских нацистов. Все изменилось в лучшую сторону. Люди стали лучше жить.

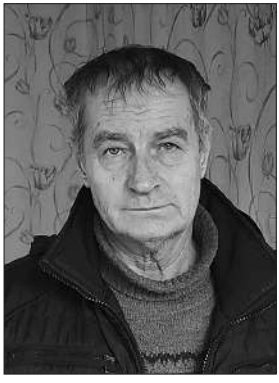
Для меня после Украины стало свободно дышать. Для моей семьи — свободно дышать, не прятаться ни от кого. Зарплаты выше людям. Кто хочет работать, тот работает.

Бердянск будет в России город-курорт. В 1902 году здесь лечился великий князь Константин. Мария Ульянова, мать Ленина, вышла отсюда без палочки после лечения. Здесь лечился Николай Островский, автор «Как закалялась сталь». Здесь лечились бойцы, которые воевали в Русско-японскую войну. Здесь после Гражданской войны лечились, здесь лечились военлеты

после Испании, после Финской, после 1945 года, после 1989 года здесь был построен афганский корпус для участников операции в Афганистане.

При Украине Бердянск разрушали очень активно. Делили, просто дербанили. А в России будет федеральный курорт, он будет лечить и детей, и семьи, и матерей, и жен, и отцов.

Огибалов Виктор Александрович, пенсионер, г. Бердянск, Запорожская область

После того как Бердянск стал российским городом, у нас у всех жизнь стала лучше, чем была при Украине. При Украине постоянно не хватало зарплаты. Зарплата мизерная была. У меня пенсия была мелочь. Мне не хватало ни на коммуналку, пенсии не хватало заплатить даже за один газ. Этого не хватало. Поэтому приходилось на пенсии работать еще охранником в больнице. Подрабатывал. Потому что у жены тоже минималка работала. Няней в садике работала. Вот это вот. Выживали.

Сейчас при России в городе у меня зарплата, честно говоря, нормальная. Жить уже можно нормально, намного проще.

С медициной — прекрасно. Мой напарник, охранник тоже, у него рак желудка. Ему делали операцию полностью бесплатно. Делали ему в Крыму, потом еще в Краснодаре. Вылечили, и все бесплатно. Я уже, как говорится, собственными глазами убедился, что это

действительно так. И сейчас вот недавно знакомый тоже сломал руку, и операцию делали бесплатно.

При Украине такая фигня была, что все только за деньги.

Сейчас здесь будет курортный город. Развивать будут регион. Тем более если проложить железную дорогу на Мелитополь с Ростова, то вообще красота будет. У нас же еще железная дорога была раньше на Запорожье. Город наш будет цветущим.

Голец Лилия Александровна, заведующая детским садом «Солнышко», г. Васильевка, Запорожская область

Вместе с Россией пришли колоссальные изменения. Пенсионерам наконец-то хватает на еду, лекарства, на коммунальные услуги. Я тут говорю просто со слезами.

Мне пенсионерка говорит — я теперь позволяю себе купить конфет, я позволяю себе купить торт. А при Украине не могла. И она с таким восторгом это рассказывает, я думаю: боже, человеку 60 лет, и он просто рад, что может позволить себе торт, конфеты, просто какие-то радости в жизни, колбасу, которые раньше просто не мог...

Я знаю эту женщину, она при Украине мне сказала: «Вот я покупаю плохую колбасу, потому как у меня на хорошую не хватает денег». А мне так стыдно было. Все говорили: для котиков покупаем. Ну и я говорила: для котиков, а реально я покупала для себя. Денег раньше не было.

У меня у самой мать — пенсионерка. Мать моя из Жеребянок. Когда пришли русские солдаты, они были в посадках. А у моей матери в Жеребянках была баня. То есть солдаты только зашли, и она им мыться давала. А соседи одни проукраинские начали им слать угрозы. После чего через некоторое время прилетело им в дом, все разрушили. Люди с той стороны жестокие, злобные.

Так сейчас мать не только позволить себе может купить что не могла, но даже может позволить откладывать на машину.

Деревянко Виктория Юрьевна, главный бухгалтер администрации г. Васильевка, Запорожская область

Очень изменилось сейчас материальное положение наших пенсионеров. Даже когда только зашла Россия, в денежном плане начали выдавать сразу средства. Пенсионерам выдавалась эта помощь для того, чтобы люди могли в первое время продержаться, ежемесячно она давалась. А сейчас пенсии пенсионеров намного выше.

Наши пенсионеры сейчас могут себе позволить и покушать хорошо, скупиться продуктами, не так, как было при Украине. Продуктовая корзина наших пенсионеров выросла. Они могут себе покупать одежду. Теперь мы смотрим на рынки, пенсионеры ходят и покупают, и одежду могут себе купить. Могут себе хорошую такую, которую им нравится, взять. Могут

покупать себе лекарства за ту пенсию, которая приходит ежемесячно. И платить, самое главное, платить коммунальные услуги, которые у нас сейчас на территории намного ниже стали, чем были при Украине.

Потому что, когда при Украине пенсионер получал две тысячи гривен, надо было за газ заплатить ему больше двух тысяч. Если топить, например, дом, чтобы было тепло, он должен был потратить всю свою пенсию. То есть жить пенсионерам не было на что, если они хотели быть не в холоде. Ну пенсионеры и экономили. Не только пенсионеры экономили, экономило все население, обычные люди. Потому что, ну держалась температура очень низкая. Сейчас и деньги есть, и газ совсем другой, теплоотдача, кажется, называется намного лучше. Когда пустили российский газ, это совсем другой газ, намного больше тепла. Об этом все говорят.

Коломоец Никита, школьник, г. Васильевка, Запорожская область

Как пришла Россия, у нас появилась куча бесплатных лагерей отдыха для молодежи, у родителей стали лучше условия работы и зарплаты больше. Мы можем позволить то, что не могли позволить при Украине. Например, родители мне и моему брату купили новые дорогие телефоны, а мне подарили ноутбук на день рождения.

У бабушки стала пенсия гораздо лучше. Бабушка говорит, что не хочет, чтоб Украина вообще была, говорит, что Зеленский скотина и чтоб его поскорее судили.

У меня в школе при Украине учитель по украинской литературе указывал нам, что мы не должны говорить на родном языке — на русском. А мне русский — родной, я на нем говорю. Иногда у меня только проскакивают украинские слова, я вот так вот суржиком разговариваю. Ну это нормально сейчас считается.

Сейчас все очень хорошо будет, у нас хорошая поддержка, мы сможем одолеть врагов, мы сможем освободить всю нашу территорию от Украины.

Богуславская Ксения Николаевна, сотрудник администрации г. Васильевка, Запорожская область

Мы понимаем, что вообще абсолютно в любой момент может прилететь обстрел со стороны Украины. И тем не менее строим дома, как-то восстанавливаем.

Нам намного лучше стало. Вот для меня вот самый яркий признак изменения жизни, что я, моя семья лично, мы всю жизнь при Украине в кредитах жили. Мы вообще ничего не могли себе купить. Мы даже не могли мечтать о том, чтобы пойти там купить себе телевизор. Да мы по пять лет платили эти кредиты и не могли их выплатить. Даже имея образование, мы не могли устроиться на нормальную работу.

У нас почти все находили работу только на клубнике. Опять-таки не на своей, на чужой. На своей клубнике работать — даже не могу сказать, кто мог позволить себе такую роскошь работать на своей земле. Только

те фермеры, которым, это все досталось по наследству. При Украине молодому поколению в принципе шансов не было что-то с нуля отстроить и при этом жить нормально.

Как объединились с Россией, самое первое изменение — люди пошли учиться, это стало бесплатно. При Украине учиться не было даже смысла. Наши дипломы можно было ну просто вот так выбросить как что-то ненужное, потому что молодому специалисту устроиться на нормальную работу все равно шансов не было. Только по знакомству. У меня на Украине особо-то и не получилось.

При России появилось бесплатное медицинское обслуживание. При Украине вот заболел зуб — это же ужас. Потому что уже понимают, что это не одна тысяча гривен. А если их нет? Но самое страшное — это умереть было при Украине. Потому что похороны — это же своим родственникам сколько доставить неудобства себя похоронить. Люди машины продавали, чтобы только похоронить. Чтобы похоронить своего дедушку, мой знакомый продал машину. Умирать страшно. Болеть дорого тоже. Лучше не болеть. Рожать детей? Ну у меня один ребенок. Вот я не рискнула при Украине второго. Потому что опять-таки когда понимаешь, сколько это стоит...

А сейчас при России я вижу, как мостик делают в такой глуши, о которой я даже не догадывалась, несмотря на то что живу тут семь лет. Местные жители просто сообщили в администрацию о существовании аварийного мостика, и его сразу же начали ремонтировать. Для меня это очень было неожиданно.

В администрацию люди обращаются, и теперь при России они могут попросить помощи вообще по абсолютно разным вопросам. И им помогают, их слышат.

Можно прийти в администрацию, написать письменно или даже сказать устно, что есть проблема. Она будет рассмотрена. При Украине такого не было. Да у нас даже мыслей не было о том, что можно к украинским властям пойти. Ответ был в принципе очевиден.

Они предлагали вернуться к реальной жизни и не забивать голову глупыми мыслями. Еще при России мне нравится то, что рожают наши женщины. Даже с учетом того, что в общем-то Васильевка — прифронтовая территория. Несмотря на это. Женщины начали рожать. Три моих подружки ответили, что родили бы еще детей. Хотя мечтать можно о разном, но мечта эта о детях.

Столярчук Александр Сергеевич, староста села Верхние Криницы Васильевского района, Запорожская область

Сейчас люди намного лучше жить стали, чем при Украине. Даже власти другие стали — сейчас любая просьба человека сразу стоит на рассмотрении. Если есть возможность на данный момент и в ту же секунду помочь, это делается. Пенсии люди получают и достаточно хорошие. Стали получать нормальную пенсию, уровень жизни лучше.

Мы в жизни себе не могли позволить пойти на рынок купить что-нибудь. А сейчас у нас еще и даже откладывать денежку получается. Люди довольны, им нравится. Благосостояние наше улучшилось.

Дали нам автобус на село, детей в школу возить, детей со школы привозить. Ну так было раньше при СССР. А при Украине детей мало у нас в селе осталось.

Перестали нас мучать. Часто при Украине в транспорте мне говорили: «Почему вы с нами на русском разговариваете? Надо на украинском».

А я им говорю: «Вы мне не запретите разговаривать на русском, я всю жизнь так разговариваю».

Тодоров Дмитрий Дмитриевич, пенсионер, г. Васильевка, Запорожская область

Когда мы жили при Украине, я получал 1800 гривен пенсии, а коммуналка у меня была шесть тысяч. Я как мог — то там потружусь, то тут, то там потихоньку — еле выживал. Сейчас получаю я пенсию, и на коммуналку хватает, и еще остается.

А при Украине на бабушек в суд подавали и отбирали квартиры. А отбирали те, кто в руководстве у нас был. За копейки. А бабушку до родителей, до сыновей или в наш дом престарелых в Орлянке.

У меня внуку прививки при Украине надо было делать. 350 за прием, 2000 за прививку. И того еще поехать под 3000 выходило.

А у меня у внука почечка больная с рождения. Сейчас в Симферополь повезли, в Санкт-Петербург повезли. Нам дали официальное направление. Поехал, два месяца бесплатно лечился. Слава Богу.

Фомина Алена,
многодетная мама
(4 ребенка), г. Васильевка,
Запорожская область

После того как Россия сюда пришла, я себя чувствую как дома. У меня родители русские, у меня отец русский, у меня мать русская. Мама у меня из Уральской области. Казахская, но все равно русская кровь. Папа с Воронежа.

Сейчас наконец дети могут школу бесплатно посещать, уже не надо сдавать деньги. Коммунальные услуги намного дешевле стали. Я скажу, продукты питания мы можем себе позволить намного лучше, чем мы могли позволить себе при Украине. Я лично за себя.

Я работаю в нашем васильевском магазине. Мне нравится, когда бабушка приходит в магазин, и она покупает не думая, что надо на коммуналку отложить, на медикаменты отложить. Медикаменты у нас, кстати, бесплатные для них.

В принципе, я думаю, за то, что при Украине можно было кучу денег выбрасывать, то сейчас это можно сделать абсолютно бесплатно либо же за копейки. Вот бабушка приходит в магазин и хвастается пенсией. Говорит: «Пойду машинку стиральную куплю, которую не могла себе купить 20 лет». Бабулька стоит, смотрит и не спрашивает, какое дешевое масло сливочное купить. Она стоит, смотрит, спрашивает: «Которое хорошее?» И не важно, сколько оно будет по деньгам стоить. А еще они говорят, что это внучечке отправлю денег, а это дочечке. Мне это нравится, мне это правильно.

И так должно быть в нашей стране. Я еще честно вам скажу, всегда говорила, что мы хотим с Россией быть. А мама говорила, подожди, еще будем. Из песни слов не выкинешь, честно вам скажу. Честно, я очень довольна, я очень рада быть в составе России. Все будет очень хорошо.

Федоренко Александр Александрович, работник администрации, г. Васильевка, Запорожская область

Только сейчас при России мы начали жить. И я лично благодарен России, что нас освободили от этого украинского режима, в котором мы находились. А мы находились под гнетом. Мы не жили, а выживали. Я помню те дни, когда я жил при Украине и не мог нормально оплатить ни коммуналку, ни нормально питаться.

А сейчас, если ты умный человек, ты выполняешь свою работу, у тебя есть все, ты живешь в полном достатке, ты можешь обеспечить свою нормальную семью и не думаешь о том, что ты будешь есть завтра.

У тебя все есть, здесь люди просто счастливы, потому что они не платят ненормальных денег за коммуналку, как при Украине. Сейчас она стоит адекватных денег. А при Украине всю зарплату свою отдавали, и копейки оставались на то, чтобы покушать. А сейчас мы можем и на отдых поехать. Я спокойно в прошлом году в Крым съездил, ребенка порадовал. Мы сейчас нормально жи-

вем и в дальнейшем будем развиваться и жить лучше без всякой Украины.

Александр, студент,
г. Мелитополь,
Запорожская область

Я учусь в Мелитопольском государственном университете, специальность — физическая культура, занимаюсь волейболом.

Когда Запорожская область стала частью России, первое, что изменилось, — медицина, стали лучше обслуживать, плюс еще это все стало бесплатным. Стала бесплатная консультация, направления врача там бесплатные, снимок рентгеновский сделать, например. Плюс для молодежи открылись организации по типу «Юг молодой», «Молодая гвардия», «Юнармия». Можно везде себя попробовать. От университетов, от школ, если ты хорошо себя проявляешь, — бесплатная поездка в Крым, в «Артек», и другие города. Я ездил в Ростов, в Севастополь и в Уфу. Люди идут в молодежные организации, потому что есть свои перспективы в каждой организации. Под себя можно подобрать. Юг спортивный — это тот, кто больше по спорту идет. ВСКС — это тот, кто МЧС интересуется.

Образование изменилось. Стало легче учиться, потому что русский язык легче воспринимать, чем украинский. И возможность в этом году появилась, что любой выпускник мог поступить в любой вуз всей России.

Все отстраивается, я думаю, все только к лучшему идет.

Михаил, владелец магазина, г. Мелитополь, Запорожская область

Я — владелец рыболовного магазина, рыболовных принадлежностей. Сейчас нормально стало. При Украине хотел закрываться, потому что вообще торговли не было. У людей не было денег. Коммуналка сумасшедшая была. Сейчас нормально. В сезон торгуется, зарабатывается.

А сейчас после объединения с Россией за отопление в четыре раза меньше плата стала. Топят очень сильно. И электроэнергия, и все дешевле. Намного дешевле. С этим вообще вопросов нет.

При Украине частенько у нас, даже у меня со двора выходишь в частном секторе, и очень много было закладок. Вообще был кошмар. А сейчас в принципе нет такого.

Александрова Юлия Александровна, руководитель Федерации карате Запорожской области, г. Мелитополь, Запорожская область

Спорт — это с четырех лет моя мечта, моя жизнь, мое все. Карате — это тоже детская мечта была, поэтому да, спортом я занима-

лась. И наконец-то появилась возможность заниматься любимым делом, уже полноценным. Только сейчас, при России, у меня такая возможность появилась.

При Украине ничего не выделялось, даже немножко нас задавливали, не давали развиваться. Как спортсменка, я ездила на соревнования только за свой счет. И не было ни спонсорской поддержки, ни поддержки от властей.

А в России сейчас наша организация свозила детей на соревнования уже 11 раз за счет государства. 11 выездов у нас было по разным кубкам России. Дети уже видели Питер и Москву. И были в Нальчике — замечательный город. Собираемся в Казань. Появилось много возможностей, и это все финансируется государством, что немаловажно.

А при Украине у меня не было даже возможности открыть свой клуб. Чиновники мешали. Я года полтора, наверное, стучалась во все двери, просила предоставить время для занятий в зале, в сельском, где зал простаивал. Это в селе.

Про город вообще молчу, там отдельная история. В своем родном селе, так как у меня, как у жительницы этого села, было огромное желание тренироваться, заниматься, а кружок был только в городе. И не было возможности, я там только когда повзрослела, смогла ходить именно своим спортом заниматься, любимым.

Я хотела, чтобы были кружки, и в том числе мой любимый вид спорта, чтобы тоже был там. Я стучалась во всевозможные украинские инстанции. Они, конечно, денег хотели. Все время отсрачивали. То есть не давали возможности мне открыть кружок за свой счет. А я все сама бы купила. Но нет, не давали.

Но с приходом России все дали, все выделили, ставки дали, и дети бесплатно занимаются, еще и финансируют

все, дети на соревнования ездят. И одели, и обули всех. И у нас 17-летняя девочка на международном турнире в Питере третье место заняла. Международный турнир.

За год тренеры смогли поднять спорт. У нас есть большое стремление, большое желание развиваться. И сейчас с Россией появилась эта возможность. Почему-то раньше нам ее не давали. А теперь все есть.

Арабаджи Михаил Семенович, врач, председатель общества караимов, г. Мелитополь, Запорожская область

В настоящее время я работаю в областной больнице. Хочу сказать, что лично вот мое видение, что событие, которое я ожидал 30, даже больше лет, случилось — мы объединились с Россией.

Я обучался в Москве. Стажировался там, занимался нейрофизиологией. Но при Украине работать с аппаратурой практически вот все эти 30 лет не было. Не на чем было. Было старое оборудование, еще с советских времен, сломанное.

А вместе с России сейчас случилось чудо. Что изменилось? Однажды пришел утром на работу, спросили у главврача, написали заявку. И случилось чудо. Целый вагон, не побоюсь этого слова, пришел в отделение. Мы такого не ожидали, я и мои коллеги. И в настоящее время отделение оборудовано электроэнцефалографом, которое я ждал все это время, холтеровское, то есть обследование сердца, но и куча другого медицинского

оборудования поменялась радикально. То есть качество, качественный состав медицинского обслуживания нашего населения вырос в несколько раз.

Главврач сказал: «Хватит жить в каменном веке». Это при Украине. Вот это для меня, мое 30-летнее ожидание объединения с России оправдалось.

А для меня, как председателя караимской общины, мы сейчас делаем наш музей. Сейчас мы поднимаем именно вопросы национального, этнического, самоосознания нашей маленькой народности. Нас очень мало осталось, при Украине мы боролись всю жизнь за самовыживание. Нас приписывали к украинскому запорожскому казачеству. Но это историческая несправедливость. Где караимы, а где казачество? Сказал, что хватит жить в каменном веке. Мы этнически связаны с Крымом, корнями истории. А Крым — это Россия. Вся история нашего маленького народа связана с Россией.

Бобырь Вита Викторовна, г. Мелитополь, Запорожская область

При России все изменилась в лучшую сторону. Для детей лучше, для пенсионеров пенсии достойнее, не так, как было при Украине. Дороги восстановили, которые были разрушены, можно сказать, полностью. Дороги при Украине практически были уничтожены.

Сейчас восстановлены. И новые автобусы появились по селам. Мои родители на селе живут. Пенсии достойные сейчас. Они себе могут все позволить и оставить

еще денежку. А при Украине отец мой в 70 лет должен был идти еще работать, чтобы оплатить коммунальные услуги и лекарства. Сейчас в садике питание хорошее, бесплатное, и в школах точно так же. А при Украине в школах были одни поборы.

Егор, студент, г. Мелитополь, Запорожская область

Я — студент Мелитопольского государственного университета, специальность — «менеджмент».

Сейчас в составе России все у нас изменилась в лучшую сторону. Все стало намного лучше в любой отрасли. Например, лично для меня — я студент — образование, бесплатное образование, высшее бесплатное образование, это в первую очередь для меня сейчас очень важно. Очень хорошая медицинская сфера сейчас развивается, во многие больницы завезли новое медицинское оборудование. При Украине такого даже может и в столице не было, а сейчас у нас хорошее оборудование. Недавно реконструировали онкологическую больницу, завезли медоборудование, сделали капремонт. То есть все меняется в лучшую сторону. Делают дороги, инфраструктуру. Жизнь налаживается.

На Украине образование бесплатное было только для каких-то категорий. А сейчас спокойно можно учиться бесплатно.

Светлое будущее у нас. Украину победим, враг будет разбит, победа будет за нами.

Жиряков Константин Александрович, преподаватель, Мелитопольский государственный университет, г. Мелитополь, Запорожская область

После объединения с Россией очень поменялась ситуация у молодежи. При Украине у молодежи была только одна возможность — уехать в Европу на заработки вне зависимости от образования, собирать клубнику или ухаживать за стариками. А тут молодежь могла идти только в неонацистские организации — «Правый сектор»* и другие. Это был единственный по большому счету путь куда-то. Например, гражданский корпус «Правого сектора»** Запорожской области в том же городе Мелитополе присутствовал и мероприятия свои для молодежи проводил.

А сейчас у молодежи появились огромные возможности. Во-первых, в значительной степени у них появилась возможность поступления в вуз, потому что места в системе высшего образования при Украине всегда были значительно ограничены. Либо платить денежку, и денежку немалую. Ну могло доходить по разным специальностям — от 11 до 20 тысяч гривен в семестр, в год это порядка 40 тысяч гривен. С учетом того что средняя заплата по городу Мелитополю 5—8 тысяч гривен, это были достаточно серьезные средства.

---

* Запрещена в РФ. Террористическая организация.

** Запрещена в РФ.

А сейчас в России у молодежи есть возможность поступить на бюджетные средства, на бюджетное направление. Получить образование. После образования устроиться по специальности работать. Это немаловажно, потому что при Украине подобных возможностей не было.

При Украине рабочие места не создавались в принципе. Страна не была заинтересована в создании рабочих мест внутри нее. Украина была заинтересована больше в транзите. Кстати, у нас здесь находится аэродром Мелитопольский. Его использовали для наркотрафика. Крышевал бывший мэр. Никто и не скрывал. Все об этом знали.

Кроме того, если какое-то рабочее место было, то тут же десяток других подснежников, которые числятся, но не работают, обязательно возникали родственники, кумы, сваты, друзья и прочие. А сейчас есть рабочие места, и принимают именно по квалификации. Когда ты приходишь туда устраиваться, понятно, что существуют разные категории и квалификации, но тебя попросят предоставить как минимум документы об образовании, где будет прописана твоя профессиональная квалификация. А не как на Украине, когда, простите, люди, не имеющие профессионального образования, преподавали. Как утверждалось, как практики, знающие дело изнутри. Может показаться смешно, но при Украине вроде как должен быть преподаватель, но его видят в лучшем случае раз в полгода на рабочем месте. Подобные ситуации действительно были. У нас, чего скрывать, при Украине на кафедре истории работали представители местных администраций. А вся работа скидывалась на рядовых сотрудников. Черную кость. Работайте. Люди за вас будут получать деньги.

А сейчас появилась возможность трудоустроиться молодежи. Молодежи дали возможность реализоваться. в достаточно широком спектре — от культуры, фестивалей, поездок, создания коллективов до возможности реализовать какие-то свои молодежные проекты, принять участие в грантовых программах, различных конкурсах. С молодежью ведется активная работа. В ноябре мы проводили совместно с Мелитопольским краеведческим городским музеем информационное мероприятие, приглашали молодежь, в том числе студентов нашего вуза, где рассказывали о 80-летии Мелитопольской наступательной операции, потому что именно в 1943 году Мелитополь освободили. Молодежь очень проявляет интерес.

Жукова Аполинария Сергеевна, студентка, г. Мелитополь, Запорожская область

Я — студентка Мелитопольского государственного университета, занимаюсь спортом, до этого занималась танцами.

Меня очень удивило то, что я поступила на бесплатный факультет, потому что до этого при Украине нигде у нас нельзя было поступить на бюджет. Это нереально было. Потому что нужно было заплатить. При России появилась бесплатная медицина. До этого ее не было. Всем врачам нужно было заплатить, даже в государственных клиниках. Недавно я приходила в государственную клинику, мне нужно было вырвать зуб мудрости. Никто

с меня ничего не взял, даже за консультацию и даже за анестезию.

Начал город развиваться. Очень много вкладывают в дороги. У нас появились хорошие дороги. При Украине дороги были сделаны так, что вот идешь, и можно было пальцем вот так вот отковыривать асфальт. Он был сделан из каких-то камней. А сейчас прекрасно делают. Вот мы сколько ездили, и в Крым, и в Ростов, через Мариуполь, Донецк, — просто прекрасные дороги.

В будущем будет только лучше. Запорожская область, она уже и сейчас развивается, очень много денег вкладывается в развитие Запорожской области, это видно. Например, если мы выходим погулять в парк, парк прекрасный. Я считаю, что в Киеве должен быть флаг Российской Федерации. А в будущем, в дальнейшем, я считаю то, что будет идти только к лучшему.

Заморуйцев Алексей Викторович, преподаватель, Мелитопольского государственного университета, г. Мелитополь, Запорожская область

По личным моим ощущениям, что бросается в глаза, это то, что Россия как государство гораздо более социальна, чем Украина. Это проявляется во многих аспектах и по отношению к пенсионерам, и по отношению и возможностям для молодежи. И в общем-то это прямо бросается в глаза. Ну поскольку по роду своей деятельности я преподаватель, то для меня, например, очень важно то, что

я теперь могу свои знания нести студентам на своем родном языке. Я старался эти запреты обходить, но, как вы понимаете, в наших условиях тогдашних это было чревато. Не говоря уже о том, что, скажем так, многое из того, что было в украинских учебниках истории, у меня вызывало, скажем так, отторжение.

Наш город находится в очень выгодном положении, скажем так, географической точке. Мы — ворота в Крым. То есть с точки зрения логистики наш город, несомненно, будет развиваться. Будет развиваться промышленность, будет развиваться социальная сфера. Жизнь в нашем городе будет лучше, еще лучше, чем она есть.

Ирина Михайловна, г. Мелитополь, Запорожская область

Как Мелитополь и Запорожье вошли в состав России, стало людям намного лучше. Стали пенсии давать, благоустроили город, стали облагораживать памятники, дороги стали ремонтировать.

При Украине коммуналка слишком была дорогая. Пенсия две тысячи, а коммуналка — пять-шесть. Очень много. Мы работали, крутились, но как-то еле-еле выживали.

А сейчас тут хватает на все буквально. И уже и свет, и вода, и газ совсем мало стоят. Мы живем и радуемся. Я работать устроилась. Тоже хорошо хватает. Помогаю детям. Очень хорошо стало.

Спокойно можно ходить по улицам города. Уже этих плохих людей нет. А раньше вот эти, бандеры бегали. Обворовывали всех, заходили в дома, тоже обворовывали. И нам никто не помогал, обратиться не к кому было.

А сейчас, пожалуйста, ходишь спокойно, домой никто к тебе не придет. И если что, приходят сюда солдаты, которые сейчас защищают, охраняют, оберегают наш город. И все-таки спокойно, все вежливые, добрые со всеми. Очень стало хорошо, очень, как в советские времена. Все рады, довольны, что мы уже в России.

Ковалева Светлана Александровна, председатель Запорожского регионального отделения Всероссийского общества глухих, г. Мелитополь, Запорожская область

Я — председатель Запорожского регионального отделения Всероссийского общества глухих.

Если говорить о моей профессиональной работе, для неслышащих людей, людей с нарушением слуха, в составе России намного улучшились условия. Во-первых, они начали бесплатно получать технику, слуховые аппараты. Курортно-санитарные путевки им предоставляют в зависимости от хронического заболевания еще дополнительно к своему, то есть санитарно-курортные путевки. Во-первых, оплачиваются дорога, санаторий, пребывание там. И обратная дорога домой. Это все оплачивается за счет государства.

При Украине, конечно, такого не было. Выдавали телефоны там раз в 5—7 лет. А для коммуникации все покупали за свой счет.

Я — бабушка, у меня двое внуков. Детки ходят в садик. Садик бесплатный. Нет очередей. Не надо, как при Украине, при рождении, только родила ребеночка, и ты уже бежишь, становишься на очередь, тебе через три года ребенка в садик сдавать, к примеру, до трех лет сидели дома. Тебе надо ждать, чтобы очередь дошла, чтобы ребенка оформить в садик. Сейчас такого нет. Это одно. Второе. Садики бесплатные. Сейчас кружки по интересам у них, клубы, детские клубы, пение, рисование, рукоделие — все это бесплатно. Раньше кружки все были платные. Не у всех была возможность отвезти ребенка туда.

Сейчас Мелитополь будет только процветать. Мелитополь всегда был русскоязычным городом. Он им и останется.

Марина, пенсионерка,
г. Мелитополь,
Запорожская область

Я всю жизнь проработала на Мелитопольском моторном заводе в отделе закупок. Теперь на пенсии. Только после того как зашла Россия, я смогла позволить себе уйти на заслуженный отдых.

В Мелитополе стала доступна бесплатная медицина, а «скорая помощь» приезжает всегда по звонку вовремя. На Украине с этим были проблемы. Могла «ско-

рая помощь» вообще не приезжать на звонки. Звонки могли не брать. А при России все четко. Звонок взяли, отзвонили, что «скорая помощь» выезжает.

Анализы стали бесплатными. Стали завозить большой выбор продуктов, одежды, рынки в изобилии.

Марченко Людмила Сергеевна, общество инвалидов Запорожской области, г. Мелитополь, Запорожская область

Я представляю мелитопольское общество инвалидов. Сейчас у нас порядка 180 человек.

Когда мы стали Россией, в первую очередь я хочу сказать, что социально люди стали более защищены. Им помогают — дают те же костыли, коляски, технические средства. Помогают им. Раньше все это полностью ложилось на плечи самих инвалидов. Они вынуждены были это приобретать за свой счет. Ну костыли ладно, а коляску как приобрести? Она стоит больших денег. Иногда бывает и костыли людям тяжеловато приобрести. А если два пенсионера, то им было вообще тяжело что-то себе обновить. А сейчас им помогают.

При Украине все выплаты съедали коммунальные услуги, таблетки, потому как люди с инвалидностью, естественно, они нуждаются в определенных препаратах. Сейчас большую часть препаратов люди получают бесплатно. Плюс на эти деньги, которые они получают сейчас, они могут позволить себе в разы больше. Даже те же продукты. Пенсия стала абсолютно больше, в разы.

Буквально недавно разговаривала с парой инвалидов. Они приобрели себе автомобиль. Да, пускай он был недорогой, но они его приобрели. Значит, у них появилась возможность приобрести. Хватило пенсии по инвалидности на автомобиль.

Глядя на то как сейчас меняется наш город, я думаю, что будет только лучше и лучше.

Михаил Борисович, директор школы № 4, г. Мелитополь, Запорожская область

Я — директор четвертой школы у нас в Мелитополе. После прихода России зарплата учителей стала в несколько раз больше. Педагоги у нас все проходят повышение квалификации, то, что не делалось при Украине. Деткам всем выданы новые учебники хорошие. Первоклассникам выдали рюкзачки. Россия нам помогает завозить новое оборудование в столовые. Для детей новые компьютеры позавозили, строят и восстанавливают школы. При Украине ничего этого не делали.

Новое оборудование в столовых, потому что в наших школах оборудование было еще 1960-х годов. Восстанавливаются классы компьютерные, привозят для детей ноутбуки новые, хорошие. Школы становятся флагманскими, новые кабинеты для биологии, для физики, для химии. Делаются макеты, новые парты, стулья привозятся.

В городе стали у нас обустраивать, дороги сделали, освещение, облагородили тротуарные дорожки. Спасибо большое России, сделали трассу Мелитополь — Симферополь — Джанкой. Положили полотно быстро, и самое новое. То есть теперь можно доехать до Джанкоя за час. А при Украине были плохие дороги. Точно так же, спасибо большое, сделали дорогу до Мариуполя. Если раньше туда занимала дорога часа четыре, то сейчас за два с половиной часа можно доехать на легковой машине. Ровная дорога, облагораживают ее, все как положено, как и по всей России.

Наталья, г. Мелитополь, Запорожская область

Когда объединились, все изменилось в лучшую сторону. Появились рабочие места, стали делать ремонты, детей стали на экскурсии возить, рассказывать больше о наших заслугах, детей, дедов, бабушек, которые воевали за Россию. Все хорошо. И питание, и воспитание.

У меня трое детей. Старшая, к сожалению, уехала за границу в Варшаву. Хочет вернуться, скучает очень, но она вышла замуж. Там совсем другие новости. Им там рассказывают неизвестно что. Что у нас тут прям вообще жизни нет никакой. Одни руины или там еще что-то. А у нас все хорошо.

Люди все равно возвращаются. Вот с моего района три семьи вернулись из Польши, молодые с детьми. Запорожье и Мелитополь ждет только хорошее.

Ольга, волонтер,
г. Мелитополь,
Запорожская область

Мы поддержали Россию, и правильно. Сейчас видим, как жизнь стала лучше. Смотрите, у нас снизились коммунальные. У нас многие семьи обрели работу, мужчины в основном. У меня сын пытался работать при Украине, у нас как-то не было для него работы. Я пошла работать в своем возрасте. Редко, когда берут на работу, говорят, что уже возраст такой, 54 года, а уже мы пожилые. Сейчас я работаю. Сын — строитель. Рабочих мест стало больше намного. Жители города возвращаются. Даже из Израиля. Из наших знакомых две семьи приехали. Но вообще они были местные жители. А вторая семья вернулась с Западной Украины. Они вообще жители Мелитополя. Сразу уехали, когда началась война. В общем, все оценили, видно. Рассказывали нам, что тяжеловато им там было жить.

Нестеренко Светлана Анатольевна, советник ректора Мелитопольского государственного университета,
г. Мелитополь,
Запорожская область

Я могу порадоваться за наших пенсионеров после прихода

России. Они действительно стали получать достойную пенсию, они могут себе позволить купить и лекарства, продукты питания. Я вижу в их глазах, как они стали себя чувствовать.

Если говорить об области образования, то мы в первый год набрали на бюджет 8 тысяч студентов. И тоже, видя их счастливые глаза, людей, которые хотели получить образование при Украине, но не могли — но оно было платное, бюджетных мест было очень мало, и люди просто не могли поступить. А сейчас они у нас все студенты, уже на второй курс перешли, потому они очень рады, и что радует, что аудитории полные, они все приходят на занятия.

После 2014 года при Украине нам запрещали разговаривать и общаться на русском в стенах университета. В стенах университета запрещали даже личное общение. Ну, понятно, что если ты привык говорить на русском языке, то ты будешь разговаривать. Уже зайдя в аудиторию, ты вынужден был разговаривать на украинском. Если ты будешь разговаривать на русском языке, тебя могут привлечь по статье соответствующей.

Светлана, г. Мелитополь, Запорожская область

Когда стали частью России, в городе обстановка стала лучше, меньше всяких бандитов, город более спокойный стал. Нормализировалась криминальная ситуация. Дети ходят спокойно в школу. Дети могут спокойно

ходить на кружки. Родители не думают, где взять денежку, чтобы отвезти ребенка на кружок, не думают, как заплатить. Для ребенка всякие концерты, мероприятия. Ребенок ходит довольный.

Островский Николай Николаевич, фотограф, г. Мелитополь, Запорожская область

При Украине преподаватели нас заставляли говорить на украинском языке. А русский был почти под полным запретом, и многие преподаватели боялись, что за ними могут прийти украинские спецслужбы и забрать за то, что они на русском языке разговаривали. Хотя там был очень резкий переход, и у нас, и у преподавателей даже не было времени выучить украинский язык. Да и в принципе многим студентам не хотелось слушать лекции на украинском языке. Вот я на украинском языке не говорил, я говорил на русском. Мне за это два балла влепили. За то, что я не говорил на украинском языке.

После того как Запорожье стало частью России, изменения, конечно же, положительные. Идет улучшение всей инфраструктуры в целом. Потому что вот идешь по городу и вот прям замечаешь, что что-то строится, что-то меняется, там даже новые медицинские автомобили «скорой помощи». Все глобально улучшается.

Я сам поступал в университет при Украине. Последний четвертый курс закончил при России уже. И вот

снова поступил в магистратуру. А при Украине одно бюджетное место было на 20 человек образно.

А Россия и Украина — это вообще небо и земля. Сейчас у нас поездки, Министерство молодежной политики какие угодно мероприятия организует. Раньше ты ходил на пары, и все. А сейчас ты везде задействован. Хочешь в Москву? Поехали. Хочешь мероприятие организовать? Давай, мы организуем, мы поможем.

Роман, владелец ресторана, г. Мелитополь, Запорожская область

Я — владелец ресторана «Альбатрос» в центре города Мелитополя. Могу точно сказать, что условия для бизнеса после объединения с Россией, безусловно, изменились в лучшую сторону. Налоговая система изменилась на корню. Ненужные проверки, ненужные преследования, все это ушло в прошлое. А при Украине нас проверяли без конца пожарные службы, нас проверяли без конца СЭС — санэпидемстанции и все такое прочее. Сейчас все это контролируется, но контролируется честно. Не нужно никому ни за что платить, нет взяточничества. Все по-честному. Мы работаем просто в правовом поле. Нет черных каких-то схем и всего остального.

Все предельно просто. Только честно плати налоги. Плюс ко всему сейчас действует упрощенная система налогообложения на переходный период.

А на Украине я занимался столяркой. Но были проверки бесконечные. Ну невозможно было работать просто. То есть просто не могли из-за того, что постоянные проверки, взятки.

Сейчас есть средний класс, которого большинство. Естественно, как и всегда, при Украине были богатые люди. Они сейчас тоже есть. Но при Украине 90%, по моему мнению, находилось за гранью бедности.

А нам не давали работать, нам не давали развиваться. Была волокита с документами, этот бесконечный футбол по кабинетам, просто абсолютно ненужные, ненужные вещи, которые вот сейчас просто исключились из нашей жизни. Поэтому мы просто работаем честно, платим налоги и живем. Живем лучше, чем при Украине. Сейчас есть средний класс. Я могу об этом сказать абсолютно уверенно.

Жизнь простых людей после Украины, в России, изменилась точно. У меня есть пример моих родителей, которые тоже уже в возрасте. Проблем нет, все хорошо. Все плохое в прошлом.

Переверзин Сергей Алексеевич, пенсионер, с. Новобогдановка, Запорожская область

С Россией стало лучше. Мне нравится обстановка сейчас, отношение людей друг к другу. Вообще стало намного легче и лучше жить.

При Украине мы переживали от одной зарплаты до другой. Сейчас платится вовремя. Зарплата удовлетворяет.

А когда началась украинизация, мы должны были разговаривать только на украинском, писать все бумаги только на украинском. Если разговариваешь на русском, даже штрафовали.

А при России сейчас украинский язык не запрещен. Кто хочет разговаривать на украинском — говорит кому как удобнее. Даже вот ездят у нас девчушки, кто поет, вот в Москву поехали, они исполняют там украинские песни. Никакого гонения на украинский язык нет.

Все у нас будет шикарно, хорошо.

Салмас Наталья Евгеньевна, учитель физкультуры, школа № 49, с. Новобогдановка, Запорожская область

Я живу и работаю в Новобогдановке при Украине и осталась в Российской Федерации. Стала работать учителем физической культуры в школе новобогдановской.

Дети сейчас выдохнули. Они начали спокойно изучать русский язык, потому что при Украине притеснялось это все. Сейчас дети изучают русский язык, занимаются спортом, участвуют в разных направлениях, и юношеских, и детских. Дети заняты, детям нравится. И Российская Федерация дает нашим детям будущее.

Запрещали и русский язык, и музыку запрещали, и разговаривать запрещали. Сейчас все свободно. И детям это нравится.

При России лучше стало. И еще будет лучше. Сейчас уже пошли изменения, и еще будет лучше. Мы этого достойны.

Эльвира, уборщица, с. Новобогдановка, Запорожская область

Как Запорожье вошло в состав России, появились рабочие места. Вот, допустим, я при Украине работала, но нигде меня не оформляли. Я работала без оформления.

А сейчас здесь я устроилась на работу, и меня оформили полностью. У меня идет стаж, как положено. Я работаю в доме культуры уборщицей. Я рада, что я дома.

А при Украине мне проходилось жить в городе, я снимала жилье. Половина денег уходила на оплату жилья, а так я вернулась к себе домой, в свое село, в свой дом. И работаю в селе.

Все тут потихонечку налаживается. Вот где-то смотришь, там свет уличный проводят, делают. А то при Украине идешь вот так вот ночью, а света нет. На улицах темно. Мы летом сидели раньше без воды. У нас всегда одна башня была, она не выкачивала воду. А сейчас все лето мы с водой были. Это очень замечательно.

А при Украине были как-то башни, и они без конца ломались. Если поломался мотор, то месяц мы можем сидеть без воды, некому ремонтировать, некому делать. А сейчас нет такого, чтобы мы хотя бы день сидели без

воды. У нас такого теперь нет. Поломка, и сразу все ремонтируется, делается. Все работает.

У людей работа есть. Люди как-то веселее стали. Вот бабушка моя, она пенсионерка, ей намного легче стало жить. Она у меня с давлением все время, у нее большая часть ее пенсии, при той пенсии, на которую она жила, у нее при Украине уходило все на аптеку. А сейчас она довольна, очень довольна. И у нас пенсионеры очень довольны, у них жизнь наладилась, им хватает теперь пенсии, они лучше стали жить, чем жили при Украине.

Виктор Алексеевич, продавец, г. Пологи, Запорожская область

Жизнь в городе сейчас изменилась в лучшую сторону. Более стал высоким уровень жизни, плюс качество жизни. Больше помощи пенсионерам, нуждающимся. Плюс появились места для работы для молодежи, потому что при Украине их очень мало было. Наше будущее только в составе Российской Федерации.

Я в этом году заканчиваю ремонт в доме. Заработал продавцом в магазине электроники. А при Украине не получалось устроиться. Требовали опыт работы либо же какое-то высшее образование. А у меня вот не получилось получить высшее.

Я вступил в молодежное движение «Юг молодой». Мы ездим к пенсионерам, помогаем. У кого-то есть какие-то повреждения в доме. Мы стараемся помочь. Развозим гуманитарную помощь.

Козлова Валентина Владимировна, сотрудник гуманитарной организации, г. Токмак, Запорожская область

При России, во-первых, достойные пенсии людям начислены, на которые можно прожить, можно позволить себе покупку и продуктов, и каких-то других вещей, необходимых для жизнедеятельности человека. Еще есть гуманитарная помощь. Продукты питания обеспечиваются в категории людей 70+, 80+, мамочки, одинокие, многодетные. Детское питание, все это без проблем. Восстанавливаются школы.

Первая школа наша была неоднократно разбита украинскими ударами. Школа была разбита, практически не было окон, рам оконных. Повреждена штукатурка. Все это восстановилось. Школа сейчас стоит красавица. Она при Украине такой не была красивой, как сейчас стоит. Восстанавливаются здания, делаются ремонты. Даже в этой тяжелой ситуации, в этой тяжелой жизни прифронтовой в городе восстанавливаются здания, дороги. Вот у нас дорога в сторону Мелитополя, она была при Украине просто убита. Там дороги практически не было, одни ухабы. И чтобы проехать до Мелитополя, это надо было проехать туда-обратно и ставить машину в ремонт. Сейчас дорога идеальная. Прямиком на Мелитополь. Дорога идеальная. Едешь и хочется ехать. Все эти положительные изменения идут, несмотря на военные действия, несмотря на то что у нас прифронтовой город. А уже видны позитивные результаты.

Тимчик Ирина Викторовна, старший квартальный Левобережного района г. Токмака, г. Токмак, Запорожская область

Теперь Токмак — часть России, и все меняется в лучшую сторону. Я смотрю на это в своем собственном районе. Живут там пенсионеры в основном. А пенсия тепеь довольно хорошая. Смотрю, мои бабушки там приоделись. Смотрю, шубку купили. Вижу, что многие пенсионеры стали одеваться более или менее нормально. В гуманитарном штабе МЧС гуманитарку пенсионерам, инвалидам дают. Для детей — материнский капитал. Страховой полис медицинский. А при Украине к врачу попасть-то сложно было без денег. Бесплатно у нас ничего не делалось на Украине. Взятки врачам в систему вошли.

А сейчас больница у нас бесплатная, лечение, даже кормят. При Украине такого не было. У нас народ очень удивлен был, что даже кормят бесплатно. То есть лечат и кормят в стационаре бесплатно.

Зелинский Сергей Павлович, IT-специалист, г. Пологи, Запорожская область

При Украине было такое воспитание детей, что им прививали не наши взгляды. Мне это было неприятно. Например, отношение к прошлому. Я считаю, зачем

сносить памятники, если это просто история. То есть это должно остаться в памяти нас, наших детей и дальше. Это же просто памятник. Снесли, и кому от этого лучше? А я считаю, что мои дети должны знать. Не надо переворачивать историю. Я считаю, что этого не должно так быть.

По поводу языка тоже. Мы всегда разговаривали здесь на русском языке. Не должно так быть, чтобы заставляли избавиться от этого.

А в России никто ничего не заставляет. Ничего такого не заставляют. В принципе, подход мне нравится, правильно. То есть мы можем учить, то есть наши дети могут учить и русский, и украинский языки.

А сейчас у нас будет только все самое хорошее. Мне, например, нравится, что появляются лучшие перспективы. После объединения с Россией я смогу больше добиться для своей жизни. Для себя, для семьи. Я даже поступил учиться, даже в таком возрасте. Учусь сейчас в Мелитополе, в университете.

Фисенко Дарья Васильевна, главный специалист по работе с обращениями граждан администрации г. Пологи, Запорожская область

При Украине остановилось все. С работой были проблемы. Очень много уезжало просто за границу на заработки. И с такой возможностью, чтобы там и остаться, не приезжать на Украину. Когда я ходила в школу, у нас было мно-

го здесь молодежи. Потом в один момент просто все разъехались.

А сейчас в России все хорошо. Например, пенсионеры. У них на Украине была одна цель — накопить на коммунальные услуги, то есть продукты, лекарства, это все просто отходило на второй план. Ну, например, при Украине, пенсия была тысячи три, а с этого нужно было за газ оплатить 2800. А сейчас я вижу, как пенсионер может покупать продукты наравне с молодыми. То есть если раньше молодые могли себе больше, понятно, что больше подвижные, больше они могли где-то еще заработать, работать не на одной работе, то пенсионер жил от того, что у него было. А сейчас он может позволить себе купить и в плане продуктов, и лекарств, все, что нужно.

Робушин Анатолий Анатольевич, диспетчер станции Большетокмакской Дистанции пути, г. Токмак, Запорожская область

Я могу сказать, что я вижу. Вижу положительную сторону. В сторону Токмака и Мелитополя у нас идеальный асфальт, которого 30 лет в принципе никогда не было. Уже везде у нас ставятся знаки пешеходные и переходы. Открываются магазины, детские садики, школы, секции. Все, что нужно для детей, в принципе делается.

С работой по заработной плате, если сравнивать при Украине и сейчас, то, конечно, сильно лучше. Я могу

себе позволить заправить машину, купить запчасть, купить питание ребенку, купить одежду, чего я раньше при Украине сделать не мог. Мне хватало только еле-еле. Получил зарплату, и все заплатил за коммунальную услугу.

Мне не нравится, как при Украине оскверняли памятники Великой Отечественной войны. Обрисовали, обливали и все подобное. Срывали таблички. Был такой у нас «Правый сектор»*. Они ездили по районам. Выставляли свои фашистские флаги. Ну, конечно, мы должны были молчать.

* Запрещена в РФ.

СВИДЕТЕЛЬСТВА МИРНЫХ ГРАЖДАН (ХЕРСОНСКАЯ ОБЛАСТЬ)

Юлия Викторовна Дяченко, отдел по связям с общественностью и СМИ администрации Каховского муниципального округа

Когда в 2022 году к нам зашли наши российские войска, для нас это был большой праздник. Мы действительно очень ждали этого момента.

Херсонская область — это русскоязычный регион, и вся эта политика, которая велась Украиной лично мне, и моей семье, и многим моим знакомым, она вообще была чуждая, враждебная. Она нам абсолютно не нравилась. И мы мечтали, что нас присоединят. Когда прошел референдум, нас присоединили. Это действительно был большой-большой праздник.

Что изменилось со времени Украины? Россия — это огромная, могущественная страна с огромным потенциалом. И то, что Херсонская область в составе России, это нам сулит огромные перспективы, уверенность в завтрашнем дне, что все будет классно, что мы под защитой и все будет у нас и у наших жителей хорошо.

Мы видим, какие сейчас финансовые потоки вкладываются в нашу область, как нам помогает государство, как нам помогают люди из России.

Каховский округ прифронтовой. Ситуация тут непростая. И буквально со всех уголков России люди направляют гуманитарную помощь, чтобы поддержать наших людей. Качества русских людей, которые готовы всю щедрость души, такое сопереживание, поделиться всем, — это очень трогает, и очень приятно чувствовать эту поддержку.

При Украине сельские учреждения культуры, сельские ФАПы, амбулатории — все закрывалось. А при России даже в селах капитальные ремонты, делают модельные библиотеки, делают капитальные ремонты в медицинских учреждениях. Они, наоборот, открываются, и даже в селах люди получают заботу, поддержку, необходимые услуги.

Наши библиотеки, учреждения культуры благодаря грантовым поддержкам, государственной поддержке очень много книг направили новых. Люди ходят, берут, читают.

При Украине все оно было просто старое, и даже эти учреждения культуры закрывались. А сейчас новые оргтехника, мебель. Сейчас все даже в прифронтовых условиях работает лучше. В России очень много каких-то грантовых конкурсов, активные жители могут написать проект, победить и получить поддержку. Вот сейчас в 2026 году наш Каховский округ получил уже четыре гранта: формирование комфортной городской среды и проекты комплексного развития сельских территорий. И все эти проекты в этом году будут реализованы в нашем округе. У нас прекрасные перспективы. Наш округ будет преобразовываться.

Если говорить про Украину, наши пенсионеры получали просто какую-то мизерную пенсию, они жили, считали копейки от пенсии до пенсии. Работы не было. Множество моих друзей все ездили на заработки в Польшу, иначе заработать было почти нереально. А Россия дает достойную заработную плату, достойные социальные выплаты, достойную пенсию. Много всяких поддержек есть, таких как, например, материнский капитал, очень хорошая поддержка для семей. Есть полис ОМС, когда люди могут получать дорогостоящее медицинское лечение абсолютно бесплатно.

На Украине людям, чтобы получить лечение, нужно было буквально продать свой дом. А при России они получают это лечение в ведущих медицинских центрах абсолютно бесплатно. Люди настолько счастливы. И трогает такая забота государства. Она очень трогает. Россия — это самая лучшая страна. И мы ее очень любим. И мы рады, что мы теперь в составе России.

Илья, врач, г. Геническ, Херсонская область

Когда мы стали частью России, ситуация стала резко меняется в лучшую сторону. Сейчас к нам завезли большое количество нового оборудования. Это аппараты искусственной вентиляции, должны привести электроэнцефалограф. Это оборудование для подъема пациента, для того чтобы облегчить работу среднего персонала, то есть для медсестер.

Сейчас строится новое, скажем так, крыло, где будет установлен магнитный резонансный томограф.

При Украине, к сожалению, вообще фактически ничего не было. То есть палаты были обшарпаны, из оборудования в лучшем случае стояли в палатах интенсивной терапии просто мониторы. С кислородом были большие проблемы, а медикаменты покупались за счет пациентов.

При Украине все за деньги или за взятки было. У меня сейчас на тему финансов был случай, я принимал пациента в приемном покое, получается, «скорая помощь» доставила семейную пару, у женщины было острое нарушение мозгового кровообращения. По клинике ее сразу же из приемного покоя мы отправили на компьютерный томограф, и муж меня спрашивает: «Доктор, сколько я вам должен?» Я говорю, ничего. То есть томография бесплатна по лекарственным препаратам. Сейчас уже завезли в Геническую больницу тромболитики. Фортализит — препарат замечательно работает. Препарат очень дорогостоящий, но он у нас идет бесплатно при острых состояниях. То есть при инсульте — это первая неотложная помощь, если доставляют пациентов в терапевтическое окно, то наверх его поднимают в реанимацию, проводят тромболизис, и тогда уже, скажем так, переводят спустя сутки в неврологическое отделение. Но этого тромболитика при Украине не было. Вернее, он был, но он был очень дорогой, и не всякий пациент мог его купить. А на данный момент бесплатно. А на Украине в Геническом ЦРБ он отсутствовал. С медицинской реформой, которая была объявлена Ульяной Супрун, честно сказать, смертность увеличилась очень сильно, очень сильно. В России сейчас множество медицинских услуг бесплатно по ОМС.

Владимир Антонович Овчаренко, член Общественной палаты РФ от Херсонской области, г. Геническ, Херсонская область

Я — член президиума Совета ветеранов. Ветераны сегодня вливаются в общий, как говорится, состав жителей, активный состав жителей Херсонской области. При Украине мы чувствовали себя как забытые, как мы говорим, забытые Богом, забытые соседями. Ветераны сейчас оживают, они интересуются жизнью, они видят изменения не только по отношению лично к себе, они видят изменения, которые происходят с их внуками, с их детьми. Ветераны чувствуют, что настало время, когда ветеран может сесть, спокойно поговорить, не боясь ничего, не переживая ни о своем будущем, ни о будущем своей семьи, говорить напрямую со своими детьми и по-настоящему передать историю его жизни. Историю его свершения. Историю своей работы, своей деятельности. Что он делал в прошлом. Что он делал у себя в селе. Что он делал в городе. И как это отражалось. То есть он, по сути дела, не боясь ничего, передает свой жизненный опыт молодому поколению.

При Украине он боялся даже сказать. Народ сейчас чувствует, что Херсонщина — это исконно русская земля. Сейчас ветераны и пенсионеры свободно говорят о том, как они жили в свое время в Советском Союзе, что они делали, как они жили после развала Советского Союза. Теперь они чувствуют, что вернулись в родную

гавань, и эта гавань перед ними раскрывает свои объятия, прижимая их к своей груди.

Игорь Владимирович Качур, журналист, г. Геническ, Херсонская область

Я — глава общественной палаты Херсонской области, а журналист с 1992 года. Когда-то я был членом Союза журналистов Украины, а сейчас помогаю создавать отделение Союза журналистов России.

После объединения с Россией изменилась жизнь к лучшему очень сильно, можно сказать, радикально. До момента возвращения российских войск и самой России на херсонскую территорию основным чувством, наверное, человека нормального, адекватного, живущего на этой территории, была какая-то тоска, безысходность. Почему? Потому что не просматривалось будущее. Не то, что какое-то далекое в разрезе поколение, а даже ближайшее, элементарное. Не было видно никакого конструктивного пути. И это было настолько тяжело, что думать о будущем детей, внуков и даже, побоюсь, куда-то мыслить дальше, было очень сложно, больно.

Возрождается система образования, ее инфраструктура, возрождается внешний облик наших городов, возрождается сеть коммуникаций. И люди начинают видеть, что наконец-то страна снова заинтересована в области. То есть люди перестали чувствовать себя брошенными, забытыми или еще хуже — проданными

в рабство. И раньше была только одна уверенность, что нас медленно, но уверенно всей Украиной гнали куда-то в англосаксонское или американо-английское рабство. То есть ключевое слово — «рабство». Духовное рабство, физическое рабство.

Наших людей приучили к мысли, что если ты хочешь заработать, то какая бы ни была у тебя квалификация, ты должен ехать в Польшу, в Германию и там на неквалифицированном труде зарабатывать больше, чем здесь ты мог зарабатывать как специалист. И вот эта дискредитация и полное обесценивание человеческого интеллекта, возможностей и опыта на Украине приводили к тому, что молодежь, глядя на своих отцов, вкалывающих с профессорскими степенями где-то на стройке в Польше, понимала, что незачем бороться за образование.

Теперь в России будущее снова стало просматриваться. Никто не будет на российской территории и в российском информационном пространстве пытаться разлагать наших детей, разобщать их. Никто не будет навязывать им те разрушительные европейские ценности, которые должны привести к разрушению семей, к разрушению понятия дружбы, товарищества, нормального здорового взаимодействия или даже здоровой конкуренции внутри какого-то коллектива. То есть все это в западных понятиях всегда носит какой-то характер извращенный. Именно российские стандарты взаимоотношений, они несут историческую ценность. И воспитывая наших детей в наших традициях, в нашем информационном пространстве, мы все-таки возвращаем их, возвращаем свое нынешнее поколение, а как следствие, свое будущее впоследствии. И я считаю, что первые шаги сделаны очень сильно, очень заявка большая такая, мощная.

Сергей, учитель математики, г. Геническ, Херсонская область

После объединения с Россией в нашем городе жизнь изменилась во всех направлениях социума. Например, в культурном направлении. Начали реставрировать общеобразовательные учреждения, музеи, обновили парк. В социальном плане в магазинах расширился выбор товаров, повысились зарплаты, пенсии и так далее.

Раньше выбор товаров был меньше. Просто не было как такового выбора. Особенно это сказывается на технике. Если раньше была одна фирма, сейчас заходишь в магазин и можешь избрать по своим качествам то, что тебе больше подходит. Ну, к примеру, если вы хотите купить телефон или фотоаппарат, то вы приходите и вот то, что имеется на полке, все, там несколько вариантов и все, и больше никаких... А сейчас гораздо больше выбор. Сейчас выбор шире, больше. Также его постоянно дополняют продавцы.

Появилось множество движений, в которых молодежь участвует. Для нас всех все развиваться будет только в положительном русле. Потому что явно видно, что развитие города идет быстрыми темпами, даже неожиданным.

Так быстро при Украине ничего не развивалось. И даже те проекты, которые были начаты еще в 90-х годах и забыты в начале нулевых, сейчас снова заработали. Например, было одно здание, которое недалеко от площади Возрождения. Оно было задумано как многоэтажное здание еще в 90-е годы. Но уже в начале

нулевых о нем забыли и уже не принимались. Потом люди жаловались на то, что ночью какие-то люди собирались толпами в этом здании и устраивали шум, происходили там всякие конфликты, что местным жителям, конечно, было неприятно.

А сейчас обнесли забором и демонтируют. Что-то, я думаю, построят, пока я еще точно не знаю, что там будет, но уверен, что что-то полезное.

Ярослава, учитель математики, г. Геническ, Херсонская область

После вхождения в состав России все изменилось только в лучшую сторону. Изменилась инфраструктура. Это в первую очередь, что можно заметить, как только заезжаешь в сам город. Ты видишь, что дороги стали дорогами, а не какими-то сложными ямами как при Украине. Что можно людям спокойно ходить. Видно, что ремонтируются школы, садики, больницы.

Социальная жизнь тоже улучшилась, конечно. Я вот как учитель... мой труд оплачивается хорошо. У меня мама работает учителем всю жизнь, и если раньше при Украине мы выживали, то сейчас мы живем.

Мама — учитель, конечно, она еще и учится, как и я. Учится в том же университете, получает второе высшее образование. Собственно, это тоже очень хорошо, что сейчас любой человек может получить второе образование или кто-то может даже первое, причем совершенно бесплатно.

Сейчас моя сестра учиться на воспитателя. При Украине у нее было образование медицинское, но так как везде была коррупция, работать по образованию первому она не смогла.

Стефания и Вера, волонтеры, г. Геническ, Херсонская область

Когда мы объединились с Россией, естественно, жизнь изменилась в лучшую сторону. Я считаю, что с приходом России быть по-другому и не может.

Вот в школах очень мне нравится то, что сделали ремонт, улучшилась система образования, учителя стали доходчивее объяснять материал. Приятно видеть нашу новую школу с новыми коридорами, новой столовой и новыми туалетами.

Сама программа обучения, сам план учебы стали как-то более доступными, чем было при Украине. Вот как-то стало понятней, что ли. Да и на русском языке все воспринимается намного легче, чем на украинском. Я говорю на русском языке с рождения, из-за этого мне легче на уроках. А при Украине вас заставляли на украинском, на всех уроках. На любых уроках требовалось.

После объединения с Россией нам дали возможность учить украинский. В первый год у нас был украинский язык. Мы его изучали. А на второй год уже никто не захотел изучать украинский язык. Все перешли на русский. Поэтому с этого года мы изучаем русский язык. Никто у нас не захотел изучать украинский язык. Все были только за русский. Даже факультативно украинский никто не хотел. Нам в школе при России уже предлагали внеурочку украинскую. И мы сами выбирали, кто хочет ходить, кто нет. Ну и сами по себе все выбирали русский язык. Это был наш выбор.

С приходом России стало больше молодежных организаций. Ну, грубо говоря, при Украине их не было почти вообще. Вот это очень большой плюс. У нас есть «Юнармия», «Юг молодой», «Движение первых», «Волонтеры Победы», «Волонтеры-медики». При Украине ничего такого не было.

Мне кажется, продвинется очень сильно Геническ. Опять же, молодежь. Теперь у нашей молодежи есть будущее. В Геническе есть будущее. Теперь можно получить достойное образование. И с этим достойным средним образованием уже ехать в Москву.

Юлия, педагог-организатор школы № 4, г. Геническ, Херсонская область

Я живу в Геническе с 2010 года. После начала Специальной военной операции, как по мне, так жизнь поменялась. Поменялась, я думаю, в лучшую сторону. Ну и в материальном

плане, и в духовном тоже все поменялось. Идет все в гору.

Даже зарплаты учителей, зарплаты культработников в культуре, потому что я раньше работала в культуре, сейчас работаю в образовании, сильно увеличились. Медицинские работники — достойная у них зарплата сейчас.

Я здесь с маленького возраста, меня мама привезла первый раз в полгодика сюда. Геническ только сейчас действительно становится городом. Раньше больше был похож на поселок городского типа, а сейчас действительно везде стройки, что очень радует. Сейчас он действительно развивается, тут делаются дороги, ремонты в школах, детские сады ремонтируются.

При Украине ограничения были и в культуре. Мы не могли, например, даже танцевать. Я по первой специальности — педагог-хореограф. Нам в Доме культуры не разрешали ставить танцы под музыку с русской песней. На русском языке были ограничения — только украиноязычные песни, хотя украиноязычных детских песен для малышей было очень-очень мало. Мало на украинском языке детских песен развлекательных, веселых песенок таких современных, мало. А ребенку интересно танцевать правильно, дети должны развиваться. Даже про каких-нибудь гномиков песни и то говорили украинские власти: нежелательно чтобы на русском.

Мы только в классе репетировали, танцевали, слушали музыку, а уже на сцену, на большую сцену, на городское мероприятие только на украинском языке.

А в России у нас сейчас нет такого, чтобы только на русском или только русские народные танцы. Хочешь — русский, хочешь — украинский танец, будем танцевать украинский, пожалуйста, гопак. Хочешь —

русский народный перепляс, русский народный перепляс. Ну то есть сейчас нет такого, что только русские танцы. Сейчас есть костюмы и украинские, и русские. То есть как бы национальность, она есть национальность. У нас многонациональная страна — Россия.

Никита, 15 лет, школьник, г. Геническ, Херсонская область, Лиля, 14 лет, школьница, г. Геническ, Херсонская область

Меня зовут Никита, мне 15 лет, я учусь в генической школе № 1. Состою в разных волонтерских организациях.

А меня зовут Лиля, мне 14 лет, я учусь тоже в первой школе города Геническа. И тоже состою в двух волонтерских организациях «Юг молодой» и «Движение первых». Так получилось, что две организации у нас идут рука об руку. Мы работаем и вместе, и отдельно. Две дружные организации.

Поначалу я вступил в «Движение первых», потом встретил Лилю, она вступила в «Юг молодой», ну я тоже захотел вступить, и у меня получилось.

Меня привлекло то, что эти организации помогают людям, занимаются волонтерской деятельностью. И мне

это понравилось, это меня вдохновило. Дома не сидится. Нравится этим всем заниматься, нравится коллектив, нравится то, чем мы занимаемся.

При Украине вообще никаких не было организаций молодежных. Мы просто сидели в школе и дома. И просто гуляли по городу.

И в школе сейчас проводятся очень много мероприятий. Приезжают разные гости. Приезжали к нам сотрудники МЧС, рассказывали про безопасность на льду, типа как вести себя на льду. Приезжали кинологи, показывали нам всякие представления, как собаки ищут взрывчатки, всякие вещества.

Мы ходили поздравлять бабушек, дедушек с праздником. Животных кормили уличных. У нас с собой был корм, тарелочки. Мы ходили, искали котов, собак, кормили. В целом очень много разного интересного. И нам все нравится.

Мне в городе очень нравится, сейчас очень много посажено деревьев. Так как они, когда вырастут, будут выглядеть очень красиво и давать нам кислород. У нас курортный город, и город станет просто прекрасный.

Олег, предприниматель, г. Геническ, Херсонская область, интервьюер

При России в Геническе в положительном векторе развивается промышленность, возникают новые рабочие места, зарплата у людей идет регулярная, положительный баланс во всем.

У нас построены новые бетонные узлы, конкретно на заводе Паллада — мы возрождаемся, мы собираем коллективы. Увеличиваем штатные расписания наши. И приличное вознаграждение за труд рабочих.

На Украине вся промышленность шла к нулю. Ее разрушали. При Российской Федерации все возрождается, все начинает расти, подниматься. И соответственно, с положительным балансом во всех, так сказать, отраслях.

Геническ, я думаю, ждет самое наилучшее. В будущем город разрастется, и инфраструктура города разрастается. Появляются новые рабочие места, заводы набирают людей. В общем-то все в положительном ключе.

Лариса Николаевна Добролюбова, учитель русского языка школы № 1, г. Геническ, Херсонская область

В России в моем родном любимом городе Геническе жизнь очень сильно изменилась — многократно, в лучшую сторону. У нас в школе построен физкультурно-оздоровительный комплекс, где дети могут обучаться, развиваться. В нем очень тепло, в нем созданы все условия для того, чтобы дети занимались физкультурой на современном уровне. В нашем классе, в каждом классе есть мультимедийные доски, есть принтеры, есть ноутбуки, научный материал, новая литература, научная, художественная литература.

При Украине ничего этого не было. Когда я работала в Геническом медицинском колледже и зашла туда первый раз... а я училась там до этого, то могу сказать, что у меня такое впечатление, что я вернулась в прошлое. Но ничего, особенно на втором этаже, ничего абсолютно не изменилось. В классах не было ну ничего. Даже доска в моем классе, в котором сейчас находится класс русского языка и литературы, раньше не знаю даже, какой это класс был, там даже доска, на которой писали дети, на ней невозможно было работать. Она выцветшая вся была, ну просто в ужасном состоянии. В плачевном состоянии находилась абсолютно школа.

А при России сейчас в нашей школе новейшее флагманское оборудование. Плюс построен физкультурно-оздоровительный комплекс. У нас в школе тепло, у нас дети ходят в легких блузочках, в брючках. Есть возможность ходить на физкультуру, теперь дети идут, и они переодеваются у нас в нашем ФОКе, в физкультурно-оздоровительном комплексе. Есть раздевалки, есть душевые кабинки, санузлы. А при Украине в школе раньше дети рассказывают, что они даже в куртках сидели на уроках, было очень холодно.

А сейчас дети очень довольны, абсолютно довольны. Они рады обучаться на родном русском языке. Вот я классный руководитель 6-го класса, и у них тоже читаю русский язык и литературу. Вы знаете, вот мы сейчас пишем сочинения на различные темы, мы учим грамматику. И вот один мальчик, Никита, в моем классе, он мне говорит, «Лариса Николаевна, можно я, на секундочку, как говорится, отвлеку вас от урока и всех остальных?» Я говорю: «Что?» Он говорит: «Знаете, Лариса Николаевна, я словил себя на мысли, что я сейчас научусь правильно писать на русском языке». Говорит, потому что раньше мы говорили на русском языке,

и букву И писали украинскую. Ну то есть, например, мы говорим про букву ЙО, они передавали мягкий знак О. Ну то есть вот такие вот, вы понимаете, дети сейчас очень рады, они очень этому рады. И они могут изучать литературу, прекрасную русскую литературу, прекрасных великих русских писателей. И дети этому просто очень рады.

После стольких лет навязывания украинского языка, после стольких лет запугивания, отрицания русского языка, честно, у меня просто, мой внутренний мир, наверное, это просто все отрицает. И дети рады обучаться на родном русском языке. Но это же естественно, потому что мы все здесь русскоязычное население. У них прадедушки, прабабушки, родители, они все разговаривают на русском языке. То есть это естественно.

Все жители видят изменения. Например — это система здравоохранения. Люди, у которых есть инвалидность, они могут бесплатно получать лекарственные препараты. Люди, которых госпитализируют, скажем так, они проходят лечение в больнице, при этом они не платят за это деньги. Ну то есть вот я вам расскажу: обычная ситуация, да, люди, которые раньше, я вот как мама ребенка, да, маленького, у меня неоднократно ребенок с малых лет попадал в детское отделение, вот, где сейчас, да, у меня ребенок лечился от воспаления легких. Я ни одного пакета не купила, все бесплатно, абсолютно высокая квалифицированная медицинская помощь. Я очень довольна. И вот я могу сказать, да, у меня тоже так случилось, вот, год назад у меня отец с инсультом попал в больницу, я ни одного препарата ему не купила. Ни одного. Все бесплатно. И честно, это такой шок.

Потому что раньше при Украине, если ребенок попадал в больницу, если взрослый попадал в больницу, начиналось с того, не начиналось лечение, начиналось

со списка препаратов. И вот огромный пакет мы несли для того, чтобы спасти человеку жизнь. И страшно подумать, что, если бы не было возможности, что те люди, которые не могут в принципе позволить себе купить какой-нибудь дорастающий препарат, что с этими людьми? Вопрос понятен, ответ понятен на этот вопрос.

Алина, советник директора школы № 1 по воспитательной работе, г. Геническ, Херсонская область

По сравнению с Украиной для молодежи, конечно же, в лучшую сторону все поменялось. Очень много стало молодежных организаций, где дети могут показать себя, определиться с будущей профессией, путешествовать и выбрать то, что им близко. И конечно же, в первую очередь можно еще сказать о грантовых проектах, потому что здесь дети, уже вовлекаясь во все творчество, могут как-то изменить жизнь и место, где они проводят большую часть своей жизни, — это школа.

Например, дети хотят изменить кусочек коридора и установить место, где они могут собираться. Они создают проект, пишут смету и подают свой проект в организацию, где при выигрыше они могут закупить то, что им нужно.

Сейчас есть очень большие возможности, особенно в «Движении первых», принимать участие в разных конкурсах. В прошлом году мы принимали участие в конкурсе «Привет», где стали одними из победителей

и нас пригласили в Москву на ВДНХ, где мы с ребятами три дня путешествовали, видели всю красоту столицы Москвы. И конечно же, это все впечатляет и интересует. И ребята приехали очень довольные.

При Украине школа не вовлекала детей в жизнь внеурочную. А сейчас дети могут с утра до вечера находиться в школе, ходить по кружкам, проявлять свое творчество. И это очень здорово.

Татьяна, учитель русского языка школы-интерната, г. Геническ, Херсонская область

После вхождения в состав России в моей жизни поменялось очень многое. Мне кажется, поменялась я сама. Я стала себя чувствовать свободной. Я не боюсь говорить то, что я думаю. Я живу так, как подсказывает мне совесть, и мне за это не страшно и не стыдно, как было при Украине.

Тогда мы не имели права говорить о том, что война была Великой Отечественной. Мы должны были называть ее Вторая мировая. Мы не имели права гордиться своими предками, которые отстроили такую великую страну после такой Победы, после такой огромной, Великой войны. Мы не могли себе позволить говорить о том, что в конфликте между жителями Донбасса и Украиной мы сочувствуем жителям Донбасса, сопереживаем. Мы должны были это скрывать.

Я, как учитель, конечно, очень довольна современной российской программой в школе. Мы учим детей

не просто читать, мы учим детей думать и размышлять. Мы вернулись домой в Россию, и мы вернули нашим детям нашу настоящую, правдивую историю. И конечно же, мы ощущаем заботу государства о наших детях. Наши дети сегодня имеют возможность много путешествовать, оздоравливаться. Наши дети отдыхали в лагере «Артек». Они в восторге, все хотят еще. Теперь все больше стараются и учиться, и участвовать в разных мероприятиях, чтобы получать грамоты и самим пробовать в «Артек» попасть.

Мы очень довольны. Более того, я вам скажу, я сама имела счастье посетить школу «Артек». И вы знаете, это просто восторг, это что-то невероятное. Мы приехали оттуда такие воодушевленные, готовые работать, творить. И самое главное, что эта школа взяла нас в побратимы, и теперь они помогают нам, и мы равняемся на них. Они консультируют, мы постоянно на связи с помощью социальных сетей, они делятся с нами опытом, и мы перенимаем очень многое.

Антонина Ивановна Мингбаева, педагог-организатор школы-интерната, г. Геническ, Херсонская область

Огромные силы и средства Российская Федерация вкладывает в детей. Появилось огромное количество молодежных организаций, дети с огромным удовольствием, начиная с начальной школы, идут в такие организации, как «Орлята России», «Движение

Первых», «Юнармия», «Юные инспектора дорожного движения» и множество других организаций. Дети с огромным удовольствием принимают активное участие в этих организациях.

В нашей школе на постоянной основе происходит акция «Посылка солдату», и то, с каким трепетом, с какой душой и родители, и дети принимают участие, очень важно. Мы, когда собираем эти посылки и смотрим, что принесли дети, верите честно, накатываются слезы, потому что с огромной душой дети рисуют рисунки, пишут письма. Кладут солдатам и термобелье, и теплые носки, и перчатки, и различные сладости. Все для того, чтобы порадовать наших ребят на фронте.

И даже по сравнению с прошлым годом мы видим эту динамику. Мы сейчас видим этот положительный результат, практически нет людей, которые изначально были против настроены. Сейчас мы видим, что таких детей в нашей школе практически нет. И то, с какой гордостью наши дети поют гимн России, когда мы поднимаем знамя, это дорогого стоит.

А на Украине нас принудительно заставляли, детей заставляли говорить только на украинском языке, не на таком, на котором они привыкли. Причем в организациях, если сотрудник разговаривал не на украинском языке, он подвергался различным штрафам, выговорам, вплоть до увольнения.

Я в 2015 году окончила в Крыму инженерно-педагогический университет, но на территории Украины я по этому диплому работать не могла. Я — учитель начальных классов, но он не был признан, так как уже в 2015 году Крым был в составе Российской Федерации. И я работала оператором на АЗС.

Я решила остаться в Крыму, потому что поддерживала Российскую Федерацию еще задолго до того,

как Херсонская область вошла в состав Российской Федерации. И вот сейчас, с 2022 года, я работаю в школе по своей специальности и еще являюсь студентом Мелитопольского государственного университета, учусь на учителя географии и работаю педагогом-организатором и еще читаю географию детям.

Анна Семилетова, учитель иностранного языка, г. Геническ, Херсонская область

По окончании в 2015 году Мелитопольского государственного педагогического университета я получила диплом на руки, и у меня была проблема найти работу. Потому что в прошлом при Украине только по связям можно было трудоустроиться.

Я работала в сельской местности, территориально 27 километров было расстояние, а я жила в Геническе. И выматывала работа, и даже не было рейсового автобуса по тому маршруту, и я попутками ездила.

А теперь в России я очень счастлива, я дохожу до работы за 15 минут. У нас в школе происходят грандиознейшие изменения. У нас построили спортивно-оздоровительный комплекс, спортивную площадку, сделали ремонт столовой, библиотеки всегда пополняются литературой, оснащен класс информатики разнообразными средствами. Каждому нашему учителю выдан персональный компьютер для работы в школе. Дети ездят по городам России, ездят в летние лагеря,

и это все на бесплатной основе. Организовано питание в школе, и оно тоже бесплатно.

И зарплата по сравнению с Украиной очень устраивает. Педагогический труд оплачивается достойно. При Украине я получала раз пять меньше.

Жизнь стала намного лучше, интересней. Обратитесь внимание, что город Геническ облагораживается, обустраивается. У нас наконец-то открылся кинотеатр «Россия». У нас капитальные ремонты в городской библиотеке, на почте, в центральной поликлинике города.

Анна Владимировна, учитель русского языка, г. Геническ, Херсонская область

Я всегда хотела быть преподавателем русского языка. Я с удовольствием поступила в университет, обучаюсь и работаю. А на Украине в основном все было на платной основе.

При России все расцветает, все строится, отстраивается. Очень хорошие стали тротуары, так как я хожу пешком на работу и с работы. Это очень-очень хорошо. Я думаю, что даже многие пенсионеры, я наблюдаю, которые тоже передвигаются пешком, они стали себя комфортно чувствовать, потому что тротуар хороший, широкий. По нему идешь, комфортно себя чувствуешь. Парк красивый становится, это тоже очень приятно, когда ты выходишь гулять с ребенком. Очень радует освещение, которое появилось, его много стало, очень светло. При Украине этого было мало.

Главное — есть ощущение свободы, и поэтому я думаю, что все будет хорошо. А при Украине было тускло, грустненько, не весело.

Бубнов Сергей Николаевич, 59 лет, директор МКУ Горжилстрой Генического МО

У нас добавилось много работы, появилась новая техника, увеличился штат сотрудников, увеличилась заработная плата у сотрудников.

При Украине не было материалов, чем работать, не было у нас техники.

А сейчас уже приобрели 26 трициклов. При Украине у нас была всего лишь одна б/у газель, а на сегодняшний день у нас куплены газель, три КамАЗа, два новых трактора. Так что у нас парк очень пополнился.

Ершев Игорь Александрович, 72 года, генический центр культуры и досуга

Мне 72 года, здесь, в городе Геническе, я живу с 1982 года. При Украине начиная с 90-х годов мы чувствовали себя обделенными, потому что политика

тогдашнего правительства Украины, национализация, усиленный перевод на украинский язык и многие-многие другие вещи, а потом впоследствии 2014 год, все это не за нас. Тогда уже у меня даже появились мысли о том, чтобы эмигрировать в Россию, но тогда, к сожалению, не получилось это.

Когда Россия сюда вернулась, наша жизнь обрела смысл. Мы получили смысл и ясность жизни. Россия в настоящее время — это действительно страна огромных возможностей и развития. Мы видим все это на примере даже нашего небольшого городка. Мы видим эти стройки. Мы видим, какой стал уровень доступности всех социально-культурных благ и возможностей. Собственно говоря, мы видим, что развиваемся. Это самое главное.

Семилетов Владимир Викторович, директор Генического детско-юношеского спортивного центра

Я работаю директором генической спортивной школы. На сегодняшний день мы видим, как восстанавливаются спортивные объекты, восстановлены уже два спортивных зала спортивной школы, построен шахматный клуб в городе Геническе, восстановлен стадион. Мы видим, как строятся многофункциональные площадки, не только в Геническе, но и в близлежащих населенных пунктах. Благодаря Российской Федерации уже сейчас наши детки занимаются в современных

залах. Будут открываться и другие центры, что сейчас в стадии строительства. Поэтому Херсонская область активно развивается в сфере спорта, и мы очень рады и благодарны за это России.

Скобкина Эльвира Олеговна, директор Центральной библиотечной системы Генического муниципального округа

Я — директор Централизованной библиотечной системы Генического муниципального округа. От чистого сердца могу сказать сразу, что для меня все четыре года после начала СВО я пребываю в состоянии творческого подъема.

Поскольку я сотрудник библиотечной системы, для сравнения могу вам привести такие цифры. В течение 30 лет при Украине библиотеки были оснащены книгами в количестве аж 800 экземпляров. Понимаете, такое соотношение: 30 лет и 800 экземпляров.

А на сегодняшний день в России каждый год начиная с 2023 года библиотечная система получает... Каждый год в 23-м — порядка 20 тысяч экземпляров, в 24-м — порядка 28 тысяч экземпляров и в 25-м году — порядка 30 тысяч экземпляров. На фоне этого сделаны ремонты в библиотеках. Открыты две модельные библиотеки. Вы сами понимаете, слово «модель» — это образец для подражания. Они оснащены новейшей техникой. В каждой библиотеке есть компьютеры. У нас есть

бесплатный доступ к Национальной электронной библиотеке России. Бесплатный. И все эти блага — благодаря федеральным субсидиям Министерства культуры Российской Федерации и Министерства культуры Херсонской области. На сегодняшний день, вот понимаете, упоительно от того, что люди приходят читать. Потому что теперь библиотека — это не просто место книговыдачи. Это культурно-досуговое учреждение, где проводятся мероприятия, где можно в красивой обстановке и комфортно почитать. У нас, допустим, ребята-студенты приходят между парами на фоне, например, как фотозона. Все дети современные, они визуалы, и поэтому, конечно, им очень приятно фотографироваться с красивой книгой в руках. А с этого и начинается интерес к книге. Все мы знаем, что без чтения книг, мне кажется, будущее немыслимо. Вот все меняется в этой жизни, но печатное издание остается основой и образовательной, и формирования личности, и гражданина, конечно.

Эвелина Игоревна Обидичева, 17 лет, Геническ

С момента вхождения Херсонской области в состав России началось большое благоустройство территорий, парков и мест отдыха. Особенно это касается развития спортивной инфраструктуры. Несколько спортивных объектов уже отремонтированы, и появляются новые площадки со всем необходимым для профессионального заня-

тия. В Геническе и других городах области уже видны результаты этих работ. Появились зоны для прогулок, отремонтированы парки. В целом ощущается стремление сделать окружающее пространство комфортным и спортивным.

Если говорить обо мне, то я планирую продолжать активно заниматься настольным теннисом, повышать свои спортивные навыки, принимать участие в соревнованиях и представлять свой регион. Впереди у меня новые турниры, и я надеюсь на высокие результаты.

А для Херсонской области открываются широкие возможности для развития. Стабильность и поддержка России, которые мы получаем, позволяют нам сосредоточиться на росте. Это касается и восстановления, и модернизации инфраструктуры. И конечно же, поддержки различных сфер жизни, включая спорт. У нас есть возможности для спокойной и благополучной жизни.

Татьяна Поникарчик, председатель ТОСа «Созидание» Каховского муниципального округа

У меня до сих пор слезы гордости за нас, что мы все-таки оказались в России. Понимаете, не на Украине, а именно в России. Для меня, понимаете, забота о людях — это самое главное. О нас никто никогда не думал. Нас грабили. Какое ни придет к власти правительство на Украине — все грабят. Разворовали Украинскую ССР. У нас все было.

Это житница была. А теперь что? До чего они ее довели? До чего? Но, как говорится, воронье кружит: «Город, я не твой».

Теперь им не укусить нас никак, ни за что не ухватить нас, потому что мы — держава великая. И мы победим. Запад хотел нас задавить. Никогда никто не победит Россию. Россия — великая страна, великая держава. И победа будет за нами. У нас город ждет эту победу. И мы ждем. И я жду эту победу.

Мы поднимаемся, и у нас все получается. У нас наладилось в городе здравоохранение. 30 единиц получили техники. У нас делают плановые операции. Кроме плановых операций у нас еще есть минно-взрывные травмы у людей. Все операции бесплатно. Поликлиника у нас оборудование получила. У нас делают анализы, и все бесплатно. Зубы у нас лечат бесплатно. При Украине это возможно было? Тогда люди влезали в кредиты, в долги влезали.

А сейчас у нас гуманитарный штаб налажен. У нас выдают продукты питания пенсионерам, кому за 80, инвалидам. У нас же депутаты прием ведут. Где это было при Украине? А тут люди приходят со своими надеждами, что им помогут. И им помогают. Такого при Украине не было. А вы посмотрите, как у нас работают коммунальщики? Они же летом косят траву, осенью — уборка листвы, зимой снег убирают. Они же под обстрелами. Это героические люди.

Уровень пенсии стал больше. Конечно, больше намного. В разы. И легче стало жить. Нет такого давления. Вот у меня ребенок — инвалид первой группы. При Украине я никакой помощи не получала, потому что сказали, что она не нуждается в уходе. А здесь только-только зашла Россия — все, уже сразу начали поступать выплаты. Нам хватает.

Атаманова Юлия Петровна, 44 года, Каховка, методист в муниципальном казенном учреждении Каховский культурный центр имени Дмитрия Николаевича Овсянико-Куликовского

Мне 44 года, я жительница города Каховка, работаю методистом в муниципальном учреждении «Каховский культурный центр имени Дмитрия Николаевича Овсянико-Куликовского».

При Российской Федерации в культурном центре произошли такие изменения, каких никогда не было при Украине. Начались ремонты библиотек, сельских клубов. Дети посещают с удовольствием культурно-досуговые учреждения. Мы участвуем в грантах. Постоянно пополняется книжный фонд. Открыли на базе клубных формирований два отряда детско-юношеского военно-патриотического движения юной армии.

Медицина стала намного лучше. Пенсионеры получают бесплатное обслуживание, даются лекарства на бесплатной основе гипертоникам, диабетикам.

Вырос уровень жизни наших пенсионеров: они стали получать достойную пенсию. Молодежь — достойные выплаты при рождении ребенка, материнский капитал. То есть молодежь может приобрести жилье или улучшить свои жилищные условия. Я считаю, это большой плюс. Государство заботится о молодом поколении.

Пенсионеры получают достойную пенсию. Они могут позволить себе заплатить за коммунальные услуги, покупать продукты питания, какие они не могли позволить себе при Украине. Пенсионеры наши — это

уязвимая сфера нашего населения. Больно так обидно, когда при Украине они получали 1700 гривен и не могли позволить себе нормальное питание. На рынке видела, как они покупают те косточки, которые предназначены для животных. Сейчас я замечаю, что они могут себе позволить купить и сыра, и колбасы. Пенсионеры стали достойно жить. И я горжусь этим.

Раньше при Украине их ставили на колени, люди, которые работали по 40—45 лет, получали минимальную пенсию. Сейчас они, я думаю, очень довольны, получают гуманитарку, получают льготы, медицинское обслуживание. При Украине этого не было. Сейчас мы довольны, мы получаем достойную заработную плату. Мы гордимся, что мы стали частью большой страны.

Если при Украине мы не знали, что будет завтра, было такое состояние, подвешенное, то сейчас я уверена в том, что будет через месяц. Например, я могу что-то запланировать, куда-то в отпуск поехать, то есть приобрести какие-то билеты. Я знаю, что я пойду в отпуск, я получу там отпускные, оздоровительные, я могу куда-то поехать, могу решить свои вопросы.

При Украине не было стабильности, а при России я уверена в завтрашнем дне.

Зинаида Алексеевна Барабаш, 74 года, заместитель председателя ТОС «Надежда», Каховский муниципальный округ, Херсонская область

Мне 74 года, я — заместитель председателя ТОС «Надежда», Каховский муниципальный

округ, Херсонская область. До войны, до развала Советского Союза, я работала бухгалтером. Когда развалился Советский Союз и стала Украина, я стала частным предпринимателем. Буквально перед началом СВО я работала продавцом. Поляничка у нас была, такой магазинчик. В самом начале мы участвовали в референдуме. Мы хотели, чтобы была Россия, мы ждали ее все.

Сейчас в ТОСе мы помогаем старикам, многодетным семьям. Я хотела бы сказать большое спасибо. Можем лечиться бесплатно. Этого на Украине не было. У меня дочь очень болела при Украине. Это такие большущие деньги были. А вот когда сейчас стала Россия, у меня дочке в Симферополе сдали операцию по онкологии. Она жива, здорова, слава Богу.

Сейчас очень много уделяется внимания деткам, многодетным, вообще семьям, молодым деткам. Это наше будущее. Внимание многодетным семьям, один материнский капитал. Сейчас могут позволить себе любая мамочка, любой папа купить ребенку то, что им надо. Я могу себе позволить сейчас получить пенсию, взять внуков и пойти с ними в кафе посидеть где-то или что. При Украине я этого не могла. У меня же была минимальная пенсия. Те, кто моего поколения, они знают: больших пенсий мы не получали. Перебивались на Украине тем что есть, как говорится, с воды на кипяток.

Особенно детские вот сейчас появились. Ну, скажите, раньше при Украине это было что такое? Это были крохи, это было вообще ни о чем. Сейчас мамочка может сидеть с ребенком, воспитывать, уделять ему внимание, потому что она получает помощь. Я же говорю, пожалуйста, хочешь учиться — учись, поступай. Хочет ребенок поехать на каникулы куда-то — пожалуйста. Тот, кто хочет, тот всего добивается. Просто нужно взять, открыть книжечку эту и прочитать сказку до конца.

По сравнению с Украиной мы живем прекрасно, всем благодарны. Особенно наши поколения, люди, которые ценят и понимают, что это такое, вот эту помощь они получают. На эту помощь можно спокойно жить месяц. Это очень много.

Единственное, недостатки, вы сами все знаете, у нас — это украинские обстрелы. Детки, конечно, очень, особенно дети, да и старики страдают от них. Ну мы-то как, вы знаете, как все говорят: мы свое отжили. Нам бы, чтобы дети наши увидели лучше.

Даже возьмем тоже учебу. Сейчас все наши детки могут учиться. Пожалуйста, иди поступай. Ты можешь стать слесарем, можешь стать космонавтом. Все двери открыты, особенно на данный момент для наших регионов. Мы на своей земле, мы никуда с нее не уходили, ни по каким Европам не ездили. Мы греем свое насиженное место, которое было наше, так оно и будет испокон веков. Это историческая наша родина, это — Россия. Она была и будет.

Руденко Валерия Михайловна, руководитель детской театральной студии в Каховском культурном центре имени Дмитрия Николаевича Овсянико-Куликовского

Я — руководитель детской театральной студии в Каховском культурном центре имени Дмитрия Николаевича Овсянико-Куликовского. Когда мы стали частью России, у нас стало очень

много мероприятий, которые помогают и детям, и молодежи, и даже людям пожилого возраста проникнуться к своей культуре, наслаждаться жизнью. Возможности для молодежи стали намного больше, чем при Украине.

Сейчас создаются уникальные площадки, создается много проектов, в которых ребята различных возрастов могут принять участие, написать грант на то дело, которое они любят, на то дело, которым они дышат, и свой округ поддержать таким образом. Дети радуются тому, что для них открываются возможности, для них работают каховские центры. Центр молодежи вот у нас открылся, также мы работаем.

Касаясь образования, Украина не дала мне должного образования, к сожалению, были трудности с документами об образовании. Россия с распростертыми объятиями открыла двери своих вузов, колледжей, университетов и приняла в свою большую семью.

Алехин Дмитрий Валерьевич, завхоз Каховского культурного центра имени Дмитрия Николаевича Овсянико-Куликовского, заведующий хозяйством

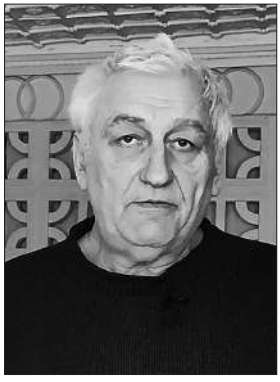

Я работаю в Каховском культурном центре имени Дмитрия Николаевича Овсянико-Куликовского завхозом.

У нас теперь очень много хорошего для молодежи: бесплатное обучение, получение высшего образования

на ту профессию, на которую ты хочешь, разные площадки, разные форумы, конкурсы, в которых и я участвовал, и даже выиграл один раз. По поводу форумов: я сам был на четырех форумах, все они остались со мной, в моей памяти, в моем сердце. Настолько крутых мероприятий я никогда не посещал, чему очень благодарен организаторам и нашей России, конечно же.

При Украине таких возможностей не было, никогда ничего не предлагали и даже не слышал об этом. Если сравнивать по уровню заработной платы, финансовое благосостояние у людей повысилось, даже у пенсионеров, потому что, между нами говоря, пенсионеры начали ездить на электровелосипедах, что раньше я никогда не видел и даже думать об этом не мог. Несмотря на военную специальную операцию, люди воодушевлены. Они строят планы на будущее. Они работают и развиваются.

Белоущенко Сергей Васильевич, главный специалист отдела культуры и туризма дома культуры

Я работаю в доме культуры главным специалистом отдела культуры и туризма. Очень многое изменилось, когда мы стали частью России. Самое первое то, что отношения стали гораздо лучше, человечнее. Все открыто, прозрачно. Уровень заработной платы стал гораздо выше. Продукты более качественные в магазинах начинают появляться. Этому все рады. Образование стало лучше.

Каждый человек теперь имеет право заниматься на том языке, на котором он хочет. По медицине намного лучше стало. Вежливость врачей появилась. Нет этих коррупционных линий в больнице. То есть врачи перестали брать взятки. Это очень-очень приятно.

Сергеева Вера Алексеевна, сотрудник Каховской администрации, отдела по делам несовершеннолетних и защите их прав

В России нам действительно стало жить легче, можем разговаривать на родном нам языке, потому что мы русскоязычный регион. И когда нас вынуждали разговаривать на украинском языке, это было в школах, в университетах, очень было тяжело, потому что русский — это наш родной язык.

И когда мы воссоединились с Россией, у нас действительно был большой праздник, потому что действительно при Украине очень было сложно жить.

Россия — очень большая страна, очень много возможностей. Даже выплаты материнского капитала, которые дают стартовое начало для того, чтобы семья могла оплатить, например, обучение ребенка. А обучение — это наше будущее, дети — это наше все. При России я лично была на разных форумах, где собираются из разных регионов обмениваться опытом. Мы учимся чему-то новому, учимся делать грантовые проекты, что дает возможность нашему региону развиваться.

Полиса ОМС, обязательное медицинское страхование, у нас при Украине не было. Сейчас вот мои бабушка и дедушка могут спокойно пойти в больницу, пройти обследование.

Большое спасибо и за пенсии. При Украине были очень маленькие пенсии. Пенсионеры наши выживали от пенсии к пенсии. Сейчас благодаря тому, что у меня бабушка и дедушка работали в Советском Союзе, у них был хороший стаж, им дали хорошую пенсию, на что они могут жить и не смотреть, грубо говоря, в кошелек, не перебиваться с копейки на копейку, как при Украине.

Строкань Евгений Васильевич, специалист отдела закупок в коммунальном сервисе г. Каховка

После прихода России многое поменялось — улучшилась и социальная поддержка, улучшилось и отношение к пенсионерам. Пенсии при Украине были очень мелкие. И в данный момент, сейчас при России, пенсия увеличилась, то есть пенсионеры могут себе позволить намного больше.

А у меня, например, появилась возможность получить второе образование бесплатно. Я посещаю курсы повышения квалификации бесплатно. В России есть возможности для молодых специалистов, помощь материнским капиталом, помощь молодым семьям. При Украине этого не было.

Например, дороги — при Украине этого практически также не было. Делался минимальный ямочный ремонт. Это было настолько ужасно, что мы не могли проехать даже между населенными пунктами. Сейчас даже в нашей прифронтовой ситуации у нас делаются дороги. Проехать возможно в каждое село, если это безопасно. Стало намного лучше, да.

Денисюк Дарья Сергеевна, руководитель коллектива в Марьяновском сельском клубе, руководитель юнармейского отряда «Соколы» в Каховском МО

Я — руководитель коллектива в Марьяновском сельском клубе. Сейчас в России если у тебя есть желание, если у тебя есть хоть немножечко настойчивости, упорства, ты можешь поступить в любой вуз.

Потом, как минимум, дороги. Давайте так, по-честному, посмотрим — при Украине не было вообще никаких нормальных дорог. То есть, может, в документах они и были, по факту их не было. Сейчас же ездишь — просто можно спокойно ставить чашку и ехать спокойно — ничего, не разольется. А самое главное — это возможности. Не зря говорят, что Россия — это страна возможностей. Это реально так и есть.

Когда ты молодой человек, в России государство целенаправленно все делает для того, чтобы ты развивался для того, чтобы ты реализовывал свои планы, реализовывал себя. И все направлено для этого — на-

чиная от роста молодежи, гранты и все остальное. Ты можешь реализовать все самые свои смелые идеи, тебя государство будет поддерживать и финансово, и в качестве сопровождения специалистов. Это в первую очередь изменения в позитивную сторону, важные для меня как молодого человека страны, которая меня поддерживает в моих же начинаниях.

Например, при Украине не было такого понятия вообще, как медицина, которая оплачивается государством, ОМС и так далее. Чтобы элементарно попасть, допустим, в нормальную поликлинику или клинику, все равно нужны были деньги. А так, сейчас, на данный момент, это ОМС, который у тебя есть, да, ты едешь в необходимую тебе поликлинику или клинику и проходишь все необходимое, и за тебя оплачивает государство. Это нормально. В нормальном государстве это норма. Допустим, этого раньше не было, поэтому, да, это кардинально, конечно, вот в этом плане поменялось.

Анастасия Насачук, заведующая Марьяновским сельским домом культуры

Я — заведующая Марьяновским сельским домом культуры. В России в первую очередь медицина стала доступна всем, дороги стали лучше. Меня особенно радует, что решились многие вопросы в культуре. Сельские дома культуры, библиотеки получают много техники, идут ремонты, выигрывают гранты. Детей и молодежи стало намного больше в домах культуры, даже чем

было при Украине. В Херсонской области в культуре стал очень достойный уровень зарплат. При Украине такого уровня не было.

Сейчас у нас на данный момент в Херсонской области работает система «Земский работник», где многие специалисты с Большой земли могут приехать и обучать нашу молодежь и наших детей.

При Украине люди жили только сегодняшним днем. В России у молодежи стало больше возможностей, потенциала. И молодежь стала намного инициативнее. От них происходит много идей, много проектов идет. Именно от молодежи. Потому что Россия дает все для этого. Дает гранты, дает финансы только чтобы молодежь могла реализовать свои идеи.

Гутник Наталья Васильевна, руководитель коллектива Тавричанского сельского дома культуры

Я — руководитель коллектива Тавричанского сельского дома культуры. После Украины многое поменялось — идет развитие инфраструктуры, строительство дорог. Для нашего дома культуры, например, сделали кинотеатр. В селе строилась детская площадка. Я работала при Украине, и по сравнению с этим в России намного больше и выше зарплаты, и можно больше всего себе позволить. У нас много чего нового появилось в доме культуры — оборудование, очень много освещения. Вы же сами видите, что у нас сейчас и кинотеатр открылся.

Василенко Наталья Владимировна, 40 лет, начальник отдела культуры, молодежной политики и спорта администрации Нижнесерогозского муниципального округа Херсонской области

При Украине невозможно было устроиться на работу, если у тебя не было родственников или знакомых, тех, которые работали в каких-то организациях. Молодежи не предоставлялось возможности заработать на территории страны. Они должны были уезжать в другие страны, чтобы найти себе достойную работу с достойной зарплатой.

Вся система образования Украины строилась на том, чтобы дети, которые выучились, должны были выехать за границу и там зарабатывать деньги очень непосильным трудом. Почему? Потому что образование строилось таким образом, чтобы они его просто не получали. Система образования не выполняла свои функции.

Харузевич Оксана Вячеславовна, заведующая Тавричанским домом культуры

Я — заведующая Тавричанским домом культуры. В России все поменялось в лучшую сторону для всех: от младшего до самого взрослого поколения.

У пожилых людей увеличились пенсии, на которые теперь люди могут позволить себе не просто оплатить коммуналку, как при Украине, а купить медикаменты, которые нужны, продукты питания.

Для младшего поколения в нашем поселке замечательный дом культуры открылся, в котором есть новое оборудование, кинозал, проводятся концерты для молодежи и старшего возраста. Много кружков: рисования, театральные, музыкальные, хореографические.

Для молодежи много бесплатных форумов, а при Украине надо было иметь больше денег, чтобы поехать куда-то и чему-то научиться новому. А у нас есть замечательная в Мелитополе база, на которой проводятся форумы для молодежи.

Галиева Кира, 18 лет, Нижнесергозская библиотека

Мне 18 лет, я работаю в районной Нижнесерогозской библиотеке. При России жизнь нашей семьи и жителей региона заметно изменилась, как в бытовом плане, так и в культурном. Наглядный пример — это ремонт центральной библиотеки, которая получила второе дыхание. Еще два года назад это было старое советское здание без ремонта, с плохим освещением, со старой мебелью, плохим ремонтом, плохим освещением. Сюда было просто некомфортно ходить, особенно детям. Некоторые предпочитали книги в интернете искать, некоторые вообще отказывались от чтения.

Благодаря российскому национальному проекту «Культура» наша библиотека прошла капитальный ремонт и получила статус модельной. У нас появился свежий ремонт, много оборудования, много компьютеров.

Владимир Александрович, учитель физики в ГБУ Владимира Ильинского и школы Новотроицкого района

Я работаю учителем физики в школе. При Украине в принципе не было инфраструктуры. Иногда даже мы полями проезжали специально, чтобы объехать нашу трассу, потому что невозможно было проехать 9 километров, на них уходило 30—40 минут. Вообще ужасно было.

А при России у нас наконец-то нас пролегает хорошая, плавная, ровненькая дорога, которую можно проехать за 5 минут.

Сейчас в нашей школе огромный ремонт провели. Полностью переделали под современные нормы и стандарты, окна везде стоят, ну и деткам очень нравится, поскольку школа обновилась. Все стало доступно, удобно, ну и красочно. На втором этаже у нас сейчас до сих пор старый ремонт, но обещают, что в скором времени, как только освободятся руки и появятся возможности, то приступят и ко второму этажу.

У нас в принципе школа небольшая, и педагогический состав — 13 человек педагогов, и детей немного, 71 человек на данный момент. К нам ездит очень много детей. Сейчас даже зимой в комфортных условиях

учатся, не холодно. Даже когда часто пропадает электрическое снабжение, у нас есть генератор, который запускает котел. Котел, кстати, новый, который тоже подарили нам в школу, потому что старый у нас был ужасный: он маленький был, постоянно ломался.

Смотрите, у нас раньше все учебники были на украинском языке. Сейчас мне очень удобно стало работать с учебниками на русском с 7-го по 11-й класс: там информация, скажем так, выкладывается более удобно. То есть человек может, даже который плохо знает физику, посмотреть, прочесть отдельные выписки, которые нужно точно знать.

И провели нам тоже кабельный интернет. Достаточно хороший, очень. Кабинет английского языка — сейчас в нем все выглядит достаточно красиво. Перекрасили, зашпаклевали, выровняли все стены, поменяли потолок. Сейчас доску поменяли, освещение наконец-то нормальное, стены приятные. Парт достаточно много завезли, и стульев много. Была большая поставка этим летом. Тогда привезли очень много парт, шкафов, компьютерных столиков и так далее. Насчет компьютеров тоже есть выделенные ноутбуки. Кабинет информатики обустроен.

Елена Михайловна, село Воскресенка, уборщица

Я живу и работаю здесь, в селе Воскресенка, убираю. В составе России у нас очень много изменений к лучшему. Взять школы, садики, дороги, автобусы — все это изменилось, так как при Украине автобусы мало ходили. Раз в не-

делю один автобус был. Школы тоже у нас так работали: то угля не было, то отопления. Сейчас есть подвозы в школу. Садики при Украине не работали по целому дню. Сейчас садик работает каждый день. Родители очень довольны, так как они работают, есть где деток оставлять на целый день. Раньше садик работал полдня.

Ремонтов таких при Украине не было, дороги у нас были очень убитые вообще. Вот на Сергеевку возьмите сейчас. Вот в сравнении с этим, что сейчас есть, то это очень сильно изменилось все. Дороги были очень убитые.

У меня двое детей. Сын учится в мореходке в Новороссийске. Мы бесплатно поступили в Новороссийск. Попали в очень хорошее учреждение, и дочка тоже учится в медицинском. Все бесплатно поступили. Раньше такого не происходило, за все надо было платить. Сейчас это как-то так получилось. Наверное, Бог помог. Я не знаю, как получилось, но дети мои очень довольны, что получилось.

Гарпинич Юлия Олеговна, 34 года, село Громовка, Новотроицкого района, работник дома культуры

Я работаю в доме культуры. Когда мы стали частью России, мы видим постоянные изменения в лучшую. В первую очередь это дороги. Шикарные дороги появились, благодаря чему мы можем быстро из сел добираться до работы и куда надо, по своим делам. Образование тоже, детские сады бесплатные, бесплатное питание, очень хорошее, все на высоком

уровне, очень мы довольны. А при Украине было все платно.

Автобусы при России стали ходить часто, студенты приезжают, все прекрасно. Люди ездят на работу, бабушки ездят. В Пенсионный фонд, и в больницу, и куда им надо. То есть очень удобно для жителей. А при Украине не было удобных автобусов. Когда-то в СССР были, потом не было. Но сейчас есть, сейчас очень удобно, очень хорошо. По образованию тоже у детей есть возможность участвовать в конкурсах, олимпиадах, благодаря чему они могут посещать детские оздоровительные лагеря и с помощью конкурсов, побед в конкурсах, и просто летом их отправляют на бесплатный отдых. Очень хорошо. Я была в жюри недавно на «Живой классике» в школе. Вот победитель поедет в «Артек» летом. Тоже, я считаю, это мотивирует детей очень хорошо.

Нам сделали в амбулатории ремонт. Поставили аптеку, банкомат. Все очень удобно для жителей села, все под рукой. Пришел к врачу бесплатно. Лечение по полису бесплатное. Сразу же зашел в аптеку, цены доступные, все очень удобно. Нам поставили «Новую почту», также Ozon зашел, то есть все для людей очень удобно сделано.

Сейчас я — студентка четвертого курса государственного университета и работаю в доме культуры. Нас полностью обеспечили оргтехникой, музыкальным оборудованием, то есть мы можем спокойно проводить все мероприятия. Все очень удобно, быстро. Интернет везде есть. Ну в общем, работать в удовольствие.

У меня два сына — студента. Один в колледже учится в Мелитополе, другой — в университете. Тоже, кстати, бесплатно, на бюджете. Получаем стипендию. То есть кто хочет развиваться, кто хочет работать — пожалуйста.

При Украине таких возможностей не было. Чтобы учиться в университете, надо было деньги просто баснословные иметь, которые для наших семей в селах, к сожалению, недоступны. Бюджетные места были, но их было очень мало, туда по знакомству попадали.

Поэтому мы все сейчас учимся. Как только такая возможность предоставилась, мы сразу пошли все учиться, работать в развитии. Мы любим свой край и готовы здесь работать дальше на развитие, на благо нашего края, нашей родины — России.

Ткач Наталья Владимировна, заместитель директора Метропольской школы Новотроицкого района

Я — заместитель директора Метропольской школы Новотроицкого района. Сравнивать, что у нас в России и что было при Украине, конечно, есть что. Во-первых, материальное обеспечение очень сильно изменилось: к нам поступает много оргтехники, и дети имеют возможность заниматься и работать с современными ноутбуками, компьютерами, мультимедийными проекторами и досками. Система образования нацелена конкретно на обучающегося, который в центре внимания, который является ключевой фигурой, из которого мы готовим выпускника действительно современного общества.

Очень мне нравится система воспитательной работы в том плане, что она полностью пропитана тем, что народная мудрость гласит: кто не знает своего

прошлого, тот не имеет будущего. Здесь полностью можно согласиться, потому что уважение к старшему поколению, история, память предков, память обо всех событиях, которые происходили, — это, конечно, очень важно. Исторические факты на Украине искажались. Детям хотели показать совсем другую историю, которая была. Мне очень нравится, что в России мы растим действительно патриотов своей страны.

При Украине у детей возможностей для полноценного отдыха не было. С 2022 года наши дети имеют возможность отдыхать по всей территории Российской Федерации, что очень важно, им это очень нравится, родители довольны. Причем некоторые имеют возможность отдыхать даже два раза за лето и с удовольствием едут на отдых.

Сейчас в составе России изменений в лучшую сторону очень много. Практически во всех сферах, во-первых, идет благоустройство территории. Никогда у нас, особенно в отдаленных селах, не было озеленителей. Сейчас они работают, наводят порядок на территории, и жители даже сел чувствуют себя комфортно и уютно.

Вот мы можем увидеть наш парк Новотроицка, который очень много лет был в заброшенном, даже в страшном состоянии, а сейчас какая красота, такой современный центр досуга, где семьи, особенно с детками, имеют возможность отдохнуть и насладиться. Мы, например, тоже со своей внучкой неоднократно сюда приезжаем и отдыхаем, и ребенок рад, и мы тоже, как взрослые, можем отдохнуть.

На Украине пенсия не соответствовала тем ценам, которые были. Ну, например, тонна угля стоила 17 тысяч гривен, а пенсия вот моей мамы была 2400. Сколько ей нужно было таких пенсий, чтобы приобрести ту тонну угля? Они считали уже деньги на ме-

дикаменты и все остальное, что нужно было. А сейчас в России пенсионеры получают, я считаю, достойную пенсию. И они могут себе позволить лучшие питание и обеспечение.

Очень позитивные изменения в системе здравоохранения произошли для людей с тяжелыми заболеваниями. При Украине, чтобы лечить тяжелобольного, нужны были очень большие деньги. Сейчас оказание медицинской помощи бесплатно. Первая медицинская помощь оказывается, можно сказать, экстренно, очень быстро, что немаловажно для людей.

Вот по поводу медицинской помощи тоже был из личного примера случай, когда при Украине мы вызвали «скорую помощь», но она просто не приехала. А в России сейчас буквально даже в отдаленные населенные пункты полчаса — и «скорая помощь» приезжает на место. Я считаю, что изменения во всех сферах происходят в лучшую сторону. Жить людям стало намного лучше.

Валентина Петровна Шокарева, директор муниципального казенного учреждения «Новотроицкая детская музыкальная школа»

Я — директор Новотроицкой детской музыкальной школы. Надо благодарить российский народ за то, что мы вошли в состав Российской Федерации. Сравненить с периодом Украины и с нынешним — это будет, конечно, большая разница.

Я пришла в школу работать в марте 1995 года. Школа вообще-то наша музыкальная, имеет очень серьезную традицию. Она была создана в советское время, в 1967 году. И я вот — первый выпускник этой школы. Я пришла в эту школу в 1967 году. В хорошие советские годы в школе было 270 учащихся. Это с учетом филиалов. Школа была большая. Филиалы были в Севашовке, в Севашах, в Чкалово, в Громовке. В советский период много внимания уделялось именно дополнительному образованию детей.

При Украине наблюдать за разрухой было печально. И вот эта динамика такая вот разрушительная. Динамика такого плана, что школа в то время перестала выполнять функции дополнительного образования, как-то она была напичкана нездоровой идеологической составляющей. Но что самое обидное — школе не уделялось внимания в материально-техническом обеспечении, школе уделялось мало финансирования. Ну что говорить, она была в таком состоянии, как бы даже не в остаточном таком принципе, а вот где-то в период как раз с 2014 по 2021 год включительно количество детей... количество детей было, допустим, где-то в пределах 90 детей, но это шло на спад, и притом серьезный спад.

Я за столько лет работы в сфере культуры впервые в России вижу такое пристальное внимание и такое желание помочь со стороны прежде всего муниципалитета, главы администрации, прежде всего главы районного совета. Министерство культуры в последнее время стало нам очень много внимания уделять.

В нашей области наша школа — одна из первых, которая уже имеет пожарную сигнализацию. Понимаете, это большие деньги. Большие деньги муниципалитет выделил, нам ее установили. Обратите внимание,

вы пришли, у нас уже есть 3D-ограждение — это тоже муниципалитет сделал. Вот сейчас вы сидите у нас в комфортном температурном режиме, а при Украине школа отапливалась твердым топливом, и не всегда оно было. Вы можете себе представить, как ребенку играть на инструменте, а сам инструмент в каком состоянии, когда температура туда-сюда прыгает? А нам муниципалитет в этом году сменил твердотопливный котел на электроотопление. Сейчас у нас и в концертном зале, и в каждом классе температура 24 градуса. Нам помогает ремонтная бригада Краснодарского края, нашего шеф-района. Вот их руками сделано отопление качественно, бережно. Их руками сделаны ограждение, реконструкция нашей сцены. Она сейчас преображается прямо на глазах. Мы получили новые скрипки, у нас есть новый рояль. Сейчас у нас смена кресел в нашем концертном зале, новый появился класс гитары. Детки у нас с большим интересом относятся к этому инструменту, и в этом году у нас благодаря классу гитары, конечно, на фортепиано только 21 учащийся пришел в этом году. Есть у нас компьютеры, есть у нас ноутбуки. Это все буквально за эти три года. Это как по щучьему велению, как сказка.

К нам сейчас приезжают детки из Громовки, к нам приезжают детки из Новомихайловки, к нам приезжают детки из Александровки. К нам приезжают детки из Отрадовки.

После объединения с Россией в Херсонской области мы видим кардинальные изменения. Я даже не знаю, с чего начать. Начать ли это с бережного отношения к памяти павших наших героев? Вы понимаете, какого масштаба произведена работа — привести в порядок, допустим, даже места захоронения и памятники в Великой Отечественной войне? При Украине это вытравливалось

из молодого подрастающего поколения отношением таким небрежным к нашим святыням.

Преображаются наши населенные пункты. Они стали опрятными. Просто-таки глаз радует то, что сколько уже уделено внимания нашему районному центру, но это ж не только районному центру. Я в Александровке часто бываю, в Отрадовке. В каком хорошем состоянии дороги... Новомихайловка, Чкалово, Владимиро-Ильинка.

Я смотрю, сколько внимания уделяется спортивному развитию детей. Посмотрите, какую замечательную нам сделали библиотеку. Там же прекрасно можно прийти, посидеть, поработать. Не сравнить же с тем, что было раньше. Ну это просто кардинальное изменение.

А какое отношение, допустим, к людям пожилого возраста, социального обеспечения? Я с этим знакома, потому что приходится говорить с местным населением.

Вы понимаете, что Херсонская область во времена Украины, как говорится, она была... понимаете, считалось, что мы тут пророссийские. И, понятное дело, после событий в Крыму настроение и здесь у нас было такое же. Все поджидали, что и мы Крымскую весну на себе ощутим.

Но так сложилось, что нам пришлось немножко подождать, но оно того стоило. Украина считала, наверное, Херсонскую область, я не знаю чем, но сырьевым придатком. Отсюда вывозилась сельскохозяйственная продукция. Насаждались бедность, безработица, пьянство. Кстати, обратите внимание, вот за эти вот годы, с 22-го года начиная с февраля, и до настоящего времени, вы же не встретите на улице, вы просто их не увидите, этих людей, которые в нетрезвом состоянии. Это ж тоже о чем-то говорит. Наверное, же нет у человека потребности от реальности этой посредством напитков уходить.

Сейчас при России люди действительно работают. Посмотрите, рабочие места появились, и автопарк работает, понятно, дорожные службы, жилищно-коммунальное хозяйство, водоканал, энергосети. Людям есть занятия, зарплаты достойные. При Украине были безнадега, уныние, поездки за заработками в другие государства, ну, сами понимаете, чтобы купить себе, допустим, отопление за уголь, за это платить или за что. А раньше кто думал об этих людях? А сейчас прямо домой тебе привезут и дрова, и уголь людям, которые действительно в этом нуждаются. А другие, кто работоспособен, спокойно могут заработать, не выезжая за пределы Новотроицкого района. А при Украине приходилось уезжать людям для того, чтобы заработать, чтобы обеспечить на зиму какой-то обогрев своего жилья.

Это действительно разительные перемены. Это просто невероятно. Это переживаемый сказочный период. Всех изменений в лучшую сторону не перечесть. Это как проснуться в другом мире.

Алехина Римма Васильевна, Севашовка, Херсонская область, пенсионерка

Все свои 60 лет, всю свою сознательную жизнь я живу здесь. Работала, училась, замуж выходила, рожала, воспитывала, работала. Сейчас я пенсионерка.

В России за Новотроицкий район, за Севашовку чувствую радость. Везде есть улучшения. Я вижу, как школа работает, детский садик работает, дом культуры рабо-

тает. Сейчас детей привозят в детский сад. И билеты на автобус дешевые. А кто еще по карточкам, как и пенсионеры, там вообще скидка.

При Украине пенсионеры раньше не могли тонну угля купить, надо было пенсию, ну минимум 8 месяцев, 7 собирать. А на что жить тогда? Там, где два пенсионера в доме, еще можно. А если один человек живет? А при России я прекрасно могу себе купить тонну угля за одну пенсию, и половина мне остается.

В Новотроицке дороги делаются, тротуары делаются, мусорные баки поставлены, обновляется все. У Севашовки школу открыли. А ведь война идет. А работы сколько? Людей сколько, кто хочет работать? Раньше такого не было.

Купа Наталья Филипповна, директор школы

Я — директор Севажской школы № 2 Новотроицкого районе, в школе уже 43 года — это работа. Когда к нам пришла Россия, сразу начала улучшаться материальная база кабинетов. Мы сразу получили 50 ноутбуков, а при Украине было их только 16. Потом началось оснащение учебных кабинетов. Мы получили кабинеты химии, физики, биологии, математики, даже кабинет робототехники, основ безопасности жизнедеятельности. Это было полное оснащение всех этих кабинетов. Мастерские по труду, столярные и слесарные мастерские по обслуживающему труду для девочек. Потом мы получили класс

медиажурналистики, получили с полной его начинкой, потом — шахматный класс, то есть для занятий детей шахматами.

Понятно, тех проблем, которые были у нас раньше при Украине, никогда не будет. Тогда вся семья директора, вся семья завуча ночью сидела с паяльными лампами и грела трубы. Сидели с паяльными лампами, грели трубы, чтобы не замерзла система, так как не было чем топить, не было угля. И вот когда стоял мороз, вот это все происходило. Нужно было погреть, чтобы не было этих пробок и не разморозить батарею. Это был отопительный сезон такой для директора, как страшный сон. Слава Богу, с 22-го года у нас этих проблем нет.

При России насчет отопления в нашей школе проблем не существует. Еще в 2022 мы получили 102 тонны угля. Мы их потом тратили и на следующий год, этот уголь. И сейчас уже давно все хорошо у нас, в классах у нас тепло. Средняя температура 19—21 градусов.

Все улучшается. У нас дорога с Геническим через Новотроицкий район. И там участок дороги километров 600. И при Украине эта дорога вообще была разбитая. За последние 50 лет Украина ни копейки в эту дорогу не вложила в ремонт. Там были просто ямы. Мы этот участок переезжали за полчаса буквально.

При России сейчас положили новую трассу, шикарную новую трассу. Буквально за год закончили эту дорогу, шикарная дорога. Теперь, например, нам через Дагмаровку ехать до Генического буквально 20 минут по этой шикарной дороге.

Что еще изменилось, когда мы вернулись в Россию? Вот то, что видно по нашему поселку, по другим поселкам, это в социальной сфере: это детские площадки, тренажерные площадки. На улице в общей доступно-

сти делаются. Потом, значит, планируем в школе тоже мы там сделали, аллею Славы подняли, построили такую хорошую. Дальше что еще в этом плане? Можно отметить также работу спортивных залов. Шеф-регионы помогают и с оборудованием, тренажерным оборудованием. Вот и в первой, и во второй школах есть хорошие тренажерные залы. То есть это все в доступности для людей, которые могут пользоваться всем этим оборудованием.

Я вспоминаю при Украине в пятом классе, в 2012 году, в историю ввели Бандеру, Петлюру, их «национальных героев». И вот учитель приходил и говорил: я не буду это читать, зачем это? Украинские власти захотели — поставили в программу, ввели, вы выполняете. Сейчас у нас таких проблем, понятно, что нет. У нас идут государственные и федеральные образовательные программы, по которым мы строго идем по всем учебным дисциплинам. Для облегчения работы учителей в этом плане уже есть готовые конструкторы учебных программ. То есть учитель открывает интернет, находит по своему предмету образовательную программу, смотрит, может, там, где-то что-то. Учитель имеет право вносить 10—15% изменений в структуру формирования своих календарно-тематических планов.

Что было плохо? У нас последние годы, вот когда при Украине, последние почти три года мы вообще не учились, мы сидели на дистанционке. Вошли в тот период, когда был ковид, практически два года школы были закрыты. Моменты были еще после ковидные, и практически вот весь 21-й год школа не работала. Мы как закрыли в сентябре все школы вот у нас здесь, в Херсонской области, практически и открылись уже. Практически украинские школы уже не открылись, потому что в феврале случились события СВО, и уже

мы с 1 августа открывали уже русские школы, государственные бюджетные образовательные учреждения на базе бывших лицеев, которые были здесь, в Новотроицком районе. Все школы были лицеями, те, которые были для первых-третьих ступеней, а те, которые были первых-вторых, это были гимназии.

У нас большая школа, большая трехэтажная школа, она по своей мощности рассчитана на 784 места, но такого количества детей при Украине не было никогда. Вот в школе в этом году будет 45 лет, как она построена, юбилейная дата у нас в этом году — 26. И за все время существования школы самое большое количество детей было 586, это был 1985 год. Когда заканчивалась украинская школа в 2021 году, было на то время 230 детей в школе. Вот примерно где-то третья часть всей мощности.

У нас две Севашских школы, первая и вторая. Директор другой школы уехала с территории Украины за рубеж, и школа осталась без директора.

А в прошлом году 29 января мы открыли в школе парту Героя. На Херсонском направлении, здесь у нас, под селом Степное погиб молодой майор в боях с ВСУ. 32 года ему было, двое девочек у него маленьких, 6 и 9 лет. И он погиб, защищая нашу Херсонщину от Украины. Дети сами собрались, это даже без классного руководителя, без директора и парту предложили открыть. Написали письмо Татьяне Юрьевне, жене майора Черкасова, о том, что, если нужна поддержка, они сколько смогут помогут. Мы понимаем, что дети, но, может, какими-то словами, какими-то благодарными делами написали, что готовы вам помочь. Это очень важно.

Сейчас у меня очень хороший педагогический коллектив. 15 учителей с высшей категорией. Это хороший

такой потенциал для развития. Потом, наверное, и родители из первой школы решили все-таки своих детей здесь оставить. И ежегодно список наших школьных медалистов ежегодно пополняется. Вот в прошлом году у нас было шесть медалистов. В этом году в плане тоже пять медалистов. Дети поступают в разные учебные заведения: и Москва, и Брянск, и Ростов-на-Дону. То есть вот такая география поступления. Это говорит и о том, что знания дети имеют хорошие, и есть стремление. И я думаю, что с таким будущим, как наши современные дети, которые имеют целенаправленность, они имеют свою мечту, они хотят осуществить ее, хотят быть всегда первыми, обеспечить свое будущее, я думаю, с таким потенциалом мы сможем идти дальше и, понятно, быть полезными нашей стране России.

Кучанская Анна Петровна, председатель комитета ветеранов Новотроицкого муниципального округа общественной организации «Российский союз ветеранов»

Я — председатель комитета ветеранов отделения союза ветеранов, мне 73. Я в район прибыла в 1977 году. С мужем нас направили в Громовскую школу после окончания пединститута. Раньше работала птичницей, звеньевой. Совхоз «Львовский» Береславского района. Затем поступила в институт. И вот после окончания института, с 1972 по 1977 год, я студенткой была. Училась на стационаре. Активисткой оттуда уже

привыкла работать для общества и смотреть, а что будет лучше. И все замечала.

То время было, те года, это было советское время, и мы прожили его, я считаю, очень интересно. У нас были стройотряды. Я работала в интернациональном стройотряде с болгарами. У нас были поездки по всей России. Я помню 69-й год, я в Москве была, на Красной площади.

Работала я на педагогической работе, все время с подрастающим поколением. Вот Громовскую школу могу вспомнить — это тоже ученической производственной бригады. У нас кроличья ферма была, мы выращивали, мы все там кормили, указывали, и все дружненько делали. Школа хорошая была, особенно коллектив хороший. Потом так получилось, меня перевели в Новоапрельскую школу уже директором школы, там поднимала все. Через четыре года перевели в Севашскую школу.

Украинский период выпал, скажем, потому что то, что мы строили, а они разрушили. Не стало ученической бригады, не было такого отношения к ветеранам войны и труда. Сейчас снова мы восстанавливаем, снова начинаем работать по патриотическому воспитанию, снова работаем с ветеранами, снова с подрастающим поколением. Эту связь нельзя терять.

Я вам скажу в области за свой район, что было сделано при СССР и что развалили при Украине. Например, все школы ездили на колесо обозрения и в парк. При Украине его разрушили. Парка нет. Сейчас при России начинают уже восстанавливать. Тех дорожек нет. То колесо стоит, оно не работает, колесо обозрения. Инфраструктуры не стало, когда Украина была. А сейчас мы говорим: надо восстанавливать. И вообще самое главное — это доброту надо восстановить.

При Украине про дорогу нечего говорить. Сейчас при России, когда я встречаюсь с ветеранами, я выезжаю в первички организации, есть у нас, по селам первички, и общаюсь с ними. Они говорят: «какое блаженство, что можно поехать в район когда хочешь и когда можешь». Не в пятницу один раз автобус при Украине, как было, а понимаете, сейчас в России каждый день. Вот я иду через автовокзал, я смотрю, сколько у нас стало новых автобусов и сколько сейчас можно людям общаться и решать свои вопросы. При России школы все сейчас у нас работают. Школы компьютеризацией оснащены. Конечно же, все идет на улучшение.

Сейчас при России пенсионеры говорят: и мне хватает денег, и моим внучатам хватает. И отложить хватает. Понимаете, что это такое сейчас? При Украине не хватало на питание, не хватало на уголь. Той пенсии, что они получали, этого не хватало. И как же люди выживали? Кто как может. Я объездила все населенные пункты. Так вот я скажу, как я тогда видела, как живут.

Вы посмотрите, как они одеты сейчас. Вы посмотрите, какие они сумки несут с рынка. Это говорит о чем? О том, что намного лучше стало сейчас обеспечение для пенсионеров. Вот буквально вчера у меня встреча была. Я когда иду домой или еду на автобусе, или в автобусе встречаюсь с пенсионером, и все спрашивают, меня очень многие знают. Они говорят: «Анна Петровна, уголь вчера купила». А я говорю: «Дорогой?». Отвечают: «Да нет, 17 тысяч. Я сразу 2 тонны взяла, 34 заплатила, у меня все есть». Понимаете? А раньше за украинскую пенсию не могли.

Сейчас у меня, слава Богу, хватает на все. Я говорю: спасибо России, что у меня сейчас такая пенсия есть. Я не скрываю. Но мне хватает и мужа содержать — инвалида, и внучке помогать, и детям помогать. И всегда

участвую во всех благотворительных акциях. И в церковь хожу. И отец Николай говорит: «Помоги ближнему, поделись, тебе будет больше». Поэтому слова вот эти, доброты, никогда нельзя забывать. Всегда возвратится добро. Не сегодня-завтра, не вам, вашим детям, вашим внукам, но добро надо делать всегда. Вот сейчас в России мы это добро видим во всех отношениях.

Президент Федерации легкой атлетики Херсонской области

Я — президент Федерации легкой атлетики Херсонской области. Работаю тренером с 2005 года, еще при Украине начинал. Сейчас работаю при России. Мне есть с чем сравнить.

При Украине три стадиона, которые в Скадовске, в Новой Каховке и в Херсоне, они просто заброшены, даже не планировалось никакой реконструкции этих стадионов. При России сейчас в плане реконструкции Скадовского стадиона — новые покрытия, новые трибуны. В Геническе уже сделали новые покрытия, отреконструировали. При Украине не обновлялся инвентарь. Вот сейчас только в Скадовске в трех спортшколах завезли новые барьеры, стартовые колодки, секундомеры, спортивные, легкоатлетические майки.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ 3

ВСТУПЛЕНИЕ 7

БАРС-САРМАТ 11

БАРС-20 «ТРАНСНЕФТЬ» 79

ОТРЯД СПЕЦНАЗНАЧЕНИЯ «АХМАТ» 186

СВИДЕТЕЛЬСТВА МИРНЫХ ГРАЖДАН
(ДОНЕЦКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА) 251

СВИДЕТЕЛЬСТВА МИРНЫХ ГРАЖДАН
(ЛУГАНСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА) 336

СВИДЕТЕЛЬСТВА МИРНЫХ ГРАЖДАН
(ЗАПОРОЖСКАЯ ОБЛАСТЬ) 356

СВИДЕТЕЛЬСТВА МИРНЫХ ГРАЖДАН
(ХЕРСОНСКАЯ ОБЛАСТЬ) 418

М.С. Григорьев окончил Ленинградский государственный университет, Дипломатическую академию МИД России, Российскую академию государственной службы при Президенте РФ. Кандидат политических наук, профессор РГСУ, директор Центра истории СВО, директор Фонда исследования проблем демократии, член Общественной палаты РФ, председатель Международного общественного трибунала по преступлениям украинских неонацистов, участник СВО.

ЦЕНТР ИСТОРИИ СВО

ФОНД ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ ДЕМОКРАТИИ

РСПП ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ

АССОЦИАЦИЯ СВО ВЕТЕРАНОВ

ISBN 978-5-4484-6260-3